

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

2(86)'2021

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2021. – Вып. 2 (86). – 215 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2021. – Issue 2 (86). –
215 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(86)'2021

Научный журнал

Учредитель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- ⌚ Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- ⌚ Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- ⌚ Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- ⌚ Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- ⌚ Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- ⌚ Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ
- ⌚ Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955

Екатеринбург 2021

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

2(86)'2021

Scientific journal

Founder: FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- ⌚ Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- ⌚ The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- ⌚ Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- ⌚ Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- ⌚ The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- ⌚ Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- ⌚ Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

- Э. В. Будаев* Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
- М. Б. Ворошилова* Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

- В. Н. Базылев* Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
- Ю. В. Богоявленская* Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
- Р. Гусман Тирадо* Университет Гранады, Гранада, Испания
- Е. В. Дзюба* Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- С. В. Иванова* Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
- В. И. Карасик* Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
- Н. Н. Кошкарлова* Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
- Е. А. Нахимова* Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- Н. Б. Руженцева* Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- О. А. Солопова* Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
- Д. Вайс* Университет Цюриха, Швейцария
- А. де Лазари* Лодзинский университет, Польша
- И. Иньиго-Мора* Севильский университет, Испания
- Б. Ю. Норман* Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
- П. Серйо* Лозаннский университет, Швейцария
- Й. Сипко* Прешовский университет, Словакия
- П. Стейнер* Пенсильванский университет, США
- У Айхуа* Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Л. Цонева* Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
- Дж. Шарафутдинов* Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Ян Кэ* Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia
M. B. Voroshilova Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
R. Guzman Tirado University of Granada, Spain
E. V. Dzyuba Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
S. V. Ivanova Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia
V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
D. Weiss University of Zurich, Switzerland
A. de Lazari University of Łódź, Poland
I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain
B. Yu. Norman Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
P. Seriot University of Lausanne, Switzerland
J. Sipko University of Prešov, Slovakia
P. Steiner University of Pennsylvania, USA
Wu Aihua Beijing Foreign Studies University, China
L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria
G. Sharafutdinov Guangdong University of Foreign Studies, China
Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Балашова Л. В.	Артефактная метафора в речи В. В. Путина как способ репрезентации образа России в условиях первой волны пандемии КОВИД-19	12
Декатова К. И.	Семиологический подход к анализу прагматических свойств политических фразеологизмов	25
Серио П.	Что стоит за названием молдавского языка?	33

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Агафонова К. Ю.	Диффузность официального регистра военного подъязыка Пентагона (на материале профжаргона войны в Персидском заливе)	57
Волчок К. В.	Функционально-прагматические особенности конфликтногенных текстов о Великой Отечественной войне	62
Гуань Ци Шаклеин В. М.	Цветовая метафора в русской политической терминологии с позиции китайской лингвокультуры	73
Дубенец Н. Б.	Языковые средства репрезентации концепта «победа» в американском внешнеполитическом дискурсе	81
Кондратьева О. Н. Калашникова А. Л.	Метафорическая интерпретация выборов Президента Российской Федерации 2018 г. в юмористической политической коммуникации (на материале анекдотов)	89
Ли М. Солопова О. А.	Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе	98
Погорецкая О. А.	Способы реализации манипулятивных техник как основа для составления речевого портрета политика на примере выступления Дж. Мелони во время протестных демонстраций сторонников правоцентристских партий в Италии	106
Самарцев В. Ю.	Критический дискурс-анализ речевых стратегий политического дискурса Д. Трампа (на материале президентских дебатов США 2016 года)	116
Тагильцева Ю. Р.	Приемы информационно-психологического воздействия в статических поликодовых текстах, посвященных самоизоляции	127

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Абдуллаев Р. С.	Русский и азербайджанский языки как объекты языковой политики в Азербайджанской Республике	134
Скребцова Т. Г.	Новые реалии общественно-политической жизни 1920-х гг. и их отражение в русской литературе и лексикографии (на примере сложносокращенных слов)	146

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Дудэк-Валигура Г.	Общая характеристика статьи как жанра политического дискурса.....	155
Золян С. Т.	<i>Соотечественники</i> — семантический портрет по данным Национального корпуса русского языка	166
Самет Хейрандиш М. Шейхи Джоландан Н. Хосейни А.	Анализ необходимости соблюдения дипломатического этикета как составной части протокола	181
У Яньцю Абуева Н. А.	Полемика о национальном вопросе и общественно-культурных проблемах в трудах и дискуссиях российской диаспоры	188

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Красса С. И.	Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 3).....	196
Пастухов А. Г.	Новое в способах бытования текста: вариативное и динамическое	204
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		212

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	10
---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Balashova L. V.	Artifact Metaphor in V. V. Putin's Speech as a Way to Represent the Image of Russia During the First Wave of the COVID-19 Pandemic	12
Dekatova K. I.	Semiological Approach to the Analysis of the Pragmatic Properties of Political Phraseological Units	25
Seriot P.	What Is Behind the Name of the Language of the Republic of Moldova?	33

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Agafonova K. Yu.	Diffuseness of the State Register of Pentagon's Military Lingo (as Exemplified by the Vietnam and Persian Gulf War Professional Jargon)	57
Volchok K. V.	Functional and Pragmatic Features of Conflictogenic Texts about the Great Patriotic War	62
Guan Qi Shaklein V. M.	Color Metaphor in Russian Political Terminology from the Perspective of the Chinese Linguoculture	73
Dubenets N. B.	Linguistic Means of Representation of the Concept of “Victory” in the US Foreign Policy Discourse	81
Kondrat'eva O. N. Kalashnikova A. L.	Metaphorical Interpretation of the 2018 Presidential Election in the Russian Federation in Humorous Political Communication (on the material of anecdotes)	89
Li M. Solopova O. A.	Metaphorical Modeling of the Image of China in Modern Political Discourse	98
Pogoretskaya O. A.	Methods of Implementation of Manipulative Techniques as a Basis for a Speech Profile of a Politician (on the Example of G. Meloni's Speech During the Italian Center-Right Protest)	106
Samartsev V. Yu.	Critical Discourse Analysis of Speech Strategies Employed by D. Trump During the First Presidential Debate of 2016	116
Tagil'tseva Yu. R.	Techniques of Information and Psychological Impact in Static Polycode Texts on Lockdown	127

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Abdullayev R. S.	Russian and Azerbaijani Languages as Objects of Language Policy in the Republic of Azerbaijan	134
Skrebtsova T. G.	New Sociopolitical Realities of the 1920s as Reflected in Russian Literature and Lexicography (on the Basis of Syllabic Acronyms)	146

PART 4. FOREIGN EXPERIENCE

Dudek-Waligóra G.	General Characteristics of the Article as a Genre of Political Discourse	155
Zolyan S. T.	<i>Sootechestvenniki (Compatriots):</i> the Semantic Profile Based on the Data of the National Corpus of Russian Language.....	166
Samet Kheyrandish M. Sheikhi Djolandan N. Hosseini A.	Analysis of the Need to Observe Diplomatic Etiquette as an Integral Part of the Protocol.....	181
Wu Yanqiu Abueva N. A.	Polemics on the National Issue and Socio-Cultural Problems in the Works and Discussions of the Russian Diaspora	188

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Krassa S. I.	First Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship Analysis (overview 3).....	196
Pastukhov A. G.	New Tendencies in Text Existence: The Variable and The Dynamic.....	204
Manuscripts Requirements.....		212

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

В связи с этим были сформулированы основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зару-

бежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, одобренного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>
Группа в социальной сети «Фейсбук»:
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:808.51

ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_01

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Л. В. Балашова

Саратовский национальный исследовательский государственный ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

ORCID ID: —

✉ *E-mail*: sarteorlingv@yandex.ru.

Артефактная метафора в речи В. В. Путина как способ репрезентации образа России в условиях первой волны пандемии COVID-19

АННОТАЦИЯ. В статье в когнитивном и лингвистическом аспектах исследуются артефактные метафоры, используемые президентом России В. В. Путиным при характеристике эпидемиологической, социально-экономической и политической ситуации в стране в марте — июле 2020 г. Цель работы — установить степень востребованности и системности артефактных переносов. Материалом для анализа послужили 48 текстовых документов обращений В. В. Путина к гражданам РФ, его выступлений на совещаниях и встречах разного уровня, опубликованных с 04.03.20 по 06.07.20 на официальном сайте *kremlin*, а также толковые, семантические словари русского языка. Методологической базой исследования стало представление о метафоре как о когнитивном и моделируемом феномене, одном из ведущих способов формирования языковой картины мира; репрезентации взглядов и установок участников политической коммуникации. При анализе применяется комплексная методика системного семантического, функционально-стилистического, дискурсивного и когнитивного анализа языковых явлений. Установлены регулярные источники артефактных метафор, когнитивная матрица базовой механистической модели, а также специфика ее реализации в речи президента РФ. Отмечается, что концептуальным ядром модели становится представление о системном противодействии эпидемии и ее социально-экономическим последствиям со стороны всего общества как о ритмичной и бесперебойной работе механизма с единым и профессиональным управлением со стороны властных структур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; артефактные метафоры; политический дискурс; политическая риторика; языковая личность; лингвоперсоналогия; политические речи; политические выступления; российские президенты; образ России; языковая картина мира; пандемия; эпидемии; коронавирус.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Балашова, Л. В. Артефактная метафора в речи В. В. Путина как способ репрезентации образа России в условиях первой волны пандемии COVID-19 / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 12-24. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_01.

0. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время общепризнан взгляд на метафору (в широком ее осмыслении) как на способ смыслопроизводства, основанный на «категориальном сдвиге» [Падучева 2004: 158] и ориентированный «на внутреннее соглашение между субъектом речи и адресатом принять данное условие фиктивности» [Телия 1988: 48]. Именно это обуславливает значимость такого рода переносов в формировании и репрезентации языковой картины мира [Арутюнова 1998; Балашова 2009, 2015; Вежбицкая 1990; Зализняк 2006; Иомдин 2006; Лакофф, Джонсон 2004]. Данное свойство ярко проявляется в политической коммуникации [Балашова 2017б, 2018; 2019; Баранов 1994; Будаев 2016; Чудинов 2006], где метафора в когнитивном аспекте «позволяет создать модель политической реальности»; «способна „подсказывать“ ре-

шения, определять направление развития мысли», а в прагматическом — «является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния» [Чудинов 2013: 19, 20, 23]. При этом исследователи обычно подчеркивают разнообразие моделей метафоризации в политическом дискурсе, обращают внимание на то, что в разные периоды и на разных этапах развития общества некоторые из концептуальных метафор могут приобретать особую продуктивность [Адясова 2015; Деметьев 2016; Дзюба 2017; Дубровская 2017; Каменева 2020; Кропотухина 2017; Осборн 2011; Семенова 2020]. В частности, актуальными для российской политической коммуникации XXI в. многие исследователи счи-

тают конфликтные (война, состязание и т. п.) и деструктивные (болезнь и смерть, разрушение, стихийные бедствия и т. п.) модели метафоризации [Адясова 2015; Балашова 2017а; 2020а; Крышталева 2019; Салатова 2017]. В отношении же артефактной (механистической) концептуальной метафоры такого единодушия нет. С одной стороны, отмечается устойчивость в использовании лексики, именующей созданные и/или используемые человеком объекты, как источника метафоризации в языке [Балашова 2014; Дементьев 2018; Жуйкова 2018; Зуева 2016; Колесов 2002; Нагорная 2012; Пименова 2005]. С другой стороны, в ряде случаев подчеркивается, что в российской политической коммуникации артефактные метафоры были продуктивными в прошлом, прежде всего в 30—50-е гг. XX в. «В сознание общества настойчиво внедрялось представление о том, что советский человек — это вооруженный коммунистической теорией винтик в настраиваемом инженерами человеческих душ механизме, который предназначен для боев и походов» [Чудинов 2008: 156].

Однако наши наблюдения показывают, что механистические модели активно используются в политической коммуникации и массмедиа XXI в., но их идеологическая составляющая может быть различной в зависимости от объекта описания, политических и иных пристрастий автора и т. п. [Балашова 2020б]. В связи с этим актуальным представляется анализ таких переносов при характеристике эпидемиологической, социально-экономической и политической ситуации в России в один из наиболее драматичных периодов жизни страны и мира — первой волны распространения пандемии коронавируса (март — июль 2020 г.). Цель работы — установить степень востребованности и системности таких переносов в речи президента РФ. Материалом для анализа послужили 48 текстовых документов обращений В. В. Путина к гражданам РФ, его выступлений на совещаниях и встречах разного уровня, опубликованных с 04.03.20 по 06.07.20 на официальном сайте *kremlin*, а также толковые, семантические словари русского языка. Методологической базой исследования стало представление о метафоре как о когнитивном и моделируемом феномене, одном из ведущих способов формирования языковой картины мира; репрезентации взглядов и установок участников политической коммуникации. При анализе применяется комплексная методика системного семантического, функционально-стилистического, дискурсивного и когнитивного анализа языковых явлений.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ МЕТАФОРИЗАЦИИ

Статистический анализ материала, полученного на основе сплошной выборки из опубликованных стенограмм выступлений В. В. Путина с 04.03.20 по 06.07.20, показывает, что в переносных значениях президент России употребляет относительно небольшое число слов, связанных с именованнием артефактов, их функционирования, производимых с ними конкретных профессиональных действий и манипуляций, — 49 единиц в 211 контекстах. Достаточно показательной является конкретная семантика первичных лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ) данных лексем.

В частности, ядерная семантическая группа (далее — СГ) «**Артефакты; особенности их устройства и функционирования**» представлена 9 субстантивами, производными от них адъективами и наречиями, а также одним фразеологизмом, что составляет более 18 % всех используемых членов анализируемого поля (*автоматический, автоматически, звено, инструмент, механизм, мотор, ручной режим, цепочка, часы*). Часть членов группы обобщенно именуется созданные и/или используемые человеком объекты (ср.: *механизм* 'совокупность подвижно соединенных частей, совершающих под действием приложенных сил заданные движения; устройство машины, прибора, аппарата и т. п.; машина, приспособление для чего-л.'; *инструмент* 'орудие, преимущественно ручное, для производства каких-л. работ'); другие — конкретизируют назначение, особенности их устройства или часть по отношению к целому (ср.: *мотор* 'машина, преобразующая любой вид энергии в механический; двигатель'; *цепочка* 'маленькая цепь, то есть ряд металлических звеньев, продетых последовательно одно в другое (употребляется для связи, подъема и т. п.)'; *звено* 'отдельная составная часть (кольцо) цепи'). Кроме того, детализироваться могут особенности функционирования механизма с точки зрения участия в этом процессе человека, причем называются оба диаметрально противоположных варианта: *автоматический* 'действующий без непосредственного участия человека; связанный с автоматикой, основанный на ее применении'; *ручной режим* 'режим работы для механической обработки при ручном управлении').

Обращает на себя внимание тот факт, что В. В. Путин отдает предпочтение единицам, называющим в первую очередь машины,

приспособления (и их части) промышленного и специального, а не бытового назначения (ср.: *инструмент, механизм — часы*). Примечательно также, что в анализируемых текстах не зафиксировано ни одного переносного значения у номинаций традиционных артефактов — одного из продуктивных источников метафоризации в русском языке в целом (например, *колесо, клещи, подкова, гребень, игла* и т. п.) [Балашова 2014: 53–85].

Такого же рода предпочтения отражены в статистике использования каждого из членов группы. В исследуемом материале зафиксировано 44 контекста с данными единицами, что составляет около 21 % всех употреблений. Но безусловное лидерство принадлежит наиболее общему по первичной семантике субстантиву *механизм* — 31 вхождение (ср.: *Речь идет о сумме в 1 МРОТ на одного занятого. Прошу сообщить, как отлажен механизм предоставления такой помощи, насколько он понятен и удобен для бизнеса.* — 30.04.20¹). Остальные члены этой СГ в переносных значениях фиксируются в выступлениях В. В. Путина спорадически — от одного до трех употреблений (ср.: *Ресурсы, инструменты, резервы для активной антикризисной политики — я уже об этом говорил, вы сами об этом знаете — у нас есть.* — 14.04.20; *Однако очевидно: нельзя просто ждать момента, когда всё это само по себе наладится, когда мотор экономики заработает на полную мощность.* — 27.05.20).

Поскольку при метафоризации В. В. Путин отдает предпочтение номинациям специализированных артефактов, производящих определенную работу, то вполне закономерным становится активное использование президентом переносов на базе членов СГ «**Функционирование механизмов**» — 10 лексем (более 20 % всех зафиксированных метафорических ЛСВ), среди которых преобладают глаголы и их именные дериваты (*выработать, заработать, изъян, мощность, отдача, отработать, работать, сбой, сработать, срыв*). Данные единицы можно сгруппировать в несколько семантических подгрупп (далее — СПГ), причем достаточно показательным в концептуальном плане является их конкретный состав.

Так, СПГ «**Обобщенная характеристика функционирования механизмов**» пред-

ставлена только двумя единицами (*работать, заработать*), которые в метонимических производных ЛСВ именуют сам процесс действия приборов, аппаратов и т. п. или определенный этап их функционирования (ср.: *работать* ‘находиться в действии, действовать (о механизмах, агрегатах, устройствах и т. п.)’; *заработать* ‘начать работать (о машине, механизме)’).

Во второй СПГ «**Качество функционирования механизма**» метафорические производные фиксируются у 8 членов двух семантических рядов, конкретизирующих работу аппаратов по нескольким параметрам:

- «**Возможности работы механизма и степень ее результативности**» — 5 единиц, развивающих подобные значения преимущественно в производных ЛСВ: *выработать, мощность, отдача, отработать, сработать* (ср.: *мощность* ‘величина, показывающая, какое количество энергии за одну секунду развивает двигатель или какое количество энергии за одну секунду потребует машина’; например: *мощность двигателя*; *отдача* ‘отношение полезной работы механизма к поглощаемой им энергии; коэффициент полезного действия’; *сработать* ‘произвести нужное действие (о механизме)’; *отработать* (техн.) ‘выполнить полностью действие’);

- «**Плохое качество; повреждение механизма**» — 3 отглагольных субстантива: *изъян, сбой, срыв*, развивающих подобные значения преимущественно в производных ЛСВ (ср.: *изъян* ‘неисправность, повреждение’; например: *прибор с изъяном*; *сбой* (спец. и разг.) ‘перебой в движении, работе, действии’; *двигатель работал ровно, без сбоев*).

Интересно, что метафоризации членов ряда с антонимическим типом значений «**Высокие качество, надежность и результативность работы механизма**» в исследуемых текстах не зафиксировано.

Определенные тенденции системного характера обнаруживаются также в употреблении каждой из метафор из СГ «**Функционирование механизмов**». В частности, в целом в анализируемых текстах зафиксировано 52 контекста с членами этой группы (около 25 % от общего их числа). Наиболее последовательно президент использует лексемы, в первичных значениях которых содержится обобщенная характеристика либо самого процесса функционирования механизма (20 вхождений), либо потенциальных возможностей, результативности его действия (20 вхождений). Лексемы же, первичные ЛСВ которых актуализируют внимание на плохом качестве, неработоспособности аппаратов, представлены почти в два раза

¹ Для сокращения объема текста при цитировании В. В. Путина мы ограничиваемся указанием на дату выступления президента и не приводим полного названия соответствующего документа (ср.: Встреча с участниками общероссийской акции «Мы вместе» — 30.04.20: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63294>).

реже (12 вхождений).

Самыми употребительными в речи В. В. Путина становятся переносные значения ядерных в подгруппах и рядах лексем: *работать* — 18 вхождений, *мощность* — 10; *сбой* — 9 (ср.: *Все те значительные средства, которые за месяцы борьбы с эпидемией вложены в переоснащение больницы, в оборудование, в обучение врачей, уже работают и будут работать на развитие нашего здравоохранения в целом.* — 23.06.20; *Уже сейчас ... консолидировать под них нужные ресурсы, чтобы мы могли развернуть такую программу на полную мощност, согласованно, синхронно с поэтапным выходом из эпидемиологической обстановки и связанных с нею ограничений.* — 28.04.20; *Задача сейчас в том, чтобы как можно быстрее, без сбоев и в полном объеме финансировать все запланированные программы и контракты.* — 30.03.20). Количество контекстов с другими единицами СГ колеблется от одного до шести (ср.: *Весь механизм оперативного реагирования на распространение инфекции ... был детально отработан, и он всегда должен оставаться на самом высоком уровне готовности.* — 30.06.20; *Полагаю, вы понимаете, насколько высока ваша, ваша личная ответственность, чтобы выделенные средства сработали максимально эффективно.* — 08.04.20).

Третья СГ, члены которой регулярно используются В. В. Путиным как источник метафоризации, связана с характеристикой взаимодействия человека и машины — «**Техническое обеспечение работы механизма**». Это наиболее многочисленная группа — 21 лексема, или около 43 % всех единиц. Члены данной группы могут быть распределены по четырем СПГ:

- «**Подготовка механизма к работе**» (наиболее многочисленная подгруппа) — 9 глаголов и их именных дериватов из трех словообразовательных гнезд: *наладить, наладиться, налаживание, отладить, отладка, настроить, подключить, подключить, подключить* (ср.: *наладить* 'сделать пригодным для пользования, приспособить для какой-л. работы (отточив, отрегулировав и т. п.)'; например: *наладить станок; настроить* 'привести в состояние, нужное для работы, наладить, отрегулировать (станок, механизм и т. п.)'; например: *настроить механизмы; подключиться* 'включиться в систему действующих устройств');

- «**Устранение неисправностей; подготовка к работе механизма с дефектами**» (вторая по многочисленности под-

группа) — 8 лексем (в том числе окказиональных), принадлежащих к двум словообразовательным гнездам: *исправить, поправить, донастроить, донастраивать, донастройка, перенастроить, перенастроиться, перенастройка* (ср.: *исправить* 'устранить неисправность, повреждения, сделать годным для употребления, действия'; *перенастроить* 'настроить заново, иначе');

- «**Приведение механизма в действие**» — 3 однокоренных глагола и отглагольный субстантив: *запустить, запуск, перезапуск* (ср.: *запустить* 'привести в действие'; например: *запустить агрегат');*

- «**Временное прекращение работы механизма**» — 1 глагольный фразеологизм: *поставить на паузу* 'временно приостановить работу чего-л.'.

Наконец, в исследуемых текстах фиксируются переносные значения у 9 лексем, первичные ЛСВ которых связаны не с номинацией специальных приборов, аппаратов и т. п. и функционирования, а с созданием самих артефактов. Примечательно, что данные единицы могут быть включены в СГ «**Строительство**», хотя отчасти их первичные значения могут быть несколько шире. Кроме того, все зафиксированные слова принадлежат к двум глагольным словообразовательным гнездам, семантика которых позволяет выделить две СПГ:

- «**Общая характеристика возведения зданий, сооружений**» — 5 лексем: *строить, строиться, построить, выстроить, выстраивать* (ср.: *построить* 'произвести постройку чего-л.');

- «**Реставрация разрушенных зданий, сооружений**» — 4 лексемы: *восстановить, восстанавливать, восстанавливаться, восстановление* (ср.: *восстановить* 'привести в прежнее состояние, положение что-л. разрушенное'; например: *восстановить взорванный мост).*

Более последовательно президент РФ использует в своей речи члены первой подгруппы — 27 вхождений, причем предпочтение отдается лексемам совершенного вида, акцентирующим внимание на результативности действия: *выстроить* — 9 вхождений, *построить* — 6, тогда как другие члены этого гнезда представлены реже: *строить* — 4 вхождения, *строиться* — 3, *выстраиваться* — 1 (ср.: *Россия выйдет с минимальными потерями из этой очень сложной ситуации. Залогом такой веры ... является то, как сегодня построена очень взвешенная ... политика государства и Правительства в этой очень сложной ситуации.* — 07.04.20; *Всю работу будем строить исходя именно из этого, обеспечивая главный*

приоритет — жизнь и здоровье граждан Российской Федерации. — 03.04.20).

Среди членов второй подгруппы, акцентирующей внимание на приведение в прежнее (нормальное) состояние того, что предварительно подверглось деструкции, самым частотным оказывается отглагольный субстантив, обобщенно характеризующий метафорическую ситуацию (*восстановление* — 13 вхождений), тогда как другие члены словообразовательного гнезда представлены реже (ср.: *Впереди еще непростой этап восстановления экономики, рынка труда, привычного ритма жизни.* — 15.06.20). Впрочем, и в данном случае результативный глагол все же используется чаще, чем его дериваты несовершенного вида: *восстановить* — 5 вхождений, *восстанаавливать* — 2, *восстанаавливаться* — 2 (ср.: *Нам надо не просто восстановить экономику, а восстановить ее с новым качеством, обеспечить высокую динамику развития.* — 15.06.20; *И конечно, нам нужны рекомендации специалистов по поводу того, как мы будем восстанаавливать нормальную жизнь в стране.* — 22.05.20).

Таким образом, при характеристике эпидемиологической и социально-экономической ситуации в стране в период первой волны пандемии COVID-19 из всего многообразия артефактной лексики президент России в качестве источника метафоризации использует почти исключительно те единицы, которые связаны с обобщенным именованием машин, то есть специальных устройств, совершающих какую-либо полезную работу путем преобразования одного вида энергии в другой, и их функционирования, а также с характеристикой взаимодействия человека и машины. Подобного рода предпочтения обнаруживаются в статистике употреблений каждого из переносных значений.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ АРТЕФАКТНЫХ МОДЕЛЕЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ

Как показал анализ, системность в выборе источников метафоризации напрямую связана с реализацией определенных концептуальных моделей, используемых В. В. Путиным при описании ситуации, сложившейся в стране и мире, в период с марта по июль 2020 г.

Абсолютное лидерство принадлежит **механистической концептуальной метафоре** (около 82 % лексических единиц; около 79 % всех употреблений). В ее основе лежит общеязыковая механистическая модель, согласно которой некоторая семанти-

ческая сфера вне семантического поля «Артефакты» ассоциируется с машиной. Степень надежности аппаратов, приборов и орудий, их ритмичного и результативного функционирования определяет степень эффективности деятельности кого- или чего-либо. Роль человека в когнитивной матрице механистической модели может быть двояка, что проявляется в наличии в языке нескольких противопоставленных и одновременно взаимосвязанных вариантов модели. В исследуемом материале обнаруживаются две ее языковые модификации.

Согласно **первому варианту** государство, общество, их институты, в ряде случаев конкретные лица воспринимаются как машина, обеспечивающая функционирование социума и отдельного человека. В соответствии с этим представители власти, социальных и иных институтов, являясь частью такого специального оборудования, наделены определенными функциями и в зависимости от технических свойств, степени надежности и т. п. обеспечивают устойчивое/неустойчивое функционирование механизма (ср.: *государственная машина; аппарат управления; винтик во властной машине*). Во **втором варианте** орудие труда, специальный прибор ассоциируется со способом (средством) достижения определенной цели; в отличие от первого варианта, здесь управляющая функция принадлежит человеку, который по своей воле и в соответствии со своими желаниями успешно или безуспешно использует приспособление (ср.: *инструмент воздействия; орудие власти*). Но в принципе в языке возможна также контаминация обоих вариантов, в соответствии с которой человек одновременно является частью механизма и выполняет управленческие функции (ср.: *Представитель аппарата [правительства] пояснил механизм вынесения такого рода взыскания.* — От ред. // Коммерсант, 2015.06.06).

Принципиально важным нам представляется тот факт, что в исследуемых текстах преобладает второй вариант или контаминация обоих вариантов. Не менее концептуально значимым кажется то, что президент ни разу не использовал в своих выступлениях переносные значения субстантивов *машина, винтик, аппарат*. По-видимому, в первом и во втором случаях это связано с устойчивой «сталинской», авторитарной и, соответственно, бездушной интерпретацией отношений человека и государства (ср.: *Влившись в трудовую массу, Марина оказалась сакраментальным сталинским «винтиком».* — А.Генис // Новая газета, 2018.06.08; *Это требование справедливо-*

сти ... говорит о том, что россияне перестали чувствовать себя «винтиками» в государственной машине. — В. Игнатов // Труд-7, 2005.09.29). В третьем случае это может быть обусловлено стремлением избежать клише, близких к терминологическим штампов (ср.: Он объяснил это сокращением центрального аппарата управления. — От ред. // Коммерсант, 2014.12.22).

Следует, однако, отметить, что в речи В. В. Путина, как мы не раз отмечали [Балашова 2013; 2017б; 2017в; 2020а], в целом предпочтение отдается языковым, подчас стертым переносам, тем самым когнитивный потенциал метафор оказывается более значимым, чем экспрессивно-выразительный. В большой степени данное свойство присуще выступлениям президента, посвященным эпидемиологической и социально-экономической ситуации в России в условиях пандемии.

В частности, центральное место в реализации механистической модели занимают СГ «Артефакты; особенности их устройства и функционирования» и СГ «Функционирование механизмов». Так, ядерный субстантив *механизм* (31 вхождение в языковом переносном значении 'внутреннее устройство, система чего-л.') преимущественно ассоциируется с инфраструктурой, логистикой, комплексом взаимосвязанных структур, обеспечивающих функционирование системы управления государством, отдельными его институтами (прежде всего — здравоохранением), экономикой и т. п. Соответственно ядерный глагол *работать* (18 вхождений в переносном значении 'действовать, функционировать') и его дериват *заработать* акцентируют внимание на способности управленческих структур выполнять свои функции (ср.: *Кстати, такие механизмы [увеличение вложений в инфраструктуру] уже начинают работать.* — 23.06.20; *И конечно, здесь нужно исключить любую бюрократию. Выработать эффективный механизм в прямом диалоге с гражданским обществом.* — 23.06.20). Человек, будучи включенным в эту систему координат, становится не слепым орудием чьей-то воли, а добровольным участником, обеспечивающим бесперебойное функционирование системы управления, жизнедеятельности страны (ср.: *Вся система здравоохранения должна работать как единый механизм.* — 13.04.20; *Именно профилактика, широкое тестирование позволяют сейчас работать системе здравоохранения с хорошим запасом надежности и прочности.* — 22.05.20). Остальные субстантивы артефактной группы конкретизируют место и функцию кого- или чего-либо в обеспечении

противодействия пандемии (*инструмент* 'орудие, средство, применяемое для достижения чего-л.'; *мотор* 'сила, побуждающая к чему-л., содействующая росту, развитию чего-л.'; *звено* 'составная часть чего-л. целого'; *цепочка* 'последовательный ряд каких-л. явлений, событий и т. п.'), а также степень эффективности (ср.: *как часы* 'точно, бесперебойно, подобно ходу часов').

В соответствии с общей когнитивной матрицей степень эффективности, результативность принятых органами власти мер по противодействию пандемии и ее социально-экономическим последствиям в механистической когнитивной матрице выражается с помощью переносов на базе членов СПГ «**Качество функционирования механизма**».

С одной стороны, с помощью переносов на базе членов семантического ряда «**Возможности работы механизма и степень его результативности**» (*мощность, отдача, сработать, отработать*) президент России обращает внимание на жизнеспособность созданной инфраструктуры. Однако такого рода единицы включены в результативные конструкции (прошедшее время реальной модальности) только в выступлениях, относящихся к окончанию первой волны эпидемии (ср.: *В экстремальных условиях надежно отработали системы энергетики, ЖКХ, транспорт, связь, торговля, которая обеспечила граждан товарами первой необходимости.* — 23.06.20). В других случаях преобладают конструкции с императивами, с указанием на возможную и необходимую перспективу (ср.: *Все меры, которые принимаются и еще будут приняты, сработают, дадут результат, если мы проявим сплоченность, понимание сложности текущей ситуации.* — 25.03.20; *Необходимо оперативно задействовать все лабораторные мощности, а также развернуть дополнительные центры диагностики как в государственных, так и в частных медицинских организациях.* — 30.03.20; *Прошу вас [членов правительства, глав регионов] действовать крайне ответственно, с полной отдачей.* — 27.05.20). С другой стороны, В. В. Путин не стремится затушевать недостатки существующей инфраструктуры, а, напротив, обращает на них внимание, отмечая ошибки в логистике управления и т. п. Эту функцию выполняют переносы на базе членов семантического ряда «**Плохое качество; повреждение механизма**»: *изъян, сбой, срыв* (например: *изъян* 'несовершенство, недостаток; погрешность'; ср.: *Тем не менее прошу вас [властные структуры] постоянно отслеживать*

положение дел, вместе с коллегами из регионов не допускать локальных сбоев в розничном сегменте торговли. — 30.03.20; Нам всем нельзя допустить срыва в борьбе с коронавирусом. — 28.04.20).

При реализации механистической модели особую значимость в речи В. В. Путина приобретают метафоры, в которых подчеркивается активная, деятельная позиция органов управления и всего российского общества в противодействии пандемии. Наиболее полно такого рода переносы выражаются членами СГ «**Техническое обеспечение работы механизма**».

В частности, члены СПГ «**Подготовка механизма к работе**» (например: *наладить* 'устроить, создать, организовать'; *подключить* 'присоединить к участию в какой-л. работе') и СПГ «**Приведение механизма в действие**» (*запустить* 'заставить что-л. начать работать, действовать') характеризуют действия власти, бизнеса, общественных институтов по созданию соответствующей инфраструктуры, четкого алгоритма управления здравоохранением, экономикой, по социально-экономической поддержке населения (ср.: *Поэтому уже сейчас продумайте с коллегами меры по подключению к работе врачей других специальностей. — 30.03.20; Для них [лиц, вернувшихся из-за границы] должен быть обеспечен режим карантина или самоизоляции, налажен контроль за состоянием их здоровья. — 30.03.20; Прошу полпредов также подключиться к этой работе и к решению этой задачи... — 30.03.20; Прошу Правительство обеспечить скорейший запуск этой программы [льготного кредитования]. — 16.04.20).*

Кроме того, В. В. Путин регулярно подчеркивает необходимость активного вмешательства в функционирующую систему управления, используя для этого переносы на базе членов СПГ «**Устранение неисправностей; подготовка к работе механизма с дефектами**»: *исправить, поправить, донстроить, донстраивать, донстроить, перенастроить, перенастроиться, перенастройка*; СПГ «**Временное прекращение работы механизма**»: *поставить на паузу*; ряда «**Повторное приведение механизма в действие**»: *перезапуск* (например: *исправить, перенастроить* 'устранить неточности, погрешности, ошибки; сделать лучше, освободив от каких-либо недостатков'). Примечательно, что на протяжении всего периода первой волны пандемии такого рода поведение позиционируется В. В. Путиным преимущественно императивно, как единственно возможное для чиновников любого уровня. Тем самым президент

подчеркивает необходимость постоянно анализировать ситуацию, оперативно и корректно реагировать на нее; результативные же конструкции с реальной модальностью фиксируются почти исключительно в выступлениях после относительной стабилизации ситуации в стране (ср.: *Прошу доложить сегодня, ... с какими проблемами ... сталкиваются компании и их сотрудники при переходе на удаленный режим и что в этой связи, по вашему мнению, нужно оперативно поправить, донстроить. — 27.05.20; Если какие-то сложности возникли, их нужно будет исправить. — 26.06.20; За счет объявленного периода нерабочих дней, карантинных мер и правил самоизоляции, других решений ... сумели и сбить темпы распространения эпидемии, и перенастроить систему здравоохранения. — 20.04.20; Наши рабочие, инженеры, управленцы сделали всё, чтобы за несколько недель перенастроить работу предприятий, в разы нарастить выпуск средств индивидуальной защиты. — 23.06.20).*

Акцент на активном противодействии пандемии и ее негативным последствиям делается также с помощью переносов на базе тех членов СГ «**Артефакты; особенности их устройства и функционирования**», которые в первичном ЛСВ указывают на степень участия человека в функционировании механизма (*автоматический, автоматически, ручной режим*). В переносном значении эти единицы характеризуют систему управления, инфраструктуру и т. п. в период пандемии, подчеркивая разную степень вмешательства представителей власти в эти процессы. Концептуально важно то, что в речи президента использование антонимических по исходной семантике единиц связано с требованием высокой активности представителей как федеральных, так и региональных управленческих структур. В первом случае инициативность проявляется в выработке четкой, хорошо организованной логистики, не требующей дополнительного вмешательства извне; во втором — в высоком уровне компетенций управленцев, способных анализировать нестабильную ситуацию и быстро корректировать разработанную ранее логистику (ср.: *Поэтому прошу Правительство также отработать механизм автоматического продления паспортов, водительских прав, других удостоверяющих документов не менее чем на три месяца. — 08.04.20; В свою очередь каждый регион должен сформировать такой список [жизненно значимых предприятий] и на своем уровне, что называется, в ручном режиме. — 30.03.20).*

Принципиальным представляется тот факт, что с помощью всех механистических метафор президент РФ делает упор на единстве, согласованности, ритмичности и бесперебойности в функционировании государственных и общественных институтов и т. п. как на главном условии успешного противодействия пандемии и социально-экономическому кризису в стране (ср.: *Порукаю Правительству ... подготовить предложения по широкому использованию инструментов долгосрочного финансирования развития инфраструктуры.* — 23.06.20; *Конкурс дал ребятам возможность включаться в добрые дела... И его «мотором» стали волонтеры.* — 01.06.20; *Повторю, всё должно быть отлажено, все звенья — работать как единый механизм, участковые терапевты и узкие специалисты, приемные и диагностические отделения, службы скорой помощи.* — 28.04.20).

Значимость именно этого типа когнитивного представления отражается также в регулярном включении в один контекст нескольких механистических переносов (ср.: *Мы ... очень много занимались именно отладкой новых механизмов взаимодействия, они должны работать как часы.* — 13.04.20; *Надеюсь, что те новые [инфраструктурные] цепочки, которые возникли, будут работать эффективно и в будущем.* — 19.06.20; *Нельзя просто ждать момента, когда всё это само по себе наладится, когда мотор экономики заработает на полную мощность.* — 27.05.20; *Коллеги в Правительстве, в регионах занимались отладкой этого принципиально нового механизма, устраняли изъяны — они были, конечно, — делали это буквально в ручном режиме.* — 23.06.20; *И если действительно где-то какой-то сбой происходит — донастроить, скорректировать уже принятые решения.* — 15.06.20).

Как отмечалось, большинство выявленных переносов относится к числу языковых. Вместе с тем целый ряд механистических метафор не зафиксирован в современных толковых словарях (ср.: *мотор, ручной режим, запуск, перезапустить, перезапуск, сбой, отладить, отладка, донастроить, донастраивать, донастройка, перенастроить, перенастраиваться, перенастройка*). Однако отнести эти переносы к абсолютно окказиональным представляется неправомерным.

Во-первых, переносное значение у субстантива *мотор*, аналогичное отмеченной в словарях метафоре существительного *двигатель* 'сила, побуждающая к чему-л., со-

действующая росту, развитию чего-л.', регулярно встречается в современной речи (ср.: *Это говорит советник главы Хакасии по правам человека Михаил Афанасьев, он — мотор этой гражданской инициативы.* — А. Тарасов // Новая газета, 2018.09.12). Аналогичные замечания можно сделать о фразеологизме *ручной режим*: из 52 вхождений сочетания *в ручном режиме* в Национальном корпусе русского языка абсолютное большинство составляют переносные употребления 'о таком методе управления, когда управляющий, ответственный работник берет решение всех вопросов на себя и каждую задачу решает индивидуально' (ср.: *Цепочки производств надо выстраивать и выращивать целенаправленно, буквально в ручном режиме.* — А. Ивантер // Эксперт, 2014; *Приходится фактически в ручном режиме управлять регионом, изобретать решения.* — С. Чернышов // Эксперт, 2013).

Во-вторых, к числу узуальных можно отнести также переносные значения глаголов и их именных дериватов из СГ «Техническое обеспечение работы механизма» и некоторых других групп. Устойчивость такого рода метафор, свидетельствующая об общей продуктивности механистической модели в русском языке XXI в., хорошо прослеживается по данным Национального корпуса русского языка (ср.: *Покупка или продажа долей фирм не является чем-либо исключительным, как может показаться в условиях плохо отлаженного контроля собственности, например, в России.* — Л. Малков. Собственность как товар // Бизнес-журнал, 2003.10.2; *В ПФ по крайней мере должен быть запас средств на месяц вперед, чтобы не было сбоев по выплате пенсий.* — О. Карпова // Время МН, 2003.07.31).

Наконец, как потенциальные, когнитивно обусловленные можно трактовать метафорические ЛСВ у многопрефиксных глаголов и их именных дериватов (*перезапустить, перезапуск, донастроить, донастройка, перенастроить, перенастройка*). Президент РФ считает необходимым обратить внимание на необходимость своевременно корректировать систему управления в соответствии с быстро меняющейся обстановкой в стране. Именно эту задачу выполняют механистические метафоры у лексем с соответствующей словообразовательной структурой (ср.: *Мы предусмотрели программу льготной ипотеки по ставке 6,5 процента, посмотрим, как она работает, что здесь нужно донастроить.* — 15.06.20; *В Правительстве всё это уже в достаточной степени отлажено, надеюсь, и механизм такой создан. Его нужно, наверно, дон-*

страивать еще, но это можно делать в контакте с регионами в том числе. — 08.04.20; Несмотря на некоторые объективные сложности, технологические заминки в самом начале эпидемии, они всё же проявили гибкость, ответственность, способность быстро **перенастроить**ся... — 19.06.20).

Тем самым когнитивная матрица языковой модели становится более гибкой, разветвленной, структурированной, и, самое главное, она более точно отражает взгляд В. В. Путина на ситуацию в стране в связи с распространением коронавируса. Именно это является одной из причин, почему именно механистическая модель метафоризации в целом оказывается ядерной в исследуемых текстах. Не случайно также то, что вторая концептуальная модель, формируемая на базе лексем из СГ «**Строительство**», не только составляет периферию анализируемых метафор (примерно 18 % лексических единиц; несколько более 21 % всех употреблений), но и когнитивно дополняет механистическую, а именно ту часть ее матрицы, в которой акцент делается на активной, деятельной позиции человека, органов управления и общества в целом при противодействии пандемии.

Основу **строительной концептуальной метафоры** (как части общей языковой созидательной макромоделю [Балашова 2014: 250—260]) составляет представление об инфраструктуре, логистике управления как о здании, которое сооружается отдельным человеком, органами управления и т. п. Процесс сооружения осмысливается как интеллектуальная, организационная и иная деятельность, направленная на создание системы управления, механизма действия чего-либо и т. п., а строитель — как активная, деятельная сила, обеспечивающая этот процесс; например: *строить* 'созидать, создавать' (ср.: *В этой логике мы строили и будем строить наши действия.* — 23.06.20; *Вся она [программа генетических исследований], эта индустрия, строится вокруг жизни, здоровья, безопасности людей.* — 14.05.20). Для выражения таких значений используются члены одного словообразовательного гнезда (*строить*), причем явное предпочтение отдается дериватам с результативной семантикой, свидетельствующим об убежденности президента в возможности выполнить сверхсложную задачу — создать принципиально новую, стабильно функционирующую систему управления в условиях пандемии (ср.: *Я сегодня собрал вас для того, чтобы поговорить о том, как организуется работа в сего-*

дняшних условиях, ... и как вы планируете, уважаемые коллеги, построить работу всей отрасли, ... имея в виду необходимость восстановления ее полноценной работы, в полном объеме. — 10.04.20; *Ближайшие недели станут во многом определяющими, а значит, все наши действия, имею в виду и профилактические меры на местах, и организацию работы всей системы здравоохранения, должны быть **выстроены** оптимальным образом, что называется, «с запасом» и с учетом всех факторов.* — 13.04.20).

В соответствии с общей матрицей строительной модели, члены другого словообразовательного гнезда, характеризующие в первичном ЛСВ процесс реставрации разрушенного здания, сооружения (*восстановить, восстанавливать, восстанавливаться, восстановление*), ассоциируются с активными усилиями по возобновлению стабильного функционирования инфраструктуры, системы управления, экономики и т. п., нарушенных пандемией и ее негативными последствиями. Примечательно, что эта часть матрицы становится наиболее востребованной в период стабилизации, ослабления первой волны пандемии: конец мая — июнь 2020 г. (ср.: *Повторю: у нас есть ресурсы, возможности, чтобы быстро **восстановить** национальную экономику, выйти на траекторию роста; Подчеркну, кардинальное улучшение делового климата, упрощение всех процедур должно стать важнейшим ресурсом **восстановления** и качественного развития экономики.* — 23.06.20; *Сейчас регионы начинают постепенно выходить из режимов ограничений, деловая активность **восстанавливается**, в том числе и в сегменте малого бизнеса.* — 27.05.20).

Однако строительная модель составляет периферию артефактных метафор в выступлениях В. В. Путина с 04.03.20 по 06.07.20, тем самым в президентской картине мира Российское государство и общество в целом оказалось подготовленным к вызовам времени, оно функционировало с большей или меньшей степенью эффективности. Инфраструктура, система управления должна была модернизироваться, а не создаваться «с нуля».

3. ВЫВОДЫ

1. Анализ артефактных метафор в публичной речи В. В. Путина в период первой волны распространения КОВИД-19 показывает, что такого рода переносы, хотя и не играют главной роли в характеристике эпидемиологической, экономической и социально-эконо-

мической ситуации в России, отмечены регулярностью и системностью в их использовании.

2. Достаточно четко очерчена сфера употребления метафор на базе артефактной лексики. Президент не прибегает к таким переносам при характеристике распространения инфекции, лечебной практики, самоотверженного поведения врачей по противодействию пандемии. Для этого он использует другие модели, например, милитарную [Балашова 2020a]. Основной мишенью артефактных метафор становится характеристика инфраструктуры и системы управления во властных структурах и экономике страны.

3. Ядерным способом репрезентации взгляда президента на способность государства, бизнеса, общества в целом сохранить социально-экономическую и политическую стабильность является языковая механистическая модель, периферийным — строительная. С помощью соответствующих метафор В. В. Путин подчеркивает, что инфраструктура, система управления преимущественно представляет собой не полностью разрушенное или еще не возведенное здание, функционирующий (не без сбоев) механизм. В экстраординарных условиях пандемии это устройство требует постоянного внимания со стороны грамотного и инициативного управленца (чиновника, бизнесмена и т. п.), поскольку именно оно обеспечивает подготовку, наладку, бесперебойную работу механизма, а также его ремонт и модернизацию.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А. С. Герд. Т. 1—24. — Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004—2017. — Текст : непосредственный.
2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2 т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — Текст : непосредственный.
3. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. — Москва : Русский язык, 1998. — 834 с. — Текст : непосредственный.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : ИТИ Технологии, 2008. — 944 с. — Текст : непосредственный.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 4 т. — Москва : Азбуковник, 1998—2007. — Текст : непосредственный.
6. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1999. — Текст : непосредственный.
7. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1948—1965. — Текст : непосредственный.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2007. — 1174 с. — Текст : непосредственный.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

9. Адысова, Л. Е. Концепт «Советский Союз» и его языковая экспликация в современном российском медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Адысова Л. Е. — Нижний Новгород, 2015. — 22 с. — Текст : непосредственный.

10. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 896 с. — Текст : непосредственный.

11. Балашова, Л. В. Военная и спортивная концептуальные метафоры (диахронический аспект) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Язык — коммуникация — образование: методология исследования и практика образования. — Саратов : ИП Коваль Ю. В., 2017а. — С. 15—21.

12. Балашова, Л. В. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Quaestio Rossica. — 2017б. — Т. 5. — № 4. — С. 1178—1196.

13. Балашова, Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. — 2015. — № 2 (76). — С. 166—169.

14. Балашова, Л. В. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX—XXI вв. (динамический аспект) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 2 (68). — С. 10—17.

15. Балашова, Л. В. Метафоризация спортивной терминологии в современном русском языке / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. — 2019. — Т. 19, вып. 4. — С. 374—378.

16. Балашова, Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В. В. Путина / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. — 2020а. — Т. 7. — № 4. — С. 777—800.

17. Балашова, Л. В. Образ России в зеркале концептуальной метафоры (на материале политического телешоу «К барьеру») / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Современная политическая коммуникация. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2009. — С. 53—56.

18. Балашова, Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — Вып. 2 (44). — С. 11—23.

19. Балашова, Л. В. Речевая метафора как способ репрезентации образа России в современных оппозиционных массмедиа / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020б. — № 3 (81). — С. 23—38.

20. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв. / Л. В. Балашова. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. — 632 с. — Текст : непосредственный.

21. Балашова, Л. В. Экономика России в современном политическом дискурсе сквозь призму концептуальной метафоры / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017в. — № 1 (61). — С. 21—31.

22. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Помовский и партнеры, 1994. — 396 с. — Текст : непосредственный.

23. Будаев, Э. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США / Э. В. Будаев, В. В. Тихонов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2 (56). — С. 43—50.

24. Вежицкая, А. Сравнение — грация — метафора / А. Вежицкая. — Текст : непосредственный // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 133—153.

25. Деметьев, В. В. Речежаровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи : моногр. / В. В. Деметьев. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. — 396 с. — Текст : непосредственный.

26. Деметьев, В. В. Ключевые метафоры двухтысячных (на материале Рунета) / В. В. Деметьев. — Текст : непосредственный // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. — Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2018. — Вып. 18. — Кн. 1. — С. 69—77.

27. Дзюба, Е. В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса / Е. В. Дзюба. — Текст : непосредственный //

Политическая лингвистика. — 2017. — № 1 (61). — С. 31–40.

28. Дубровская, Т. В. Семантическая категория «слабость» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе: функциональный аспект / Т. В. Дубровская, А. Я. Ярославцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 70–75.

29. Жуйкова, О. В. Артефактные метафоры как вербальные средства объективации концепта «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта / О. В. Жуйкова — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — № 3. — С. 177–186.

30. Зализняк, Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления / Анна А. Зализняк. — Москва : Языки русской культуры, 2006. — 671 с. — Текст : непосредственный.

31. Зуева, Т. А. Человек сквозь призму артефактной метафоры в русской идиоматике / Т. А. Зуева. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. — 2016. — № 2. — С. 102–110.

32. Иомдин, Б. Л. Языковая модель понимания / Б. Л. Иомдин. — Текст : непосредственный // Языковая картина мира и системная лексикография. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — С. 517–614.

33. Каменева, В. А. Метафорическое моделирование адресата политического дискурса с позиции уровневой референции / В. А. Каменева, Н. В. Рабкина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 77–83.

34. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов — Санкт-Петербург : Юна, 2002. — 444 с. — Текст : непосредственный.

35. Кропотухина, П. В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании / В. А. Кропотухина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 2 (62). — С. 94–99.

36. Крышталева, В. Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века / В. Е. Крышталева — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. — 2019. — Т. 17. —

№ 2. — С. 77–90.

37. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.

38. Нагорная, А. В. Орудийная метафора как средство объективации внутрителесного опыта / А. В. Нагорная — Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2012. — № 2. — С. 84–96.

39. Осборн, М. Метафора в публичном выступлении / М. Осборн, Д. Энингер ; пер. с англ. Т. Н. Зубакиной. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1 (35). — С. 244–253.

40. Пименова, М. В. Субсфера «артефакты» как источник концептуализации внутреннего мира человека (диахронический аспект) / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2005. — № 1 (004). — С. 26–37.

41. Салатова, Л. М. Морбиальная метафора политического кризиса на Украине в массмедийных дискурсах России и США / Л. М. Салатова, Ю. В. Сурменева. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 5—1 (71). — С. 140–144.

42. Семенова, Е. М. Политическая ценность архетипической метафоры (на примере анализа современного американского медиадискурса) / Е. М. Семенова, Н. И. Налетова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 111–119.

43. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 176 с. — Текст : непосредственный.

44. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.

45. Чудинов, А. П. Российская политическая метафора в начале XXI века / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — № 1 (24). — С. 86–93.

L. V. Balashova

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

ORCID ID: —

E-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

Artifact Metaphor in V. V. Putin's Speech as a Way to Represent the Image of Russia During the First Wave of the COVID-19 Pandemic

ABSTRACT. *The article examines the cognitive and linguistic aspects of the artifact metaphors used by Russian President Vladimir Putin when describing the epidemiological, socio-economic and political situation in the country in March — July 2020. The purpose of the work is to establish the degree of demand and consistency of artifact transfers. The material under analysis incorporates 48 text documents of V. V. Putin's appeals to the citizens of the Russian Federation, his speeches at conferences and meetings of various levels, published from March 4, 2020 to July 6, 2020 on the official website of the Kremlin, as well as explanatory and semantic dictionaries of the Russian language. The methodological basis of the research is the idea of metaphor as a cognitive phenomenon that can be modeled, as one of the leading ways of forming the linguistic worldview and as a means of representation of views and attitudes of participants in political communication. The analysis uses a complex method of systemic semantic, functional-stylistic, discursive and cognitive analysis of language phenomena. The author discovers the regular sources of artifact metaphors, the cognitive matrix of the basic mechanistic model, and the specificity of its implementation in the speech of the President of the Russian Federation. It is noted that the conceptual core of the model is the idea of a systemic counteraction to the epidemic and its socio-economic consequences on the part of the entire society as a rhythmic and uninterrupted operation of the mechanism with unified and professional management by the authorities.*

KEYWORDS: *political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; artifact metaphors; political discourse; political rhetoric; linguistic personality; linguopersonology; political speeches; political statements; Russian presidents; image of Russia; linguistic worldview; pandemic; epidemic; coronavirus.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Balashova Lyubov' Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Theory and History of the Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.*

FOR CITATION: *Balashova, L. V. Artifact Metaphor in V. V. Putin's Speech as a Way to Represent the Image*

of Russia During the First Wave of the COVID-19 Pandemic / L. V. Balashova // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 12-24. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_01.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. The Big Academic Dictionary of the Russian Language / ed.-in-chief A. S. Gerd. — Vol. 1—24. — Moscow ; St. Petersburg : Science, 2004—2017. — Text : unmediated. [Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka / gl. red. A. S. Gerd. T. 1—24. — Moskva ; Sankt-Peterburg : Nauka, 2004—2017. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Efremova, T. F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Educational. In 2 volumes / T. F. Efremova. — Moscow : Russian Language, 2000. — Text : unmediated. [Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy. V 2 t. / T. F. Efremova. — Moskva : Russkiy yazyk, 2000. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Lopatin, V. V. Russian Explanatory Dictionary / V. V. Lopatin, L. E. Lopatina. — Moscow : Russian Language, 1998. — 834 p. — Text : unmediated. [Russkiy tolkovyy slovar' / V. V. Lopatin, L. E. Lopatina. — Moskva : Russkiy yazyk, 1998. — 834 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

4. Ozhegov, S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — Moscow : ITI Technologies, 2008. — 944 p. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — Moskva : ITI Tekhnologii, 2008. — 944 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. In 4 volumes. — Moscow : Azbukovnik, 1998—2007. — Text : unmediated. [Russkiy semanticheskii slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znacheniy. V 4 t. — Moskva : Azbukovnik, 1998—2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Dictionary of the Russian language. In 4 volumes / ed. A. P. Evgenieva. — 4th ed., corrected. — Moscow : Russian language, 1999. — Text : unmediated. [Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoy. — 4-e izd., ster. — Moskva : Russkiy yazyk, 1999. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Dictionary of the Modern Russian Literary Language. In 17 volumes. — Moscow ; Leningrad : Academy of Sciences of the USSR, 1948—1965. — Text : unmediated. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. — Moskva ; Leningrad : AN SSSR, 1948—1965. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words / resp. ed. N. Yu. Shvedova. — Moscow : Azbukovnik, 2007. — 1174 p. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkluycheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / otv. red. N. Yu. Shvedova. — Moskva : Azbukovnik, 2007. — 1174 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

REFERENCES

9. Adyasova L. Ye. Kontsept Sovetskoy Soyuz i yego yazykovaya eksplikatsiya v sovremennom rossiyskom mediadiskurse: avtoref. dis.... kand. filol. nauk [Concept of the Soviet Union and its linguistic explication in modern Russian media discourse: Cand. philol. sci. thesis diss]. — Nizhny Novgorod, 2015. — 22 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)

10. Arutyunova N. D. Jazyk i mir cheloveka [Language and the world of the human]. — Moscow, 1999. 896 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)

11. Balashova L. V. Voyennaya i sportivnaya kontseptual'nnyye metafory (diakhronicheskiy aspekt) [Military and sports conceptual metaphors (diachronic aspect)] / L. V. Balashova. — Text : unmediated // Yazyk kommunikatsiya obrazovaniye: metodologiya issledovaniya i praktika obrazovaniya [Language communication education: research methodology and educational practice]. — Saratov : IP Koval' Yu.V., 2017a. — P. 15—21. — (In Rus.)

12. Balashova L. V. Dinamicheskaya kontseptsiya metafory: ot Aristotelya do sovremennoy kognitivnoy lingvistiki [Dynamic concept of metaphor: from Aristotle to modern cognitive linguistics] / L. V. Balashova. — Text : unmediated // Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]. — 2015. — No. 2 (76). — P. 166—169. — (In Rus.)

13. Balashova L. V. Meditsinskaya kontseptual'naya metafora v

politicheskom mediadiskurse XX—XXI vv. (dinamicheskiy aspekt) [Medical conceptual metaphor in the political media discourse of the XX-XXI centuries (dynamic aspect)] / L. V. Balashova. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2018. — No. 2 (68). — P. 10—17. — (In Rus.)

14. Balashova L. V. Metaforizatsiya sportivnoy terminologii v sovremennom russkom yazyke [Metaphorization of sports terminology in the modern Russian language] / L. V. Balashova. — Text : unmediated // Izvestiya Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika [Issues of Sarat. un-ty. New ser. Ser. Philology. Journalism]. — 2019. — Vol. 19, iss. 4. — P. 374—378. — (In Rus.)

15. Balashova L. V. Militarnaya metafora kak sposob formirovaniya kontsepta COVID-19 v rechi V.V. Putina [Militaristic metaphor as a way of forming the concept of COVID-19 in V. V. Putin] / L. V. Balashova. — Text : unmediated // Kommunikativnyye issledovaniya [Communication Research]. — 2020a. — Vol. 7, no. 4. — P. 777—800. — (In Rus.)

16. Balashova L. V. Obraz Rossii v zerkale kontseptual'noy metafory (na materiale politicheskogo teleshou «K bar'yeru») [The Image of Russia in the Mirror of Conceptual Metaphor (Based on the Political TV Show “Towards the Barrier”)] / L. V. Balashova. — Text : unmediated // Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya [Modern political communication]. — Yekaterinburg : Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 2009. — P. 53—56. — (In Rus.)

17. Balashova L. V. Rechevaya metafora kak sposob reprezentatsii obraza Rossii v sovremennykh oppozitsionnykh massmedia [Speech metaphor as a way of representing the image of Russia in modern oppositional mass media] / L. V. Balashova. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2020b. — No. 3 (81). — P. 23—38. — (In Rus.)

18. Balashova L. V. Gorizontal'naya model' prostranstvennoy metafory v mediynom obraze Rossii (zhanry analiticheskogo obzora i ekspertnogo mneniya) [The horizontal model of spatial metaphor in the media image of Russia (genres of analytical review and expert opinion)] / L. V. Balashova. — Text : unmediated // Quaestio Rossica. — 2017. — Vol. 5. — Nr. 4. — P. 1178—1196. — (In Rus.)

19. Balashova L. V. Politicheskij 2012 god v zerkale kontseptual'noy metafory [Political 2012 in the mirror of conceptual metaphors] / L. V. Balashova. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2013. — No. 2 (44). — P. 11—22. — (In Rus.)

20. Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitiy: XI—XXI vv. [Russian metaphorical system in development: XI—XXI centuries] / L. V. Balashova. — Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. — 632 p. (Studia Philologica). — Text : unmediated. — (In Rus.)

21. Balashova L. V. Ekonomika Rossii v sovremennom politicheskom diskurse skvoz' prizmu kontseptual'noy metafory [The economy of Russia in modern political discourse through the prism of conceptual metaphor] / L. V. Balashova. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2017v. — No. 1 (61). — P. 21—31. — (In Rus.)

22. Baranov A. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor [Dictionary of Russian political metaphors] / A. N. Baranov. — Moscow : Pomovskiy i partnery, 1994. — 396 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)

23. Budayev E. V., Tikhonov V. V. Zoomorfnyye metafory kak instrument kontseptualizatsii siriyskogo konflikta v SMI Rossii i USA [Zoomorphic metaphors as a tool for conceptualizing the Syrian conflict in the Russian and US media] / E. V. Budayev, V. V. Tikhonov. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2016. — No. 2 (56). — P. 43—50. — (In Rus.)

24. Wierzbicka A. Sravneniye gradatsiya metafory [Comparison of gradation metaphor] / A. Wierzbicka. — Text : unmediated // Teoriya metafory [The theory of metaphor]. — Moscow : Progress, 1990. — P. 133—153. — (In Rus.)

25. Demyetev V. V. Rechezhanrovyye kommunikativnyye

tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech] / V. V. Demytyev. — Saratov : Publishing house of the Saratov State University, 2016. — 396 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)

26. Demytyev V. V. Klyuchevyye metafory dvukhtysyachnykh (na materiale Runeta) [Key Metaphors of 2000th years (on the Runet Material)] / V. V. Demytyev. — Text : unmediated // Problemy rechevoy kommunikatsii / pod red. M. A. Kormilitsynoy i O.B. Sirotininy [Problems of Speech Communication]. — Saratov : Saratov State Univ. — 2018. — Vol. 18. — Book 1. — P. 69–77. — (In Rus.)

27. Dzyuba Ye. V. «Barkhatnyye» metafory cheshskogo politicheskogo diskursa [“Velvet” metaphors of Czech political discourse] / Ye. V. Dzyuba. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2017. — No. 1 (61). — P. 31–40. — (In Rus.)

28. Dubrovskaya T. V., Yaroslavtseva A. Ya. Semanticheskaya kategoriya «slabost'» v rossiyskom i amerikanskom vneshnepoliticheskom diskurse: funktsional'nyy aspekt [Semantic category “weakness” in Russian and American foreign policy discourse: functional aspect] / T. V. Dubrovskaya, A. Ya. Yaroslavtseva. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2017. — No. 6 (66). — P. 70–75. — (In Rus.)

29. Zhuykova O. V. Artefaktnyye metafory kak verbal'nyye sredstva ob'yektivatsii koncepta «Yazyk» v filosofskom diskurse V. fon Gumbol'dta [Artifact metaphors as verbal means of objectification of the concept “Language” in the philosophical discourse of V. von Humboldt] / O. V. Zhuykova. — Text : unmediated // Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta [Bulletin of the Kemerovo State. un-ty]. — 2018. — No. 3. — P. 177–186. — (In Rus.)

30. Zaliznyak Anna A. Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby yeye predstavleniya [Polysemy in language and ways of its presentation] / Anna A. Zaliznyak. — Moscow : Yazyki russkoy kul'tury, 2006. — 671 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)

31. Zuyeva T. A. Chelovek skvoz' prizmu artefaktnoy metafory v russkoy idiomatike [Man through the prism of artifact metaphor in Russian idiom] / T. A. Zuyeva. — Text : unmediated // Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativita [Ural philological bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity]. — 2016. — No. 2. — P. 102–110. — (In Rus.)

32. Iomdin B. L. Yazykovaya model' ponimaniya [Linguistic model of understanding] / B. L. Iomdin. — Text : unmediated // Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Linguistic picture of the world and systemic lexicography]. — Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. — P. 517–614. — (In Rus.)

33. Kameneva V. A., Rabkina N. V. Metaforicheskoye modelirovaniye adresata politicheskogo diskursa s pozitsii urovnevoy referentsii [Metaphorical modeling of the addressee of political discourse from the position of level reference] / V. A. Kameneva, N. V. Rabkina. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2020. — No. 3 (81). — P. 77–83. — (In Rus.)

34. Kolesov V. V. Filosofiya russkogo slova [Philosophy of the Russian word] / V. V. Kolesov. — Saint Petersburg : Yuna, 2002. — 444 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)

35. Kropotukhina P. V. Kontseptual'nyye metafory krizisnogo

diskursa Velikobritanii [Conceptual metaphors of the crisis discourse in Great Britain] / P. V. Kropotukhina. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2017. — No. 2 (62). — P. 94–99. — (In Rus.)

36. Kryshtaleva V. Ye. Militarnyye metafory v diskurse prezidentov Rossii i Frantsii v nachale XXI veka [Military metaphors in the discourse of the presidents of Russia and France at the beginning of the XXI century] / V. Ye. Kryshtaleva. — Text : unmediated // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk State University]. — 2019. — Vol. 17. — No. 2. — P. 77–90. — (In Rus.)

37. Lakoff J., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem [The metaphors we live by] / J. Lakoff, M. Johnson. — Moscow : Yeditorial URSS, 2004. — 256 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)

38. Nagornaya A. V. Orudiyaya metafora kak sredstvo ob'yektivatsii vnutritelesnogo opyta [Tool metaphor as a means of objectification of intra-bodily experience] / A. V. Nagornaya. — Text : unmediated // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State. un-ta them. A.S. Pushkin]. — 2012. — No. 2. — P. 84–96. — (In Rus.)

39. Osborne M., Ehninger D. Metafora v publicnom vystuplenii [Metaphor in public speech] / M. Osborne, D. Ehninger. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2011. — No. 1 (35). — P. 244–250. — (In Rus.)

40. Pimenova M. V., Kondrat'yeva O. N. Subsfera «artefakty» kak istochnik kontseptualizatsii vnutrennego mira cheloveka (diakhronicheskiy aspekt) [Subsphere “artifacts” as a source of conceptualization of the inner world of a person (diachronic aspect)] / M. V. Pimenova, O. N. Kondrat'yeva. — Text : unmediated // Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Questions of cognitive linguistics]. — 2005. — No. 1 (004). — P. 26–37. — (In Rus.)

41. Salatova L. M., Surmeneva Yu. V. Morbial'naya metafora politicheskogo krizisa na Ukraine v massmediynykh diskursakh Rossii i USA [Morbial metaphor of the political crisis in Ukraine in the mass media discourses of Russia and the USA] / L. M. Salatova, Yu. V. Surmeneva. — Text : unmediated // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. — 2017. — No. 51 (71). — P. 140–144. — (In Rus.)

42. Semenova Ye. M., Naletova N. I. Politicheskaya tsennost' arkhетipicheskoy metafory (na primere analiza sovremennogo amerikanskogo mediadiskursa) [The political value of the archetypal metaphor (on the example of the analysis of modern American media discourse)] / Ye. M. Semenova, N. I. Naletova. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2020. — No. 2 (80). — P. 111–119. — (In Rus.)

43. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii [Essays on modern political metaphorology] / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg : [s. l.], 2013. — 176 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)

44. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics] / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta : Nauka, 2006. — 254 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)

45. Chudinov A. P. Rossiyskaya politicheskaya metafora v nachale XXI veka [Russian political metaphor at the beginning of the XXI century] / A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2008. — No. 1 (24). — P. 86–93. — (In Rus.)

К. И. Декатова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

ORCID ID: 0000-0002-7690-8379 **E-mail:** dekatovaki@mail.ru.

Семиологический подход к анализу прагматических свойств политических фразеологизмов

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу одной из актуальных проблем современной фразеологии — проблемы функционирования фразеологизмов в политическом дискурсе. Цель статьи заключается в описании основных задач семиологического исследования проявления прагматических свойств фразеологических единиц в политическом коммуникативном пространстве. Использование семиологического подхода к анализу роли фразеологизмов в достижении определенной коммуникативной цели предполагает изучение виртуального и актуального значений языковой единицы в их неразрывной связи, осмысление особенностей процесса актуализации виртуального значения в речи. Материалом исследования послужили политические фразеологизмы — фразеологические единицы, генетически связанные с политическим дискурсом и номинирующие политические реалии. Семантические особенности данных языковых единиц позволяют им выступать эффективным вербальным средством создания прагматического эффекта. Семиологический анализ политических фразеологизмов помогает выявить степень их прагматического заряда (семантически обусловленной способности языковой единицы участвовать в достижении коммуникативного эффекта) и прагматического потенциала (возможности в том или ином контексте реализоваться совокупности прагматических способностей языковой единицы), позволяет описать необходимые условия (тип контекста) для актуализации тех или иных прагматических смыслов. В статье содержится описание результатов семиологического анализа реализации прагматических свойств таких видов политических фразеологизмов, как прагматически заряженные, прагматически нейтральные политические фразеологические единицы, а также устойчивые единицы, подвергшиеся в политическом дискурсе структурно-семантическим модификациям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; семиологический подход; семиологические исследования; политические фразеологизмы; фразеологические единицы; языковые единицы; политическая коммуникация; коммуникативные цели.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Декатова Кристина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, институт русского языка и словесности, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400066, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 27; e-mail: dekatovaki@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Декатова, К. И. Семиологический подход к анализу прагматических свойств политических фразеологизмов / К. И. Декатова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 25-32. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_02.

Функциональные особенности политического дискурса являются объектом пристального внимания лингвистов уже не одно десятилетие (Т. ван Дейк, Г. Вудвард, Р. Водак, Е. В. Бакумова, В. Г. Борботько, А. Н. Баранов, Д. Б. Гудков, Е. И. Шейгал, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, Г. А. Наминова и др.). В результате исследований были выявлены и описаны основные функции политического дискурса, важнейшими из которых являются функция воздействия и регулятивная функция. Внести ясность в понимание процессов реализации данных функций позволили прагмалингвистические исследования, в ходе которых анализировались механизмы лингвистического воздействия, рассматривалась роль языковых средств в регулировании поведения участников политического дискурса (А. Н. Баранов, О. Н. Паршина, В. Е. Чернявская, О. М. Афанасьева, Я. Е. Каневская, Ю. В. Буянова, Д. Р. Аكوпова, Т. М. Го-

лубева и др.). Такого рода научно-исследовательская работа помогла описать наиболее часто и эффективно используемые средства вербального воздействия. В списке этих «прагматически заряженных» лингвистических средств находятся устойчивые языковые единицы, в ряду которых особый интерес вызывают политические фразеологизмы. Следует уточнить, что политическими фразеологизмами в нашей работе называются «фразеологические единицы, генетически связанные с политическим дискурсом и номинирующие политические реалии» [Декатова 2018: 71—72], например, такие устойчивые единицы, как **суверенная демократия** — ‘образ политической жизни общества, при котором власть, ориентируясь исключительно на интересы российской нации, проводит самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, не допуская внешнего вмешательства’; **красный пояс** —

‘группа регионов России с устойчивой поддержкой левых партий и прежде всего КПРФ на местных и федеральных выборах’; **бархатная революция** — ‘о мирных и бескровных изменениях политического строя, о постепенных и спокойных изменениях в важных для жизни общества делах’; **желтые жилеты** — ‘представители спонтанно возникшего протестного движения во Франции в 2018 г.’ и под.

Политические фразеологизмы активно участвуют в реализации прагматического потенциала высказывания в тексте политического дискурса. Экспрессивность, эмоциональность фразеологических единиц делает их прагматически эффективными, поскольку позволяет быстро и без особых усилий достичь коммуникативного эффекта: затронуть чувства участников политического дискурса, вызвать у них необходимую эмоциональную реакцию, побудить к ментальному или физическому действию. Политические фразеологизмы, как правило, «обладающие оценочностью», могут употребляться в высказываниях для формирования как отрицательного, так и положительного отношения к политическому объекту, действию, событию. Так, одно из важнейших событий в истории России — революция, произошедшая в октябре 1917 г., — имеет в русском языке фразеологические номинации с положительной и отрицательной оценкой: **Великий Октябрь** — ‘Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г.’ [БАС 1959, т. 8: 829] и **октябрьский переворот** — неодобр. ‘о событиях в октябре 1917 г., приведших к власти большевиков’ [Максимов 1992: 142]. Выбор номинации этого события позволяет выразить отношение к нему, дать ему оценку и показать свою принадлежность к сторонникам тех или иных политических взглядов. Ср. положительную оценку октябрьских событий 1917 г. в речи лидера КПРФ Г. А. Зюганова (1) и выраженное с помощью фразеологической номинации отношение к этим событиям Н. А. Гульбинского — автора статьи, опубликованной в либеральной «Независимой газете» (2):

1. <Сталин> понимал, что **Великий Октябрь** вдохнул в каждого труженика, в каждого солдата, в каждого рабочего, инженера и учёного новые силы. Это были силы Великой Победы. Не зря сегодня вся сволочь мира объединилась, пытаясь опровергнуть **Великий Октябрь** и светлое имя гениального Ленина (из речи Г. А. Зюганова, сайт Московского отделения КПРФ. 2019. 12 ноября).

2. Творец **Октябрьского переворота**, «организатор победы» в Гражданской войне,

„самый способный человек“ в ленинском ЦК и блестящий администратор, Троцкий прекрасно понимал: такой способ пополнения бюджета, не связанный с внедрением новых технологий, задаёт неверные ориентиры хозяйственной деятельности, лишает стимулов к повышению эффективности и приводит к утрате конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке (Независимая газета. 2020. 25 мая).

Реализация прагматического потенциала высказывания, содержащего политический фразеологизм, нередко зависит от прагматических особенностей семантики фразеологизма, т. е. от той способности устойчивой языковой единицы, которую в современных исследованиях называют «прагматическим зарядом» [Афанасьева, Каневская 2018; Буянова 2008; Махова 2015 и др.]. Анализируя сущность этого явления, О. М. Афанасьева и Я. Е. Каневская разграничивают понятия «прагматический заряд» и «прагматический потенциал». Прагматическим зарядом языковой единицы ученые называют «обусловленную значением единицы (языковым или контекстуальным) способность воздействовать на ментальную и эмоциональную сферу сознания человека» [Афанасьева, Каневская 2018: 135—136]. Прагматическим потенциалом языковой единицы, по мнению лингвистов, является «контекстуально и социально обусловленная возможность того, что языковая единица реализует в определенном тексте в той или иной мере свой прагматический заряд» [Афанасьева, Каневская 2018: 136]. Иными словами, прагматическим зарядом можно назвать семантически обусловленную способность языковой единицы участвовать в достижении коммуникативного эффекта, а возможности в том или ином контексте реализоваться совокупности этих способностей языковой единицы являются ее прагматическим потенциалом. Так, прагматическим зарядом политического фразеологизма **Вождь (всех времен и) народов** — 1) ‘о Сталине’; 2) ‘о лучшем или худшем, что (кто) когда-либо существовал на земле’ [Бирх 2005: 110] — можно рассматривать его способность вызывать положительные эмоции, поскольку в семантической структуре фразеологизма содержатся семы ‘лучший’, ‘первый’, ‘предводитель’ и т. п., или способность вызывать отрицательные эмоции, так как в семантической структуре данного фразеологизма содержатся потенциальные семы, связанные со смысловыми элементами представлений о Сталине как о ‘тиране’, ‘жестоким’, ‘беспощадном’ руководителе и т. п. Совокупность возможностей актуализации в

разных контекстах сем, позволяющих вызывать положительные (1), отрицательные эмоции (2), а также реализовать другие прагматические свойства фразеологической единицы, представляют собой ее прагматический потенциал.

1. *„Вождь всех времен и народов“ был большим любителем кинематографа и, стоит отметить, имел неплохой художественный вкус. Именно благодаря ему на широкий экран вышли такие картины, как „Веселые ребята“, „Цирк“, „Волга-Волга“ и отчасти „Чапаев“ — в том виде, в каком его увидели советские и иностранные зрители* (Российская газета. 2014. 10 мая).

2. *В Екатеринбурге состоялся „национальный праздник освобождения“. Правоохранительные органы не стали мешать активистам в проведении фейерверка по случаю смерти Сталина. Организаторы акции посчитали, что уход из жизни „вождя народов“ позволил избежать очередной волны массовых репрессий* (Коммерсантъ FM. 2020. 6 марта).

Изучение прагматического заряда, как представляется, невозможно без анализа семантической структуры языковой единицы, предполагающего исследование как словарных дефиниций, так и их модификаций в контексте [Афанасьева, Каневская 2018: 138]. В этой связи, на наш взгляд, весьма эффективным становится использование семиологического подхода к исследованию прагматических свойств языкового знака. Для понимания сущности семиологического подхода важно уточнить, что определение «семиологический» в трудах современных лингвистов (Н. Ф. Алефиренко, А.-Ж. Греймаса, Ю. С. Степанова, А. А. Уфимцевой и др.) не является синонимом ни слова «семантический» («семасиологический»), ни слова «семиотический». Под семиологическими исследованиями подразумевается анализ «процессуальной (дискурсивной) семантики» [Алефиренко 2006а: 33], специфики проявления и видоизменения системного значения языковой единицы в речи. Семиологические исследования, в отличие от семиотических, являются не анализом природы и сущности языкового знака в целом, а изучением актуализации его семантики в дискурсе [Декатова 2020: 278—279].

Семиологические исследования проводятся с учетом такой особенности языкового семиозиса, как двукратная репрезентация знаний — первичная (семиологическая) и вторичная (семантическая) объективации знания языковыми единицами [Алефиренко 2006б: 16; Декатова 2009: 40—41]. Иными словами, семиологический подход к исследо-

ванию языкового знака предполагает анализ актуального и виртуального значений [Уфимцева 1986: 76—82] в их неразрывной, диалектической взаимосвязи, изучение особенностей актуализации виртуального значения в речевом пространстве и осмысление степени влияния речевых семантических модификаций на системное значение языковой единицы. Это отличает семиологические исследования от структурно-семантических, семасиологических, которые, как правило, нацелены на анализ либо системного значения языковой единицы, либо ее речевого смысла.

Семиологический анализ прагматических свойств политических фразеологизмов предоставляет возможность описать прагматический заряд и потенциал данных единиц, степень их участия в реализации прагматических целей участников политического дискурса. Описывая прагматические свойства лексических единиц, О. М. Афанасьева и Я. Е. Каневская подчеркивают, что одни языковые единицы «приобретают свой прагматический заряд исключительно в самом тексте (т. е. имеют контекстуальный прагматический заряд; вне контекста они нейтральны), другие прагматически заряжены изначально, еще до включения в текст (т. е. имеют языковой прагматический заряд)» [Афанасьева, Каневская 2018: 136]. Политические фразеологизмы, как и лексические единицы, могут изначально обладать значением с прагмаэлементами, а могут приобретать способность реализовывать прагматические смыслы в контексте. Понять, к какому разряду следует отнести фразеологизм, позволяет семиологический анализ, предполагающий аппликацию актуального значения (речевого смысла) на виртуальное (системное, словарное) значение устойчивой единицы. Например, исследование речевого смысла фразеологизма *идти (пойти) во власть* в контексте: *«Политика его (Березовского. — К. Д.) интересовала только постольку постольку она приносила деньги. И во власть он пошел для того, чтобы разбогатеть»* (Комсомольская правда. 2013. 24 марта) — показывает, что фразеологическая единица обладает прагматическим зарядом, который реализуется в семных комплексах '<избираться> с корыстными целями', '<избираться> для защиты не общественных, а собственных интересов'. Однако только семиологическое исследование позволяет выявить, что прагматический заряд приобретен единицей в контексте статьи, поскольку в семантической структуре фразеологизма вне контекста (в словарной дефиниции) смыслы, позволяющие создать данный прагматический эффект, отсутству-

ют: *идти (пойти) во власть* — ‘избираться, быть избранным во властные структуры’ [Буцева 2009: 649].

Интересно, что нередко прагматически нейтральные политические фразеологизмы в разных контекстах могут участвовать в решении прямо противоположных прагматических задач. Так, политический фразеологизм **парад суверенитетов** — ‘принятие декларации о государственном суверенитете республик и автономий в составе СССР и РСФСР’ [Бирих 2005: 483] — выражает и положительную (1), и отрицательную (2) оценку в устах носителей разных политических убеждений.

1. *Россия, как отец, отделивший сыновей и отдавший каждому из них свою долю, чувствует облегчение. Все, живите самостоятельно, стройте свои экономики, свою социальную защиту, свою культуру. Все равно России это на пользу. Этот парад суверенитетов ведь мог случиться в любой момент* (Российская газета. 2011. 30 авг.).

2. *Совет Федерации, а это серьезная организация, про нее даже Дормидонт Народный, наш поэт от сохи, знает, утвердил закон, по которому губернаторы будут отныне не избираться, а фактически назначаться президентом. Так по замыслу кремлевских мудрецов укрепится властная вертикаль, будет искоренено (ну, поколеблено) мздоимство, „парад суверенитетов“ и прочее разгильдяйство* (Комсомольская правда. 2004. 9 дек.).

Такого рода прагматическая амбивалентность политических фразеологизмов обусловлена спецификой их денотата, который является фантомным, т. е. продуктом умственной деятельности человека, а не типизированным образом объекта реальной действительности [Норманн 2006: 19].

Семиологические исследования прагматически заряженных политических фразеологизмов позволяют определить степень прагматического заряда и необходимые условия (тип контекста), в которых появляется возможность актуализации тех или иных прагмасмыслов. Например, анализ функционирования фразеологизма **пятая колонна** — ‘тайные агенты врага — шпионы, диверсанты, саботажники, предатели, изменники’ [Бирих 2005: 323] — показывает, что в разных контекстах актуализируются смыслы, позволяющие достигать различных прагматических целей, к которым относятся диффамация, оскорбление политического оппонента (1), обвинение в предательстве на основе подозрений (2), эмоциональное воздействие на слушателей в призыве к борьбе с политическим врагом (3) и др.

1. *Насчет либералов и наших демократов, начиная с 85-ого года. Их ошибка — что они не хотели объединяться. И виноват в этом Явлинский, эта подсадная лошадка, эта пятая колонна. Ему за это и платят деньги. „Гриша, ни с кем не объединяйся!“* (из выступления В. В. Жириновского. Комсомольская правда. 2016. 19 сент.).

2. *Лидер КПРФ Геннадий Зюганов поделился с „НГ“ мнением относительно того, возможна ли революция в России. <...> „Надо принимать экстренные меры, но я не вижу этих мер у правительства. Зато вижу провокационные решения вроде выселения из квартир, повышения цен, штрафов и попыток переваливать все проблемы на плечи нищих граждан. Все выглядит так, как будто в правительстве сидит „пятая колонна“, которая сама все расшатывает. Я думаю, Совету безопасности и Путину есть здесь над чем задуматься“, — добавил он* (Независимая газета. 2017. 6 февр.).

3. *Солидарность, товарищество, умение преодолеть разногласия и отставить в сторону эгоистические амбиции ради главной общей цели — вот что требуется от нас в это трудное и ответственное время, время, бросившее нам исторический вызов. Тот вызов, достойно ответить на который можно только при условии единения патриотических сил, скрепленных готовностью сражаться с русофобской и антисоветской „пятой колонной“ ненавистников и разрушителей нашего Отечества* (Правда. 2020. 26 нояб.).

Во всех вышеприведенных контекстах в реализации прагматической цели принимают участие актуализированные ядерные смысловые элементы семемы фразеологической единицы **пятая колонна** — семы ‘изменники’, ‘предатели’. Во 2 и 3 фрагментах, содержащих фразеологизм **пятая колонна**, помимо ядерных сем, активируются и периферийные смысловые элементы (потенциальные семы и семные комплексы ‘вредоносные действия’, ‘националистическая нетерпимость’, ‘ненависть’ и др.), помогающие говорящему добиться прагматического эффекта.

Интересно, что в некоторых контекстах происходит нейтрализация исходного прагматического заряда политического фразеологизма или даже замена на «заряд» с противоположной оценкой. Так, действия пятой колонны (предателей, шпионов) могут вызывать хорошие чувства, порождать хорошее отношение и положительную оценку, если эта пятая колонна действует в «стане врага»:

Не надо этого стесняться, так действуют все. Британцы, США создают мотивированных в своих интересах полити-

ков. *И мы должны иметь свою пятую колонну в интересующих нас странах* (из интервью И. Коротченко. Правда.Ру. 2020. 10 мая).

Описание всех смысловых элементов (ядерных, околядерных, потенциальных, скрытых), составляющих прагматический заряд фразеологической единицы, в ходе изучения условий их актуализации — одна из задач семиологического анализа прагматических свойств языковых единиц.

Семиологические исследования позволяют описать особенности прагматических свойств модифицированных политических фразеологизмов. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц усиливают прагматический эффект высказывания, делают его более экспрессивным. Семиологический анализ предполагает выявление в семантической структуре модифицированных политических фразеологизмов новых смысловых элементов, которые становятся прагматическими интенсификаторами. Так, в нижеследующем фрагменте вследствие расширения компонентного состава фразеологизма *пятая колонна* в семантической структуре речевой единицы появляются смысловые элементы (семные комплексы ‘предатели-патриоты’, ‘бескорыстные изменники’ и под.), которые расширяют круг врагов и позволяют гиперболизировать опасность, исходящую от агентов влияния, что усиливает прагматический эффект высказывания:

— Очевидно, что после озвучивания актуальных возможностей российской армии всякая попытка силового воздействия на Россию обречена на неудачу и приведет к аннигиляции противников. Поэтому все усилия будут направлены на раскачивание ситуации изнутри и на попытку разложить власть с помощью агентов либерального влияния — „пятой и шестой колонны“. Поэтому без „зачистки“ этих агентов обезопасить страну от внутреннего разложения будет невозможно. Иначе, нас ждет либеральный мятеж (СвободнаяПресса. 2018. 2 марта).

Таким образом, важным этапом прагматических исследований политического дискурса является описание вербальных средств достижения коммуникативного эффекта. Политические фразеологизмы по значимости занимают не последнее место в списке данных средств. Исследование их прагматических свойств позволяет понять особенности прагматического заряда и прагматического потенциала языковых знаков, используемых в политическом дискурсе. Одним из эффективных подходов к исследо-

ванию прагматических свойств политических фразеологизмов является семиологический подход, позволяющий выявлять смысловые элементы, обуславливающие способность политических фразеологизмов вносить свой вклад в создание прагматического эффекта, участвовать в достижении определенной прагматической цели, которую ставят перед собой участники политического дискурса.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

1. Бурменко, К. Любимые фильмы Сталин / К. Бурменко. — Текст : электронный // Российская газета. — 2014. — 10 мая. — URL: <https://rg.ru/2014/05/10/kinostalina-site.html> (дата обращения: 11.01.2021).

2. Геннадий Зюганов: Все выглядит так, будто в правительстве сидит пятая колонна // Независимая газета. — 2017. — 6 февр. — URL: <https://www.ng.ru/news/570989.html> (дата обращения: 20.01.2021). — Текст : электронный.

3. Голованов, Р. Жириновский: «Виноват в этом Явлинский, эта подсадная лошадка, эта пятая колонна» / Р. Голованов. — Текст : электронный // Комсомольская правда. — 2016. — 19 сент. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26583/3599280/> (дата обращения: 15.01.2021).

4. Гульбинский, Н. А. Грезы о будущем на борту «Титаника» / Н. А. Гульбинский. — Текст : электронный // Независимая газета. — URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2020-05-25/13_7869_titanic.html (дата обращения: 15.01.2021).

5. Дормидонт Народный. Пусть прилёт генерал-губернатора, но не вора и не терминатора! / Дормидонт Народный. — Текст : электронный // Комсомольская правда. — 2004. — 9 дек. — URL: <https://www.kp.ru/daily/23421/34949/> (дата обращения: 15.01.2021).

6. Дризе, Д. «Сталин — плохой союзник для любой власти» / Д. Дризе. — Текст : электронный // Коммерсантъ FM. — 2020. — 6 марта. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4277731?query=вождь%20всех%20времен%20и%20народов> (дата обращения: 11.01.2021). — Текст : электронный.

7. Зюганов, Г. Три подвига Энгельса / Г. Зюганов. — Текст : электронный // Правда. — 2020. — 26 нояб. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/114-31046-26-noyabrya-2020-goda/tri-podviga-engelsa/?sphrase_id=103043 (дата обращения: 15.01.2021).

8. Курс — на социализм и союзное государство // Сайт Московского отделения КПРФ. — 2019. — 12 нояб. — URL: <https://msk.kprf.ru/2019/11/12/128476/> (дата обращения: 11.01.2021). — Текст : электронный.

9. Новикова, И. Игорь Коротченко: как поставить российские интересы во главу политики / И. Новикова. — Текст : электронный // Правда.Ру. — URL: https://www.pravda.ru/politics/1495936-fifth_column/ (дата обращения: 15.01.2021).

10. Новоселова, Е. Парад свобод / Е. Новоселова, Е. Яковлева. — Текст : электронный // Российская газета. — 2011. — 30 авг. — URL: <https://rg.ru/2011/08/30/diskussiya.html> (дата обращения: 11.01.2021).

11. Пятая колонна испугалась сильной России // СвободнаяПресса. — URL: <https://svpressa.ru/politic/article/194398/> (дата обращения: 15.01.2021). — Текст : электронный.

12. Шамир, И. Березовский любил две вещи в своей жизни — деньги и пятнадцатилетних девочек / И. Шамир. — Текст : электронный // Комсомольская правда. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26050/2962751/> (дата обращения: 15.01.2021).

ЛИТЕРАТУРА

13. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка / Н. Ф. Алефиренко. — Текст : непосредственный // Слово — сознание — культура : сб. науч. тр. / сост. Л. Г. Золотых. — Москва : Флинта : Наука, 2006а. — С. 31—41.

14. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко. — Волгоград : Перемена, 2006б. — 228 с. — Текст : непосредственный.

15. Афанасьева, О. М. Реализация прагматических свойств язы-

ковых единиц в медиатексте: подходы к изучению / О. М. Афанасьева, Я. Е. Каневская. — Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2018. — № 11 (44). — С. 132—142.

16. БАС = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950—1965. — Т 8. — 924 с. — Текст : непосредственный.

17. Бирих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Москва : Астрель : АСТ : Льюкс, 2005. — 926 с. — Текст : непосредственный.

18. Буцева, Т. Н. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 2 т. / сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонобоблева ; отв. ред. Т. Н. Буцева ; Ин-т лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. — Т. 1. — 816 с. — Текст : непосредственный.

19. Буянова, Ю. В. Прагматический аспект преобразования компаративных фразеологических единиц в газетном тексте (на материале современного французского языка) / Ю. В. Буянова. — Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2008. — № 1. — С. 202—204.

20. Декатова, К. И. Когнитивно-семиологический подход к исследованию смыслообразования языковых единиц в художественном тексте / К. И. Декатова. — Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. — 2020. — № 2. — С. 277—289.

21. Декатова, К. И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: когнитивно-

семиологический аспект исследования : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... д-ра филол. наук / Декатова Кристина Ивановна ; ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет». — Волгоград, 2009. — 486 с. — Текст : непосредственный.

22. Декатова, К. И. Фразеологическое значение как средство изучения политической картины мира / К. И. Декатова. — Текст : непосредственный // Жизнь фразеологии — фразеология в жизни. — Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. — С. 70—78.

23. Максимов, В. И. Словарь перестройки [1985—1992] / В. И. Максимов [и др.]. — Санкт-Петербург : Златоуст, 1992. — 253 с. — Текст : непосредственный.

24. Махова, А. А. Функционально-прагматический потенциал интертекстуальности в журналистском тексте : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Махова Анна Алексеевна ; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. — Белгород, 2015. — 22 с. — Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет. — Текст : непосредственный.

25. Норман, Б. Ю. Игра на грани языка / Б. Ю. Норман. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 344 с. — Текст : непосредственный.

26. Уфимцева, А. А. Лексическое значение (принцип семиологического описания лексикона) / А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1986. — 240 с. — Текст : непосредственный.

27. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.

K. I. Dekatova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

ORCID ID: 0000-0002-7690-8379

 E-mail: dekatovaki@mail.ru.

Semiological Approach to the Analysis of the Pragmatic Properties of Political Phraseological Units

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of an urgent problem of modern phraseology – functioning of phraseological units in political discourse. The purpose of the article is to describe the main tasks of a semiological study of the pragmatic properties of phraseological units in the space of political communication. The use of the semiological approach to the analysis of the role of phraseological units in achieving a certain communicative purpose involves the analysis of the virtual and urgent meanings of a language unit in their inseparable connection and the analysis of the process of actualization of the virtual meaning in speech. The research material includes political phraseological units that are genetically related to political discourse and nominate political realities. The semantic features of these language units allow them to act as an effective verbal means of creating a pragmatic effect. Semiological analysis of political phraseological units helps to identify the degree of their pragmatic charge (the semantically determined ability of a language unit to participate in achieving a communicative effect) and pragmatic capacity (the ability to realize the set of pragmatic potential of a language unit in a particular context), and allows to describe the necessary conditions (type of context) for the actualization of certain pragmatic meanings. The article contains the results of a semiological analysis of the implementation of the pragmatic properties of such political phraseological units as pragmatically charged, pragmatically neutral political phraseological units and the phraseological units that have undergone structural and semantic modification in political discourse.*

KEYWORDS: *political discourse; semiological approach; semiological studies; political phraseological units; phraseological units; language units; political communication; communicative purposes.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dekatova Kristina Ivanovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language and Methods of Its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia.*

FOR CITATION: *Dekatova, K. I. Semiological Approach to the Analysis of the Pragmatic Properties of Political Phraseological Units / K. I. Dekatova // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 25-32. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_02.*

REFERENCES

1. Burmenko, K. Favorite Films of Stalin / K. Burmenko. — Text : electronic // Russian newspaper. — 2014. — May 10. [Lyubimye fil'my Stalin / K. Burmenko. — Tekst : elektronnyy // Rossiyskaya gazeta. — 2014. — 10 maya]. — URL: <https://rg.ru/2014/05/10/kinostalina-site.html> (date of access: 11.01.

2021). — (In Rus.)

2. Gennady Zyuganov: Everything Looks Like a Fifth Column in the Government // Nezavisimaya Gazeta. — 2017. — 6 Feb. [Gennadiy Zyuganov: Vse vyglyadit tak, budto v pravitel'stve sidit pyataya kolonna // Nezavisimaya gazeta. — 2017. — 6 fevr.]. — URL: <https://www.ng.ru/news/>

570989.html (date of access: 20.01.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

3. Golovanov, R. Zhirinovskiy: “Yavlinsky is to Blame for this, this Decoy Horse, this Fifth Column” / R. Golovanov. — Text : electronic // Komsomolskaya Pravda. — 2016. — Sept. 19. [Zhirinovskiy: «Vinovat v etom Yavlinskiy, eta podsadnaya loshadka, eta pyataya kolonna» / R. Golovanov. — Tekst : elektronnyy // Komsomol'skaya pravda. — 2016. — 19 sent.]. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26583/3599280/> (date of access: 15.01.2021). — (In Rus.)

4. Gul'binskiy, N. A. Dreams about the Future on Board the “Titanic” / N. A. Gulbinskiy. — Text : electronic // Nezavisimaya gazeta. [Grezy o budushchem na bortu «Titanika» / N. A. Gulbinskiy. — Tekst : elektronnyy // Nezavisimaya gazeta]. — URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2020-05-25/13_7869_titanic.html (date of access: 15.01.2021). — (In Rus.)

5. Dormidont Narodny. Let the Governor-general be Sent, but not a Thief or a Terminator! / Narodny Dormidont. — Text : electronic // Komsomolskaya Pravda. — 2004. — Dec 9. [Dormidont Narodny. Pust' prishlyut general-gubernatora, no ne vora i ne terminatora! / Dormidont Narodny. — Tekst : elektronnyy // Komsomol'skaya pravda. — 2004. — 9 dek.]. — URL: <https://www.kp.ru/daily/23421/34949/> (date of access: 15.01.2021). — (In Rus.)

6. Drize, D. “Stalin is a bad ally for any government” / D. Drize. — Text : electronic // Kommersant FM. — 2020. — March 6. [«Stalin — plokhoy soyuznik dlya lyuboy vlasti» / D. Drize. — Tekst : elektronnyy // Kommersant" FM. — 2020. — 6 marta]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4277731?query=vozhd%20vsekh%20vremen%20i%20narodov> (date of access: 11.01.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

7. Zyuganov, G. Three Feats of Engels / G. Zyuganov. — Text : electronic // True. — 2020. — Nov 26. [Tri podviga Engel'sa / G. Zyuganov. — Tekst : elektronnyy // Pravda. — 2020. — 26 noyab.]. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/114-31046-26-noyabrya-2020-goda/tri-podviga-engelsa/?sphrase_id=103043 (date of access: 15.01.2021). — (In Rus.)

8. Course — Towards Socialism and the Union State // Site of the Moscow branch of the Communist Party of the Russian Federation. — 2019. — 12 Nov. [Kurs — na sotsializm i soyuznoe gosudarstvo // Sayt Moskovskogo otdeleniya KPRF. — 2019. — 12 noyab.]. — URL: <https://msk.kprf.ru/2019/11/12/128476/> (date of access: 11.01.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

9. Novikova, I. Igor Korotchenko: How to put Russian Interests at the Head of Politics / I. Novikova. — Text : electronic // Pravda.Ru. [Igor Korotchenko: kak postavit' rossiyskie interesy vo glavu politiki / I. Novikova. — Tekst : elektronnyy // Pravda.Ru.]. — URL: <https://www.pravda.ru/politics/1495936-fifth-column/> (date of access: 15.01.2021). — (In Rus.)

10. Novoselova, E. Freedom Parade / E. Novoselova, E. Yakovleva. — Text : electronic // Russian Newspaper. — 2011. — 30 Aug. [Parad svobod / E. Novoselova, E. Yakovleva. — Tekst : elektronnyy // Rossiyskaya gazeta. — 2011. — 30 avg.]. — URL: <https://rg.ru/2011/08/30/diskussiya.html> (date of access: 11.01.2021). — (In Rus.)

11. The Fifth Column was Frightened by a Strong Russia // SvobodnayaPressa. [Pyataya kolonna ispugalas' sil'noy Rossii // SvobodnayaPressa]. — URL: <https://svpressa.ru/politic/article/194398/> (date of access: 15.01.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

12. Shamir, I. Berezovsky Loved Two Things in his Life — Money and Fifteen-year-old Girls / I. Shamir. — Text : electronic // Komsomolskaya Pravda. [Berezovskiy lyubil dve veshchi v svoey zhizni — den'gi i pyatnadsatiletikh devochek / I. Shamir. — Tekst : elektronnyy // Komsomol'skaya pravda]. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26050/2962751/> (date of access: 15.01.2021). — (In Rus.)

13. Alefirenko, N. F. Problems of Cognitive-semiological Research of Language / N.F. Alefirenko. — Text : unmediated // Word — consciousness — culture : collection of scientific works / comp. L. G. Zolotykh. — Moscow : Flinta : Science, 2006a. — P. 31—41. [Problemy kognitivno-semiologicheskogo issledovaniya yazyka / N. F. Alefirenko. — Tekst : neposredstvennyy // Slovo — soznanie — kul'tura : sb. nauch. tr. / sost. L. G. Zolotykh. — Moskva : Flinta : Nauka, 2006a. — S. 31—41]. — (In Rus.)

14. Alefirenko, N. F. Language, Knowledge and Culture: Cognitive-semiological Synergetics of the Word / N. F. Alefiren-

ko. — Volgograd : Change, 2006b. — 228 p. — Text : unmediated. [Yazyk, poznanie i kul'tura: kognitivno-semiologicheskaya sinergetika slova / N. F. Alefirenko. — Volgograd : Peremena, 2006b. — 228 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Afanas'eva, O. M. Implementation of the Pragmatic Properties of Language Units in the Media Text: Approaches to the Study / O. M. Afanas'yeva, Ya. E. Kanevskaya. — Text : unmediated // Bulletin of the RSUH. Series “History. Philology. Culture. Oriental studies”. — 2018. — No. 11 (44). — P. 132—142. [Realizatsiya pragmaticheskikh svoystv yazykovykh edinit v mediatekste: podkhody k izucheniyu / O. M. Afanas'eva, Ya. E. Kanevskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie». — 2018. — № 11 (44). — S. 132—142]. — (In Rus.)

16. BAS = Dictionary of Modern Russian Literary Language: in 17 volumes — Moscow ; Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950—1965. — Vol. 8. — 924 p. — Text : unmediated. [BAS = Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t. — Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1950—1965. — T 8. — 924 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Birikh, A. K. Russian Phraseology: a Historical and Etymological Dictionary / comp. A. K. Birikh, V. M. Mokienco, L. I. Stepanova. — Moscow : Astrel : AST : Lux, 2005. — 926 p. — Text : unmediated. [Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskii slovar' / sost. A. K. Birikh, V. M. Mokienco, L. I. Stepanova. — Moskva : Astrel' : AST : Lyuks, 2005. — 926 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Butseva, T. N. New Words and Meanings: a Dictionary-reference Book Based on Materials from the Press and Literature of the 90s of the Twentieth Century: in 2 volumes / comp. T. N. Butseva, E. A. Levashev, Yu. F. Denisenko, N. G. Stulova, N. A. Kozulin, S. L. Gonoboleva ; resp. ed. T. N. Butseva ; Institute of Linguistic Research of RAS. — St. Petersburg : Dmitry Bulanin, 2009. — Vol. 1. — 816 p. [Text: direct.Novye slova i znacheniya : slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka : v 2 t. / sost. T. N. Butseva, E. A. Levashev, Yu. F. Denisenko, N. G. Stulova, N. A. Kozulina, S. L. Gonoboleva ; otv. red. T. N. Butseva ; In-t lingvisticheskikh issledovaniy RAN. — Sankt-Peterburg : Dmitriy Bulanin, 2009. — T. 1. — 816 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Buyanova, Yu. V. Pragmatic Aspect of the Transformation of Comparative Phraseological Units in Newspaper Text (based on the material of modern French) / Yu. V. Buyanova. — Text : unmediated // Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. — 2008. — No. 1. — P. 202—204. [Pragmaticheskiy aspekt preobrazovaniya komparativnykh frazeologicheskikh edinit v gazetnom tekste (na materiale sovremennogo frantsuzskogo yazyka) / Yu. V. Buyanova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. — 2008. — № 1. — S. 202—204]. — (In Rus.)

20. Dekatova, K. I. Cognitive-semiological Approach to the Study of the Meaning Formation of Linguistic Units in a Literary Text / K. I. Dekatova. — Text : unmediated // Siberian Journal of Philology. — 2020. — No. 2. — P. 277—289. [Kognitivno-semiologicheskii podkhod k issledovaniyu smysloobrazovaniya yazykovykh edinit v khudozhestvennom tekste / K. I. Dekatova. — Tekst : neposredstvennyy // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. — 2020. — № 2. — S. 277—289]. — (In Rus.)

21. Dekatova, K. I. Meaning Formation of Signs of Indirectly Derived Nomination of the Russian Language: cognitive-semiological aspect of the study : specialty 10.02.01 “Russian language”: doctoral thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Dekatova Kristina Ivanovna ; GOU VPO “Volgograd State Pedagogical University”. — Volgograd, 2009. — 486 p. — Text : unmediated. [Smysloobrazovanie znakov kosvenno-proizvodnoy nominatsii russkogo yazyka: kognitivno-semiologicheskii aspekt issledovaniya : spetsial'nost' 10.02.01 «Russkiy yazyk» : dis. ... d-ra filol. nauk / Dekatova Kristina Ivanovna ; GOU VPO «Volgogradskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet». — Volgograd, 2009. — 486 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Dekatova, K. I. Phraseological Meaning as a Means of Studying the Political Picture of the World / K. I. Dekatova. — Text : unmediated // Life of Phraseology — phraseology in life. — Kostroma : Publishing house of Kostroma State University,

2018. — P. 70—78. [Frazeologicheskoe znachenie kak sredstvo izucheniya politicheskoy kartiny mira / K. I. Dekatova. — Tekst : neposredstvennyy // Zhizn' frazeologii — frazeologiya v zhizni. — Kostroma : Izd-vo Kostrom. gos. un-ta, 2018. — S. 70—78]. — (In Rus.)

23. Maksimov, V. I. Dictionary of Perestroika [1985—1992] / V. I. Maksimov [and others]. — St. Petersburg : Zlatoust, 1992. — 253 p. — Text : unmediated. [Slovar' perestroyki [1985—1992] / V. I. Maksimov [i dr.]. — Sankt-Peterburg : Zlatoust, 1992. — 253 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. Makhova, A. A. Functional and Pragmatic Potential of Intertextuality in a Journalistic Text : specialty 10.02.01 "Russian language" : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. sciences / Makhova Anna Alekseevna ; Belgorod State National Research University. — Belgorod, 2015. — 22 p. — Place of defense : Belgorod State National Research University. — Text : unmediated. [Funktsional'no-pragmaticheskiy potentsial intertekstual'nosti v zhurnalistskom tekste : spetsial'nost' 10.02.01 «Russkiy yazyk» : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Makhova Anna Alek-

seevna ; Belgorodskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet. — Belgorod, 2015. — 22 s. — Mesto zashchity: Belgorodskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

25. Norman, B. Yu. Game on the Edges of the Language / B. Yu. Normann. — Moscow : Flinta : Science, 2006. — 344 p. — Text : unmediated. [Igra na granyakh yazyka / B. Yu. Normann. — Moskva : Flinta : Nauka, 2006. — 344 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Ufimtseva, A. A. Lexical Meaning (the Principle of Semiological Description of Vocabulary) / A. A. Ufimtseva. — Moscow : Science, 1986. — 240 p. — Text : unmediated. [Leksicheskoe znachenie (printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki) / A. A. Ufimtseva. — Moskva : Nauka, 1986. — 240 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

27. Chudinov, A. P. Political Linguistics : textbook / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta : Science, 2006. — 254 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2006. — 254 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

П. СерюЛозаннский университет, Швейцария
ORCID ID: — **E-mail:** Patrick.Seriot@unil.ch.**Что стоит за названием молдавского языка?**

АННОТАЦИЯ. В свете концепций национальной идентичности рассматриваются существующие подходы к наименованию и определению сущности языка Республики Молдова. Рассматривается метадискурсивный аспект спора, касающийся природы объекта-языка, выводящий на фундаментальные вопросы языкознания (о чем идет речь, когда язык используется как объект дискурса? Где начинается и заканчивается язык? Насколько компетентны в этом вопросе лингвисты?). «Молдавский язык» представляет собой сущность с изменяемой геометрией, пластичностью которой допускает самые разнообразные и противоречивые аргументы, основанные на трех различных принципах: 1) позитивистском — существуют народы, и каждый народ является «носителем» определенного языка (и именно потому, что он является носителем определенного языка, он и есть народ); 2) романтическом — чтобы построить литературный язык, интеллигенция должна опираться на язык народа; 3) административно-командном — для строительства литературного языка интеллигенция (писатели, поэты, языковеды) должна обучать народ говорить на правильном языке. Это сосуществование трех принципов в языковых дискуссиях в Восточной Европе имеет все признаки порочного круга, в котором причина и следствие постоянно занимают место друг друга. Молдавский язык, действительно «существующий» в умах тех, кто его так называет, является принципом утверждения идентичности, не столько средством общения, сколько критерием общности. Но в то же время он является и средством не-общения, стремящимся быть непонятым со стороны того, от кого хотят отличаться любой ценой, чтобы быть самими собой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молдавский язык; румынский язык; языковая политика; национальная идентичность; дискурс о языке; литературный язык; принципы орфографии; орфография.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Серю Патрик, профессор, Лозаннский университет; Switzerland, CH-1015 Lausanne, Quartier UNIL-Chamberonne, Bâtiment Anthropole; e-mail: Patrick.Seriot@unil.ch.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Серю, П. Что стоит за названием молдавского языка? / П. Серю // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 33-56. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_03.

Мы не нуждаемся во мнении лингвистов о том, как называется язык, на котором мы говорим. Это молдавский язык, который намного старше румынского языка.

В. Воронин, Президент Республики Молдова, декабрь 2003 года

Распространение в любой форме так называемого молдавского языка, отличающегося от румынского, является мошенничеством с научной точки зрения, нелепостью и утопией с исторической и практической точки зрения, а с политической точки зрения — это уничтожение этнической и культурной самобытности народа и, следовательно, это акт этнокультурного геноцида.

Coşeriu, 2002, с. 3

То, что название языка Республики Молдова является политическим вопросом, хорошо известно и широко обсуждается (см.: [Bellet 1997; Bernaz 2016; Bochmann 2013; Bruchis 1996; Cinclei 1996; Dyer 1996, 1999; Kazazis 1982; King 1994, 1995, 1997, 1999; Kleß 1955; Lența 2004; Mullen 1989; Trifon 1999, 2007, 2010]). Советский тезис заключался в том, что молдавский язык — это самостоятельный язык, отличный от румынского; румынский же тезис состоял (и состоит) в том, что молдавский — это просто название, данное румынскому языку политическими противниками. В сегодняшней Молдове сто-

ронники присоединения к Румынии или сближения с Евросоюзом называют свой язык румынским, те же, кто настаивает на полной независимости или склоняются к пророссийской ориентации, называют его молдавским. Смена политического большинства в правительстве ведет и к изменению названия государственного языка. Таким образом, противостояние прорумынского течения и автономистов зашло в тупик. Вопрос о названии языка принадлежит политико-идеологической области; являясь предметом политических наук, он касается отношений между Востоком и Западом в Европе,

что не имеет ничего общего с наукой о языке. Что еще можно сказать, раз для многих наблюдателей, особенно таких лингвистов, как Э. Кошеру, это ложная проблема, несобытие, не заслуживающее внимания серьезных специалистов?¹

На самом деле, ситуация совсем не простая. В Республике Молдова энтузиазм в отношении воссоединения с Румынией, последовавший за обретением независимости в 1989 г., сменился более осторожным отношением, ориентированным на автономию. С возвращением к власти многих чиновников старого режима в 1994 г. термин «румынский язык» является скорее лозунгом меньшинств в составе интеллигенции.

Важно, тем не менее, отметить, что спор об ономастике до такой степени проникает в повседневную практику, что к проблеме языкового вопроса в Молдове приходится подходить чрезвычайно осторожно. Дело в том, что по политическим причинам в Румынии молдаване называются «румынами» (будь то румынская провинция Молдова или независимая Республика Молдова), а в самой Республике Молдова — «молдаванами» (независимо от того, идет ли речь только о молдаванах независимой Республики или также о молдаванах румынской Молдовы).

1. CUJUS REGIO, EJUS LINGUA

Можно было бы подумать, что перед нами противостояние двух концепций национальной идентичности: *право почвы* (*jus solis*) против *права крови* (*jus sanguinis*). С одной стороны романтический эссенциалистский тезис: идентичность основана на общем языке и общем происхождении, а с другой стороны яacobинский тезис общественного договора, основанный на общей территории и общем гражданстве. Но это не так, поскольку противники полностью согласны в одном: нация — это народ, а народ определяется своим языком, которому, поэтому, необходимо дать правильное *название*². Для того чтобы полемика в области наименования могла как-нибудь осмыслиться, она должна основываться на имплицитном постулате, который никогда не подвер-

гается изложению или обсуждению, а именно что нация определяется своим языком и что язык может принадлежать только одной нации. Этот гегельянский принцип, заимствованный И. В. Сталиным в 1913 г.³, парадоксально составляет основу как романтизма, так и позитивизма, и является фундаментом специфичности *дискурса о языке* в Восточной Европе, делая этот дискурс чрезвычайно трудным для понимания во франкоязычном мире.

Будучи запутанным объектом заумного спора, молдавский язык представляет собой явление, в котором причинно-следственные отношения до такой степени сливаются в одно русло, что оно превращается в порочный круг: специфика эссенциалистского тезиса в Республике Молдова заключается в том, что, с одной стороны, язык определяет нацию, но, с другой — именно государство определяет язык. Запутанность определений создает целый клубок неразрешимых противоречий в вопросе о национальной идентичности.

Как ни странно, то, что профессиональные *лингвисты* лично участвовали в споре по поводу наименования, осталось практически незамеченным. При том, что для поддержки политических решений была призвана отдельная дисциплина с такими строгими методами, как фонология. Во имя научности с позитивистским обликом были сформулированы весьма эмоциональные вопросы идентичности, затрагивавшие жизни миллионов людей. Это заслуживает осмысления. Данная статья касается дискурса лингвистов и, точнее, в более широком смысле, *дискурса о молдавском языке* и набора аргументов,

³ Напомним, что для Сталина нацией является «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [Сталин 1913]. Очевидно, что Швейцария в этом романтико-позитивистско-сталинском определении не может считаться нацией, в лучшем случае это либо этнографический материал, ожидающий строительства национального языка ее поэтами и писателями, либо, наоборот, искусственная территория, где франкоязычные граждане (*Suisses romands*), составляющие часть французского народа на ирредентистской территории, когда-нибудь должны будут присоединиться к Франции — матери-родине, как немецкоязычные граждане в Германии или италийские граждане к Италии. В этом случае носители ретороманского языка будут первым ядром формирования возможной швейцарской нации на языковой основе. Этот тип рассуждения, как правило, очень трудно понять франкоязычным студентам, которые привыкли к гражданскому — а не к этноязыковому — определе-

¹ См.: «...what the Moldovans call themselves and their language is a political — not a linguistic — question» [King 1994: 345]; «The creation of Moldavian as a separate language has much more to do with politics than linguistics» [Kirkwood 1990: 7].

² Интересно сравнить вопрос о языке в Восточной Европе и в Швейцарии: для франкоязычных швейцарцев ясно, что 1) их язык *есть* французский; 2) они *не* французы; 3) название их языка не представляет никакой проблемы с точки зрения национальной идентичности.

используемых для каждого из двух тезисов¹. Можно предположить, что дискурс о языке в Восточной Европе может в чем-то пролить свет на проблему *представлений о языке*, в том числе в среде лингвистов-профессионалов. Не отвергая тезиса сплошной политизированности этой проблемы, я хотел бы здесь рассмотреть метадискурсивный аспект спора, касающийся природы объекта-языка в молдавском языковом споре. Насколько мне известно, в отличие от общественно-политической стороны спора о названии языка Молдовы, *лингвистические* аспекты этой проблемы мало кем подробно рассматривались, либо по сознательному игнорированию, либо просто по неведению. Я же, наоборот, думаю, что этот способ углубления в детали в глоттонимическом споре выводит на поверхность фундаментальный вопрос языкознания: о чем идет речь, когда язык используется как объект дискурса? Где начинается и заканчивается язык? Каковы его *пределы*? Насколько компетентны в этом вопросе лингвисты? Таким образом, эта работа касается не столько языковой политики, сколько политики языковедческой.

Нам необходимо будет найти рамки для размышлений, чтобы не попасть в ловушку воинствующего дискурса и осторожно двигаться по теме тождества и различия, вокруг существенного семиотического вопроса: *вещь ли образует имя или, наоборот, имя образует вещь?*

На так называемом «Западе» существует мнение, что *молдавский язык* — это русское название того румынского языка, на котором говорят в Молдове, и что «молдавский — это язык, близкий к румынскому». Тем не менее, если для логика Г. Фреге [Frege 1892], нет сомнения, что утренняя звезда и вечерняя звезда являются двумя разными *смыслами* (Sinn) для одного и того же *денотата* (Bedeutung: планета Венера), то гораздо менее ясно, что названия «молдавский» и «румынский» могут просто отсылать к *одному и тому же* языку, понятию такому же устойчивому и уникальному, как и Венера, если мы заранее не установили то, что мы имеем в виду под термином *язык*.

В сущности, спор можно представить как столкновение двух онтологических утверждений, двух взаимоисключающих уравне-

ний: молдавский (M) *есть / не есть* румынский (R)².

M = P

M ≠ P

Но дискурс о языке не позволяет себя ограничивать категориями бинарной логики, и между этими двумя противоположными позициями существует ряд промежуточных решений.

Категорические заявления соприкасаются и отсылают к самоочевидным определениям, в которых эмпирическая несомненность является уязвимым моментом, что позволяет обойтись без доказательств и аргументов:

(a) M = P³:

- «Молдавский и румынский языки абсолютно одинаковые» [Kamusella 2015: 14];
- «Было легко сравнить грамматики обоих языков, чтобы сделать вывод, что стандартный язык в Румынии и в постсоветской Молдове — один и тот же язык» [Damian 2017, без стр.];
- «Разница между румынским и молдавскими языками не очень заметна» [Drweski 2006: 16];

(a') M = чисто искусственное изобретение, зловещий план:

- «Для населения периферии Советского Союза благодаря выбору азбуки и лексической и грамматической реконструкции создаются языки, объявляемые как совершенно отличные от тех, на которых говорят на той стороне границы: молдавский язык, таким образом, построен на основе отмежевания от румынского» (Thiesse 2001, 239);
- «Изменились и особенности языковой политики, но возникает одна четкая тема: с языком проводились манипуляции для того, чтобы создать этническую идентичность для жителей, прежде всего, Молдавской АССР и, позднее, Молдавской ССР» [Grenoble 2003: 90];
- «Игнорирование по политическим причинам фундаментальной иден-

² По совершенно параллельному вопросу о конфликтных отношениях между болгарским и македонскими языками см.: «Должны ли языки иметь название? Случай македонского языка» (Sériot, 2019).

³ Языки, как и государства, по-видимому, нуждаются в международном признании. Молдавская Википедия была закрыта в 2006 году [Kamusella 2015: 81], в то время как две версии белорусской Википедии: *наркомоўка* и *тарашкевица* — до сих пор сосуществуют.

¹ Здесь мы будем придерживаться академической литературы (отдельная работа, но более трудная, должна быть посвящена беседам в кафе, политическим диспутам, патриотическим стихам, письмам читателей, социальным сетям и т. д.).

тичности стандартного языка по обе стороны Прута является ерундой, неприемлемой для любого здравомыслящего человека, если бы не эта сумасбродная идея, что называть этот язык румынским автоматически привело бы к претензии на объединение с Румынией. Дискурсивная путаница объясняется тем, что язык, нация и государство рассматриваются как одна „естественная“ единица» [Vochmann 2013: 32].

Веб-сайты туристических агентств можно разделить на две группы: с одной стороны $M = P$ и $M = \text{близкий к } P$:

- «на улицах румынский язык соседствует с русским»;
- «‘молдавский язык’ — это просто другой способ говорить ‘румынский’»;
- «молдавский язык очень близкий к румынскому языку»;
- «Язык Молдовы — румынский. Многие люди, цитируя конституцию, называют ее молдовенештэ — это гибрид, слегка отличающийся от румынского языка»;
- «По словам лингвистов, ‘молдавский’ и ‘румынский’ относятся к одному и тому же языку»;

(а") $M = \text{диалект } P$:

- «молдавский в основном является диалектом румынского языка»;
- «молдавский язык — индоевропейский язык, фактически диалектный подвид румынского. [...] История молдавского языка — это не что иное, как история румынского языка» [Caratini 1992];
- «Молдавский язык, параллельная разновидность румынского языка» [Lewis 1972: 264];
- «Молдавский, этот диалект румынского языка» [Grenoble 2003: 89];

(б) $M \neq P$:

- «Необходимо со всей решительностью указать, что эта точка зрения противоречит данным самого молдавского языка, историческому прошлому молдавского народа и современному его языковому сознанию. Несомненно, румынский и молдавский языки близки друг другу, но также несомненно и то, что сами молдоване не считают румынский язык своим родным языком, отдавая явное предпочтение языку, называемому ими ‘лимба молдовеняскэ’» [Бернштейн 1950: 10];
- «Последовательное обоснование прав молдавского языка на само-

стоятельность было дано в работах проф. М. В. Сергиевского. Изучение истории живого молдавского языка левобережных районов Приднестровья, его словарного состава привело советского исследователя к убеждению в правомерности взгляда на молдавский язык, как язык самостоятельный, язык молдавской нации» [Михальчи 1953: 56].

Когда после распада Советского Союза в августе 1991 г. была провозглашена Декларация независимости *Молдавии*, именно румынский язык был указан в качестве официального языка *Молдовы*. Но в 1994 г. в статье 13 новой Конституции объявилось, что государственным языком является молдавский. Наконец, в 2013 г. Конституционный суд вернулся к тексту Декларации независимости, сделав государственным языком румынский. Но это решение не было внесено в конституцию, которая сохраняет название государственного языка как молдавского. Тем не менее языком школьного и университетского образования остался румынский, чем создается неконституционная ситуация...

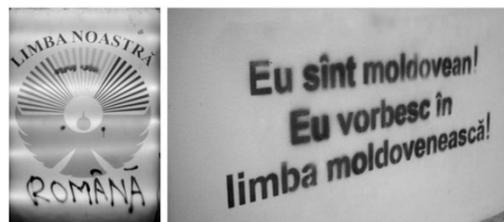

Рис. Два противоречащих друг другу граффити в республике Молдова. Слева: «Наш язык: румынский», справа: «Я молдаванин! Я говорю по-молдавски!»

Для того, чтобы продвинуться вглубь в наше понимание научного статуса языкознания, вовлеченного в дискуссии о названии языка Молдовы, следует упомянуть некоторые важные аспекты местной ситуации. В самом деле, для среднего западного человека Молдова находится где-то на *finis terrarum* (на краю земли), в районе, который кажется ему менее известным, нежели Огненная Земля. Эдгар Кинэ [Quinet 1856: 16] говорил по поводу самих румын об «отдаленных окраинах цивилизованного мира».

Именно здесь вопрос о терминологии приобретает определяющее значение, причем данный вопрос усложняется еще и переводом используемых терминов. В споре постоянно фигурируют два термина, которые трудно перевести на французский или английский языки. С одной стороны, термин *родной язык* не является «материнским языком» [*langue maternelle, native language*],

а обозначает своего рода язык национальной родословной или этнической группы (*rod* соответствует слову *genos* по-гречески, и *gens* по-латыни). Таким образом, при переписи населения молдавский гражданин, говорящий только на русском языке, может указать молдавский как «родной язык», одновременно объявляя себя молдаванином по этническому признаку. С другой стороны, термин *литературный язык*, которую можно перевести по-французски только как *langue littéraire*, не обозначает ни язык художественной литературы, ни стандартный язык, а скорее язык образования и образованных людей, возникший в результате преднамеренного конструирования сознательными усилиями писателей из материала «языка народа». В зависимости от авторов, это может быть либо научная норма «образованной части населения», либо единый язык народа, достигшего исторической стадии *нации*.

Например:

«[в Молдавии] работа над созданием единого литературного языка, над усовершенствованием его выразительных средств и его обогащением дала за XVII и XVIII вв. значительные результаты» [Шишмарев 1953: 113].

Конечно, этот термин, «литературный язык», мало чем отличается от того же словосочетания, которое используется Мейе, Теньером или даже Соссюром в смысле нормативного, кодифицированного языка (ср. немецкое *Hochsprache*). Но в романтической идеологии, характеризующей дискурс о языке в Восточной Европе, этот литературный язык основан на предположении «всенародного» единодушия, что вызывает постоянную путаницу между нормой и узусом. Язык, как и нация, считается объективным явлением, но в то же время он должен *строиться*. Так что дискурс о языке постоянно колеблется между описанием и предписанием:

«Новое положение сообщило Молдавии новые права, но возложило на нее и новые обязанности, к числу которых принадлежит разработка и совершенствование национального языка как орудия литературы, науки и других видов идеологической и культурной работы» [Шишмарев 1953: 115].

Литературный язык является одновременно свершившимся фактом, сложившимся в результате многолетней деятельности великих писателей, близких к народу, и задачей, которую надо бесконечно решать при историко-культурном подходе, далеком от соссюрианской перспективы. Здесь запутанная диалектика, основанная на риторическом приеме «а, тем не менее, не-а», соеди-

няет несовместимые позиции. Так, Р. А. Будагов пишет на тему «сознательного вмешательства в язык»:

«Уже давно традиция русской лингвистической мысли не допускала противопоставления таких понятий, как „объективный“ и „находящийся под воздействием“. Язык развивается вполне объективно, по независящим от человека условиям, и вместе с тем говорящие на данном языке люди, и в первую очередь выдающиеся писатели и ученые, способны воздействовать на этот же язык, на особенности его лексики и семантики, синтаксиса и стилистики» [Будагов 1976: 6].

«Молдавский литературный язык имеет свои особенности в литературной норме и в узусе современных молдавских писателей. Двадцать лет тому назад акад. В. Ф. Шишмарев справедливо писал: „Работа по развитию и совершенствованию языка в Молдавии — дело культурных кругов самого молдавского народа и в первую очередь его писателей...“¹» [Там же: 7].

Внимательное прочтение этих скучных и строгих текстов выявляет ряд положений или постулатов, лежащих в основе разногласий по данному поводу. По сути дела, объект дискурса является *онтологическим* по своей природе: ни один вопрос о его построении не нарушает навязчивый перечень голых утверждений и обличительных речей, колеблющихся между наблюдениями и требованиями, в которых лингвистике отводится главенствующая роль. Таким образом, первый постулат заключается в том, что *существуют* этнические группы, поддающиеся перечислению наравне с другими объективными явлениями, и что эти этнические группы распознаются по определенному языку, совершенно *отличному* от других языков. Вот почему в этих конкурирующих версиях дискурса об идентичности вопрос о названии языка, на котором говорит большинство молдавских граждан, является основополагающим: если это молдавский язык, то граждане Молдовы представляют собой *нацию*, отличную от румынской, поэтому присоединение Молдовы к Румынии было бы бессмысленным. С другой стороны, если это румынский язык, то Молдова является землей ирредентизма, искусственно отделенной от румынской родины. Но это порочный круг, созданный перестановкой доказательств в силлогизме, который топчется на одном месте:

¹ В. Ф. Шишмарев. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 106.

- 1) – Молдова является нацией;
 - но каждая нация определяется своим языком;
 - значит, Молдова определяется на основе молдавского языка.
- 2) – Молдавский язык отличается от румынского;
 - Сейчас в Молдове говорят по-молдавски;
 - Следовательно, Молдова является нацией.

Итак, можно умножать псевдологические силлогизмы, в которых главная или средняя посылка уже в самом начале устанавливает то, что требовалось доказать:

- 1) – сколько наций, столько национальных языков;
 - а Молдова является нацией;
 - следовательно, молдавский язык — язык молдавской нации.
- 2) в данном случае слабым звеном является главная посылка:
 - молдавский язык представляет собой язык сам по себе;
 - но сколько наций, столько национальных языков;
 - следовательно, Молдова сама по себе является нацией.

Вариант:

- каждая нация обладает особым языком;
- а Молдавия есть нация;
- следовательно, ее язык особый.

В этой удивительной онтологии, где ГОВОРИТЬ на молдавском языке означает БЫТЬ молдаванином¹, курица и яйцо становятся одним и тем же неразрывным целым, не поддающимся никакому рациональному анализу. Таким образом, все построение, одновременно позитивистское и романтическое, уравнения «один язык = один народ = одна нация» представляет собой неустойчивую конструкцию, чисто бумажное создание.

В лучшем случае молдавский язык может рассматриваться большинством социолингвистов как язык *Abstand* (сформированный местным узусом), вариант румынского, который сам является языком *Ausbau*, называемым «литературным» в бывшем СССР среди восточно-романских языков.

Но этот официальный стандартизированный молдавский язык не следует путать с нынешним региональным языком, используемым в Бессарабии и румынской Молдавии. В свою очередь, этот региональный узус

¹ См. название статьи Vîlcu-Poustovaia (1996): «Если я молдаванин, я говорю по-молдавски или Я говорю по-румынски, значит, я румын».

можно разделить на два подварианта по обе стороны от границы, проходящей по Пруту.

2. ДВОЙСТВЕННЫЙ ДИСКУРС О СЛОЖНЫХ И ЗАПУТАННЫХ ФАКТАХ

Попробуем обобщить вереницу фактов и распутать таким образом клубок взаимоисключающих националистических исторических дискурсов.

Начнем с фактов, если таковыми можно назвать *факты*, когда речь идет о *знаках*, потому что здесь следует проанализировать именно *порядок дискурса*. Дискурс о языке представляет собой политику, которая под видом названия якобы уже существующего объекта не осмеливается выступать как таковая. В гуманитарных и социальных науках имена — это ловушки, и их денотат изменчив.

Существуют две Молдовы, одна из которых в свою очередь делится на две. Но ни одна из трех не соответствует исторической Молдове.

Между римской оккупацией Дакии (с 106 по 270 г. н. э.) и основанием двух «дунайских княжеств» Валахии и Молдавии в XIV в. между Карпатской дугой и Днестром лежат темные века, история которых настолько плохо задокументирована, что она вызывает противоречивые истолкования. Румынский национализм придерживается тезиса об *автохтонности*: румынское население непрерывно проживало в Румынии со времен Римской империи. Венгерский и (иногда) русский тезис — *миграционный*: румыны пришли с юга Дуная и не являются потомками римских поселенцев. В обоих случаях «истина» утверждается сама по себе и обходится без аргументов². Эти два тезиса объединяет требование о первенстве во владении территорией — по универсальному образцу спора на Балканах: если даки — это своего рода славяне, то последние являются коренным населением, а румыны — поздними захватчиками. Конфликт обостряется взаимными обвинениями в «варварстве»³.

Княжества вскоре стали вассалами Османской империи. Их этнический состав был очень разнообразен. Этот регион имел первостепенное стратегическое значение как выход России к проливам, открывающим проход в Черное море. В результате войн

² Пример: «Без малейшей тени сомнения... непрерывное наличие румынского элемента на левом берегу Дуная есть истина сама собой разумеющаяся» [Bogdan 1905: 17, цит. по: Шишмарев 1952: 81].

³ На тему «варварства римлян» см.: [Sériot 1988].

между Россией и Турцией¹ половина Молдавии была присоединена к России по Бухарестскому договору 1812 г. — Бессарабия, расположенная между Прутом и Днестром. Молдавский господарь (руководитель государства) выступал с протестом, потому что молдавско-османский вассальный договор предусматривал нерушимость молдавских границ, но сила оружия оказалась преобладающей. После непродолжительного периода мирного сосуществования местный язык в Бессарабии был устранен из всех официальных сфер, и только русский стал административным языком и языком образования². В конце XIX в. в публичной библиотеке Chişinău / Кишинёва не было ни одной книги на молдавском языке [Шишмарев 1953: 114]. Напротив, немцы, болгары и греки³ сохранили право учить свой язык в системе государственного образования.

В зависимости от точки зрения, после аннексии / воссоединения⁴ 1812 г. жители Западной Молдавии (правый берег Прута) укрывались в Бессарабии, чтобы бежать от османского строя, или, наоборот, жители Бессарабии переходили на западную сторону, чтобы вновь обрести свою подлинную родину. С 1878 г. граница на Пруте полностью закрылась с русской стороны. Здесь опять видны несовместимые дискурсы о национальной идентичности. Румынофилы подчеркивали царский гнет в Бессарабии (там было введено крепостное право, а в княжествах оно было отменено с 1774 г.), русофилы, наоборот, настаивали на положительном и просветительском аспекте принадлежности к России:

«Присоединение Бессарабии к России в 1812 г. было прогрессивным актом в истории молдавского народа. [...] Отрыв Бессарабии от Молдавии⁵ имел своим последствием на

¹ В XIX веке Российский Царь был «защитником» православных христиан в Османской империи, так же как император Наполеон III был защитником христиан-католиков.

² Аналогичным образом в аннексированной австрийцами Буковине, другой части Молдавского княжества, официальным языком стал немецкий.

³ Необходимо пояснить, что речь идет о немецкоязычных, болгароязычных и грекоязычных подданных Российской империи, а не об иностранных гражданах.

⁴ В этой работе словосочетания типа «аннексия / присоединение» или «оккупация / освобождение» какой-то территории оставлены на усмотрение читателя, который сможет вычеркнуть ненужное в соответствии со своими убеждениями или своим представлением об объективности.

⁵ В XIX веке в русской терминологии *Бессарабия* (левый берег Прута) противопоставлялась *Молдавии* (правый берег).

первых же порах отрыв от тех отсталых восточных традиций, которые тормозили развитие Молдавии, как и других стран на Балканах, где *Россия* играла объективно прогрессивную роль. Наконец, в царской же России развились, невзирая на гнет и мракобесие царизма, та прогрессивная мысль и революционное движение, к которым приобщилась постепенно и Бессарабия» [Шишмарев 1953: 115].

В 1859 г. Валахия и Западная Молдавия объединились в «(малую) Румынию», освободившуюся от турок, где стал использоваться латинский алфавит. А в Бессарабии (Восточной Молдавии) продолжалось использование кириллицы в собственно русской версии.

Румынская элита, сформированная национальным романтическим движением, стремилась «ре-романизировать» молдавско-валахский язык, недавно объединенный под названием *румынского* (*limba româna*), путем введения множества неологизмов, образованных на основе латинского, итальянского и французского языков, и мечтала сделать румынский «французским языком Востока» [см.: Kamusella 2015: 41].

«Ре-латинизация» словарного состава, предпринятая румынскими учеными, была направлена на выявление «истинной природы» румынского языка. Здесь снова столкнулись две позиции в этой конструкции идентичности: либо стремление заново открыть подлинные, но забытые корни, либо, наоборот, утрата культуры аутентичного молдавского языка, лишённого очень многих славянских и, следовательно, не-западных черт.

В конце Первой мировой войны Бессарабия была «оккупирована / освобождена» Румынией, которая получила эту территорию по Сен-Жерменскому договору в 1919 г., чтобы объединить ее с Трансильванией и Буковиной и образовать Великую Румынию (*România mare*). Официальным языком Бессарабского края стал румынский в румынском варианте. Но православное духовенство протестовало против введения латинского алфавита, так как до этого времени в (православной) церкви в Бессарабии использовалась кириллица и многие родители учеников не желали переходить с русского языка на румынский на латинском алфавите [см.: de Martonne 1919: 524].

Великорумынское королевство (1919—1944) — эпоха, которую румынофильские молдавские круги считают своего рода золотым веком своей национальности, в то время как, наоборот, в советской версии речь ведется о «буржуазной *иностранной* окку-

пации» Бессарабии.

В период с 1945 по 1989 г. Молдавская Советская Социалистическая Республика (МССР) была отделена от (социалистической) Румынии непроницаемой границей. Колочая проволока на советском берегу Прута не позволяла ловить рыбу (а на румынской стороне доступ к реке был свободный). Контакты с Румынией были сведены к минимуму, румынские книги были более доступны в Москве, чем в Кишинёве/Chişinău.

После событий 1812 г. голова кружится от чехарды названий. С этого момента означающее Молдавия отсылается к Целому или к одной из двух частей в непрерывном, но редко объясняемом круге.

Географическое прилагательное *молдавский* может относиться ко всему, что связано с исторической территорией Молдовы. Что касается этнонима «молдаванин», то он обозначает жителей исторической Молдовы (до раздела 1812 г.), иногда только жителей Республики Молдова, иногда только молдавских жителей этой территории.

Бывшее княжество Молдова сегодня разделено между:

- Молдавской провинцией в Румынии к западу от Прута,
- Республикой Молдова к востоку от Прута, правопреемницей Молдавской Советской Социалистической Республики,
- и Украиной, т. е. Черновицкой областью (*Чернівці* по-украински, или *Sernăuți* на румынском языке), и частью Одесской области, расположенной к западу от Днестра / Nistru: Буджак / Vugeac.

3. ГДЕ, КОГДА, НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРИЛИ?

Долгое время письменность в Валахии и Молдавии была церковнославянской (господствующей религией было православие, принесенное болгарами, а не греками и находившееся в тесной связи с русской церковью). Первые тексты на народном языке (1643 г.) написаны кириллицей. Этот язык известен в XIX в. на Западе как *молдавско-валашский*. Прилагательное «молдавско-валашский» долго имело во французском языке (*molde-valaque*) уничижительное значение «далекой и причудливой страны, возможно, несуществующей» (*Dictionnaire Larousse*, без даты) и непонятного языка, тарбарщины. Это был язык на латинской основе, но со многими славянскими элементами. Согласно разным версиям, молдавско-валашский был единым языком (румынский тезис), или, наоборот, молдавский и валашский были двумя разными языками (советский тезис). Из-за этой разницы в оценках

возможны два конкурирующих дискурса: румынский язык Румынии является либо результатом гармоничного симбиоза молдавского и валашского языков, либо, наоборот, нормализацией валашского языка в ущерб молдавскому.

3.1. Молдавский язык в МССР

В 1924 г. на территории Советской Украины была создана Молдавская Советская Социалистическая Автономная Республика (МССР), которая примерно соответствовала территории современного Приднестровья, своего рода плацдарма для утверждения принадлежности Бессарабии к СССР. Эта территория на левом берегу Днестра никогда не входила в состав Румынии или Молдавского княжества и была населена в основном украинцами.

Германо-советский договор (1939 г.) разрешил СССР оккупировать / аннексировать / освободить Бессарабию в 1940 г. Несколько месяцев спустя Румыния, тогдашняя союзница Германии, повторно оккупировала / освободила Бессарабию, из которой она затем была окончательно изгнана советской армией в 1944 г.

Еще в 1924 г. в этой недавно созданной МССР на повестке дня стояло создание молдавского языка, максимально отличного от румынского. Исходя из принципа, что язык — это содержание и что румынский является «буржуазным языком», первые решения правительства заключались в том, чтобы создать «подлинно народный язык»: молдавский. В этом проявлялась вся двузначность слова «народ»: в социалистическом смысле оно противопоставляется аристократии и буржуазии, а в романтическом — всем другим народам (в данном случае румынскому народу).

В первый период, с 1924 по 1926 г., были приняты румынские языковые нормы, затем, с 1926 по 1936 г., бессарабские коммунистические кадры, бежавшие из Румынии в МССР, выступали за политику создания стандарта, как можно более удаленного от румынского.

В своем предисловии к грамматике молдавского языка Л. Мадана, опубликованной в МССР в 1929 г., народный комиссар по вопросам образования П. Киор (1902—1943) критиковал первые попытки стандартизации молдавского языка на советской территории (1925):

«В области форм развития языка, его направления, лексикона и особенно правописания в центральных культурных учреждениях АМССР (НКПрос, Госиздат, Редакция „Плугарю Рош“) господствовало „псевдомолдавское“, т. е. румынское направле-

ние. [...] В основе этого ложного направления (румынского) лежало: некритическое, механическое принятие традиционного молдавского языка, оставленного нам в наследство молдавскими националистами-румынофилами в Бессарабии либо бессарабской церковью, исходившей в своей пропаганде и издательстве литературы из „общерумынского“ языка — у одних работников; либо боязнь перед трудностями развития и оформления „бедного“ молдавского языка, когда на лицо имеется богатый, развитый и уже оформленный румын. язык, — у других работников. Оба упомянутых выше направления были, конечно, ошибочны со всех точек зрения, в том числе и с политической. Румынское направление в языке в упомянутый период находилось в резком противоречии с наличием живого народного молдавского языка, не укладывавшегося ни в какие искусственные, принципиальные или прочие, грамматические румынские рамки. [...] Для широких молдавских масс наш язык и правописание „1925 года“ были непонятны, неприемлемы, о чем свидетельствуют многочисленные выступления молдавских рабочих, селян и низовой интеллигенции на съездах советов, селькоров, учительских конференциях и пр. Лишь к осени 1926 г. руководящие органы, в том числе и Наркомпрос АМССР, подошли вплотную к вопросу о языке, о его развитии, направлении, правописании и т. д. Решения сентябрьского Пленума Обкома КП(б)У, решения II-го Съезда Советов АМССР внесли окончательную ясность в разгоревшиеся споры вокруг молдавского языка. Эти решения ясно указали на необходимость развития и оформления именно *молдавского языка*; что молдавский язык есть отдельный язык, в сравнении с родственным ему, правда, румынским языком, который в силу многих исторических условий чужд и непонятен нашему молдаванину» [Киор [Chior] 1929: III—V].

Но эту чисто молдовоцентрическую ориентацию быстро прервали во имя «борьбы с местным национализмом и великодержавным шовинизмом», провозглашенной как догма на XVI съезде КП(б) в 1930 г. В 1932 г. по решению Исполкома Украины и МССР в РАССМ был введен латинский алфавит и рекомендовались стандарты, более близкие к румынскому языку Румынии:

«До начала 1932 г. в этом вопросе имел место ряд извращений. Группа „самобытников“, укрепившись в Научном Комитете, проводила теорию Скрипника о „двух языках и двух национальностях, находящихся по ту и другую сторону Днестра“. Эта группа пыталась строить молдавский литературный язык

исключительно на основе одного местного диалекта, превращая его в язык непонятный для молдаван, говорящих на других диалектах. Некий Мадан, бывший тогда председателем лингвистической секции Научного Комитета, надумывал и протаскивал в литературный язык слова, непонятные молдавским трудящимся массам.

Молдавская партийная организация дала отпор „самобытничеству“ и „мадановщине“ и взяла твердую линию на усовершенствование и улучшение литературного языка, чтобы сделать его понятным для всех молдаван, где бы они ни жили и на каком бы диалекте они ни говорили. Одновременно ведется борьба против попыток протаскивания в молдавскую литературу офранцуженного лексикона румынской правящей верхушки, совершенно непонятного молдаванам даже в самой Румынии. Но это отнюдь не означает, что в литературный язык Советской Молдавии нельзя включать богатства литературного языка Румынской художественной литературы. Молдавский литературный язык в непримиримой борьбе с великодержавным шовинизмом и с местным национализмом, смыкавшимся с украинским национализмом и империалистическими интервентами, поднимается на высшую ступень» [Гранде 1936: с. 177]¹.

В свою очередь, эта политика возврата к общерумынским нормам была отменена во время чисток 1936—1937 гг. с приходом к власти новых кадров, выходцев с левого берега Днестра, русскоязычных потомков молдаван, бежавших от турецкого владычества в XVIII веке. Вновь вводится кириллица и устанавливается стандарт, близкий к русскому, во имя борьбы с «буржуазным» национализмом и сближения с русскими пролетарскими массами. Литературный язык — это пластичная масса, подверженная политическим капризам момента, но всегда во имя «понимания народом», что недоброжелатели советского режима называют «преобразованием своего языка в молдавско-русско-украинский жаргон» [Bruchis 1982].

В эпоху создания МССР в 1924 г. грамматики собственно молдавского языка еще не существовало. В соответствии с романтико-сталинским принципом, согласно которому нация характеризуется, среди прочего, языком, Политбюро Компартии Украины начало кампанию за установление молдавского языка, неотъемлемого проявления молдавской нации. В этой путанице причины

¹ Б. Гранде (1891—1974) был семитологом-марристом, специализирующимся на вопросах алфавита.

и следствия, сущности и обязанности, в тупике, образованном оксюморонном описании / предписания, необходимо было тонко маневрировать: нация есть нация, потому что у нее есть язык, но чтобы нация существовала, необходимо выковать для нее язык. Молдавский язык существует, но в то же время его нужно создавать.

Здесь противопоставляются два подхода — с одной стороны, натуралистический дискурс: необходимо *отметить* специфику молдавского языка, и, с другой, волюнтаристский дискурс: эта специфика должна быть *построена*. Следовательно, необходимо было создать нормативную грамматику молдавского языка на основе «живых языков» левого берега Днестра и в то же время подтвердить, что молдавский язык существует со времен первых письменных памятников Молдавского княжества в XVII веке. В этом случае молдавский язык идентичен по обе стороны Прута. Но как тогда оправдать границу Румынии с Молдовой? Один народ, но две нации?

Дело в том, что проблема создания МССАР должна была решить двойную задачу: необходимо было создать национальную (антирумынскую) идентичность и одновременно во имя пролетарского интернационализма воспрепятствовать этнонационализму, скрытому в этой конструкции. Крайняя напряженность советской языковой политики в сталинскую эпоху была основана на этом неразрешимом противоречии.

В 1925 г. было официально принято правописание на кириллической основе и введены языковые новшества. Г. Бучушкану, нарком народного просвещения МССАР, издал грамматику, но с (кириллической) орфографией, которая использовалась в Бессарабии до революции 1917 г. (хотя и была запрещена с 1848 г.) [см.: Киор 1929: III].

В целом проект отражал идеологию, которую сегодня назвали бы «популистской»: он заключался в *создании* «литературного языка», близкого к народу, путем устранения всех заимствований и создания слов, которые, как предполагалось, должны были быть непосредственно понятны народу. В этом отношении к языку не было ничего оригинального, поскольку оно полностью вписывалось в языковую политику романтиков-националистов Центральной Европы начала

XIX в., в частности чехов¹. Грамматика Л. Мадана (1929) утверждала, что следует «марксистско-ленинским принципам подхода к лингвистическому вопросу». Продукт этой языковой деятельности, названный иностранными насмешниками «искусственным молдавско-русским гибридным жаргоном» [Deletant 1990: 195; Bruchis 1996: 22], следовал принципам московского лингвиста М. Сергиевского, который в 1939 г. хвалил грамматику Л. Мадана за то, что она избавила молдавский язык от иностранных элементов, чтобы сделать его языком молдавского народа, а не языком румынских помещиков. Здесь язык может только отражать идеологию социального класса.

Например, для слова *орфография* был избран буквальный перевод греческого слова, что дало *dreapta scriere* [«прямое письмо»], поскольку заимствованное слово *ortografia* уже существовало в румынском языке. Или *водород* стал называться *generator de apă* [«генератор воды»], чтобы отличаться от румынского *hydrogen*. Эти бесчисленные неологизмы были созвучны времени: в ту же эпоху лингвистический популизм в Германии превратил *Telephon* в *Fernsprecher*, который должен был лучше соответствовать духу «национального языка». Но в МССАР создание интеллектуалами «языка народа» — двусмысленного выражения, отражавшего как романтическую, так и социалистическую идеологию, имело два фундаментальных недостатка. С одной стороны, согласно многочисленным источникам, большинство «народных» неологизмов на самом деле были «научными» и поэтому непонятны тем, для кого они предназначались. Но, что еще хуже, из словаря исключались международные слова русского и украинского происхождения. Дело в том, что языковая политика в МССАР также разрывалась между двумя противоположными ло-

изобретать неологизмы исключительно на местной основе. Таким образом, слово *Geographie* превратилось в *zetăris* — буквальный перевод греческого «земля-письмо». Сходным образом в свое время А. С. Шишков предложил неологизм «землепись» как исконно русский эквивалент для *géographie*. Остается только понять, почему эти нововведения были с энтузиазмом восприняты на чешских землях, тогда как в Молдове они вызвали только непонимание и репрессии. Обратим внимание, что в начале войны в Югославии, примерно в 1991 г., хорватские националисты предложили заменить *televizija* словом *dalekovidnica*, дословным переводом с греческо-латинского «дально-видеть». Но то, что должно было быть подлинным словом на языке народа, на самом деле было всего лишь калькой немецкого слова *Fernsehen*...

¹ В 1820—1830-х гг. представители чешской интеллигенции выдвинули идею «национального пробуждения» (*národní obrození*): будучи все немецкоязычными, все страдали от того, что общественная и культурная жизнь находилась в руках австрийских хозяев. Но чешский в то время был языком крестьян и слуг. Тогда они стали

литическими тенденциями. С одной стороны, (имплицитный) план по распространению социализма на румынскую территорию потребовал усиления стандартов румынского языка на латинице. С другой стороны, необходимо было противостоять любой общерумынской националистической направленности румынских жителей левого берега Днестра, а также Бессарабии, «аннексированной / оккупированной / присоединенной» Румынией, создавая, таким образом, язык, максимально отличный от румынского (несмотря на протесты румынских коммунистов-несталинистов).

Эти противоречивые гео- и, следовательно, глоттополитические ориентации привели к резким изменениям в управлении языковым вопросом в МССАР.

Таким образом, введение кириллицы в МССАР в 1924 г. (в противоречие с политикой латинизации нерусских языков в 1920-х гг.) стало первым видимым актом дифференциации с румынским и сближения с русским языком. Но после периода откровенной вражды в 1933 г. СССР и Румыния, столкнувшись с общей германской угрозой, возобновили дипломатические контакты. Латинский алфавит в его румынском стандарте вновь был введен в МССАР, и были признаны румынские неологизмы, что было равносильно молчаливому признанию идентичности молдавского и румынского языков. Лингвистов, создавших новый молдавский язык на основе провинциализма и неологизмов, обвиняли в национализме и увольняли с работы. В частности, грамматика Л. Мадана (1929 г.) обвинялась в создании «искусственных» слов, которые запутали и заморозили молдавский язык [Diaconescu 1942: 218, цит. по: Deletant 1990: 193]. Эта удивительная прорумынская ориентация просуществовала всего 5 лет, так как в 1938 г. снова была официально принята кириллица. На этот раз грамматика Л. Мадана вновь подвергалась критике, но по противоположным причинам: «противодействие дружбе и сотрудничеству между молдавским народом и русским и украинским народами» [Там же]. Лингвистов и грамматистов — пропагандистов этой политики открытости, обвиняемых во враждебной народу «романизации» молдавского языка, снимали с занимаемых должностей, заключали в тюрьму, а иногда и расстреливали. Выжившим поручили задачу избавления молдавского языка от «иностранных элементов», румынских слов, заимствованных из французского, непонятных для молдавского народа, введенных врагами народа. От специалистов требовалось создавать новые слова, связанные со строи-

тельством социализма, на основе русского и украинского языков — языков братских народов¹.

Дискурс о языке в СССР в сталинскую эпоху должен был отвечать двум противоречивым требованиям, которые подрывали любые попытки рационального решения языкового вопроса и ставили под угрозу любую инициативу со стороны профессиональных лингвистов, которые были вынуждены применять «национальную политику» партии. Необходимо было установить молдавскую (антирумынскую) идентичность, не позволяя ей утвердиться в качестве антироссийской. Таким образом, «румынских пуристов» одновременно обвиняли в космополитизме:

«В 20-х и 30-х годах (то в силу прожектерских новшеств, то в силу враждебных целей буржуазных националистов выдумать новый язык, его термины, создать ничем не обоснованные новые орфографии, в порядке марровской пролеткультовской вредной тенденции, то в силу чуждых космополитических целей буржуазных румыно-боярских националистов пришить молдавскому языку орфографию западно-европейских языков в латинском одеянии), наблюдались частые, никому ненужные смены систем в молдавской орфографии» [Чебан 1951: 17—18].

«В 20-х годах местные буржуазные националисты пытались посредством надуманных многочисленных терминов, искажения орфографии, засорения языка в целом малоупотребительными, местными, архаическими и другими словами создать путаницу в языке. В 30-х же годах румыно-боярские буржуазные националисты, введя латинский алфавит, многочисленные иностранные западноевропейские салонные слова и выражения, иностранные термины и слова без надобности, противопоставляя орфографию общенациональному произношению, старались засорить язык непонятными словами. Все эти пролеткультовские и марровские намерения были тщетными, так как народ их не поддерживал. Все эти „новшества“ задерживали язык, но так как они были в малом количестве, то не коснулись главного — грамматического строя и основного словарного фонда, которые остались незыблемыми» [Там же: 11—12].

Эти диатрибы, ссылаясь на марксизм, основывались, как бы ни оправдывались их авторы, на натуралистической риторике, в которой молдавский язык наделялся спо-

¹ Предисловие к *Cuvintele ortografic moldovenesc* [Молдавский орфографический словарь], Тирасполь, 1939 [Цит. по: Bruchis 1982: 61].

способностью сопротивляться:

«Натуралистическое фотографирование орфографии молдавского языка местными националистами, звуковые „новшества“ румыно-боярских буржуазных националистов — задевало только внешнюю оболочку языка, его фонетику. Что касается лексики молдавского языка, то был задет частично лишь словарный состав, который не является основой языка и который „...находится в состоянии почти непрерывного изменения“» [Чебан 1951: 18].

Алфавит

Здесь следует остановиться на вопросе об алфавите, точнее, о графической основе молдавского языка.

В «тезисе», принятом Центральным комитетом Коммунистической партии Молдовы, Президиумом Верховного Совета и Советом министров республики в ноябре 1988 г., говорилось, что «молдавский и румынский языки являются языками одной романской группы; [...] Существует национальная традиция использования кириллицы, [...] которая полностью соответствует фонетической специфике молдавского языка». Это вызвало возмущение румынофильской части национальной интеллигенции, но также многих граждан.

В 1988—1989 г. Молдавский народный фронт и Союз писателей потребовали расширения социальных функций румынского языка, а также перехода с кириллицы на латинский алфавит как «более подходящий для романского языка» [Bruchis 1996: 34]¹.

Таким образом, и в той, и в другой позиции общей темой была «лучшая адаптация» одного из двух алфавитов к языку. Но здесь снова место аргументированных доводов заняли громогласные и безапелляционные утверждения.

А. Борщ, бывший заведующий кафедрой молдавского языка Кишиневского университета, мог, таким образом, написать: а) «Молдаване до сих пор без перерыва использовали кириллицу», б) «Кириллица может с

максимально возможной точностью передать все богатство молдавского языка и специфику его фонетической системы» [Народное образование, Кишинёв, 13.08.88; цит. по: Bruchis 1996: 36].

В августе 1989 г., когда принцип языкового различия между молдавским и румынскими языками начал открыто осуждаться, первый секретарь КП Молдавии С. Гроссу снова заявил, что эти два языка полностью различны и что латинский алфавит «не может передать устный язык».

Рискуя оказаться политически некорректным, можно сказать, что кириллица хорошо передает морфонологию румынского языка, причем мягкий знак «ь» обозначает смягчение согласных в конце слов:

- *Иванович/Ivanovič* транслитерируется как *Ivanovici* (4 слога, а не 5!),

луп / лупь — {lup-ø} / {lup'-ø}, —

- в то время как латинский алфавит переносит противопоставление единственного и множественного чисел существительных на гласную графему:

lup / lupi — {lup-ø} / {lup-i}

Напротив, с этимологической точки зрения именно латинский алфавит сохраняет прозрачность морфематической композиции, стертой кириллицей. Эта проблема выбора между двумя принципами является классической для большинства случаев изменения алфавита в Восточной Европе.

3.2. Марр, Сталин и молдавский язык

20 июня 1950 г. произошло крупное событие в советском языкознании: в большой статье, опубликованной в «Правде», И. В. Сталин разрушил то, что было обязательной догмой принципов марризма². Последствия для молдавского языка были значительными. Однако и марристы, и сталинисты-лингвисты придерживались двух общих постулатов: 1) молдавский язык не румынский; 2) язык обладает содержанием.

Подобно тому, как еретическое богословие известно практически только через протоколы Инквизиции, марристский подход к молдавскому языку часто известен только через бесчисленные «критические замечания», резко отрицательные и исполненные ненависти отчеты, которые составляли его противники или

¹ Закон о возврате молдавскому языку латинской графики (*Lege cu privire la revenirea limbii moldovenești la grafia latină*) (№ 3462 от 31 авг. 1989 г.): «Перевод молдавского языка — романского по происхождению и структуре на латинскую графику основан на признанном наукой более точном соответствии латинского алфавита его фонетике и грамматике, учитывает предложения граждан республики и призван способствовать устранению деформаций в языке, сложившихся в силу ряда объективных и субъективных причин, повышению языковой культуры молдавского народа, роли научных, морально-этических, культурных, психолого-дидактических и социальных факторов в развитии молдавского языка».

² Было задано много вопросов относительно настоящего автора этого текста. Теперь доказано, что он был написан именно Иосифом Сталиным. Это стало известно из исследования историка Б. Илизарова, который работал в личном архиве Сталина и изучал различные черновики этого текста, написанные в результате встречи с лингвистами В. Виноградовым и А. Чикобаевой. См.: [Илизаров 2012].

новообращенные после вмешательства Сталина в языкознание. То, что можно реконструировать из вклада марристов в вопрос о молдавском языке, кратко резюмируется в этих двух взаимно противоположных положениях:

1. Сходство между языками происходит не от общего предка, а от «единого глоттогонического процесса», который заставляет языки развиваться внезапными скачками в единообразной и четко определенной типологической последовательности в соответствии с изменениями в общественно-экономическом базисе. Таким образом, язык является надстройкой, и у молдавского и румынского языков нет общего предка.

2. Языки развиваются путем гибридизации (скрещивания) благодаря контактам, а не путем расхождения от общего праязыка. Таким образом, молдавский язык является либо гибридным романо-славянским языком, либо полностью славянским языком.

Опровержение Сталиным второго пункта вызывает определенные трудности для молдавского языка. Действительно, одна из задач Сталина заключается в том, чтобы утвердить превосходство русского языка в его контактах с другими языками:

«Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает» [Сталин 1950: 60].

«Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем» [Там же: 71].

Но если из контактов с другими языками русский язык «всегда выходил победителем», то как можно было объяснить, что именно молдавский язык, как бы сильно он ни находился «под влиянием русского», остался идентичным самому себе и русский при этом не «отмирал»? Сталин, несомненно, не предвидел этого возражения, но сложность в балансировании для советских лингвистов, пишущих о молдавском языке, отныне заключалась в необходимости занятия одновременно двух противоположных позиций. При этом они должны были утверждать, что они в точности следуют тексту Сталина во имя внедрения марксизма в язы-

кознание. Здесь вступало в действие предполагаемое различие между *гибридизацией* и *влиянием* (всегда оцениваемым как «плодотворное и обогащающее»)¹: последнее не бросало вызов «внутренним законам развития». Поскольку язык не является надстройкой, его ядро остается неизменным в процессе развития. Это позволяло утвердить «устойчивость молдавского языка и его сопротивление всем насильственным попыткам ассимиляции» [Чебан 1951: 10], а также подчеркнуть, что тесный контакт с восточными славянскими языками прекрасно вписывается в его внутреннюю специфику:

«Необходимо [...] обратить внимание на специфичность, самобытность и внутренние законы развития молдавского языка, подчеркнуть особенности и характер молдавского языка и сочетание в нем романского и славянского элементов. Необходимо очистить все наносное, несвойственное внутренним законам молдавского языка» [Чебан 1951: 15].

Формула «а, но не-а» идет вразрез с основами сталинской догмы, но при этом не особо на нее указывает — молдавский язык не гибрид с русским, но демонстрирует сильное влияние русского языка:

«Устойчивость грамматического строя (морфология) молдавского языка [...] не исключает внешнего влияния, то есть не предполагает его непроницаемость. Так, например, в романскую систему молдавского глагола проникли черты славянского происхождения» [Вартичан 1951: 49—50].

«Говоря об устойчивости грамматического строя и о том, что строй — в данном случае молдавского языка — является романским, нам хотелось бы в заключение подчеркнуть, что это ни в коем случае не предполагает, скажем, того, что раз строй романский, значит и совершенствоваться и обогащаться молдавский язык может только или преимущественно за счет романских языковых фактов. В этом вопросе не может быть двух мнений. Язык молдавской социалистической нации, его кристаллическую чистоту надо беречь как зеницу ока от всяких чуждых влияний и наслоений. Обогащаться и усиливаться молдавский язык может и должен за счет влияния языка самого передового народа, а таким народом является великий русский народ советской эпохи. Русские языковые элементы делают языки народов Советского Союза, равно как и язык молдавского народа, более сильными, выразитель-

¹ «Русский язык явился для молдавского, как и для других языков Советского Союза, животворным источником пополнения и создания слов, необходимых новому, социалистическому обществу» [Михальчи 1953: 61].

ными и богатыми» [Там же: 51].

Двойственность постоянно присутствует в дискурсе советских лингвистов, пытающихся применить сталинские предписания к ситуации в Молдове. Эти принципы утверждают, что язык устойчив, но в то же время постоянно меняется. Многочисленные цитаты из текста «корифея науки», таким образом, позволяют им занимать двусмысленные позиции, поддерживаемые настолько расплывчатыми принципами, что их можно перетолковывать как угодно:

При контакте не получается третьего языка. Происходит не смешение, а лишь оседание некоторых элементов, и притом не на основных для языка-победителя участках [Шишмарев 1952: 84].

Но:

«В отличие от надстройки, которая связана с производством не прямо, а через посредство экономики, — учит И. В. Сталин, — язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы» (Сталин, 1950, с. 24). [...] Поэтому словарный состав языка, как наиболее чувствительный, находится в состоянии почти непрерывного изменения. [...] „Развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка“ (Сталин, там же., с. 26) [...]» [Чебан 1951: 9—10].

Это натуралистическое отрицание гибридации языков имеет удивительные последствия для статуса молдавского языка. Действительно, марристская позиция: «Молдавский — это романо-славянский гибридный язык» или даже «Молдавский стал славянским языком» — очень хорошо соответствовала ирредентистскому дискурсу МССАР в 1930-е годы.

По логике этноязыкового определения нации жители Закарпатья и Галиции, говорившие на восточнославянском языке, должны были «реинтегрироваться» в советскую территорию (даже если они никогда не были российскими подданными). По той же логике, Бессарабия (или вся Молдавия, включая правый берег Прута?) должна была «вернуться» в Советский Союз, поскольку молдавский язык являлся романо-славянским гибридом или прямо славянским языком.

Однако значительная часть антимарристского пафоса 1950-х гг. была связана именно с отказом от гибридации. При этом русский язык на этот раз уже не мог «оставаться победителем», поскольку молдавский

язык по своему основному лексическому фонду и грамматике оставался полностью романским. Тогда потребовалась добрая доля изощренной риторики, чтобы «установить», что, если нет молдавско-русской гибридации, то наблюдается преобладающее влияние русского языка на молдавский. Разница между гибридацией и влиянием значительна, она укладывается в натуралистические и имманентные тенденции сталинской лингвистики.

Так, в статье в престижном журнале «Известия Академии наук» молдавский лингвист Д. Михальчи (Mihalci) ссылаясь на известную цитату Сталина: «...при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития», чтобы «установить», что молдавский обладает основным словарным фондом и, следовательно, не может быть гибридным языком [Михальчи 1951: 295]. В этом и проявляется принципиальное расхождение с позициями марристов:

«И. Д. Чебан, утверждая, что молдавский язык — славянский и что процесс скрещивания продолжается, высказывал сомнения, что молдавский язык романского происхождения, приписывая последнее мнение „буржуазным источникам“» [Там же: 295].

Здесь понятна сложность, которую приходилось преодолевать лингвистам, вынужденным применять рассуждения Сталина к молдавско-русской паре: если «русский всегда выходил победителем», но молдавский язык не стал славянским языком и не подлежит вымиранию, значит, «победителем выходил» именно он, а не русский язык. Смысл замены гибридации на влияние и состоит в том, чтобы показать, что молдавский не является гибридным языком, несмотря на многие заимствования из русского (так же как английский язык не является гибридным языком, потому что его грамматика и основной лексический состав — чисто англосаксонские (ср.: [Сталин 1950: 35—36])).

В общих чертах сталинская лингвистика — это возврат к классическим принципам младограмматиков. Однако в случае с молдавским языком она расходится с младограмматизмом в одном пункте: если нет конвергенции разных языков путем гибридации (марристская позиция), то также нет и дивергенции от общего предка.

Румынская позиция являлась унитарной: язык княжества Валахия и язык княжества Молдавия были двумя едва различимыми вариантами одного и того же языка, который назывался молдавско-валахским, а затем

румынским во время воссоединения двух княжеств в одно румынское государство, составленное из симбиоза этих двух вариантов. Советская позиция, наоборот, являлась сепаратистской: *то, что есть, было всегда*, с самого начала молдавский язык отличался от румынского (что противоречит задаче построения молдавского литературного языка). Отметим, что противники разделяли одну и ту же романтически-позитивистскую предпосылку: объекты познания *существуют до процесса исследования*, поэтому дискурсивная процедура будет состоять не в проверке гипотезы, а в выработке онтологических утверждений типа «х в действительности есть у, а не з». Поскольку в обоих случаях история языка была обязательно связана с историей народа, который на нем говорил, полемика была основана на утверждении о существовании определенного народа. Советская позиция состояла в том, что молдавский народ Молдавской советской республики *тот же*, что и народ Молдавского княжества XIV века. Таким образом, этническая принадлежность молдаван в Румынии становилась зоной молчания, так как в сталинском дискурсе не уточнялось: являются ли они *тем же народом*, что и молдаване в Бессарабии, и говорят ли оба народа на *одном и том же языке*? Отсюда родились споры о молдавских писателях до 1812 г., которых румынские и молдавские интеллектуалы МССР называли «своими», что с молдавской стороны означает «не их».

Текст Сталина допускал неподвижное, даже эссенциалистское, во всяком случае неэволюционистское решение проблемы «сущности молдавской специфики»: с одной стороны, присутствует существенная *преемственность* молдавского языка на протяжении всей истории, с другой — румыны и молдаване отличаются с самого начала своего существования, они не являются продуктом расхождения от общего предка, отсюда и многочисленные исследования об *этногенезе* молдавского народа, которыми мы не будем здесь заниматься. Румынский язык явился бы результатом эволюции валахского языка под влиянием болгарского, тогда как «литературный» молдавский язык Бессарабии был бы потомком письменного и разговорного молдавского языка Молдавского княжества, находящегося под влиянием восточнославянских языков (украинский и русский) [см.: Михальчи 1953]. Таким образом, молдавско-валахский язык никогда не существовал, что позволяло сохранить указанное ранее противоречие: если молдавский язык являлся продуктом нескольких эпох, оставаясь при этом «стабильным», то

это происходило потому, что разделение являлось изначальным¹. Однако трудности здесь не уменьшились, поскольку проблема статуса языка, на котором говорили в румынской Молдове, осталась нерешенной. Если молдаване в Румынии говорят на молдавском языке (в то время как их «литературный язык» — румынский, т. е. валахский), необходимо установить, что молдаване составляют *один народ, но две разные нации*. И здесь вступает в игру понятие «содержание языка»: молдавский язык Бессарабии является литературным языком (в отличие от молдавского языка в Румынии, который является только нестандартным наречием), но, кроме того, он имеет *содержание* социалистической нации в соответствии со сталинским принципом «(советских) языков, национальных по форме и социалистических по содержанию», провозглашенным на XVI съезде партии в 1930 г.:

«В области языка и литературы нашими неотложными задачами являются дальнейшее совершенствование орфографии и грамматики, обогащение литературного языка, очищение его от всяких чуждых ему буржуазных наслоений и влияний, разработка диалектологии и истории молдавского языка и литературы, определение литературного наследства» (отчет секретаря ЦК КП(б) Молдавии тов. Ковалева, «Советская Молдавия». 7 февраля 1949 г., цит. по: [Михальчи 1953: 59]).

Эта одержимость спецификой, внутренней *самобытностью* нации, обоснованной ее языком, обязательно вызывает в памяти неогумбольдтианские теории, столь распространенные в Германии в 1930-е гг. и опровергающие универсализм эпохи Просвещения и идей Французской революции.

Геополитическая логика советского сталинского марксизма на самом деле основана на романтико-позитивистских теориях европейского XIX в. — территория народа, следовательно, законной нации, следовательно, государства находится там, где говорят на

¹ См. заявление М. В. Сергиевского, лингвиста-немарриста, от 1948. «Молдавский язык, как литературный язык, известный нам по письменным памятникам по крайней мере с XVI века, и еще задолго до этого являвшийся живым, разговорным языком населения самостоятельного молдавского государства, каковое положение он занимает ныне в Молдавской ССР, имеет свою особую историю, несмотря на свою большую близость к языку старого государства Валахии, ставшего после образования Румынии основой литературного и национального языка последней, может и должен быть изучен в своем историческом развитии как всякий другой язык романской языковой семьи» [Сергиевский 1948: 35].

его языке:

«...что нашло, естественно, логическое отражение в известных исторических решениях партии и государственных актах советского правительства, а также в неоднократных речах вождей социалистического государства, вследствие чего были воссоединены земли молдавского народа в единое государство молдавской социалистической нации» [Вартичан 1951: 41].

Тогда возникла проблема, говорят ли молдаване в Румынии на том же языке, что и молдаване МССР. Разумеется, для советской стороны этот вопрос был деликатен, так как он был связан с потенциальными ирредентистскими претензиями на часть территории братского социалистического государства. Поэтому необходимо было одновременно утверждать, что молдавский язык с самого начала отличался от румынского языка (который сам по себе являлся стандартизацией валашского языка) и что молдавский язык в Молдавии был литературным языком определенной нации, в отличие от молдавского говора в Румынии, оставшегося в состоянии нестандартного диалекта, «перемалыванием румынским национальным литературным языком» Борщ 1951: 131], в то время как ранее был литературным языком независимого до 1859 г. государства с классической литературой, «богаче валашской литературы» [Вартичан 1951: 41].

Сталинская лингвистика, романтико-позитивистская под именем марксизма-ленинизма, сочетала естественно-научный и административно-командный подходы. С одной стороны, язык обладает внутренними законами, с другой — его нужно совершенствовать. С одной стороны, надо учиться у народа, с другой — народ надо обучать. Ключевое понятие, чистое отрицание «сознательного вмешательства в язык», состоит в том, что процесс является «органическим», а не «механическим», то есть искусственным.

«Однако и [различий] достаточно, чтобы убедиться в том, что оба языка — и молдавский и румынский — развиваются по внутренним законам своего развития, законам, определяющим национальную самобытность и индивидуальность каждого из языков. Вскрыть эти законы — основная задача молдавской советской языковедческой науки и ее исследователей» [Вартичан 1951: 45].

«...[надо опираться], во-первых, на авторитет самого народа с его безыскусственным употреблением, во-вторых, авторитет писателей — представителей духовной и умственной жизни народа» [Чебан 1951: 34].

3.3. Позиция Р. О. Якобсона

Было бы неправильно ограничивать об-

суждение проблем языка в межвоенной Восточной Европе только рамками закрытой территории, находящейся за пределами внешнего мира. Советское языкознание в полной мере участвовало в главных направлениях мысли своего времени.

Можно быть выдающимся лингвистом, получившим всеобщее признание, и в то же время придерживаться господствующей идеологии своего времени. Якобсон, сотрудник советской дипломатической миссии в Праге до 1929 г., сложная фигура, не скрывал своих симпатий к имперской идее Советского Союза, которую он стремился представить как имеющую «естественную» природу и обосновать, опираясь на научные рассуждения¹.

Примерно в 1929—1931 гг. Якобсон искал идеальную границу, отделяющую «Евразию» от Европы. При этом он продолжал великую навязчивую идею русских интеллектуалов, существующую со времен Петра Великого — заботу об идентичности, заключающуюся в стремлении быть самим собой, подражая Другому.

Для Якобсона-фонолога различительный фонологический признак мягкости согласных, связанный с отсутствием политонии, характеризовал Евразию как территорию, образованную «языковым союзом» [см.: Sériot 1997a, 1997c, 1999 (ed. 1), 2012 (ed. 2)]. Поэтому он стремился любой ценой доказать этот тезис. В то время Якобсон-эмигрант уже не мог быть полевым исследователем, он работал с материалом, полученным из вторых рук, — с атласами и описаниями путешественников. Для интересующего нас «приграничного» региона он использовал два источника информации:

– G. Weigand. *Linguistischer Atlas des Daco-rumanischen Sprachgebietes* (Leipzig, 1909);

– М. В. Сергиевский. *Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР // Ученые записки Института языка и литературы*. — Москва, 1927. I. С. 73—97.

Фонологическое кредо Якобсона ясно, он несколько раз излагал его на рубеже 1920—

¹ В «*Slavische Sprachfragen in der Sowjetunion*» (*Slavische Rundschau*, 1934, № 1, с. 324—343) он яростно протестует против «местного шовинизма» и «культурного сепаратизма» украинских и белорусских лингвистов [Там же: 334] и полностью поддерживает советскую языковую политику «сближения» этих двух языков с русским: «Был устранен ряд абсурдных орфографических уловок, единственной целью которых было создание искусственного разобщения [*Entfremdung*] между белорусской и русской письменностью» [Там же: 336].

1930-х гг., как на французском языке, в парижском журнале *Le Monde slave*:

«В романских языках нет явления мягкости, кроме молдавского, то есть восточного представителя румынской группы» [Jakobson 1931b: 373], —

так и на русском, в евразийских брошюрах:

«Все без изъятия романским языкам Запада глубоко чуждо различие согласных по мягкости и твердости. [...] *Только румынская группа — крайний восточный языковой остров романского мира — знает мягкостную корреляцию согласных.* Восточную часть этого „острова“ занимает *молдавский язык.* Карпаты составляют западную границу молдавского языка, Молдавская советская республика — его восточную окраину (ср. Вейганд б 10 и карта N 65). Говорам Молдавской республики посвящена содержательная работа М. В. Сергиевского (б). Для молдавского языка характерно совмещение следующих признаков: 1. мягкие *s', z'* в разнообразных положениях и 2. затворные среднеязычные согласные, восходящие к сочетаниям — *p, b + i* неслоговое (Вейганд б 12). В одних говорах, описанных Сергиевским (Рыбницкий район и др.), с этими затворными согласными, по-видимому, совпали подвергшиеся смягчению *t, d*. Автор говорит, что они „почти совпадают акустически“ и „в индивидуальном произношении могут, действительно, совпасть“ (87). Характерно, что крестьяне не различают в письме этих согласных вопреки принятой орфографии, и пишут, напр., май дини ар арди ... тогда как полагается этимологически писать ... бине ар арде ... и в то время как Сергиевский условно транскрибирует ... *g'in'i ar ard'i* ... (96). В этих же говорах *сь, зь* реализуются в виде палатализованных переднеязычных. Судя по примерам Сергиевского, в конце слова фигурируют: *сь, ть, нь, рь* (аись = рум. *aici*, зернь = рум. *viermi*, орь = рум. *ori*); как эти согласные, так и *зь, дь, ль* могут сочетаться с фонемами *а, о, е, и*, а мягкие губные только с *е, и*» [Jakobson 1931a: 25—26].

Далее Jakobson высказал утверждение, содержащее, по его мнению, фундаментальные выводы:

«*Мягкостная корреляция, присущая молдавским говорам и молдавскому литературному языку, неизвестна румынскому литературному языку*¹. В каком точно районе румынской группы пролегает граница мягкостной корреляции, на это должен ответить тот специалист-румыновед, который в состоянии из пестроты разрозненных диалектологических показаний вычитать фоно-

логическую систематику румынских говоров. Но уже сейчас мы можем сказать, что в отношении мягкостной корреляции румынская группа составляет параллель череде болгарских наречий: *в направлении с востока на запад эта корреляция сперва убывает, а далее вовсе отсутствует*²».

Эти заявления Jakobson нуждаются в ряде комментариев, касающемся истории и эпистемологии языкознания, особенно в области фонологии.

Прежде всего отметим, что Jakobson никогда не задавался вопросом, имеет ли он дело с «литературным», нормализованным, стандартизированным языком или с диалектной системой. Он переходит от одного к другому и собирает данные двух разных порядков: фонетический континуум и фонологическую прерывистость, в то время как именно это различие лежит в основе его аргументов. Дальше, речь идет о совершенно ином типе мышления, чем у Соссюра: мы не находим здесь противопоставления между языком как объектом, созданным лингвистом, и языком как эмпирическим объектом, уже существовавшим как таковым раньше всякого исследования. С другой стороны, здесь нет ни одного противопоставления минимальных пар, которое бы различало молдавский и румынский языки.

«Великий Jakobson», увлеченный своими просоветскими политическими симпатиями, путает фонологию и фонетику... В самом деле, большинство его утверждений касается фонетики, а не фонологии:

Молдавская система гласных очень похожа на систему русского литературного языка... [Jakobson 1931b: 26].

Двадцать лет спустя сталинские лингвисты последовали его примеру, говоря:

«...мы ясно видим две самостоятельные, ярко выраженные языковые области — молдавскую и валашскую — каждая со своими фонетико-морфологическими и лексико-семантическими особенностями, как то: в области фонетической системы — явление палатализации зубно-губных и губно-зубных перед гласными переднего ряда»³ [Вартичан 1951: 43].

Тем не менее дискуссия о мягкости в это время не приводила к единогласию, поскольку здесь снова возникала проблема языкового континуума по обе стороны границы на Пруте: Михальчи критиковал Чебана за то, что мягкость согласных в молдав-

² Курсив Jakobsona.

³ Вартичан работал с диалектным атласом, опубликованным в Румынии в 1942 г. Здесь речь идет об общих чертах диалекта молдавского языка Бессарабии и правобережья Прута.

¹ Курсив мой. — P. S.

ском языке тот противопоставлял нормам произношения румынского языка, «забывая в то же время о сходном произношении в обширной области современной Румынской Народной Республики — Запрутской Молдавии» [Михальчи 1953: 59].

Якобсон оказался в центре клубка неразрешимых противоречий, отчасти объяснимых новизной зарождающейся фонологической науки, но, и без сомнения, прежде всего главной идеологической и политической задачей, разделяемой интеллигентами-эмигрантами — участниками евразийского движения: положить в основу представлений о государстве научное знание, обосновать политическую границу естественными данными. Именно в этом смысле антипозитивистская научная новизна, заявленная Якобсоном и Трубецким, оказалась в трагическом противоречии с натуралистическим мышлением, унаследованным от XIX в., с эпохи позитивизма и сциентизма, когда считалось, что языки и народы являются естественными объектами, так же, как растения, русла рек или горные хребты.

В попытке доказать и обосновать свои положения Якобсон и Трубецкой оказались втянутыми в паутину противоречий, из которой они больше не могли выйти. Желая совместить лингвистические и государственные границы, они создали причудливые конструкты, которые нигде не существовали, кроме как в их воображении. Они разделяли и группировали сообщества по языку, алфавиту, религии, игнорируя исторические и политические общности. Они хотели рассматривать человеческие, а следовательно, социальные сообщества как естественные объекты. В своем поиске естественных границ они упускали из виду, что речь идет о людях, а не о вещах, только запутав и без того сложную ситуацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С онтологической точки зрения вопрос «Что стоит за названием 'молдавский язык'» не имеет смысла, до тех пор пока не выяснится, как строится в качестве объекта познания денотат имени «язык». Родной язык, этнический язык, официальный язык, литературный язык, язык писателей, государственный язык, разговорный язык, язык народа — все это дискурсивные конструкции, которые перед использованием требуют точного определения. В данном случае «молдавский язык» действительно представляет собой сущность с изменяемой геометрией, пластичность которой допускает самые разнообразные и противоречивые аргументы, основанные на трех различных принципах:

а) существуют народы, и каждый народ является «носителем» определенного языка (и именно потому, что он является носителем определенного языка, он и есть народ),

б) чтобы построить литературный язык, интеллигенция (писатели, поэты, языковеды) должна опираться на язык народа,

в) для строительства литературного языка интеллигенция (писатели, поэты, языковеды) должна обучать народ говорить на правильном языке.

Первый принцип — позитивистский, второй — романтический, третий можно назвать административно-командным. Это сосуществование трех принципов в языковых дискуссиях в Восточной Европе имеет все признаки порочного круга, в котором причина и следствие постоянно занимают место друг друга.

Поэтому невозможно ответить на вопрос, поставленный в названии этой статьи: сама формулировка ставит его вне всякой истинностной ценности. В этом суть этого безумного дискурса: никто не может сказать, начиная с какого порога (с какого количества слов) два языка должны быть объявлены разными. Как отличить тождественное от различного?

Однако функционирование этого *дискурса о языке* высвечивает эпистемологические проблемы, которые непосредственно касаются лингвистики: если языки не являются исчисляемыми объектами, то как мы можем объяснить этот скользящий объект, который постоянно находится за пределами понимания? Только стандартизованные, «грамматизированные» языки (согласно термину С. Ору, 2000 г.) могут быть описаны как закрытые множества.

Молдавский язык, действительно «существующий» в умах тех, кто его так называет, является принципом утверждения идентичности, не столько средством общения, сколько критерием общности. Но в то же время он является и средством не-общения, стремящимся быть непонятым со стороны того, от кого хотят отличаться любой ценой, чтобы быть самими собой.

Таким образом, Молдова — это не *исключительное явление*, а крайний случай обыкновенной ситуации в Восточной Европе, где языковой вопрос, апеллирующий к науке, является одним из аспектов, и весьма важным, политики гегемонии и неразрешимых территориальных споров, унаследованных от образа мышления, восходящего к XIX веку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн, С. Б. Предисловие / С. Б. Бернштейн. — Текст : непосредственный // Грамматика румынского языка / Й. Йордан. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1950.

2. Борщ, А. Т. Краткие очерки истории молдавского языка (Перспектива работы) / А. Т. Борщ. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина / Молдавский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы. — Кишинев : Государственное издательство министерства просвещения молдавской ССР «Шкоала советикэ», 1951. — С. 121—142.
3. Будагов, Р. А. Молдавский язык среди романских языков (К постановке вопроса) / Р. А. Будагов. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. В. Шишмарев, В. П. Сухотин, Д. Е. Михальчи. — Москва : Академия наук СССР, 1953. — С. 121—134.
4. Будагов, Р. А. Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения / Р. А. Будагов. — Текст : непосредственный // Типология сходств и различий близкородственных языков. — Кишинев : Штиинца, 1976. — С. 3—8.
5. Вартичан, И. К. К вопросу о грамматическом строе молдавского языка в свете учения И. В. Сталина о языке / И. К. Вартичан. — Текст : электронный // Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина. — Кишинев : Шкоала советикэ, 1951. — С. 36—51. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Vartician51.html>.
6. Виноградов, В. В. Основные задачи советской науки о языке в свете работ И. В. Сталина по языкознанию / В. В. Виноградов. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. Владимир Шишмарев, В. П. Сухотин, Д. Е. Михальчи. — Москва : Издательство Академии наук, 1953. — С. 5—33.
7. Гранде, Б. М. Языковое строительство молдавской АССР / Б. М. Гранде. — Текст : электронный // Революция и письменность. — Москва, 1936. — № 2. — С. 177—179. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Grande36b.html>.
8. Илизаров, Б. С. Почетный академик Сталин и академик Марр / Б. С. Илизаров. — Москва : Вече, 2012. — Текст : непосредственный.
9. Киор, П. (Chior). Предисловие / П. Киор. — Текст : электронный // Грамматика лимбий молдовенешть / Л. Мадан. — Тирашполя : ЕСМ, 1929. — С. III—X. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Chior29.html>.
10. Мадан, Л. А. Грамматика лимбий молдовенешть / Л. А. Мадан. — Тирашполя : ЕСМ, 1929. — Текст : непосредственный.
11. Марр, Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике (1926) / Н. Я. Марр. — Текст : непосредственный. — Чебоксары : Чувашский госиздат. — Перизд. в: Избранные работы / Н. Я. Марр. — Москва ; Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — Т. V. — С. 310—322.
12. Марр, Н. Я. Избранные работы. Т. V. Этно- и глоттогония Восточной Европы / Н. Я. Марр. — Москва ; Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — Текст : непосредственный.
13. Михальчи, Д. Е. Некоторые задачи молдавского языкознания в свете трудов И. В. Сталина / Д. Е. Михальчи. — Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка. — 1951. — № 3. — С. 294—298.
14. Михальчи, Д. Е. Задачи молдавского языкознания / Д. Е. Михальчи. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. В. Ф. Шишмарев [и др.]. — Москва : ФН СССР, 1953. — С. 53—72.
15. Ору, Сильвен (Aurox Sylvain). История. Эпистемология. Язык / Ору Сильвен. — Москва : Прогресс, 2000. — Текст : непосредственный.
16. Пиотровский, Р. Г. Сборник «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. М. Сталина» : рецензия / Р. Г. Пиотровский. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1952. — № 1. — С. 149—154.
17. Пиотровский, Р. Г. Славяно-молдавские языковые отношения и вопросы национальной специфики молдавского языка / Р. Г. Пиотровский. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. В. Шишмарев, В. П. Сухотин, Д. Е. Михальчи. — Москва : Академия наук СССР, 1953. — С. 135—149.
18. Сергиевский, М. В. Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР / М. В. Сергиевский. — Текст : непосредственный // Ученые записки Института языка и литературы. — Москва, 1927. — Т. I. — С. 73—97.
19. Сергиевский, М. В. Молдавские этюды / М. В. Сергиевский. — Текст : непосредственный // Труды Московского института истории, философии и литературы. — Москва, 1939. — Т. V. — С. 175—210.
20. Сергиевский, М. В. Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории / М. В. Сергиевский. — Текст : электронный // Известия Академии наук, Отделение литературы и языка. — 1946. — № 4. — С. 333—350. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Sergievskij46.html>.
21. Сергиевский, М. В. Проблема происхождения и развития молдавского языка в свете языкознания / М. В. Сергиевский. — Текст : непосредственный // Ученые записки Института истории, языка и литературы молдавской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. — Кишинев, 1948. — Т. 1.
22. Серебренников, Б. А. Проблемы сравнительно-исторического изучения языков и вопросы молдавского языкознания / Б. А. Серебренников. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. В. Шишмарев, В. П. Сухотин, Д. Е. Михальчи. — Москва : Академия наук СССР, 1953. — С. 34—53.
23. Сталин, И. В. Марксизм и национальный вопрос (1913) / И. В. Сталин. — Текст : непосредственный. — Опубл. под названием: Национальный вопрос и социал-демократия // Просвещение. — 1913. — № 3, 4, 5 4; перизд. под названием: Национальный вопрос и марксизм. — Санкт-Петербург : Прибой, 1914.
24. Сталин, И. В. Марксизм и вопросы языкознания / И. В. Сталин. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1950. — Текст : непосредственный.
25. Чебан, И. Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина / И. Чебан. — Текст : электронный // Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина. — Кишинев : Шкоала советикэ, 1951. — С. 5—35. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Ceban-51.html>.
26. Шишмарев, В. Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР / В. Ф. Шишмарев. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1952. — № 1. — С. 80—106.
27. Шишмарев, В. Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР / В. Ф. Шишмарев. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. Владимир Шишмарев, В. П. Сухотин, Д. Е. Михальчи. — Москва : Издательство Академии наук, 1953. — С. 73—120.
28. Якобсон, Р. О. К характеристике евразийского языкового союза / Р. О. Якобсон. — Париж : Издательство евразийцев, 1931a. — Текст : непосредственный.
29. Bellet, Marc de. La Moldova : un nouvel État face à ses minorités et à ses voisins / Marc de Bellet. — Text : unmediated // Nationalismes en Europe centrale et orientale : conflits ou nouvelles cohabitations ? / dans M. Aligisakis et alii (dir.). — Genève : Institut européen, Georg édit, 1997. — P. 87—117.
30. Bernaz, Oleg. Identité nationale et politique de la langue. Une analyse foudaldienne du cas moldave / Oleg Bernaz. — Bern : Peter Lang, 2016. — Text : unmediated.
31. Bochmann, Klaus. Quand les minorités mettent en question la stabilité de l'État. Le cas de la république de Moldavie / Klaus Bochmann. — Text : unmediated // La Gestion des minorités linguistiques dans l'Europe du XXIème siècle / Carmen Alén Garabato. — Limoges : Lambert-Lucas, 2013. — P. 25—33.
32. Bogdan, I. Istoriografia română și problemele ei actuale / I. Bogdan. — București, 1905. — (Acad. Rom., Discurs ; XXVII). — Text : unmediated.
33. Bruchis, Michael. One Step back, Two Steps Forward : on the Language Policy of the Communist Party of the Soviet Union in the National Republics / Michael Bruchis. — Boulder (CO) : East European Monographs, 1982. — Text : unmediated.
34. Bruchis, Michael. The Republic of Moldavia. From the collapse of the Soviet Empire to the Restoration of the Russian Empire / Michael Bruchis. — New York : Columbia Univ. Press, 1996. — Text : unmediated.
35. Caratini, Roger. Dictionnaire des nationalités et des minorités de l'ex-URSS / Roger Caratini. — Paris : Larousse, 1992. — Text : unmediated.

36. Cazacu, Matei. La République de Moldavie / Matei Cazacu, Nicolas Trifon. — Paris : Editions Non-lieu, 2010. — Text : unmediated.
37. Cincei, Grigore. Les notions de langue et nation roumaines à l'Est du Prout / Grigore Cincei. — Text : unmediated // Cahiers de l'ILSL (Lausanne) / red. Patrick Sériot. — 1996. — N. 8 : Langue et nation en Europe centrale et orientale du XVIIIème siècle à nos jours. — P. 75–92.
38. Coşeriu, Eugen. Identitatea limbii și poporului român / Eugen Coşeriu. — Text : unmediated // Limba română. — 2002. — N 10. — P. 2–3.
39. Damian, Angela. Qui sommes-nous ? De l'identité collective à la construction nationale / Angela Damian. — Text : unmediated // Moldavie : repères et perspectives / Catherine Durandin et Irina Gridan. — Paris : L'Harmattan, 2017.
40. Deletant, Denis. Language Policy and Linguistic Trends in Soviet Moldavia / Denis Deletant. — Text : unmediated // Language Planning in the Soviet Union / Kirkwood Michael (ed.). — London : Macmillan, 1989.
41. Diaconescu, E. Români din Răsărit [Восточные румыны] / E. Diaconescu. — Iași : Transnistria, 1942.
42. Dressler, Wanda (red.). Le Second Printemps des nations / Wanda Dressler. — Bruxelles : Bruylant, 1999. — Text : unmediated.
43. Drweski, Bruno. L'espace Baltique — Mer noire / Bruno Drweski. — Text : unmediated // Strates. — 2006. — N. 12. — P. 157–176.
44. Durandin, Catherine. Moldavie : repères et perspectives / Catherine Durandin, Irina Gridan. — Paris : L'Harmattan, 2017. — Text : unmediated.
45. Dyer, Donald L. The Making of the Moldavian Language / Donald L. Dyer. — Text : unmediated // Studies in Moldovan: The History, Culture, Language and Contemporary Politics of the People of Moldova. — Boulder (CO) : East European Monographs, 1996. — P. 89–108.
46. Dyer, Donald L. Some Influences of Russian on the Romanian of Moldova During the Soviet Period / Donald L. Dyer. — Text : unmediated // Slavic and East European Journal. — 1999. — Vol. 43. — N. 1. — P. 85–98.
47. Frege, Gottlob. Über Sinn und Bedeutung / Gottlob Frege. — Text : unmediated // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. — 1892. — N. 100. — S. 25–50.
48. Gadet, Françoise. Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915-1939 / Gadet Françoise et Sériot Patrick (éds.). — Lausanne, 1997. — (Cahiers de l'ILSL ; n 9). — Text : unmediated.
49. Glyn, Lewis E. Multilingualism in the Soviet Union / Lewis E. Glyn. — The Hague : Mouton, 1972. — Text : unmediated.
50. Grenoble, Lenore. Language Policy in the Soviet Union / Lenore Grenoble. — Dordecht : Kluwer, 2003. — Text : unmediated.
51. Jakobson, Roman. Les unions phonologiques de langues / Roman Jakobson. — Text : unmediated // Le Monde slave. — 1931b. — N. 1. — P. 371–378.
52. Jakobson, Roman. Slavische Sprachfragen in der Sowjetunion / Roman Jakobson. — Text : electronic // Slavische Rundschau. — 1934. — N. 1. — S. 324–343. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Jakobson34.html>.
53. Jakobson, Roman. Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues (1938) / Roman Jakobson. — Text : unmediated // dans Actes du IVe congrès international de linguistes (Copenhague, 1936). — Quoted from Selected Writings / R. Jakobson. — The Hague : Mouton, 1971. — Vol. I. — P. 234–246.
54. Jakobson, Roman. Selected Writings. I / Roman Jakobson. — The Hague : Mouton, 1971. — Text : unmediated.
55. Kamusella, Tomasz. Creating Languages in Central Europe during the Last Millenium / Tomasz Kamusella. — New York : Palgrave Macmillan, 2015. — Text : unmediated.
56. Kazazis, Kostas. How Non-Rumanian Is 'Moldavian' ? / Kostas Kazazis. — Text : unmediated // Papers from the Second Conference on the Non-Slavic Languages of the USSR. *Folia Slavica*. — Columbus (OH) : Slavica, 1982. — Vol. 5, N 1–3. — P. 224–229.
57. King, Charles. Moldovan Identity and the Politics of Pan-Romanianism / Charles King. — Text : unmediated // Slavic Review. — 1994. — Vol. 53, n° 2. — P. 345–368.
58. King, Charles. La Construction de la nation moldave / Charles King. — Oxford : Oxford University Press, 1995. — Text : unmediated.
59. King, Charles. Politique panroumaine et identité moldove / Charles King. — Balkanologie, 1997. — Vol. I. — N°1. — URL: <https://journals.openedition.org/balkanologie/195>. — Text : electronic.
60. King, Charles. The Ambivalence of Authenticity, or How the Moldovan Language Was Made / Charles King. — Text : unmediated // Slavic Review. — 1999. — Vol. 58. — N. 1. — P. 117–142.
61. Kirkwood, Michael (ed.). Language Planning in the Soviet Union / Michael Kirkwood. — London : Macmillan, 1990. — Text : unmediated.
62. Kleß, Arnold. Rumänisch und moldauisch / Arnold Kleß. — Text : unmediated // Osteuropa. — 1995. — Vol. V, fasc. 4. — P. 281–284.
63. Lența, Anatol. L'invention de la langue moldave à l'époque soviétique / Anatol Lența. — Text : unmediated // Le discours sur la langue sous les pouvoirs autoritaires / Patrick Sériot et Andrée Tabouret-Keller (éds.). — 2004. — P. 115–134. — (Cahiers de l'ILSL; N. 17).
64. Martonne, Emmanuel de. *Choses vues en Bessarabie* / Emmanuel de Martonne. — Text : electronic // La Revue de Paris. — 1919. — T. V, sept.-oct. — P. 499–534. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Martonne19.html>.
65. Mullen, James. Is There a Moldavian language? / James Mullen. — Text : unmediated // Irish Slavonic Studies. — 1989. — N. 10. — P. 47–62.
66. Quinet, Edgard. Œuvres complètes : Les Roumains. — Paris : Germer-Baillièrre, 1856. — Text : unmediated.
67. Saussure, Ferdinand de. Cours de linguistique générale / Ferdinand de Saussure. — Paris : Payot, 1979. — (2e éd., 1916).
68. Sériot, Patrick. L'un et le multiple : l'objet-langue dans la politique linguistique soviétique / Patrick Sériot. — Text : electronic // États de langue (Encyclopédie Diderot). — Paris : Fayard, 1986. — P. 118–157. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/86.DID.html>.
69. Sériot, Patrick. Rome, Byzance et la politique de la langue en URSS / Patrick Sériot. — Text : electronic // Cahiers du Monde russe et soviétique. — 1988. — T. XXIX. — N. 3-4, juillet-décembre. — P. 567–574. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/88RomByz.html>.
70. Sériot, Patrick. Linguistique nationale ou linguistique nationaliste / Patrick Sériot. — Text : electronic // La Question russe. Essais sur le nationalisme russe / Michel Niqueux (éd.). — Paris : éditions Universitaires, 1992. — P. 115–130. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/92ling%20nat.pdf>.
71. Sériot, Patrick. Nations et nationalités en U.R.S.S./C.E.I. / Patrick Sériot. — Text : electronic // Dictionnaire international du fédéralisme / dans François Saint-Ouen (dir.). — Bruxelles : Bruylant, 1994. — P. 413–416. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/94Federalisme.html>.
72. Sériot, Patrick. Des éléments systémiques qui sautent les barrières des systèmes / Patrick Sériot. — Text : electronic // Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915-1939 / Françoise Gadet et Patrick Sériot (éds.). — Lausanne, 1997a. — P. 213–236. — (Cahiers de l'ILSL ; N. 9). — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97JAK/97Jakart.html>.
73. Sériot, Patrick. Faut-il que les langues aient un nom? Le cas du macédonien / Patrick Sériot. — Text : electronic // Le nom des langues. Les enjeux de la nomination des langues / dans Andrée Tabouret-Keller (dir.). — Louvain : Peeters, 1997b. — P. 167–190. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97maced TK.html>.
74. Sériot, Patrick. Ethnos et demos : la construction discursive de l'identité collective / Patrick Sériot. — Text : electronic // Langage et Société. — 1997c. — N. 79. — P. 39–52. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97EthnosDemos.html>.
75. Sériot, Patrick. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale / Patrick Sériot. — Paris : Puf, 1999. — [2e éd. Limoges : Lambert-Lucas, 2012]. — Text : unmediated.
76. Sériot, Patrick. De la géolinguistique à la géopolitique : Jakobson et la 'langue moldave' / Patrick Sériot. — Text : electronic // Probleme de lingvistică generală și romanică. —

Chişinău, 2003. — Vol. 1. — P. 248–261. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/03Jakmold.html>.

77. Sériot, Patrick. La pensée ethnociste en URSS et en Russie post-soviétique / Patrick Sériot. — Text : electronic // Strates. — 2005a. — N. 12. — P. 111–125. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/05ETHNICISME/05Ethnicisme.html>.

78. Sériot, Patrick. Inventer l'autre pour être soi : l'instrumentalisation de la linguistique en ex-Yougoslavie / Patrick Sériot. — Text : electronic // Regards croisés sur l'ex-Yougoslavie / dans Gabrielle Varro (dir.). — Paris : L'Harmattan, 2005b. — P. 189–198. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/05Youg.html>.

79. Sériot, Patrick. Langue et nation : une relation problématique / Patrick Sériot, Pierre Caussat, Claudine Normand. — Text : electronic // Langue et nation en Europe centrale et orientale du XVIIIème siècle à nos jours, p. I-VI / dans Patrick Sériot (dir.). — 1996. — (Cahiers de l'ILSL ; N. 8]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/96lnpref.html>.

80. Cahiers de l'ILSL. N. 17. Le discours sur la langue sous les pouvoirs autoritaires / Sériot Patrick et Tabouret-Keller Andrée (éds). — 2004. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/04Dietdm.html>. — Text : electronic.

81. Tabouret-Keller, Andrée (dir.). Le Nom des langues. Les enjeux de la nomination des langues / Andrée Tabouret-Keller. — Louvain : Peeters, 1997. — 274 p. — Text : unmediated.

82. Thiesse, A.-M. La création d'identités nationales / A.-M. Thiesse. — Text : unmediated. — Paris : Editions du Seuil, 2001. — 307 p.

83. Trifon, Nicolas. La langue roumaine au cœur de la problématique de reconstruction nationale de la république de Moldavie / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // Le second printemps des nations / dans Wanda Dressler (dir.). — Bruxelles : Bruylant, 1999. — P. 257–281.

84. Trifon, Nicolas. Retour sur une trouvaille stalinienne : la langue moldave / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // Au Sud de l'Est. — Paris : Editions Non lieu, 2007. — N. 3.

85. Trifon, Nicolas. Guerre et paix des langues sur fond de malaise identitaire / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // La République de Moldavie / dans Matei Cazacu et Nicolas Trifon. — Paris : Editions Non lieu, 2010. — P. 167–268.

86. Varro, Gabrielle (dir.). Regards croisés sur l'ex-Yougoslavie / Gabrielle Varro (dir.). — Paris : L'Harmattan, 2005. — Text : unmediated.

87. Vilcu-Poustovaia, Irina 'Si je suis moldave, je parle moldave' ou 'je parle roumain, donc je suis roumain(e)'. Nommer sa langue / Irina Vilcu-Poustovaia. — Text : unmediated // Education et sociétés plurilingues. — 1996. — N. 1. — P. 59–68.

88. Weigand, G. Linguistischer Atlas des Dacoromanischen Sprachgebietes / G. Weigand. — Leipzig, 1909. — Text : unmediated.

P. Seriot

University of Lausanne, Switzerland

ORCID ID:

 E-mail: Patrick.Seriot@unil.ch.

What Is Behind the Name of the Language of the Republic of Moldova?

ABSTRACT. *In the light of the concepts of national identity, the article looks at the existing approaches to naming and defining the essence of the language of the Republic of Moldova. The study deals with the meta-discursive aspect of the dispute concerning the nature of the object-language, which leads to the fundamental questions of linguistics (What is it about when we say that language is used as an object of discourse? Where does the language begin and end? How competent are linguists in this matter?). The "Moldavian language" is an entity with a variable geometry, the plasticity of which allows for the most diverse and contradictory arguments based on three different principles: 1) positivist – there are nations, and each nation is a "native speaker" of a certain language (and precisely because it is a native speaker of a certain language, it is a people); 2) romantic – in order to build a literary language, the intelligentsia must rely on the language of the people; 3) administrative-commanding – in order to build a literary language, the intelligentsia (writers, poets, linguists) must teach the people to speak the correct language. This co-existence of the three principles in language discussions in Eastern Europe has all the hallmarks of a vicious circle in which cause and effect constantly take each other's place. The Moldovan language, which really "exists" in the minds of those who call it that, is the principle of asserting identity, not so much a means of communication as a criterion of community. But at the same time, it is also a means of non-communication, striving to be understood by someone from whom they want to differ at any cost in order to be themselves.*

KEYWORDS: *the Moldovan language; the Romanian language; language policy; national identity; discourse about language; literary language; principles of orthography; orthography.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Seriot Patrick, Professor Emeritus, Department of Slavic and South Asian Studies, Faculty of Arts, University of Lausanne, Switzerland.*

FOR CITATION: *Seriot, P. What Is Behind the Name of the Language of the Republic of Moldova? / P. Seriot // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 33-56. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_03.*

REFERENCES

1. Bernshteyn, S. B. Foreword / S. B. Bernstein. — Text : unmediated // Grammar of the Romanian Language / J. Jordan. — Moscow : Foreign Literature Publishing House, 1950. [Pre-dislovie / S. B. Bernshteyn. — Tekst : neposredstvennyy // Grammatika rumynskogo yazyka / Y. Yordan. — Moskva : Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1950]. — (In Rus.)

2. Borshch, A. T. Brief essays on the history of the Moldavian language (Prospectus of the work) / A. T. Borsch. — Text : unmediated // Questions of the Moldavian language in the light of the works of I. V. Stalin / Moldavian Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History, Language and Literature. — Chisinau : State Publishing House of the Ministry of Education of the Moldavian SSR "Shkoala Sovetique", 1951. — P. 121–142. [Kratkie ocherki istorii moldavskogo yazyka (Prospekt raboty) / A. T. Borshch. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazyka v svete trudov I. V. Stalina / Moldavskiy Filial

AN SSSR, Institut istorii, yazyka i literatury. — Kishinev : Gosudarstvennoe izdatel'stvo ministerstva prosveshcheniya moldavskoy SSR «Shkoala sovetike», 1951. — S. 121–142]. — (In Rus.)

3. Budagov, R. A. The Moldavian language among the Romance languages (On the issue) / R. A. Budagov. — Text : unmediated // Issues of Moldavian linguistics / ed. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhali. — Moscow : Academy of Sciences of the USSR, 1953. — P. 121–134. [Moldavskiy yazyk sredi romanskikh yazykov (K postanovke voprosa) / R. A. Budagov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / red. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhali. — Moskva : Akademiya nauk SSSR, 1953. — S. 121–134]. — (In Rus.)

4. Budagov, R. A. Closely related languages and some features of their study / R. A. Budagov. — Text : unmediated // Typology of similarities and differences of closely related languages. —

Chisinau : Shtiintsa, 1976. — P. 3—8. [Blizkorodstvennyye yazyki i nekotorye osobennosti ikh izucheniya / R. A. Budagov. — Tekst : neposredstvennyy // Tipologiya skhodstv i razlichiy blizkorodstvennykh yazykov. — Kishinev : Shtiintsa, 1976. — S. 3—8]. — (In Rus.)

5. Vartichan, I. K. To the problem of the grammatical structure of the Moldavian language in the light of I. V. Stalin's teaching about language / I. K. Vartichan. — Text : electronic // Issues of the Moldavian language in the light of the works of I. V. Stalin. — Chisinau : Shkoala sovetika, 1951. — P. 36—51. [K voprosu o grammaticheskom stroe moldavskogo yazyka v svete ucheniya I. V. Stalina o yazyke / I. K. Vartichan. — Tekst : elektronnyy // Voprosy moldavskogo yazyka v svete trudov I. V. Stalina. — Kishinev : Shkoala sovetike, 1951. — S. 36—51]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Vartician51.html>. — (In Rus.)

6. Vinogradov, V. V. The main tasks of the Soviet science of language in the light of I. V. Stalin's works on linguistics / V. V. Vinogradov. — Text : unmediated // Questions of Moldavian linguistics / ed. Vladimir Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences, 1953. — P. 5—33. [Osnovnye zadachi sovetской nauki o yazyke v svete rabot I. V. Stalina po yazykoznaniiyu / V. V. Vinogradov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / red. Vladimir Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moskva : Izdatel'stvo Akademii nauk, 1953. — S. 5—33]. — (In Rus.)

7. Grande, B. M. Language construction of the Moldavian ASSR / B. M. Grande. — Text : electronic // Revolution and writing. — Moscow, 1936. — No. 2. — P. 177—179. [Yazykovoe stroitel'stvo moldavskoy ASSR / B. M. Grande. — Tekst : elektronnyy // Revolyutsiya i pis'mennost'. — Moskva, 1936. — № 2. — S. 177—179]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Grande36b.html>. — (In Rus.)

8. Ilizarov, B. S. Honorary Academician Stalin and Academician Marr / B. S. Ilizarov. — Moscow : Veche, 2012. — Text : unmediated. [Pochetnyy akademik Stalin i akademik Marr / B. S. Ilizarov. — Moskva : Veche, 2012. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Chior, P. Foreword / P. Chior. — Text : electronic // Gramatika limbus moldovenesti / L. Madan. — Tirashpolya : ESM, 1929. — P. III—X. [Predislovie / P. Kior. — Tekst : elektronnyy // Gramatika limbiy moldovenesht' / L. Madan. — Tirashpolya : ESM, 1929. — S. III—X]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Chior29.html>. — (In Rus.)

10. Madan, L. A. Gramatika limbiy moldovenesht' / L. A. Madan. — Tirashpolya : ESM, 1929. — Text : unmediated.

11. Marr, N. Ya. From the experiences of the prehistoric population of Europe, tribal or class, in Russian speech and toponymy (1926) / N. Ya. Marr. — Text : unmediated. — Cheboksary : Chuvash State Publishing House. — Reissue in: Selected works / N. Ya. Marr. — Moscow ; Leningrad : State Socio-Economic Publishing House, 1935. — Vol. V. — P. 310—322. [Iz perezhivaniy doistoricheskogo naseleniya Evropy, plemennykh ili klassovykh, v russkoy rechi i toponimike (1926) / N. Ya. Marr. — Tekst : neposredstvennyy. — Cheboksary : Chuvashskiy gosizdat. — Pereizd. v: Izbrannye raboty / N. Ya. Marr. — Moskva ; Leningrad : Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1935. — T. V. — S. 310—322]. — (In Rus.)

12. Marr, N. Ya. Selected works. Vol. V. Ethno and glottogony of Eastern Europe / N. Ya. Marr. — Moscow ; Leningrad : State Socio-Economic Publishing House, 1935. — Text : unmediated. [Izbrannye raboty. T. V. Etno- i glottogoniya Vostochnoy Evropy / N. Ya. Marr. — Moskva ; Leningrad : Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1935. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Mikhailchi, D. E. Some tasks of Moldavian linguistics in the light of the works of I. V. Stalin / D. E. Mikhailchi. — Text : unmediated // Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR, Department of Literature and Language. — 1951. — No. 3. — P. 294—298. [Nekotorye zadachi moldavskogo yazykoznaniiya v svete trudov I. V. Stalina / D. E. Mikhailchi. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Akademii nauk SSSR, Otdelenie literatury i yazyka. — 1951. — № 3. — S. 294—298]. — (In Rus.)

14. Mikhailchi, D. E. Tasks of Moldavian linguistics / D. E. Mikhailchi. — Text : unmediated // Issues of Moldavian linguistics / ed. V. F. Shishmarev [and others]. — Moscow : FN USSR,

1953. — P. 53—72. [Zadachi moldavskogo yazykoznaniiya / D. E. Mikhailchi. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / red. V. F. Shishmarev [i dr.]. — Moskva : FN SSSR, 1953. — S. 53—72]. — (In Rus.)

15. Auroux, Sylvain. History. Epistemology. Language / Oru Sylvain (Auroux, Sylvain). — Moscow : Progress, 2000. — Text : unmediated. [Istoriya. Epistemologiya. Yazyk / Oru Sil'ven. — Moskva : Progress, 2000. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Piotrovskiy, R. G. Collection "Issues of the Moldavian language in the light of the works of I. M. Stalin": review / R. G. Piotrovskiy. — Text : unmediated // Issues of linguistics. — 1952. — No. 1. — P. 149—154. [Sbornik «Voprosy moldavskogo yazyka v svete trudov I. M. Stalina» : retsenziya / R. G. Piotrovskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy yazykoznaniiya. — 1952. — № 1. — S. 149—154]. — (In Rus.)

17. Piotrovskiy, R. G. Slavic-Moldavian linguistic relations and questions of the national specificity of the Moldavian language / R. G. Piotrovskiy. — Text : unmediated // Issues of Moldavian linguistics / ed. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moscow : Academy of Sciences of the USSR, 1953. — P. 135—149. [Slavyano-moldavskie yazykovye otnosheniya i voprosy natsional'noy spetsifiki moldavskogo yazyka / R. G. Piotrovskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / red. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moskva : Akademiya nauk SSSR, 1953. — S. 135—149]. — (In Rus.)

18. Sergievskiy, M. V. Materials for the study of living Moldovan dialects on the territory of the USSR / M. V. Sergievskiy. — Text : unmediated // Scientific notes of the Institute of Language and Literature. — Moscow, 1927. — Vol. I. — P. 73—97. [Materialy dlya izucheniya zhivykh moldavskikh govorov na territorii SSSR / M. V. Sergievskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Uchenye zapiski Instituta yazyka i literatury. — Moskva, 1927. — T. I. — S. 73—97]. — (In Rus.)

19. Sergievskiy, M. V. Moldavian sketches / M. V. Sergievskiy. — Text : unmediated // Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature. — Moscow, 1939. — Vol. V. — P. 175—210. [Moldavskie etyudy / M. V. Sergievskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury. — Moskva, 1939. — T. V. — S. 175—210]. — (In Rus.)

20. Sergievskiy, M. V. Toponymy of Bessarabia and its evidence of the process of settlement of the territory / M. V. Sergievskiy. — Text : electronic // News of the Academy of Sciences, Department of Literature and Language. — 1946. — No. 4. — P. 333—350. [Toponimiya Bessarabii i ee svidetel'stvo o protsesse zaseleniya territorii / M. V. Sergievskiy. — Tekst : elektronnyy // Izvestiya Akademii nauk, Otdelenie literatury i yazyka. — 1946. — № 4. — S. 333—350]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Sergievskij46.html>. — (In Rus.)

21. Sergievskiy, M. V. The problem of the origin and development of the Moldavian language in the light of linguistics / M. V. Sergievskiy. — Text : unmediated // Scientific notes of the Institute of History, Language and Literature of the Moldovan research base of the USSR Academy of Sciences. — Chisinau, 1948. — Vol. I. [Problema proiskhozhdeniya i razvitiya moldavskogo yazyka v svete yazykoznaniiya / M. V. Sergievskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury moldavskoy nauchno-issledovatel'skoy bazy Akademii nauk SSSR. — Kishinev, 1948. — T. 1]. — (In Rus.)

22. Serebrennikov, B. A. Problems of comparative historical study of languages and issues of Moldavian linguistics / B. A. Serebrennikov. — Text : unmediated // Issues of Moldavian linguistics / ed. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moscow : Academy of Sciences of the USSR, 1953. — P. 34—53. [Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya yazykov i voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / B. A. Serebrennikov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / red. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moskva : Akademiya nauk SSSR, 1953. — S. 34—53]. — (In Rus.)

23. Stalin, I. V. Marxism and the National Question (1913) / I. V. Stalin. — Text : unmediated. — Publ. entitled: The National Question and Social Democracy // Enlightenment. — 1913. — No. 3, 4, 5 4; reissued. entitled: The National Question and Marxism. — St. Petersburg : Surf, 1914. [Marksizm i natsional'nyy

- vopros (1913) / I. V. Stalin. — Tekst : neposredstvennyy. — Opubl. pod nazvaniem: Natsional'nyy vopros i sotsial-demokratiya // Prosveshchenie. — 1913. — № 3, 4, 5 4; pereizd. pod nazvaniem: Natsional'nyy vopros i marksizm. — Sankt-Peterburg : Priboy, 1914]. — (In Rus.)
24. Stalin, I. V. Marxism and questions of linguistics / I. V. Stalin. — Moscow : State Publishing House of Political Literature, 1950. — Text : unmediated. [Marksizm i voprosy yazykoznaniya / I. V. Stalin. — Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1950. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
25. Cheban, I. Pressing issues of the Moldavian language in the light of the works of I. V. Stalin / I. Cheban. — Text : electronic // Questions of the Moldavian language in the light of the works of I. V. Stalin. — Chisinau : Shkoala sovetica, 1951. — P. 5—35. [Nasushchnye voprosy moldavskogo yazyka v svete trudov I. V. Stalina / I. Cheban. — Tekst : elektronnyy // Voprosy moldavskogo yazyka v svete trudov I. V. Stalina. — Kishinev : Shkoala sovetica, 1951. — S. 5—35]. — URL: <http://crecleo.seriot.ch/textes/Ceban-51.html>. — (In Rus.)
26. Shishmarev, V. F. Romance languages of South-Eastern Europe and the national language of the Moldavian SSR / V. F. Shishmarev. — Text : unmediated // Issues of linguistics. — 1952. — No. 1. — P. 80—106. [Romanskie yazyki Yugo-Vostochnoy Evropy i natsional'nyy yazyk Moldavskoy SSR / V. F. Shishmarev. — Tekst : neposredstvennyy. — Voprosy yazykoznaniya. — 1952. — № 1. — S. 80—106]. — (In Rus.)
27. Shishmarev, V. F. Romance languages of South-Eastern Europe and the national language of the Moldavian SSR / V. F. Shishmarev. — Text : unmediated // Issues of Moldavian linguistics / ed. Vladimir Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences, 1953. — P. 73—120. [Romanskie yazyki Yugo-Vostochnoy Evropy i natsional'nyy yazyk Moldavskoy SSR / V. F. Shishmarev. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniya / red. Vladimir Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moskva : Izdatel'stvo Akademii nauk, 1953. — S. 73—120]. — (In Rus.)
28. Jakobson, R. O. To the characteristics of the Eurasian language union / R. O. Jakobson. — Paris : Publishing House of the Eurasians, 1931a. — Text : unmediated. [K kharakteristike evraziyskogo yazykovogo soyuza / R. O. Jakobson. — Parizh : Izdatel'stvo evraziytssev, 1931a. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
29. Bellet, Marc de. La Moldova : un nouvel État face à ses minorités et à ses voisins / Marc de Bellet. — Text : unmediated // Nationalismes en Europe centrale et orientale : conflits ou nouvelles cohabitations ? / dans M. Aligisakis et alii (dir.). — Genève : Institut européen, Georg édit, 1997. — P. 87—117.
30. Bernaz, Oleg. Identité nationale et politique de la langue. Une analyse foucauldienne du cas moldave / Oleg Bernaz. — Bern : Peter Lang, 2016. — Text : unmediated.
31. Bochmann, Klaus. Quand les minorités mettent en question la stabilité de l'État. Le cas de la république de Moldavie / Klaus Bochmann. — Text : unmediated // La Gestion des minorités linguistiques dans l'Europe du XXIème siècle / Carmen Alén Garabato. — Limoges : Lambert-Lucas, 2013. — P. 25—33.
32. Bogdan, I. Istoriografia română și problemele ei actuale / I. Bogdan. — București, 1905. — (Acad. Rom., Discurs ; XXVII). — Text : unmediated.
33. Bruchis, Michael. One Step back, Two Steps Forward : on the Language Policy of the Communist Party of the Soviet Union in the National Republics / Michael Bruchis. — Boulder (CO) : East European Monographs, 1982. — Text : unmediated.
34. Bruchis, Michael. The Republic of Moldavia. From the collapse of the Soviet Empire to the Restoration of the Russian Empire / Michael Bruchis. — New York : Columbia Univ. Press, 1996. — Text : unmediated.
35. Caratini, Roger. Dictionnaire des nationalités et des minorités de l'ex-URSS / Roger Caratini. — Paris : Larousse, 1992. — Text : unmediated.
36. Cazacu, Matei. La République de Moldavie / Matei Cazacu, Nicolas Trifon. — Paris : Editions Non-lieu, 2010. — Text : unmediated.
37. Cincei, Grigore. Les notions de langue et nation roumaines à l'Est du Prout / Grigore Cincei. — Text : unmediated // Cahiers de l'ILSL (Lausanne) / red. Patrick Sériot. — 1996. — N. 8 : Langue et nation en Europe centrale et orientale du XVIIIème siècle à nos jours. — P. 75—92.
38. Coșeriu, Eugen. Identitatea limbii și poporului român / Eugen Coșeriu. — Text : unmediated // Limba română. — 2002. — N 10. — P. 2—3.
39. Damian, Angela. Qui sommes-nous ? De l'identité collective à la construction nationale / Angela Damian. — Text : unmediated // Moldavie : repères et perspectives / Catherine Durandin et Irina Gridan. — Paris : L'Harmattan, 2017.
40. Deletant, Denis. Language Policy and Linguistic Trends in Soviet Moldavia / Denis Deletant. — Text : unmediated // Language Planning in the Soviet Union / Kirkwood Michael (ed.). — London : Macmillan, 1989.
41. Diaconescu, E. Români din Răsărit [Восточные румыны] / E. Diaconescu. — Iași : Transnistria, 1942.
42. Dressler, Wanda (red.). Le Second Printemps des nations / Wanda Dressler. — Bruxelles : Bruylant, 1999. — Text : unmediated.
43. Drweski, Bruno. L'espace Baltique — Mer noire / Bruno Drweski. — Text : unmediated // Strates. — 2006. — N. 12. — P. 157—176.
44. Durandin, Catherine. Moldavie : repères et perspectives / Catherine Durandin, Irina Gridan. — Paris : L'Harmattan, 2017. — Text : unmediated.
45. Dyer, Donald L. The Making of the Moldavian Language / Donald L. Dyer. — Text : unmediated // Studies in Moldovan: The History, Culture, Language and Contemporary Politics of the People of Moldova. — Boulder (CO) : East European Monographs, 1996. — P. 89—108.
46. Dyer, Donald L. Some Influences of Russian on the Romanian of Moldova During the Soviet Period / Donald L. Dyer. — Text : unmediated // Slavic and East European Journal. — 1999. — Vol. 43. — N.º1. — P. 85—98.
47. Frege, Gottlob. Über Sinn und Bedeutung / Gottlob Frege. — Text : unmediated // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. — 1892. — N. 100. — S. 25—50.
48. Gadet, Françoise. Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915-1939 / Gadet Françoise et SÉriot Patrick (éds.). — Lausanne, 1997. — (Cahiers de l'ILSL ; n 9). — Text : unmediated.
49. Glyn, Lewis E. Multilingualism in the Soviet Union / Lewis E. Glyn. — The Hague : Mouton, 1972. — Text : unmediated.
50. Grenoble, Lenore. Language Policy in the Soviet Union / Lenore Grenoble. — Dordrecht : Kluwer, 2003. — Text : unmediated.
51. Jakobson, Roman. Les unions phonologiques de langues / Roman Jakobson. — Text : unmediated // Le Monde slave. — 1931b. — N. 1. — P. 371—378.
52. Jakobson, Roman. Slavische Sprachfragen in der Sowjetunion / Roman Jakobson. — Text : electronic // Slavische Rundschau. — 1934. — N.º1. — S. 324—343. — URL: <http://crecleo.seriot.ch/textes/Jakobson34.html>.
53. Jakobson, Roman. Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues (1938) / Roman Jakobson. — Text : unmediated // dans Actes du IVe congrès international de linguistes (Copenhague, 1936). — Quoted from Selected Writings / R. Jakobson. — The Hague : Mouton, 1971. — Vol. I. — P. 234—246.
54. Jakobson, Roman. Selected Writings. I / Roman Jakobson. — The Hague : Mouton, 1971. — Text : unmediated.
55. Kamusella, Tomasz. Creating Languages in Central Europe during the Last Millenium / Tomasz Kamusella. — New York : Palgrave Macmillan, 2015. — Text : unmediated.
56. Kazazis, Kostas. How Non-Rumanian Is 'Moldavian' / Kostas Kazazis. — Text : unmediated // Papers from the Second Conference on the Non-Slavic Languages of the USSR. Folia Slavica. — Columbus (OH) : Slavica, 1982. — Vol. 5, N 1—3. — P. 224—229.
57. King, Charles. Moldovan Identity and the Politics of Pan-Romanianism / Charles King. — Text : unmediated // Slavic Review. — 1994. — Vol. 53, n.º 2. — P. 345—368.
58. King, Charles. La Construction de la nation moldave / Charles King. — Oxford : Oxford University Press, 1995. — Text : unmediated.
59. King, Charles. Politique panroumaine et identité moldove / Charles King. — Balkanologie, 1997. — Vol. I. — N.º1. — URL: <https://journals.openedition.org/balkanologie/195>. — Text : electronic.
60. King, Charles. The Ambivalence of Authenticity, or How the Moldovan Language Was Made / Charles King. — Text : unmediated // Slavic Review. — 1999. — Vol. 58. — N. 1. —

P. 117–142.

61. Kirkwood, Michael (ed.). *Language Planning in the Soviet Union* / Michael Kirkwood. — London : Macmillan, 1990. — Text : unmediated.

62. Kleß, Arnold. *Rumänisch und moldauisch* / Arnold Kleß. — Text : unmediated // *Osteuropa*. — 1995. — Vol. V, fasc. 4. — P. 281–284.

63. Lența, Anatol. *L'invention de la langue moldave à l'époque soviétique* / Anatol Lența. — Text : unmediated // *Le discours sur la langue sous les pouvoirs autoritaires* / Patrick Sériot et Andrée Tabouret-Keller (éds.). — 2004. — P. 115–134. — (Cahiers de ILSL; N. 17).

64. Martonne, Emmanuel de. *Choses vues en Bessarabie* / Emmanuel de Martonne. — Text : electronic // *La Revue de Paris*. — 1919. — T. V, sept.-oct. — P. 499–534. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Martonne19.html>.

65. Mullen, James. *Is There a Moldavian language?* / James Mullen. — Text : unmediated // *Irish Slavonic Studies*. — 1989. — N. 10. — P. 47–62.

66. Quinet, Edgard. *Œuvres complètes : Les Roumains*. — Paris : Germer-Baillièrre, 1856. — Text : unmediated.

67. Saussure, Ferdinand de. *Cours de linguistique générale* / Ferdinand de Saussure. — Paris : Payot, 1979. — (2e éd., 1916).

68. Sériot, Patrick. *L'un et le multiple : l'objet-langue dans la politique linguistique soviétique* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *États de langue (Encyclopédie Diderot)*. — Paris : Fayard, 1986. — P. 118–157. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/86.DID.html>.

69. Sériot, Patrick. *Rome, Byzance et la politique de la langue en URSS* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. — 1988. — T. XXIX. — N. 3-4, juillet-décembre. — P. 567–574. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/88RomByz.html>.

70. Sériot, Patrick. *Linguistique nationale ou linguistique nationaliste* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *La Question russe. Essais sur le nationalisme russe* / Michel Niqueux (éd.). — Paris : éditions Universitaires, 1992. — P. 115–130. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/92ling%20nat.pdf>.

71. Sériot, Patrick. *Nations et nationalités en U.R.S.S./C.E.I.* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Dictionnaire international du fédéralisme* / dans François Saint-Ouen (dir.). — Bruxelles : Bruylant, 1994. — P. 413–416. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/94Federalisme.html>.

72. Sériot, Patrick. *Des éléments systémiques qui sautent les barrières des systèmes* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915-1939* / Françoise Gadet et Patrick Sériot (éds.). — Lausanne, 1997a. — P. 213–236. — (Cahiers de ILSL ; N. 9). — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97JAK/97Jakart.html>.

73. Sériot, Patrick. *Faut-il que les langues aient un nom? Le cas du macédonien* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Le nom des langues. Les enjeux de la nomination des langues* / dans Andrée Tabouret-Keller (dir.). — Louvain : Peeters, 1997b. — P. 167–190. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97maced TK.html>.

74. Sériot, Patrick. *Ethnos et demos : la construction discursive de l'identité collective* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Langage et Société*. — 1997c. — N. 79. — P. 39–52. — URL:

<http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97EthnosDemos.html>.

75. Sériot, Patrick. *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale* / Patrick Sériot. — Paris : Puf, 1999. — [2e éd. Limoges : Lambert-Lucas, 2012]. — Text : unmediated.

76. Sériot, Patrick. *De la géolinguistique à la géopolitique : Jakobson et la 'langue moldave'* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Probleme de lingvistică generală și romanică*. — Chișinău, 2003. — Vol. 1. — P. 248–261. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/03Jakmold.html>.

77. Sériot, Patrick. *La pensée ethnociste en URSS et en Russie post-soviétique* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Strates*. — 2005a. — N. 12. — P. 111–125. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/05ETHNICISME/05Ethnicisme.html>.

78. Sériot, Patrick. *Inventer l'autre pour être soi : l'instrumentalisation de la linguistique en ex-Yougoslavie* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Regards croisés sur l'ex-Yougoslavie* / dans Gabrielle Varro (dir.). — Paris : L'Harmattan, 2005b. — P. 189–198. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/05Youg.html>.

79. Sériot, Patrick. *Langue et nation : une relation problématique* / Patrick Sériot, Pierre Caussat, Claudine Normand. — Text : electronic // *Langue et nation en Europe centrale et orientale du XVIIIe siècle à nos jours*, p. I-VI / dans Patrick Sériot (dir.). — 1996. — (Cahiers de ILSL ; N. 8). — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/96lnpref.html>.

80. *Cahiers de ILSL. N. 17. Le discours sur la langue sous les pouvoirs autoritaires* / Sériot Patrick et Tabouret-Keller Andrée (éds.). — 2004. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/04Dicttdm.html>. — Text : electronic.

81. Tabouret-Keller, Andrée (dir.). *Le Nom des langues. Les enjeux de la nomination des langues* / Andrée Tabouret-Keller. — Louvain : Peeters, 1997. — 274 p. — Text : unmediated.

82. Thiesse, A.-M. *La création d'identités nationales* / A.-M. Thiesse. — Text : unmediated. — Paris : Editions du Seuil, 2001. — 307 p.

83. Trifon, Nicolas. *La langue roumaine au cœur de la problématique de reconstruction nationale de la république de Moldavie* / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // *Le second printemps des nations* / dans Wanda Dressler (dir.). — Bruxelles : Bruylant, 1999. — P. 257–281.

84. Trifon, Nicolas. *Retour sur une trouvaille stalinienne : la langue moldave* / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // *Au Sud de l'Est*. — Paris : Editions Non lieu, 2007. — N. 3.

85. Trifon, Nicolas. *Guerre et paix des langues sur fond de malaise identitaire* / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // *La République de Moldavie* / dans Matei Cazacu et Nicolas Trifon. — Paris : Editions Non lieu, 2010. — P. 167–268.

86. Varro, Gabrielle (dir.). *Regards croisés sur l'ex-Yougoslavie* / Gabrielle Varro (dir.). — Paris : L'Harmattan, 2005. — Text : unmediated.

87. Vilcu-Poustovaia, Irina 'Si je suis moldave, je parle moldave' ou 'je parle roumain, donc je suis roumain(e)'. *Nommer sa langue* / Irina Vilcu-Poustovaia. — Text : unmediated // *Education et sociétés plurilingues*. — 1996. — N. 1. — P. 59–68.

88. Weigand, G. *Linguistischer Atlas des Dacorumanischen Sprachgebietes* / G. Weigand. — Leipzig, 1909. — Text : unmediated.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111(73)373
ББК Ш143.21-006.63+Ш143.21-31
DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_04

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

К. Ю. Агафонова

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID ID: —

E-mail: bc@mail.ru.

Диффузность официального регистра военного подъязыка Пентагона (на материале профжаргона войны в Персидском заливе)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена лингвокультурологическому анализу лексико-семантических особенностей официального регистра профессионального подъязыка военнослужащих армии США. Именно военный субъязык как иноформа бытования языка национального не только обслуживает коммуникативные потребности армейской субкультуры, но и нередко используется в качестве инструмента лингвистической манипуляции. Официальный регистр нормативен, имеет преимущественно письменную форму реализации. Язык военной бюрократии Пентагона отмечен обилием акронимов и тяжеловесных формулировок. Кроме того, официальный регистр военного подъязыка нередко характеризуется диффузностью. В большинстве случаев преднамеренное использование эвфемизмов, синонимического ряда, профжаргона, семантически непроницаемых акронимов и бэкронимов служит коммуникативной цели сокрытия истинного предмета разговора и мысли. В качестве объекта научного исследования избран подъязык военной службы как самобытная лексическая подсистема американского варианта английского языка. Предметная область исследования представлена диффузными лексико-фразеологическими единицами регистра официальной коммуникации оборонного ведомства США. Работа адресована лингвистам, переводчикам, преподавателям и широкой аудитории. Отмечается, что феномен *doublespeak*, состоящий в демагогии, пространных и двусмысленных формулировках, в военном подъязыке ярко проявился во время войны во Вьетнаме: язык официальных сообщений скрывал истинное положение дел на земле, «убаюкивая» внимание американской общественности. Демонстрируется, что при освещении войны в Персидском заливе появились изречения, призванные превратить трагедию войны в нечто абстрактное, лишённое эмоций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальная общность; этническая общность; лингвокультурология; лингвокультурологический анализ; лексическая семантика; лексико-семантические поля; вооружённые силы; армейская субкультура; американские военнослужащие; военный подъязык; война во Вьетнаме; война в Персидском заливе; военные конфликты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Агафонова Ксения Юрьевна, адъюнкт очной адъюнктуры, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, кафедра № 33 английского языка (второго), Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4; e-mail: bc@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Агафонова, К. Ю. Диффузность официального регистра военного подъязыка Пентагона (на материале профжаргона войны в Персидском заливе) / К. Ю. Агафонова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 57-61. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_04.

Диалектическая взаимообусловленность языка и культуры проявляется в том, что язык несет на себе отпечаток материально-духовной деятельности данной этнической общности. Именно язык детерминирует человеческие структуры мышления и поведения, выступает в качестве составного компонента и орудия культуры. Менталитет всякого лингвокультурного сообщества в значительной мере обусловлен его концептуальной картиной мира. Человек воспринимает мир преимущественно посредством родного языка, выступающего основным этнообразующим фактором. Однако национальные сообщества по своему составу неоднородны. Они образованы возрастными, гендерными, сословными, профессиональными, корпоративными и иными социальными группами. Социальные кластеры, в

свою очередь, имеют особые, профессионально маркированные ракурсы мировосприятия. Всякая речевая деятельность социально обусловлена. Акцентируя внимание на социальной природе языка, Л. В. Щерба заключает, что каждая социальная общность оперирует своим подъязыком [Щерба 1974: 64]. Здесь несомненную важность представляет вопрос социальной детерминации языка. Неоднородность социальной ткани общества отражается в языке в форме речевой деятельности и соответствующего языкового материала.

Языковая коммуникация представляет собой континуум, охватывающий сферы общения, совпадающие со сферами социального взаимодействия. В ситуации многоязычия, когда в обществе функционирует несколько идиомов, люди наряду с родным

овладевают другим языком или иной формой его бытования, становясь диглоссными индивидами. В различных коммуникативных ситуациях они используют лексические подсистемы, удовлетворяющие требованиям общения [Бойко 2018: 7—8]. Одной из таких лексических подсистем общенационального языка выступает профессиональный субъязык армейского кластера порождающей лингвокультуры.

Как отмечает Б. Л. Бойко, главное качество социально-групповых диалектов — служить средством социально маркированного общения. С одной стороны, отношения в воинской среде регламентированы положениями общевоинских уставов и руководящих документов. С другой стороны, система внутригрупповых отношений подчинена неписаным правилам этикета. «Военнослужащим присущ особый *modus vivendi*, который реализуется на относительно изолированной территории воинских частей и командных инстанций» [Бойко 2019: 23].

Вслед за А. С. Романовым под военным социумом мы понимаем сформировавшееся исторически устойчивое и жизненно важное социальное звено, реализующее функцию вооруженного насилия в интересах правящих элит государства. Армейская субкультура представляет собой «социальное образование, характеризующееся единством правовых основ регламентации профессиональной деятельности, общественно значимых социальных функций, культурно-исторического наследия, менталитета, идиома и аксиологических ориентаций, условий жизненного уклада» [Романов 2019: 138].

В основе воинского служения «лежит античная философская концепция стоицизма, восходящая к принципу „упражнения в добродетели“» [Романов 2020: 253]. В профессиональной картине мира воинства добродетель явлена в ипостасях профессионализма, мужества, жертвенности, коллективного духа соратников по оружию, боевого опыта. Трудности надлежащего исполнения воинского долга закаляют дух и формируют добродетельные качества. В американском военно-политическом дискурсе служба неизменно ассоциируется с совокупностью морально-этических концептов: *dignity* — ‘достоинство’, *glory* — ‘слава’, *honour* — ‘честь’, *heroism* — ‘героизм’, *volunteer service* — ‘добровольная служба’, *greater cause* — ‘высшее предназначение’, *sacrifice* — ‘жертвенность’, *harm’s way* — ‘опасность’, *death’s door* — ‘смертный одр’, *dirty job* — ‘грязная работа’ и др. [Романов, Ангалева 2019: 150].

В современной военной истории США полыхающий регион Ближнего Востока име-

ет особое значение. Победоносное шествие американских солдат по Багдаду 1991 г. не идет ни в какое сравнение с затяжными конфликтами и безуспешными попытками восстановить мир на территориях современных Афганистана, Ирака, Сирийской Арабской Республики. Блицкриг в Персидском заливе с минимальным количеством боевых потерь доказал эффективность американской военной машины. Однако, как утверждает А. Х. Кордсман, проводимая на протяжении последних 20 лет политика США на Ближнем Востоке есть не что иное, как череда дорогостоящих ошибок и просчетов. По состоянию на 31 марта 2019 г. на урегулирование ситуации в Ираке и борьбу с ИГИЛ оборонным ведомством США было израсходовано более 765 млрд долларов. При этом речь идет исключительно о прямых расходах Пентагона. Данных о государственных затратах гуманитарного характера на сегодняшний день нет. Однако по оценкам некоторых экспертов, эти издержки составляют не менее 100 млрд долларов [Cordesman 2020]. Помимо очевидных политических, социально-экономических и репутационных издержек, ближневосточная военная кампания США под эгидой борьбы с международным терроризмом оставила неизгладимый след в военном подъязыке. Войны всегда были и остаются мощными эволюционными катализаторами развития не только военно-технологической сферы, но и субъязыка военной службы как экзистенциальной подсистемы народного языка. Во многом под влиянием вооруженных конфликтов оттачивается технолект военной сферы. Язык военной бюрократии Пентагона, отмечает Е. Леви, получил наименование *Pentagonese* [Levy 2012: 111]. Так называемый «пентагонийский язык» нормативен, имеет преимущественно письменную форму реализации, отмечен обилием акронимов и тяжеловесных формулировок. Кроме того, официальный регистр военного подъязыка нередко характеризуется диффузностью, нарочитым искажением истинного смысла высказывания. «Искусственный, семантически непрозрачный язык американской военной бюрократии — характерная примета Министерства обороны США и иных силовых ведомств» [Романов 2020: 68—69].

Демагогия, пространные и двусмысленные формулировки широко распространены в англоязычном военно-политическом дискурсе. Такой язык получил наименование *double speak*. Названное понятие, утверждает Оксфордский толковый словарь, возникло в 50-е гг. прошлого столетия для обозначения «преднамеренно эвфемистического,

двусмысленного и лишённого однозначного толкования языка политического дискурса». В англоязычном словаре «Collins COBUILD» находим следующее толкование. *“If you refer to what someone says as doublespeak, you are criticizing them for presenting things in a way that is intended to hide the truth or give people the wrong idea”*.

Согласно распространённой, однако ошибочной точке зрения, авторство лексемы *doublespeak* часто приписывают Дж. Оурэллу, создателю классической антиутопии «1984». В своём произведении автор оперировал неологизмами *Newspeak* — ‘новояз’ и *Newthink* — ‘новое мышление’. Приведем фрагмент из романа Дж. Оурэлла, в котором дается интерпретация понятия ‘новояз’. «Новояз — официальный язык Океании — был разработан в соответствии с идеологическими потребностями Ангсоца — Английского Социализма. <...> Цель новояза не только в том, чтобы последователи Ангсоца имели необходимые средства для выражения своих мировоззренческих и духовных пристрастий, но и в том, чтобы сделать невозможным все иные способы мышления. Ставилась задача, чтобы окончательным принятием его и забвением старояза еретическое мышление — то есть мышление, отклоняющееся от принципов Ангсоца, оказалось в буквальном смысле невысказанным, во всяком случае в той мере, в какой мышление зависит от слововыражения» (Оурэлл, 1949).

Изъясняться двусмысленно и туманно — вовсе не означает лгать. На протяжении веков, задолго до оруэлловского новояза как инструмента лингвистического манипулятивного воздействия на целевую аудиторию военные использовали язык, скрывая и маскируя ужасы войны. В большинстве случаев преднамеренное использование эвфемизмов, синонимического ряда, профжаргона, семантически непроницаемых акронимов и бэкронимов служит коммуникативной цели сокрытия истинного предмета разговора и мысли. Примерами лексико-фразеологических единиц профжаргона американских военных, выполнявших боевые задачи во время военной операции «Буря в пустыне» (*Operation Desert Storm*, 1991), подкрепим изложенную мысль. В качестве источников языкового материала, отражающих склонность военнослужащих к лингвистическому творчеству, послужили специализированные словари [Судзиловский 1973; Dickson 2003; Axelrod 2013] и интернет-ресурсы. Приводимый далее языковой материал аутентичен, а значит отражает реально существующие, актуальные практики речевого поведения представителей армейской субкультурной среды.

Стоит отметить, что феномен *doublespeak* наиболее ярко раскрылся во время войны во Вьетнаме. Вооружённый конфликт стал причиной масштабных протестных движений в США. Поражение во Вьетнаме привело к отмене всеобщей воинской повинности в 1973 г. Армия солдата и гражданина (*citizen-soldier army*) прекратила свое существование. Двусмысленный, кодированный и политкорректный регистр официальной коммуникации Пентагона скрывал истинное положение дел на земле, «убаюкивая» внимание американской общественности. В самые тяжелые периоды вьетнамской войны, отмечает А. С. Романов, искусственный язык Пентагона порождает такие изречения, как *condolence award* — «денежная компенсация в размере 34 долларов, выплачиваемая правительством США родственникам убитого по ошибке гражданина Южного Вьетнама» (досл. *моральное вознаграждение*), *navigation errors / misdirections / technical errors* — «грубые просчеты во время бомбардировок» (досл. *навигационные ошибки / ошибочное целеуказание / технические ошибки*), *weed killers* — «средства для борьбы с сорняками, гербициды (прим. пер. *радиус уничтожения растительного покрова в результате применения американскими военнослужащими дефолиантов „Orange“ составлял 24 км*)» [Романов 2020: 69] (Dickson, 2003).

Порождением войны в Персидском заливе стали изречения, призванные превратить трагедию войны в нечто абстрактное, лишённое эмоций. Обратимся к иллюстративному материалу. *Casualty assistance coordinator* — ‘координатор содействия по вопросам боевых потерь’ (прим. пер. *должностное лицо, в обязанности которого вменялось сообщить родственникам о гибели военнослужащего*; перевод здесь и далее по тексту наш. — К. А.), *collateral damage* — ‘сопутствующий ущерб’ (гибель гражданского населения Ирака вследствие военных просчетов), *ballistically induced aperture in the subcutaneous environment* — ‘пулевое ранение’ (досл. *баллистически индуцированное нарушение целостности кожных покровов*), *servicing / visiting the site* — ‘обслуживание цели’ (прим. пер. *нанесение ракетно-бомбовых ударов по цели*), *hard and soft targets* — ‘укрепленные и уязвимые цели’ (прим. пер. *здания / бронированные цели и живые люди*), *laying down a carpet* — ‘площадное бомбометание высокой плотности, ковровая бомбардировка’ (досл. *расстиланье ковра*), *denying the enemy* — ‘воспрепятствование активности противника’ (прим. пер. *нанесение ударов по военным объектам в центральной части городов*), *assets* —

‘активы’ (прим. пер. *бомбы*) [Dickson 2003: 298—299; Media&Values 1991; Brody 2013].

Армия как социальный институт — культурный ответ общества на потребность в обеспечении национального суверенитета, безопасности и реализации интересов государства на международной арене. Как и всякая самостоятельная часть социума, армия отличается собственной профессиональной культурой и подъязыком. Последний реализован в литературном стандарте и субстандарте неформальной коммуникации военнослужащих. Семантическая непрозрачность, криптолаличность официального регистра подъязыка военной службы позволяет использовать его в качестве инструмента манипулятивного воздействия на целевую аудиторию. Неотъемлемым атрибутом «униформированного мира» выступает признак-критерий знаковости (символизма). Последний, отмечает Б. Л. Бойко, проявляется «<...> как в форме эмблем на предметах, так и в форме эмблем — единиц языка» [Бойко 2008: 51].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко, Б. Л. Социально-групповая диалектология : моногр. / Б. Л. Бойко. — Москва : Воен. ун-т, 2018. — 232 с. — Текст : непосредственный.
2. Бойко, Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов : моногр. / Б. Л. Бойко. — Москва : Воен. ун-т, 2008. — 184 с. — Текст : непосредственный.
3. Бойко, Б. Л. Вербальные и невербальные ритуалы как ценности профессиональной культуры военных / Б. Л. Бойко. — Текст : непосредственный // Организационная психоллингвистика. — Москва : ИЯ РАН. — 2019. — № 1 (5). — С. 21—33.
4. Оруэлл, Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. — Москва : Культура, 1992. — 425 с. — Текст : непосредственный.
5. Романов, А. С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на мате-

риале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... д-ра филол. наук / Романов А. С. ; Военный университет. — Москва, 2020. — 447 с. — Текст : непосредственный.

6. Романов, А. С. Система аксиологических координат GI в отражении девизов родов войск и видов вооруженных сил США / А. С. Романов. — Текст : непосредственный // Вопросы психоллингвистики. — Москва, 2019. — № 2 (40). — С. 135—150.

7. Романов, А. С. Вооруженные силы США в стереотипах американской периодики на примере метафорической модели “Military Service is Way / Road” / А. С. Романов, М. А. Ангалева. — Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — Москва, 2019. — № 4. — С. 149—154.

8. Судзиловский, Г. А. Сленг — что это такое? Английская просторечная военная лексика / Г. А. Судзиловский. — Москва : Воениздат, 1973. — 182 с. — Текст : непосредственный.

9. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Ленинград : Наука, 1974. — 428 с. — Текст : непосредственный.

10. Axelrod, A. Whiskey tango foxtrot: the Real language of the modern American Military / A. Axelrod. — New York : Skyhorse Publishing, 2013. — 240 p. — Text : unmediated.

11. Brody, B. U.S. Military Lingo: The (Almost) Definitive Guide / B. Brody. — URL: <https://www.npr.org/sections/parallels/2013/12/04/248816232/u-s-military-lingo-the-almost-definitive-guide> (date of access: 02.12.2020). — Text : electronic.

12. Cordesman, A. H. America’s Failed Strategy in the Middle East: Losing Iraq and the Gulf / A. H. Cordesman. — January 2, 2020. — URL: <https://www.csis.org/analysis/americas-failed-strategy-middle-east-losing-iraq-and-gulf> (date of access: 04.12.2020). — Text : electronic.

13. Dickson, P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War / P. Dickson. — 2nd ed. — Dulles, Virginia : Brassey’s Inc, 2003. — 428 p. — Text : unmediated.

14. Levy, E. Upper Echelons and Boots on the Ground. The Case for Diglossia in the Military / E. Levy. — Text : unmediated // Warrior ways : explorations in modern military folklore / edited by E.A. Eliason and T. Tuleja. — University Press of Colorado, 2012. — P. 110—127.

15. Military Doublespeak: How Jargon Turns Gore into Glory // Media&Values. — 1991. — Iss. 56. — URL: www.medialit.org/reading-room/military-doublespeak-how-jargon-turns-gore-glory (date of access: 02.12.2020). — Text : electronic.

K. Yu. Agafonova

Military University of the Russian Federation Defense Ministry, Moscow, Russia

ORCID ID: —

E-mail: bc@mail.ru.

Diffuseness of the State Register of Pentagon’s Military Lingo (as Exemplified by the Vietnam and Persian Gulf War Professional Jargon)

ABSTRACT. *The article presents a linguistic and cultural analysis of the lexical and semantic features of the state register of the professional sublanguage of the US Army servicemen. It is the military sub-language as a certain form of the existence of the national language that not only serves the communicative needs of the army subculture, but is also often used as a tool of linguistic manipulation. The state register is normative and has mainly a written form of implementation. The language of the Pentagon’s military bureaucracy is marked by an abundance of acronyms and ponderous definitions. In addition, the official register of the military sublanguage is often characterized by diffuseness. In most cases, the deliberate use of euphemisms, synonymic series, professional jargon, semantically impenetrable acronyms and backronyms serves the communicative purpose of concealing the true subject of conversation and thought. The sublanguage of military service as an original lexical subsystem of the American version of the English language is chosen as the scope of scientific research. The object of the study is represented by diffuse lexical and phraseological units of the register of official communication of the US Defense Department. The work is addressed to linguists, translators, teachers and a wide audience. It is noted that the phenomenon of doublespeak, consisting of demagoguery, lengthy and ambiguous wording, in the military sublanguage was clearly manifested during the Vietnam War: the language of official messages hid the true state of affairs in the world, “lulling” the attention of the American public. It is demonstrated that when covering the war in the Persian Gulf, there emerged sayings designed to turn the tragedy of the war into something abstract and devoid of emotions.*

KEYWORDS: *national unity; ethnic unity; linguoculturology; linguoculturological analysis; lexical semantics; lexico-semantic fields; armed forces; military subculture; US army servicemen; military lingo; Vietnam war; Persian Gulf war; military conflicts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Agafonova Kseniya Yur'evna, Full-Time Post-Graduate Student, Candidate of Philology Degree Applicant, English Language Department №33, Military University of the Russian Federation Defense Ministry, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Agafonova, K. Yu. Diffuseness of the State Register of Pentagon's Military Lingo (as Exemplified by the Vietnam and Persian Gulf War Professional Jargon) / K. Yu. Agafonova // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 57-61. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_04.*

REFERENCES

1. Boyko, B. L. Social-group Dialectology : monograph / B. L. Boyko. — Moscow : Military. Univ., 2018. — 232 p. — Text : unmediated. [Sotsial'no-gruppovaya dialektologiya : monogr. / B. L. Boyko. — Moskva : Voenn. un-t, 2018. — 232 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Boyko, B. L. Fundamentals of the Theory of Social Group Dialects : monograph / B. L. Boyko. — Moscow : Military Univ., 2008. — 184 p. — Text : unmediated. [Osnovy teorii sotsial'no-gruppovykh dialektov : monogr. / B. L. Boyko. — Moskva : Voenn. un-t, 2008. — 184 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Boyko, B. L. Verbal and Non-verbal Rituals as Values of the Professional Culture of the Military / B. L. Boyko. — Text : unmediated // Organizational Psycholinguistics. — Moscow : Inst. of Linguistics of RAN. — 2019. — No. 1 (5). — P. 21—33. [Verbal'nye i neverbal'nye ritualy kak tsnennosti professional'noy kul'tury voennykh / B. L. Boyko. — Tekst : neposredstvennyy // Organizatsionnaya psikholingvistika. — Moskva : IYA RAN. — 2019. — № 1 (5). — S. 21—33]. — (In Rus.)
4. Oruell, J. 1984 / J. Oruell. — Moscow : Culture, 1992. — 425 p. — Text : unmediated. [1984 / Dzh. Oruell. — Moskva : Kul'tura, 1992. — 425 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Romanov, A. S. Stereotyping of Subcultural Constants in the Axiology of the Social-group Dialect (based on the values and realities of military service in the language culture of the United States) : specialty 10.02.19 "Theory of language" : doctoral thesis of Dr. of Philol. Sciences / Romanov A. S. ; Military University. — Moscow, 2020. — 447 p. — Text : unmediated. [Stereotipizatsiya subkul'turnykh konstant v aksiologii sotsial'no-gruppovogo dialekta (na materiale tsnennostey i realiy voennoy sluzhby v yazykovoy kul'ture SShA) : spetsial'nost' 10.02.19 «Teoriya yazyka» : dis. ... d-ra filol. nauk / Romanov A. S. ; Voennyi universitet. — Moskva, 2020. — 447 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Romanov, A. S. The System of Axiological Coordinates GI in the Reflection of the Mottos of the Branches of the Armed Forces and Branches of the Armed Forces of the United States / A. S. Romanov. — Text : unmediated // Questions of Psycholinguistics. — Moscow, 2019. — No. 2 (40). — P. 135—150. [Sistema aksiologicheskikh koordinat GI v otrazhenii devizov rodov voysk i vidov vooruzhennykh sil SShA / A. S. Romanov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy psikholingvistiki. — Moskva, 2019. — № 2 (40). — S. 135—150]. — (In Rus.)
7. Romanov, A. S. The US Armed Forces in the Stereotypes of American Periodicals on the Example of the Metaphorical Model "Military Service is Way / Road" / A. S. Romanov, M. A. Angaleva. — Text : unmediated // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. — Moscow, 2019. — No. 4. — P. 149—154. [Vooruzhennye sily SShA v stereotipakh amerikanskoy periodiki na primere metaforicheskoy modeli "Military Service is Way / Road" / A. S. Romanov, M. A. Angaleva. — Tekst : neposredstvennyy // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. — Moskva, 2019. — № 4. — S. 149—154]. — (In Rus.)
8. Sudzilovskiy, G. A. Sleng — What is It? English Colloquial Military Vocabulary / G. A. Sudzilovskiy. — Moscow : Military Publishing, 1973. — 182 p. — Text : unmediated. [Sleng — chto eto takoe? Angliyskaya prostorechnaya voennaya leksika / G. A. Sudzilovskiy. — Moskva : Voenizdat, 1973. — 182 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Shcherba, L. V. Language System and Speech Activity / L. V. Shcherba. — Leningrad : Science, 1974. — 428 p. — Text : unmediated. [Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' / L. V. Shcherba. — Leningrad : Nauka, 1974. — 428 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Axelrod, A. Whiskey tango foxtrot: the Real language of the modern American Military / A. Axelrod. — New York : Skyhorse Publishing, 2013. — 240 p. — Text : unmediated.
11. Brody, B. U.S. Military Lingo: The (Almost) Definitive Guide / B. Brody. — URL: <https://www.npr.org/sections/parallels/2013/12/04/248816232/u-s-military-lingo-the-almost-definitive-guide> (date of access: 02.12.2020). — Text : electronic.
12. Cordesman, A. H. America's Failed Strategy in the Middle East: Losing Iraq and the Gulf / A. H. Cordesman. — January 2, 2020. — URL: <https://www.csis.org/analysis/americas-failed-strategy-middle-east-losing-iraq-and-gulf> (date of access: 04.12.2020). — Text : electronic.
13. Dickson, P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War / P. Dickson. — 2nd ed. — Dulles, Virginia : Brassey's Inc, 2003. — 428 p. — Text : unmediated.
14. Levy, E. Upper Echelons and Boots on the Ground. The Case for Diglossia in the Military / E. Levy. — Text : unmediated // Warrior ways : explorations in modern military folklore / edited by E. A. Eliason and T. Tuleja. — University Press of Colorado, 2012. — P. 110—127.
15. Military Doublespeak: How Jargon Turns Gore into Glory // Media&Values. — 1991. — Iss. 56. — URL: www.medialit.org/reading-room/military-doublespeak-how-jargon-tums-gore-glory (date of access: 02.12.2020). — Text : electronic.

К. В. Волчок

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: —

 E-mail: kost1009@mail.ru.

Функционально-прагматические особенности конфликтогенных текстов о Великой Отечественной войне

АННОТАЦИЯ. В статье дается функционально-прагматическая характеристика конфликтогенных текстов о Великой Отечественной войне. Выявляются интерпретационно-оценочная, миромоделирующая, суггестивная функции избранных для анализа текстов. Рассматриваются речевые стратегии дискредитации и дезинформации, анализируются их тактики и языковые средства. Исследование проводится на материале зарубежных и отечественных сайтов Интернета с опорой на постулаты и методы лингвопрагматической макропарадигмы современной лингвистики. Актуальность исследования функционально-прагматической направленности конфликтогенных текстов о Великой Отечественной войне заключается в необходимости дальнейшего исследования феномена «конфликтогенный текст», расширения эмпирической базы лингвистики информационно-психологической войны, а также расширения прикладных задач, направленных на распознавание вредоносных текстов, обладающих конфликтогенным потенциалом. В представленных текстах негативной оценке подвергаются идеологически важные для нашей страны понятия. Вкладывая новое содержание в общественно значимые концепты, авторы меняют взгляд своей аудитории не только на военную историю страны, но и на социальные и политические аспекты жизни современной России. Выражение отрицательной оценки причин, событий и участников Великой Отечественной войны происходит в первую очередь за счет использования негативно-оценочной лексики, которая включает идеологические ярлыки и окказионализмы, выражающие агрессию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конфликтогенные тексты; политический дискурс; Великая Отечественная война; миромоделирующие функции; речевые стратегии; политическая коммуникация; дискредитация истории; историческая память; дезинформация; языковые средства; Интернет; интернет-пространство; интернет-дискурс; интернет-тексты; интернет-коммуникация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Волчок Константин Викторович, соискатель кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; e-mail: kost1009@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Волчок, К. В. Функционально-прагматические особенности конфликтогенных текстов о Великой Отечественной войне / К. В. Волчок // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 62–72. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_05.

Актуальной задачей современной лингвистики является изучение конфликтогенных/конфликтных текстов. Этим взаимосвязанным феноменам посвящены работы, выполняемые с позиции юрлингвистики, политической лингвистики, дискурсивной лингвистики [Попкова 2009; Белоус, Осколкова 2007; Кишина 2014]. В некоторых исследованиях термины «конфликтогенный текст» и «конфликтный текст» используются как синонимы. В других отмечается, что «„конфликтный текст“ является более широким понятием, чем „конфликтогенный текст“, так как может обозначать тексты, созданные до начала конфликта, спровоцировавшие его, так и тексты, продуцируемые на всём протяжении конфликтной ситуации и даже вне ее (потенциальный конфликт)» [Белоус, Осколкова 2007: 103]. В работах ученых подчеркивается, что проблема конфликтных / конфликтогенных текстов является многовекторной и касается культурно-функциональной организации текста, наличия в нем оце-

ночности, а также эффективности коммуникации и диалогического воздействия создателей и потребителей информации. Отмечается, что социально-политические преобразования современного российского общества спровоцировали появление новых конфликтных речевых ситуаций. В связи с этим растет и число прикладных задач, требующих специальных лингвистических и междисциплинарных исследований.

В нашей работе рассматриваются конфликтогенные тексты о Великой Отечественной войне. Определение «конфликтогенные» мотивировано термином «конфликтоген», который обозначает «слова, жесты, оценки, суждения, действия или бездействия одной или обеих взаимодействующих сторон, **способные привести** (выделено нами. — К. В.) к возникновению конфликтной ситуации и к её перерастанию в реальный конфликт» [Давлетчина 2005: 41]. Под конфликтогенным текстом мы понимаем публичный текст, который провоцирует возник-

новение конфликта между участниками коммуникации. В зависимости от тонально-жанровых измерений и сферы функционирования конфликтогенные тексты могут являться частью различных дискурсов.

В наши дни заметно обострились идеологические межгрупповые конфликты, участниками которых являются общественные деятели, публицисты, блогеры, а также многие рядовые пользователи социальных сетей, пишущие комментарии к постам, демотиваторам и другим вербальным и поликодовым текстам на идеологически значимые темы (религия, социально-экономическое неравенство, политика, переоценка событий прошлого и др.).

Самой широкой площадкой, на которой разворачиваются и провоцируются межгрупповые идеологические конфликты, является Интернет. В условиях отсутствия цензуры именно здесь столкновение разнонаправленных сил отличается тотальным нарушением этических и моральных норм; участники идеологического конфликта часто переходят к прямой словесной агрессии, используют грубые формы манипуляции, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше сторонников. Русский сегмент Интернета в последние годы стал полем ожесточенной информационно-психологической войны (далее — ИПВ), которая ведется против Российской Федерации. Акторами ИПВ, провоцирующими идеологические межгрупповые конфликты, являются общественные деятели, публицисты, блогеры, а также многие рядовые пользователи социальных сетей, пишущие комментарии к постам, демотиваторам и другим вербальным и поликодовым текстам на идеологически значимые темы (религия, социально-экономическое неравенство, политика, переоценка событий прошлого и др.). Мишенями ИПВ против России сегодня выступают вертикально организованная власть страны, Русская православная церковь, российская история, ядром в которой являются события ВОВ (Великой Отечественной войны).

Целью статьи является функционально-прагматический анализ конфликтогенных текстов о Великой Отечественной войне. В задачи работы входит выявление функций и базовых коммуникативных стратегий текстов, авторами которых являются представители лишь одной стороны идеологического конфликта — тех, кто пытается навязать альтернативную точку зрения на события Второй мировой войны и роль СССР в разгроме фашизма.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью углубления

научных знаний о фундаментальных проблемах «язык и социальная действительность», «язык и идеология», «суггестивная функция языка и текста». Кроме того, изучение конфликтогенных текстов о Великой Отечественной войне, создаваемых акторами информационно-психологической войны, важно для выработки мер защиты населения от информационной агрессии, сохранения информационной безопасности государства.

Материалом исследования послужили конфликтогенные тексты о ВОВ, размещенные на следующих ресурсах: 1) сайте российской социальной сети «ВКонтакте» — *vk.com* (входит в компанию «Mail.ru Group»; генеральный директор — Борис Добродеев); 2) сайте *awoxx.blogspot.com*, представляющим блог «Обо всём на свете»; 3) сайте социальной сети «Twitter» — *Twitter.com*; 4) сайте издания «The business courier» — <https://thebusinesscourier.com>; 5) сайте украинской интернет-газеты «Обозреватель» — <https://obozrevatel.com>; 6) сайте «Победобесие» — <https://pobedobesie.info>, который обозначен как спецпроект «Граней» и фонда «Свободная Россия» (некоммерческая организация, созданная российскими эмигрантами в США); 7) сайте русскоязычного сообщества в г. Чикаго — *7days.us*; 8) сайте русскоязычного информационно-развлекательного сообщества «Пикабу» — *pikabu.ru* (автор и владелец сайта — Максим Хрящев); 9) сайте общественно-политического издания «Новая газета» (владельцы: коллектив издания, Александр Лебедев, Михаил Горбачёв) — <https://novayagazeta.ru>; 10) сайте радиостанции «Эхо Москвы» — <https://echo.msk.ru> (контрольный пакет акций — «Газпром-Медиа»). Большинство проанализированных нами конфликтогенных текстов о ВОВ, которые размещены на иностранных ресурсах, написаны на русском языке, что говорит об их целевой ориентированности на русскоязычное население. Авторами выделенных для анализа конфликтогенных интернет-текстов являются как граждане нашей страны, так и эмигранты из России, проживающие в настоящее время в США, а также жители Украины. Большинство публикаций создано представителями российского либерального сообщества. Их объединяет негативный посыл в отношении ценностей, культуры и истории России. Глобальной коммуникативной целью выступает демонизация СССР и его правопреемника Российской Федерации. При цитировании примеров в настоящей статье сохранены орфография и пунктуация оригинала. Особо отметим, что все цитируемые нами высказывания в настоящее время находятся в открытом до-

ступе для пользователей глобальной информационной сети.

Анализируемые тексты представлены в конфликтогенном военном интернет-дискурсе, который понимается нами как совокупность сетевых продуктов (вербальных и поликодовых текстов разных жанров, а также графических изображений) на военно-историческую тематику, провоцирующих возникновение конфликта между субъектами с противоположными мировоззренческими ценностями, взглядами и интересами и функционирующих в контексте идеологического противоборства. В рамках этого дискурса реализуется агрессивная установка акторов навязать аксиологическую картину мира участникам коммуникации, в первую очередь тем, которые относятся нейтрально к поднимаемой тематике. Конфликтогенный военный интернет-дискурс являет собой синкретичный продукт и включает в себя основные характеристики сетевого, медийного, политического дискурсов и реализуется в текстах различных жанров. С точки зрения социальных характеристик, участники конфликтогенного военного интернет-дискурса различаются по возрасту, полу, социальному статусу. Авторы конфликтогенных текстов о ВОВ могут представлять как коллективного актора (например, медиаиздание, и действовать в его интересах), так и отражать личную позицию. Коллективные авторы имеют возможность использовать большие ресурсы для продвижения своего материала, при этом ими учитываются возможные репутационные потери, а также может применяться стратегия легивфемизации — ухода от правовых рисков. Выбор конфликтной интенции среди индивидуальных авторов может быть обусловлен стремлением обозначить свою идеологическую позицию — солидарность с либеральным сообществом, а также необходимостью привлечь в свои ряды новую аудиторию.

В ряде случаев от участников рассматриваемой нами интернет-коммуникации требуется наличие фоновых знаний, касающихся исторического контекста, специальной военной терминологии, политической обстановки, что может упростить восприятие информации. Но, как правило, представленные конфликтогенные тексты ориентированы на неподготовленного читателя. В ходе их функционирования может происходить конструирование определенной реальности адресата, связанное с внедрением идеологических установок.

Основной целевой аудиторией авторов конфликтогенных текстов о ВОВ выступает сообщество, разделяющее либеральные

взгляды. При этом идет борьба за расширение этой большой социальной группы через изменение картины мира реципиентов.

Анализ содержания конфликтогенных текстов военного интернет-дискурса позволил выделить его базовые коммуникативные функции: интерпретационно-оценочную и миромоделирующую. Во многих случаях отмечается их синкретичный характер. Интерпретационно-оценочная функция текста заключается в интерпретации информации о том или ином явлении действительности с помощью выражения оценки, обозначения причинно-следственных связей, расстановки в тексте идеологически выгодных автору акцентов. В анализируемых конфликтогенных текстах представлена негативная оценка событий Великой Отечественной войны и ее участников со стороны СССР. Прагматическая функция пейоративной оценки выражается в «создании отрицательных эмоциональных состояний, провоцировании эмоциональных реакций, стимулировании ситуаций нетерпимости, неприятия, отторжения, проявляющихся в экспликации или импликации осуждения, порицания» [Коваленко 2006: 160]. Интерпретационно-оценочная функция выявлена, например, в заметке Дины Хапаевой «Зачистка памяти» [Хапаева 2020 www]. В ней негативно оценивается поправка к 67-й статье Конституции РФ, в которой фиксируется, что «умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». По мнению Д. Хапаевой, государство с помощью поправки вписывает «миф о войне», что подразумевает ею как эксплуатацию властью самой памяти о ВОВ.

Известно, что в конфликтной коммуникации оценка используется для достижения целей автора текста. Ч. Стивенсон отмечает, что «главное назначение ценностных суждений — не сообщать о фактах, а оказывать влияние» [Stevenson 1964: 16]. То есть при использовании в тексте оценочного суждения непременно реализуется функция воздействия на адресата. Воздействие может выражаться как побуждением реципиента к определенным действиям, так и влиянием на его ценностную картину мира, что формирует определенный фундамент для последующего восприятия информации подобного рода. Согласно Ч. Моррису, функцией оценочных знаков выступает «выбор объектов для предпочтительного поведения» [Моррис 1983: 70].

Оказывая эмоциональное воздействие на адресата, автор текста с помощью оценки закладывает предполагаемый способ разрешения психологического дискомфорта, который выражается в побуждении к дей-

ствиям или принятии тех или иных ценностных установок.

Выражение позиции — отношения авторов к освещаемым личностям, событиям и т. д. чаще всего передается с помощью эмоционально-оценочной лексики и газетно-публицистических штампов: «пушечное мясо», «советско-германский сговор» и др.

Под миромоделирующей функцией понимается свойство языка конструировать фрагмент ценностной картины мира с помощью определенных языковых средств. Отчасти эта функция рассматривалась в работах, посвященных анализу военной концептосферы [Крячко 2007; Третьякова 2013; Горина, Кузнецова 2017: 24], однако проведенных исследований недостаточно для понимания механизмов «миромоделирования», влияния на ментальный мир человека. Авторами анализируемых текстов осуществляются попытки изменения восприятия ВОВ как священной оборонительной войны, навязывается мнение о столкновении двух равнозначных тоталитарных держав. СССР в этой риторике выступает одним из виновников начала Второй мировой войны. С этой целью, например, активно создаются тексты, оценивающие Советско-германский договор о ненападении, подписанный 23 августа 1939 г., который часто обозначается как «пакт Молотова — Риббентропа».

Исследователи отмечают, что сам пакт не является преступным. Однако миф об оккупации в массовом сознании народов Балтии «обеспечивает легитимизацию существующего общественного устройства» [Грибан 2018: 136]. Приведем пример публикации на эту тему: «Спасибо Яше Риббентропу, что он открыл окно в Европу» [Млечин 2019 www]. Автором обыгрывается крылатая фраза из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» — «В Европу прорубить окно». Так поэт характеризовал основание Петром I г. Санкт-Петербурга — первого морского порта государства. В подзаголовке сообщается, что «80 лет назад Сталин заключил союз со смертельно опасным врагом и демонстративно оттолкнул союзников» [Там же]. Тема вызвала намеренную, тенденциозную рефлексивность в интернет-пространстве, освещалась на множестве площадок, а гипертекстовый и ссылочный аппарат интернет-коммуникации позволил дать широкое распространение этим публикациям, формируя из них тексты влияния.

В конфликтогенных текстах о ВОВ реализуется также суггестивная функция, суть которой заключается в психологическом воздействии на подсознание и сознание реципиента информации с целью формирова-

ния у него определенных установок и стереотипов. Суггестивная функция выражается во всей совокупности использованных речевых стратегий и тактик. Эффективность суггестивного воздействия конфликтогенных текстов во многом зависит от выбора языковых средств и стилистических приемов. Авторы конфликтогенных текстов о ВОВ используют различные стилистические приемы, позволяющие наиболее эффективно оказывать необходимое воздействие на адресата.

В ходе анализа эмпирического материала установлено использование такого приема, как редефиниция (переопределение), или отказ от общепринятого толкования лексического значения некоторых слов и словосочетаний, замена их дефиниций на индивидуально-авторские. При этом на первый план выходят оценочные смыслы. Авторы конфликтогенных текстов, переосмысливая важные понятия, связанные с Великой Отечественной войной, всегда исходят из «альтернативной» системы ценностей — своей собственной или социальной группы, к которой принадлежат, предлагают негативно-оценочное толкование. Целью использования приема редефиниции является воздействие на оценку ситуации или описываемой реалии, изменение системы знаний реципиентов (см.: [Романова 2019: 114—115]).

Приведем примеры редефиниций, в которых переосмысливаются понятия «герой» и «подвиг», предлагаются негативно-оценочные определения соответствующих терминов: *Для меня слово „герой“ — это, скорее, отрицательное понятие. Оно сильно окрашено либо солдафонщиной, либо очень примитивными и простыми действиями, которые доступны каждому* [Невзоров 2016 www]; *Пришло понимание, что сам по себе „подвиг“ ничего не значит. Орки тысячами погибали во имя Мордора. <...> Подвиг — примитивное, а часто и преступное действие. На него способны даже алкоголики, дикари и террористы* [Невзоров 2017]. В приведенном фрагменте автор, наряду с редефиницией, также использует такой прием воздействия на сознание, как введение в отрицательно окрашиваемый контекст или ассоциативный ряд. В ходе анализа выявлен контекст, в котором утверждается о несостоятельности даже самого термина «Великая Отечественная война»: *Я могу сказать, что термин „Великая Отечественная война“ абсолютно бессмысленный. Чтобы это осознать, достаточно задать один простой вопрос: „Скажите, пожалуйста, а Герман Геринг был участником Великой Отечественной войны?“. Вот попытка ответить на этот вопрос гарантирует*

съезд крыши любого самого опытного патриота-пропагандиста [Невзоров 08.05.2019 www]. В приведенном фрагменте текста использован софизм — преднамеренное, сознательное нарушение логического закона тождества. Невзоров умалчивает о том, что ВОВ — это война именно советского народа против фашистской Германии. В тексте уравниваются определения терминов «война», когда участниками конфликта являются две стороны, и «Великая Отечественная война», в котором на первый план выходит значение «освободительная вооружённая борьба жителей СССР с немецко-фашистскими захватчиками».

Частотным в конфликтогенных текстах является прием осмеяния, обладающий высоким прагматическим потенциалом. Осмеяние выступает одним из наиболее сильных способов негативной характеристики, так как наряду с рациональным содержанием присутствует также эмоционально-оценочная выразительность, что усиливает возможности актанта для воздействия. Даже если реализуется дискредитирующая информация, не имеющая твердых оснований, происходит эмоциональное усиление значения на когнитивном уровне. При этом осмеяние является менее уязвимым, чем прямая оценка адресанта. В анализируемом материале встречаются различные языковые средства создания комического. Например, использование гротеска — доведения до абсурда. Приведем фрагмент из блога А. Невзорова, в котором речь идет о Ржевском мемориале Советскому солдату: <...> *мемориальный объект (сама фигура) почему-то представлен в виде гибрида солдата сталинской армии и стаи гусей. Патриоты обижено утверждают, что это не гуси, а журавли, и что это якобы в корне меняет всё дело. Но журавль тоже птица в этом политическом контексте, мягко говоря, не однозначная. Почти полгода журавли, будучи перелетными и полностью безвизовыми птицами, проводят за границей Российской Федерации в обществе геев, масонов, проституток и представителей Госдепа. Уже не говоря о том, что орнитологи неоднократно наблюдали за тем, как журавли, оказавшись в Европе, ели ватрушки прямо из рук солдат НАТО* [Невзоров 2020, 10:19 — 11:08].

Используется трансформация прецедентного текста с целью создания комического эффекта: *Не стареют душой сельде-рей* [Невзоров 2015 www]. Ср.: «не стареют душой ветераны».

В представленных текстах не уделяется значительного внимания доказательной базе выдвигаемых положений, присутствуют лож-

ные утверждения. Даже, например, такой жанр, как военные новости, который предполагает в первую очередь информирование аудитории, может использоваться с целью воздействия на адресата, в крайних проявлениях реализуя манипуляцию.

В конфликтогенных текстах о ВОВ наблюдается применение особых речевых стратегий: дискредитации и дезинформации, которые используются в ряде случаев синкретично, что обеспечивает сильный синергетический эффект. Обозначенные речевые стратегии реализуются с помощью ряда речевых тактик.

Речевая стратегия дезинформации (лжи) представлена искажением исторической правды о ВОВ, например, с помощью **тактики аргументативно недостаточных объяснений и оценок: Вторую Мировую войну СССР (читай Россия) начала на стороне нацистов! ДА, да! Сталин выступил на стороне нацистской Германии, с которой „разделил“ Польшу наперекор всему цивилизованному миру! [Чеславский 2020 www]; *И главный источник Катастрофы 1941 года, как и главная причина такого тяжелого и кровавого хода Немецко-советской войны, — заключается в главной болезни: это рабская покорность народа и вседозволенность верхов. А главное заключается в том, что урон, причиненный СССР немцами, в разы меньше того урона, который СССР в 1941 году причинила советская власть* [Awoxx 2020 www].**

Нередко в рамках стратегии лжи применяется тактика приведения статистических данных без опоры на документы. В украинской статье «*За Родину — назад!*» в заголовке обыгрывается лозунг времен Великой Отечественной войны «*За Родину — вперед!*»! [Игорь Киевлянин 2018 www]. Автор акцентирует внимание на нежелании советского народа служить в армии в период Великой Отечественной войны, описываются примеры дезертирства и уклонения от военной службы. Игорь Киевлянин апеллирует к выгодным для себя источниками. Лид актуализирует содержание заголовка: *Из Красной армии бежало свыше полутора миллиона дезертиров* [Там же].

В конфликтогенных текстах о Великой Отечественной войне тактика приведения недостоверных статистических данных может сочетаться с речевой тактикой смещения смыслового акцента. Так, А. Невзоров, рассуждая о блокаде Ленинграда, обращает внимание на очень большое количество людей, которых якобы не коснулся голод: **Тысячи снабженцев, НКВДшников, спекулян-**

тов блокадного Ленинграда делали то же самое и ужасно толстели и рыгали, заглушая тиканье блокадного метронома. Отметим, что все они — тоже блокадники и имеют соответствующие значки и удостоверения блокадников. <...> Так что драматизм термина „блокадник“ является весьма и весьма условным [Невзоров, 19.08.2019 www]. Адресату сообщается, что множества жителей блокадного Ленинграда не коснулись тяжелейшие и драматические условия жизни. Описание смещается в физиологическую плоскость, применяется «черная гипербола» — прием намеренного преувеличения числа негативных фактов с целью очернения истории блокадного Ленинграда. Невзоров осуществляет попытку пересмотра отношения к категории «блокадник».

С целью реализации **речевой стратегии дискредитации** в конфликтогенных текстах часто используется **тактика приравнивания СССР и его населения, армии к последователям идеологии, основанной на насилии**. Приведем пример, где эта тактика воплощается с помощью негативно-оценочной метафоры: *И вот этот отрезок Второй Мировой войны и называют на России Великой Отечественной. Думая, что таким образом можно скрыть если не от мира, то от заключенных колонии (о гражданах России. — К. В.) правду о том, что в 1939 году война началась благодаря союзу и дружбе двух людоедских режимов, которые в последствии просто поссорились* [Чеславский 2020 www].

Встречаются и невербальные (графические) средства экспликации тактики уподобления СССР и фашистской Германии. Например, в шарже-гротеске, изображающем правителей СССР, фашистской Германии и современной России в виде семейной пары с ребенком. Гитлер держит ручку коляски-танка, в которой сидит президент России [Alex Strukov 2020 www]. Автор дает негативно-оценочный комментарий, в котором уравниваются Советский Союз и нацистская Германия: *Ну как же назвать эти парады и прочее др*чево на культ войны, как не #победобесии Все ж прекрасно понимают что нацистская Германия не чем не отличается от фашистской СССР, те же лагеря, та же гестапо-нквдэшная мразота расстреливающая всех подряд тот же террор Всех достал #милитаризм* [Там же]. В комментарии СССР прямо именуется «фашистским», а политическая полиция нацистской Германии уравнивается с центральным органом государственной безопасности СССР. Словом «мразота», образованным от слова

«мразь» (о ком-либо ничтожном, презренном, дрянном [Мразь // БТСРЯ www]), передается презрительная эмоционально-экспрессивная оценка всех сотрудников НКВД, которые уподобляются гестаповцам.

Типичными тактиками реализации речевой стратегии дискредитации являются речевая тактика **оскорбительных выпадов и дегероизации**. Языковыми средствами выражения тактики оскорбительных выпадов являются ярлыки-идеологемы и оскорбительные прозвища, порожденные языковой игрой («советское пушечное мясо», «вытираны» и др.) [Мырзин 2014а; Мырзин 2014б].

Языковыми средствами **дегероизации** участников ВОВ в конфликтогенных текстах являются также зоосемизмы: *„Ветераны“ которых на самом деле нет, остались только крысы которые прикрывали свою жопу жизнями настоящих солдат. И то, они доживают свои ничённые дни в нищете* [Ericius www]. В приведённом примере по отношению к ветеранам использован презрительный по стилистической окрашенности зоосемизм «крыса»; высказывается мысль о том, что «настоящие» солдаты не дожили до победы. По отношению к ветеранам используется также пейоративный неологизм «вытиран». Он представлен в надписи к графическому изображению, на котором молодой мужчина наносит удар молотком пожилому человеку в военной фуражке [PzTiger11 www]: *«Смерть вытиранам!»*. Для поиска этой публикации на сайте «Пикабу» к ней прилагаются теги: «Ветераны», «Великая Отечественная война», «Неужное». Неологизм «вытиран» является блендом, который произведен в результате усечения слова «вытирать» и наложения на вторую единицу «ветеран». С помощью этого неологизма выражаются презрение и ирония по отношению к ветеранам ВОВ и других войн.

Тактика дегероизации применяется в отношении многих героев ВОВ, имена которых в российской лингвокультуре давно стали прецедентными, символизирующими героизм и мужество, примером чему является имя Зои Космодемьянской: *<...> выбрана очень неудачная фигура, которая категорически не годится на увековечивание. Потому что вот здесь не войти в конфликт со здравым смыслом, прославляя Зою Космодемьянскую, фанатичную сталинистку, которая исполняла приказ №428, который позже был признан преступным приказом...* [Невзоров 2021 www].

В конфликтогенных текстах о войне с фашизмом используется также **тактика обвинения** полководцев ВОВ и высшего руководства СССР: *А советский народ герои-*

чески преодолевал в годы войны вовсе не агрессора, а последствия глупости Жукова и Сталина — воевал фактически не с немцами, а с ошибками своих неконтролируемых властей [Игорь Киевлян 2018 www]. В результате когнитивного воздействия навязывается мнение о том, что победа советского народа послужила к укреплению другой, не менее кровавой идеологии, чем фашизм. При этом с помощью морбальной метафоры выражена главная проблема по мнению автора — рабская покорность народа, которая названа болезнью: *рабская покорность народа и вседозволенность властей — главная болезнь* [там же].

Проведенное исследование показало, что конфликтогенные тексты о ВОВ составляют значительный сегмент военного интернет-дискурса. Создание и трансфер таких текстов представляет угрозу информационной безопасности общества, провоцирует идеологические конфликты. В представленных текстах негативной оценке подвергаются идеологически важные для нашей страны понятия: Великая Отечественная война, советский народ и др. Вкладывая новое содержание в общественно значимые концепты, авторы меняют взгляд своей аудитории не только на военную историю страны, но и на социальные и политические аспекты жизни современной России. Идеологические противники, умело используя общедоступные средства массовой коммуникации для распространения конфликтогенных текстов о ВОВ, стремятся к расшатыванию социально закреплённых устоев государства и конструированию новой национальной картины мира. Основные функции рассмотренных конфликтогенных текстов о ВОВ — интерпретационно-оценочная, миромоделирующая, суггестивная. Основные речевые стратегии авторов — дезинформации и дискредитации, которые представлены рядом коммуникативных тактик: тактики аргументативно недостаточных объяснений и оценок; тактики приравнивания населения СССР и его армии к последователям идеологии, основанной на насилии, тактики обвинения и др.

Выражение отрицательной оценки причин, событий и участников ВОВ происходит в первую очередь за счет использования негативно-оценочной лексики, которая включает идеологические ярлыки и окказионализмы, выражающие агрессию.

В перспективы дальнейшего исследования входит функционально-прагматический анализ конфликтогенных текстов о победе советского народа в Великой Отечественной войне и праздновании Победы 9 Мая.

ИСТОЧНИКИ

1. Игорь Киевлянин. За Родину — назад! / Игорь Киевлянин. — Текст : электронный // Про все на світі... — 2018. — 17 янв. — URL: https://awoxx.blogspot.com/2018/01/blog-post_98.html (дата обращения: 02.02.2021).
2. Млечин, Л. «Спасибо Яше Риббентропу, что он открыл окно в Европу» / Л. Млечин. — Текст : электронный // Новая газета. — 2019. — № 95. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/26/81735-spasibo-yashe-ribbentropu-chno-on-otkryl-okno-v-evropu> (дата обращения: 28.02.2021).
3. Мразь // БТСРЯ. — URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%BC%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%8C>. — Текст : электронный.
4. Мырзин, А. Агитплакаты / А. Мырзин. — Текст. Изображение : электронные // ВКонтакте. — 2014а. — 30 янв. — URL: https://vk.com/club67238372?z=photo3774188_321688238%2Fwall-67238372_22 (дата обращения: 10.12.2020).
5. Мырзин, А. Цена «Победы» / А. Мырзин. — Текст. Изображение : электронные // ВКонтакте. — 2014б. — 7 апр. — URL: https://vk.com/club67238372?z=photo3774188_3274066%2Fwall-67238372_22 (дата обращения: 10.12.2020).
6. Невзоров, А. Не стареют душой сельдереи / А. Невзоров. — Текст : электронный // Сноб. — 2015. — 26 нояб. — URL: <https://snob.ru/selected/entry/101266/> (дата обращения: 05.03.2021).
7. Невзоров, А. Александр Невзоров отвечает на ваши вопросы. Часть вторая // The Business Courier. — 2016. — 22 окт. — URL: <https://thebusinesscourier.com/ru/aleksandr-nevzorov-otvechaet-na-vashi-voprosy-chast-vtoraya> (дата обращения: 08.03.2021). — Текст : электронный.
8. Невзоров, А. Развесистая Зоя / А. Невзоров. — Текст : электронный // Эхо Москвы. — 2017. — 9 янв. — URL: <https://echo.msk.ru/doc/1906448-echo.html> (дата обращения: 20.01.2021).
9. Невзоров, А. Невзоровские среды / А. Невзоров. — Текст : электронный // Эхо Москвы. — 2019. — 8 мая. — URL: <https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2421725-echo/> (дата обращения: 12.12.2020).
10. Невзоров, А. Блокадный корчинг / А. Невзоров. — Текст : электронный // ВКонтакте. — 2019. — 18 авг. — URL: https://vk.com/nevzorovofficial?w=wall473321945_64130 (дата обращения: 28.02.2021).
11. Невзоров, А. Невзоров. Наповал #3. Конституция, победобесие, чума, монастырь, сурки и брить или не брить / А. Невзоров. — Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео // Youtube : сайт. — 2020. — 5 июля. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uzkNAX5FuRA> (дата обращения: 05.03.2021).
12. Невзоров, А. Невзоровские среды / А. Невзоров. — Текст : электронный // Эхо Москвы. — 2021. — 3 февр. — URL: <https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2784068-echo/> (дата обращения: 28.02.2021).
13. Хапаева, Д. Зачистка памяти / Дина Хапаева. — Текст : электронный // Новая газета. — 2020. — № 63. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/17/85880-zachistka-pamyati> (дата обращения: 04.11.2020).
14. Чеславский, О. «Победа в ВОВ» как новая национальная идея России / О. Чеславский. — Текст : электронный // Obzrevatel. — 2020. — 29 янв. — URL: <https://news.obzrevatel.com/russia/pobeda-v-vov-kak-novaya-natsionalnaya-ideya-rossii.htm> (дата обращения: 14.02.2021).
15. Alex Strukov. Replying to @kpru / Alex Strukov. — Текст. Изображение : электронные // Twitter. — 2020. — 16 мая. — URL: <https://twitter.com/AAStrukov/status/1261668158949273600> (дата обращения: 10.11.2020).
16. Awoxx. «Ненужная» правда о Немецко-советской войне или катастрофа 1941 года / Awoxx. — Текст : электронный // Про все на світі... — 2020. — 24 янв. — URL: <https://awoxx.blogspot.com/2020/01/1941.html> (дата обращения: 14.02.2021).
17. Ericius. Итоги 9-мая... / Ericius. — Текст : электронный // Pikabu. — 2017. — 10 мая. — URL: https://pikabu.ru/story/itogi_9maya_5038353?dv=1 (дата обращения: 10.11.2020).
18. PzTigerII. Вытираны / PzTigerII. — Текст. Изображение : электронные // Pikabu. — 2013. — 14 окт. — URL:

<https://pikabu.ru/@PzTigerII> (дата обращения: 28.02.2020).

ЛИТЕРАТУРА

19. Белоус, П. А. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / П. А. Белоус, Н. В. Осолкова. — Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер.: Язык и литература. — 2007. — № 4-II. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnyy-diskurs-vs-konfliktnyy-tekst-1> (дата обращения: 27.12.2020).
20. БТСРЯ = Большой толковый словарь русского языка. — 2014. — URL: <http://gramota.ru/slovari> (дата обращения: 13.01.2019). — Текст : электронный.
21. Вилков, А. А. Критика исторической памяти о Великой Отечественной войне и ее потенциальные последствия / А. А. Вилков. — Текст : электронный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2015. — № 3. — С. 62–68. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25113105_49819619.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
22. Горина, Е. В. К постановке проблемы: трансформация концепта «День Победы» в российском и зарубежном кинематографе / Е. В. Горина, Д. А. Козлова. — Текст : электронный // Вестник культурологии. — 2019. — № 4 (91). — С. 206–209. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41550309_71356942.pdf (дата обращения: 08.03.2020).
23. Горина, Е. В. Представление концепта «Великая Отечественная война» в медиадискурсе / Е. В. Горина, К. П. Кузнецова. — Текст : электронный // Начало Второй мировой войны: национальные историографические традиции и историческая память : сборник Междунар. науч.-практ. конф., 2017. — С. 18–25. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32607226_27761819.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
24. Грибан, И. В. Пакт Молотова — Риббентропа в современном медиаполитическом дискурсе / И. В. Грибан. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pakt-molotova-ribbentropa-v-sovremennom-mediapoliticheskom-diskurse> (дата обращения: 24.01.2021).
25. Давлетчина, С. Б. Словарь по конфликтологии / С. Б. Давлетчина. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2005. — 100 с. — Текст : непосредственный.
26. Кишина, Е. В. Лингвоконфликтологический аспект описания обыденной политической коммуникации / Е. В. Кишина. — Текст : электронный // Коммуникативные исследования. — 2014. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokonfliktologicheskij-aspekt-opisaniya-obydennoy-politicheskoj-kommunikatsii> (дата обращения: 27.12.2020).
27. Коваленко, Е. В. Прагматический потенциал пейоративно-оценочных высказываний / Е. В. Коваленко. — Текст : электронный // ОНВ. — 2006. — № 8 (45). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskij-potentsial-peyorativno-otsenocnyh-vyskazyvaniy> (дата обращения: 15.03.2021).
28. Кокоулин, В. Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России / В. Г. Кокоулин. — Текст : электронный // Дискурс-Пи. — 2020. — № 3 (40). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-transformatsii-istoricheskoy-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-v-postsovetskoy-rossii> (дата обращения: 18.12.2020).
29. Кольцова, Л. М. Языковой цинизм как свидетельство духовных катастроф нового века / Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков. — Текст : электронный // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. — 2015. — № 1 (24). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-tsinizm-kak-svidetelstvo-duhovnyh-katastrof-novogo-veka> (дата обращения: 29.11.2020).
30. Копнина, Г. А. Речевые приемы дискредитации Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в современных масс-медиа / Г. А. Копнина. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 3 (18). — С. 87–100.
31. Кругликов, А. Л. Защитить Победу / А. Л. Кругликов, В. В. Наумов. — Текст : электронный // Евразийский форум. — 2010. — № 1 (2). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschitit-pobedu> (дата обращения: 08.03.2020).
32. Крячко, В. Б. Понятийные характеристики концепта «Война» в английской и русской лингвокультурах / В. Б. Крячко. — Текст : электронный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2007. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynye-harakteristiki-kontsept-a-voyna-v-angliyskoj-i-russkoj-lingvokulturah> (дата обращения: 24.01.2021).
33. Малышева, Е. М. Против фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войны: духовный потенциал советского общества / Е. М. Малышева. — Текст : электронный // Нам этот мир завещано беречь: проблемы сохранения исторической памяти о событиях и героях первого периода Великой Отечественной войны. — 2016. — С. 151–156. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25787934_31182687.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
34. Моррис, Ч. Значение и означивание / Ч. Моррис. — Текст : электронный // Семиотика. — Москва, 1983. — С. 45–80.
35. Орлов, В. В. Проблемы информационно-психологического обеспечения защиты победы СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войне / В. В. Орлов. — Текст : электронный // Коммуникология : электронный научный журнал. — 2018. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-informatsionno-psihologicheskogo-obespecheniya-zaschity-pobedy-sssr-vo-vtoroy-mirovoy-i-velikoy-otechestv-epnoy-voynе> (дата обращения: 08.03.2020).
36. Погребняк, Н. В. Воздействующий потенциал метафоры в современном политическом медиадискурсе / Н. В. Погребняк. — Текст : электронный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 3 (136). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvuy-uschiy-potentsial-metafory-v-sovremennom-politicheskom-media-diskurse> (дата обращения: 08.03.2021).
37. Попкова, Л. М. Имплицитные смыслы в конфликтном тексте / Л. М. Попкова. — Текст : электронный // Вестник Новгородского государственного университета. — 2009. — № 54. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implisitnye-smysly-v-konfliktnom-tekste> (дата обращения: 27.12.2020).
38. Романова, И. Д. Дефиниция как инструмент воздействия / И. Д. Романова. — Текст : электронный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2019. — № 7 (823). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/definitiya-kak-instrument-vozd-eystviya> (дата обращения: 07.03.2021).
39. Третьякова, Л. Н. Военная концептосфера и концепт «Сабля» в языковой картине мира русского человека на фоне других лингвокультур / Л. Н. Третьякова. — Текст : электронный // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2013. — № 1 (39). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-kontseptosfera-i-kontsept-sablya-v-azykovoy-kartine-mira-russkogo-cheloveka-na-fone-drugih-lingvokultur-1> (дата обращения: 24.01.2021).
40. Усачёва, О. Ю. К определению понятия «жанр Интернет» и построению модели жанра в среде Интернет / О. Ю. Усачёва. — Текст : непосредственный // Мир русского слова. — 2010. — № 1. — С. 51–57.
41. Шабельник, Н. В. Роль ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны: современные оценки / Н. В. Шабельник. — Текст : электронный // Манускрипт. — 2016. — №1 (63). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lend-liza-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voynu-sovremennye-otsenki> (дата обращения: 04.05.2020).
42. Stevenson, Ch. L. Facts and values: (Studies in ethical analysis) / Ch. L. Stevenson. — New Haven : Yale Univ. Pr., 1964. — 233 p. — Text : unmediated.

K. V. Volchok

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: kost1009@mail.ru.

Functional and Pragmatic Features of Conflictogenic Texts about the Great Patriotic War

ABSTRACT. *The article gives a functional and pragmatic characteristic of conflictogenic texts about the Great Patriotic War. The author reveals the interpretative-evaluative, world-modeling, and suggestive functions of the texts selected for analysis. The author studies speech strategies of discrediting and disinformation and analyzes their tactics and language means. The study is based on the material of foreign and domestic Internet sites based on the postulates and methods of the linguopragmatic macro-paradigm of modern linguistics. The urgency of the study of the functional and pragmatic orientation of conflictogenic texts about the Great Patriotic War lies in the need for further research of the phenomenon of "conflictogenic text", expanding the empirical base of the linguistics of information and psychological warfare, as well as expanding the applied tasks aimed at recognizing malicious texts with conflictogenic potential. In the texts under consideration, ideologically important concepts for our country are negatively evaluated. By investing new content in socially significant concepts, the authors change the view of their audience not only on the military history of the country, but also on the social and political aspects of the life of modern Russia. The expression of a negative assessment of the causes, events and participants of the Great Patriotic War is effected primarily through the use of negative-evaluative vocabulary, which includes ideological labels and occasionalisms expressing aggression.*

KEYWORDS: *conflictogenic texts; political discourse; the Great Patriotic War; world modeling functions; speech strategies; political communication; discreditation of history; historical memory; disinformation; language means; Internet; Internet space; Internet discourse; Internet texts; Internet communication.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Volchok Konstantin Viktorovich, Post-Graduate Student of Department of Russian and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

FOR CITATION: *Volchok, K. V. Functional and Pragmatic Features of Conflictogenic Texts about the Great Patriotic War / K. V. Volchok // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 62-72. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_05.*

MATERIALS

1. Igor' Kievlyanin. Back to the Motherland! / Igor' Kievlyanin. — Text : electronic // About Everything in the World... — 2018. — 17 Jan. [Za Rodinu — nazad! / Igor' Kievlyanin. — Tekst : elektronnyy // Pro vse na sviti... — 2018. — 17 yanv.]. — URL: https://awoxx.blogspot.com/2018/01/blog-post_98.html (date of access: 02.02.2021). — (In Rus.)

2. Mlechin, L. "Thanks to Yasha Ribbentrop for Opening a Window to Europe" / L. Mlechin. — Text : electronic // New Newspaper. — 2019. — No. 95. [«Spasibo Yashe Ribbentropu, chto on otkryl okno v Evropu» / L. Mlechin. — Tekst : elektronnyy // Novaya gazeta. — 2019. — № 95]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/26/81735-spasibo-yashe-ribbentropu-chto-on-otkryl-okno-v-evropu> (date of access: 28.02.2021).

3. Mraz' // BTRSYa. — URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%BC%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%8C>. — Text : electronic. — (In Rus.)

4. Myrzin, A. Propaganda Posters / A. Myrzin. — Text. Image : electronic // VKontakte. — 2014a. — Jan 30. [Agitplakaty / A. Myrzin. — Tekst. Izobrazhenie : elektronnyy // VKontakte. — 2014a. — 30 yanv.]. — URL: https://vk.com/club67238372?z=photo3774188_321688238%2Fwall-67238372_22 (date of access: 10.12.2020).

5. Myrzin, A. The Price of "Victory" / A. Myrzin. — Text. Image : electronic // VKontakte. — 2014b. — Apr 7. [Tsena «Pobedy» / A. Myrzin. — Tekst. Izobrazhenie : elektronnyy // VKontakte. — 2014b. — 7 apr.]. — URL: https://vk.com/club67238372?z=photo3774188_327406620%2Fwall-67238372_22 (date of access: 10.12.2020). — (In Rus.)

6. Nevzorov, A. Do not Grow Old with the Soul of Celery / A. Nevzorov. — Text : electronic // Snob. — 2015. — 26 Nov. [Ne stareyut dushoy sel'derei / A. Nevzorov. — Tekst : elektronnyy // Snob. — 2015. — 26 noyab.]. — URL: <https://snob.ru/selected/entry/101266/> (date of access: 05.03.2021). — (In Rus.)

7. Nevzorov, A. Alexander Nevzorov Answers Your Questions. Part Two // The Business Courier. — 2016. — Oct 22. [Aleksandr Nevzorov otvechaet na vashi voprosy. Chast' vtoraya // The Business Courier. — 2016. — 22 okt.]. — URL: <https://thebusinesscourier.com/ru/aleksandr-nevzorov-otvechaet-na-vashi-voprosy-chast-vtoraya> (date of access: 08.03.2021). — Text : electronic.

8. Nevzorov, A. Spreading Zoya / A. Nevzorov. — Text : electronic // Echo of Moscow. — 2017. — 9 Jan. [Razvesistaya Zoya / A. Nevzorov. — Tekst : elektronnyy // Ekho Moskvyy. — 2017. — 9 yanv.]. — URL: <https://echo.msk.ru/doc/1906448-echo.html> (date of access: 20.01.2021). — (In Rus.)

9. Nevzorov, A. Wednesdays of Nevzorov / A. Nevzorov. — Text : electronic // Echo of Moscow. — 2019. — May 8. [Nevzorovskie sredi / A. Nevzorov. — Tekst : elektronnyy // Ekho Moskvyy. — 2019. — 8 maya]. — URL: <https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2421725-echo/> (date of access: 12.12.2020). — (In Rus.)

10. Nevzorov, A. Blockade "Korching" / A. Nevzorov. — Text : electronic // VKontakte. — 2019. — Aug 18. [Blokadnyy korching / A. Nevzorov. — Tekst : elektronnyy // VKontakte. — 2019. — 18 avg.]. — URL: https://vk.com/nevzorovofficial?w=wall473321945_64130 (date of access: 28.02.2021). — (In Rus.)

11. Nevzorov, A. Nevzorov. Outright # 3. Constitution, Victory, Plague, Monastery, Marmots and Shave or not Shave / A. Nevzorov. — Image (moving; two-dimensional) : video // Youtube : website. — 2020. — July 5. [Nevzorov. Napoval #3. Konstitutsiya, pobedobesie, chuma, monastyr', surki i brit' ili ne brit' / A. Nevzorov. — Izobrazhenie (dvizhushcheesya ; dvukhmemo) : video // Youtube : sayt. — 2020. — 5 iyulya]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uzkNAX5FuRA> (date of access: 05.03.2021). — (In Rus.)

12. Nevzorov, A. Wednesdays of Nevzorov / A. Nevzorov. — Text : electronic // Echo of Moscow. — 2021. — Feb 3 [Nevzorovskie sredi / A. Nevzorov. — Tekst : elektronnyy // Ekho Moskvyy. — 2021. — 3 fevr.]. — URL: <https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2784068-echo/> (date of access: 28.02.2021). — (In Rus.)

13. Khapaeva, D. Cleaning Up Memory / Dina Khapaeva. — Text : electronic // New Newspaper. — 2020. — No. 63. [Zachistka pamyati / Dina Khapaeva. — Tekst : elektronnyy // Novaya gazeta. — 2020. — № 63]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/17/85880-zachistka-pamyati> (date of access: 04.11.2020). — (In Rus.)

14. Cheslavskiy, O. "Victory in the Second World War" as a New National Idea of Russia / O. Cheslavskiy. — Text : electronic //

Observer. — 2020. — Jan 29. [«Pobeda v VOV» kak novaya natsional'naya ideya Rossii / O. Cheslavskiy. — Tekst : elektronnyy // Obozrevatel. — 2020. — 29 yanv.]. — URL: <https://news.obozrevatel.com/russia/pobeda-v-vo-v-kak-novaya-na-tionalnaya-ideya-rossii.htm> (date of access: 14.02.2021).

15. Alex Strukov. Replying to @kpru / Alex Strukov. — Tekst. Izobrazhenie : elektronnyy // Twitter. — 2020. — 16 May. — URL: <https://twitter.com/AAStrukov/status/1261668158949273600> (date of access: 10.11.2020). — (In Rus.)

16. Awoxx. “Unnecessary” Truth about the German-Soviet War or the Catastrophe of 1941 / Awoxx. — Text : electronic // About Everything in War... — 2020. — Jan 24. [«Nenuzhnaya» pravda o Nemetsko-sovetskoy voyne ili katastrofa 1941 goda / Awoxx. — Tekst : elektronnyy // Pro vse na sviti... — 2020. — 24 yanv.]. — URL: <https://awoxx.blogspot.com/2020/01/1941.html> (date of access: 14.02.2021).

17. Ericius. Results of May 9... / Ericius. — Text : electronic // Pikabu. — 2017. — May 10. [Itogi 9-maya... / Ericius. — Tekst : elektronnyy // Pikabu. — 2017. — 10 maya]. — URL: https://pikabu.ru/story/itogi_9maya_5038353?dv=1 (date of access: 10.11.2020).

18. PzTigerII. Wiped Out / PzTigerII. — Text. Image : electronic // Pikabu. — 2013. — Oct 14. [Vytyrany / PzTigerII. — Tekst. Izobrazhenie : elektronnyy // Pikabu. — 2013. — 14 okt.]. — URL: <https://pikabu.ru/@PzTigerII> (date of access: 28.02.2020).

REFERENCES

19. Belous, P. A. Conflict Discourse vs Conflict Text / P. A. Belous, N. V. Oskolkova. — Text : electronic // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser.: Language and Literature. — 2007. — No. 4-II. [Konfliktnyy diskurs vs konfliktnyy tekst / P. A. Belous, N. V. Oskolkova. — Tekst : elektronnyy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Yazyk i literatura. — 2007. — № 4-II]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnyy-diskurs-vs-konfliktnyy-tekst-1> (date of access: 27.12.2020). — (In Rus.)

20. BTRSYa = Big Explanatory Dictionary of the Russian Language. — 2014. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — 2014]. — URL: <http://gramota.ru/slovari> (date of access 13.01.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)

21. Vilkov, A. A. Criticism of the Historical Memory of the Great Patriotic War and its Potential Consequences / A. A. Vilkov. — Text : electronic // Bulletin of the Saratov University. New serie. Series: Sociology. Political Science. — 2015. — No. 3. — P. 62–68. [Kritika istoricheskoy pamyati o Velikoy Otechestvennoy voyne i ee potentsial'nye posledstviya / A. A. Vilkov. — Tekst : elektronnyy // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. — 2015. — № 3. — S. 62–68]. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25113105_49819619.pdf (date of access: 17.02.2020). — (In Rus.)

22. Gorina, E. V. On the Problem Statement: Transformation of the Concept “Victory Day” in Russian and Foreign Cinema / E. V. Gorina, D. A. Kozlova. — Text : electronic // Bulletin of Cultural Studies. — 2019. — No. 4 (91). — P. 206–209. [K postanovke problemy: transformatsiya kontsepta «Den' Pobedy» v rossiyском i zarubezhnom kinematografe / E. V. Gorina, D. A. Kozlova. — Tekst : elektronnyy // Vestnik kul'turologii. — 2019. — № 4 (91). — S. 206–209]. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41550309_71356942.pdf (date of access: 08.03.2020). — (In Rus.)

23. Gorina, E. V. Presentation of the Concept “Great Patriotic War” in Media Discourse / E. V. Gorina, K. P. Kuznetsova. — Text : electronic // Beginning of the Second World War: National Historiographic Traditions and Historical Memory : collection with materials of Intern. scientific-practical Conf., 2017. — P. 18–25. [Predstavlenie kontsepta «Velikaya Otechestvennaya voyna» v mediadiskurse / E. V. Gorina, K. P. Kuznetsova. — Tekst : elektronnyy // Nachalo Vtoroy mirovoy voyny: natsional'nye istoriograficheskie traditsii i istoricheskaya pamyat' : sbornik Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 2017. — S. 18–25]. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32607226_27761819.pdf (date of access: 17.02.2020).

24. Griban, I. V. Molotov-Ribbentrop Pact in Modern Media-political Discourse / I. V. Griban. — Text : electronic // Political Linguistics. — 2018. — No. 1. [Pakt Molotova — Ribbentropa v sovremennom mediapoliticheskom diskurse / I. V. Griban. —

Tekst : elektronnyy // Politicheskaya lingvistika. — 2018. — № 1]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pakt-molotova-ribbentropa-v-sovremennom-mediapoliticheskom-diskurse> (date of access: 24.01.2021). — (In Rus.)

25. Davlechina, S. B. Dictionary of Conflict Management / S. B. Davlechina. — Ulan-Ude : VSGTU Publishing House, 2005. — 100 p. — Text : unmediated. [Slovar' po konfliktologii / S. B. Davlechina. — Ulan-Ude : Izd-vo VSGTU, 2005. — 100 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Kishina, E. V. Lingvo-conflictological Aspect of the Description of Everyday Political Communication / E. V. Kishina. — Text : electronic // Communication Research. — 2014. — No. 2. [Lingvokonfliktologicheskii aspekt opisaniya obydennoy politicheskoy kommunikatsii / E. V. Kishina. — Tekst : elektronnyy // Kommunikativnye issledovaniya. — 2014. — № 2]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokonfliktologicheskii-aspekt-opisaniya-obydennoy-politicheskoy-kommunikatsii> (date of access: 27.12.2020). — (In Rus.)

27. Kovalenko, E. V. Pragmatic Potential of Pejorative-evaluative Statements / E. V. Kovalenko. — Text : electronic // ONV. — 2006. — No. 8 (45). [Pragmatischekii potentsial peyorativno-otsenochnykh vyskazyvaniy / E. V. Kovalenko. — Tekst : elektronnyy // ONV. — 2006. — № 8 (45)]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatischekii-potentsial-peyorativno-otsenochnykh-vyskazyvaniy> (date of access: 15.03.2021). — (In Rus.)

28. Kokoulin, V. G. Technologies of Transformation of the Historical Memory of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia / V. G. Kokoulin. — Text : electronic // Discourse-Pi. — 2020. — No. 3 (40). [Tehnologii transformatsii istoricheskoy pamyati o Velikoy Otechestvennoy voyne v postsovetskoy Rossii / V. G. Kokoulin. — Tekst : elektronnyy // Diskurs-Pi. — 2020. — № 3 (40)]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-transformatcii-istoricheskoy-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-v-postsovetskoy-rossii> (date of access: 18.12.2020). — (In Rus.)

29. Koltsova, L. M. Linguistic Cynicism as Evidence of the Spiritual Catastrophes of the New Century / L. M. Koltsova, S. A. Churikov. — Text : electronic // BEREGINYA. 777 SOVA. — 2015. — No. 1 (24). [Yazykovoy tsinizm kak svidetel'stvo dukhovnykh katastrof novogo veka / L. M. Koltsova, S. A. Churikov. — Tekst : elektronnyy // BEREGINYA. 777 SOVA. — 2015. — № 1 (24)]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-tsinizm-kak-svidetelstvo-duhovnykh-katastrof-novogo-veka> (date of access: 29.11.2020). — (In Rus.)

30. Kopnina, G. A. Speech Methods of Discrediting Marshal of the Soviet Union G.K. Zhukov in Modern Mass Media / G. A. Kopnina. — Text : unmediated // Ecology of Language and Communicative Practice. — 2019. — No. 3 (18). — P. 87–100. [Rechevye priemy diskreditatsii Marshala Sovetskogo Soyuza G. K. Zhukova v sovremennykh mass-media / G. A. Kopnina. — Tekst : neposredstvennyy // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. — 2019. — № 3 (18). — S. 87–100]. — (In Rus.)

31. Kruglikov, A. L. To Protect Victory / A. L. Kruglikov, V. V. Naumov. — Text : electronic // Eurasian Forum. — 2010. — No. 1 (2). [Zashchitit' Pobedu / A. L. Kruglikov, V. V. Naumov. — Tekst : elektronnyy // Evraziyskiy forum. — 2010. — № 1 (2)]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zashchitit-pobedu> (date of access: 08.03.2020). — (In Rus.)

32. Kryachko, V. B. Conceptual Characteristics of the Concept “War” in English and Russian linguocultures / V. B. Kryachko. — Text : electronic // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. — 2007. — No. 2. [Ponyatiynye kharakteristiki kontsepta «Voyna» v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh / V. B. Kryachko. — Tekst : elektronnyy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2007. — № 2]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynye-kharakteristiki-kontsepta-voyna-v-angliyskoy-i-russkoy-lingvo-kulturnah> (date of access: 24.01.2021). — (In Rus.)

33. Malysheva, E. M. Against the Falsification of the History of the Second World War and the Great Patriotic War: the Spiritual Potential of the Soviet Society / E. M. Malysheva. — Text : electronic // We have Bequeathed this World: the problems of preserving the historical memory of the events and heroes of the first period of the Great Patriotic War. — 2016. — P. 151–156. [Protiv fal'sifikatsii istorii Vtoroy mirovoy i Velikoy Otechestvennoy voyny: dukhovnyy potentsial sovetskogo obshchestva / E. M.

Malysheva. — Tekst : elektronnyy // Nam etot mir zaveshchano berech': problemy sokhraneniya istoricheskoy pamyati o sobytiyakh i geroyakh pervogo perioda Velikoy Otechestvennoy voyny. — 2016. — S. 151–156]. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25787934_31182687.pdf (date of access: 17.02.2020). — (In Rus.)

34. Morris, Ch. Meaning and Signification / Ch. Morris. — Text : electronic // Semiotics. — Moscow, 1983. — P. 45–80. [Znachenie i oznachivanie / Ch. Morris. — Tekst : elektronnyy // Semiotika. — Moskva, 1983. — S. 45–80]. — (In Rus.)

35. Orlov, V. V. Problems of Information and Psychological Support for the Defense of the Victory of the USSR in World War II and the Great Patriotic War / V. V. Orlov. — Text : electronic // Communicology: electronic scientific journal. — 2018. — No. 2. [Problemy informatsionno-psikhologicheskogo obespecheniya zashchity pobedy SSSR vo Vtoroy mirovoy i Velikoy Otechestvennoy voyne / V. V. Orlov. — Tekst : elektronnyy // Kommunikologiya : elektronnyy nauchnyy zhurnal. — 2018. — № 2]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-informatsionno-psikhologicheskogo-obespecheniya-zashchity-pobedy-sssr-vo-vtoroy-mirovoy-i-velikoy-otechestvennoy-voynе> (date of access: 08.03.2020). — (In Rus.)

36. Pogrebnyak, N. V. Effective Potential of Metaphor in Modern Political Media Discourse / N. V. Pogrebnyak. — Text : electronic // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. — 2019. — No. 3 (136). [Vozdeystvuyushchiy potentsial metafory v sovremennom politicheskom mediadiskurse / N. V. Pogrebnyak. — Tekst : elektronnyy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2019. — № 3 (136)]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdеystvuyushchiy-potentsial-metafory-v-sovremennom-politicheskom-mediadiskurse> (date of access: 08.03.2021). — (In Rus.)

37. Popkova, L. M. Implicit Meanings in a Conflict Text / L. M. Popkova. — Text : electronic // Bulletin of the Novgorod State University. — 2009. — No. 54. [Implitsitnye smysly v konfliktnom tekste / L. M. Popkova. — Tekst : elektronnyy // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2009. — № 54]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnye-smysly-v-konfliktnom-tekste> (date of access: 27.12.2020). — (In Rus.)

38. Romanova, I. D. Definition as a Tool of Influence / I. D. Ro-

manova. — Text : electronic // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences. — 2019. — No. 7 (823). [Definitsiya kak instrument vozdeystviya / I. D. Romanova. — Tekst : elektronnyy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. — 2019. — № 7 (823)]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/definitsiya-kak-instrument-vozdeystviya> (date of access: 07.03.2021). — (In Rus.)

39. Tret'yakova, L. N. The Military Concept Sphere and the Concept of “Saber” in the Linguistic Picture of the World of the Russian Person Against the Background of Other Linguocultures / L. N. Tret'yakova. — Text : electronic // Problems of History, Philology, Culture. — 2013. — No. 1 (39). [Voennaya kontseptosfera i kontsept «Sablya» v yazykovoy kartine mira russkogo cheloveka na fone drugih lingvokul'tur / L. N. Tret'yakova. — Tekst : elektronnyy // Problemy istorii, filologii, kul'tury. — 2013. — № 1 (39)]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-kontseptosfera-i-kontsept-sablya-v-yazykovoy-kartine-mira-russkogo-cheloveka-na-fone-drugih-lingvokul'tur-1> (date of access: 24.01.2021). — (In Rus.)

40. Usacheva, O. Yu. To the Definition of the Concept of “genre of the Internet” and the Construction of a Model of the Genre in the Internet Environment / O. Yu. Usacheva. — Text : unmediated // World of the Russian Word. — 2010. — No. 1. — P. 51–57. [K opredeleniyu ponyatiya «zhanr Interneta» i postroeniye modeli zhanra v srede Internet / O. Yu. Usachëva. — Tekst : neposredstvennyy // Mir russkogo slova. — 2010. — № 1. — S. 51–57]. — (In Rus.)

41. Shabel'nik, N. V. The Role of Lend-Lease During the Great Patriotic War: Modern Assessments / N. V. Shabel'nik. — Text : electronic // Manuscript. — 2016. — No. 1 (63). [Rol' lend-liza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sovremennye otsenki / N. V. Shabel'nik. — Tekst : elektronnyy // Manuskript. — 2016. — №1 (63)]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lend-liza-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-sovremennye-otsenki> (date of access: 04.05.2020).

42. Stevenson, Ch. L. Facts and values: (Studies in ethical analysis) / Ch. L. Stevenson. — New Haven : Yale Univ. Pr., 1964. — 233 p. — Text : unmediated.

Гуань Ци

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3759-8881

В. М. Шаклеин

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID ID: —

E-mail: gguanqi@163.com; shaklein_vm@pfur.ru.

Цветовая метафора в русской политической терминологии с позиции китайской лингвокультуры

АННОТАЦИЯ. В статье проводится анализ цветowych метафор в политической терминологии русского языка на фоне китайской языковой традиции. Раскрывается связь между цветообозначением и выраженным с его помощью политическим понятием; рассматриваются сходства и различия в понимании цветовой метафоры в политической сфере России и Китая, представляющей собой подсистему политического терминологического образования. Анализ цветовой метафоры осуществляется в аспекте теории когнитивной метафоры, и с позиции представлений о национальной лингвокультуре демонстрируется, что метафора — это не только языковое явление, но и когнитивный механизм, помогающий людям воспринимать мир и понимать разные языковые картины мира. Домен цвета рассматривается как один из основных когнитивных доменов в языке, наряду с доменами времени, пространства и эмоций. Он также является важным носителем национальной культуры, играет заметную роль в процессе культурного обмена между представителями разных народов. Цветовая метафора как один из продуктивных способов в системе терминологического образования широко используется в политической сфере. Метафоризация цветовой лексики позволяет глубоко проникнуть в национальный культурный менталитет и характеристики эмоциональной окраски, которые в социальной сфере отражают культуру страны. Поскольку политическая культура является важной частью национальной культуры, исследование цветовой метафоры в русской политической терминологии в сопоставлении с китайской лингвокультурой будет способствовать познанию русской и китайской политической картины мира, развитию межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в политической сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; политический дискурс; русский язык; цветowych метафоры; политическая терминология; политические термины; языковые традиции; лингвокультурология; китайская лингвокультура.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гуань Ци, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: gguanqi@163.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Шаклеин Виктор Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: shaklein_vm@pfur.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гуань, Ци. Цветовая метафора в русской политической терминологии с позиции китайской лингвокультуры / Гуань Ци, В. М. Шаклеин // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 73–80. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_06.

На Востоке феномен метафоры в языке можно возвести к суждениям мудрецов доциньской эпохи, в древнейшем поэтическом сборнике Китая «Книга песен» (诗经, «Ши цзин») имеется большое количество метафорических структур. На Западе традиция исследования метафоры началась с Аристотеля, который определил ее положение в поэтике и стилистике. Изучение метафоры имеет долгую историю. Сначала метафору трактовали как выразительное средство языка, подлежащее рассмотрению в рамках стилистики, литературы и искусства. В 1936 г. А. А. Ричардс (I. A. Richards) отметил, что метафора является вездесущим принципом языка, после чего она стала трактоваться не только как языковое явление, но и как когни-

тивный феномен и сделалась объектом исследования в данном качестве. В 1980 г. Дж. Лакофф, М. Джонсон опубликовали положившую начало ее широкому исследованию и анализу когнитивной метафоры работу «Метафоры, которыми мы живем». По мнению авторов этой книги, «суть метафоры — это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2004: 27]. Метафорами наполнена повседневная жизнь человека, они влияют на все аспекты человеческой психологии, когнитивных процессов и употребления языка, являясь необходимым для людей способом воспринимать мир и формировать концепции. Метафора — важный когнитивный механизм, основная

функция которого не в украшении языка, а в использовании опыта деятельности в одной области для объяснения или понимания деятельности в другой области.

Активные исследования в сфере политической лингвистики способствовали тому, что анализ политической метафоры стал важным фактором стремительного развития политической лингвистики. Политическая терминология как одно из продуктивных направлений эволюции политического языка играет важную роль для развития лингвополитических исследований и понимания политической концепции той или иной страны. Являясь одним из способов формирования терминологии, метафоризация терминов также привлекает большое внимание российских и китайских исследователей. Анализируется метафоризация терминов в экономической [Петрущенкова 2019; Кербер, Костерина 2017; Цзян На 2015], политической [Миронова 2016], юридической [Гаврилова 2019; Чжу Мингуань 2019], медицинской [Зубкова 2006; Ван Хун 2014], компьютерной [Шальнева 2017; Сунь Шуфан, Сунь Миньцин 2014], научно-технической [Буженинов 2015; Широколобова 2014; Чжан Сяофэн 2016] областях. Однако в настоящее время в исследованиях не уделяется достаточного внимания феномену метафоризации политической терминологии, поэтому исследование цветовой метафоры в политической терминологии представляется актуальным. Задачи исследования — провести анализ цветовой метафоры, выявить способы ее возникновения, охарактеризовать русскую политическую терминологию с терминоконпонентом цвета в русском языке на фоне китайской лингвокультуры.

ЦВЕТОВАЯ МЕТАФОРА

Исследователи выделяют четыре этапа понимания людьми цветовой лексики: замена объектами цвета — сравнение объекта с цветом — абстракция или символизация цвета — метафоризация цвета [Чэнь Цзясю, Цинь Лэй 2003: 75—77]. Цвет является важным доменом для восприятия мира людьми. Е. Н. Алымова рассматривает цветообозначение как «одну из значимых когнитивных категорий в осмыслении окружающего мира человеком, а также как ёмкий культурный код» [Алымова 2007: 4]. И. Г. Рузин считает, что цвет является наиболее отличительной визуальной особенностью человеческого восприятия и имеет важное значение для людей [Рузин 1994: 81—84]. Можно сказать, что невозможно воспринимать мир без различных цветов.

По утверждению Шу Динфана, «если понятие, выраженное языком, является мета-

форическим, то же понятие, выраженное с помощью визуальных средств, также является метафорическим» [Шу Динфан 1998: 11]. Вначале люди использовали цвет для описания вещей вокруг себя, например: **небо голубое, облака белые и растения зеленые**. Постепенно цветовую лексику стали применять для метафоризации предметов. В цветовой метафоре домен цвета рассматривается как сфера-источник: в ходе когнитивного преобразования сопоставляется структура домена цвета с предметом, который не входит в сферу-магнит, затем с помощью исходного опыта и восприятия в домене цвета семантизируются предметы в сфере-магните. Чэнь Цзясю пришел к выводу, что семантический конфликт и психологическое сходство — это два основных условия и когнитивные механизмы цветовой метафоры [Чэнь Цзясю 2007: 173—175]. Если же цветовая лексика используется для описания предметов и людей без домена цвета, то два разных домена могут находиться своего рода в семантическом конфликте. Но такого рода конфликты приемлемы, потому что они основаны на понятном для людей субъективно-психологическом сходстве, т. е. психологическая окраска, присущая цвету, похожа на психологическую окраску вещей, определяемых с помощью соответствующего цвета. Примером может служить термин **чёрный рынок**: очевидно, что рынок сам по себе не имеет цвета, но когда речь идет о черном цвете, можно вспомнить темную ночь, потом ассоциировать темную ночь с чувством боязни, страха и ужаса — черный цвет всегда передает отрицательную коннотацию. Таким образом, «бесцветный» по сути рынок при помощи метафоры черного цвета определяется как нелегальный, обладающий соответствующими коннотациями.

Люди, как известно, имеют одинаковые базовые представления о природе цветовой лексики, но поскольку любой язык является носителем своей национальной культуры, на его формирование, изменение и развитие влияют географические, исторические факторы, социальные системы, обычаи и традиции. «Семантические, коннотативные, ассоциативные особенности в разных лингвокультурах позволяют говорить о неодинаковом восприятии мира, об отличиях концептуальных картин мира, пропущенных сквозь призму национального сознания и языка» [Кудря 2015: 54], поэтому у людей разные культурные и эмоциональные коннотации цветовой лексики. Например, желтый цвет имеет более низкий статус для россиян, потому что с давних времен желтому придавалось негативное значение: **жёлтая печать**,

жёлтая пресса и т. д. Кроме того, русские считают желтый цвет символом предательства и неверности. Можно даже утверждать, что в русском языке желтый цвет несет только отрицательную коннотацию. В китайской языковой традиции желтый цвет имеет не только отрицательную, но и положительную коннотацию. С одной стороны, в процессе межкультурной коммуникации под влиянием английской культуры желтый цвет в китайском языке приобрел современные значения с эротическими и непристойными значениями — в таких выражениях, как **黄色歌曲** (**жёлтая песня**), **黄书** (**желтая книга**); с другой стороны, в традиционной китайской лингвокультуре желтый цвет имеет высший статус. «黄» в цветовой лексике и «皇» в имени императора — омофоны. 黄 (жёлтый) — символ благородства, власти и высокого общественного статуса, что тесно связано с традиционной китайской культурой. В древности китайский народ жил в бассейне Жёлтой реки (Хуанхэ), откуда и возникла китайская культура, поэтому Желтая река считалась колыбелью китайской цивилизации. Желтым восхищались императоры, и желтый еще называют цветом императора. Например, одежда, которую носит император, называется «**黄袍**» (**хуан пао**), эмблема императора — «**黄龙**» (**хуан лун**), указ императора — «**藤黄**» (**тэн хуан**), экипаж императора — «**黄屋**» (**хуан ву**), а манифест императора — «**黄榜**» (**хуан бан**). Отсюда видно, что с позиции китайской лингвокультуры одна и та же языковая реальность — **жёлтый / 黄** имеет отличающиеся культурные и эмоциональные коннотации в русском языке.

Это связано с тем, что метафора — не только языковой, но и культурный феномен. Полагаясь исключительно на биологические реакции и чисто психолого-биологические механизмы, без представлений о культуре, невозможно создать и понять метафору [Ван Сунтин 1996: 63—66]. Если не принимать во внимание культурные факторы, то трудно определить существующую в сознании людей связь между предметами, в действительности никак не связанными. Л. А. Козлова утверждает, что анализ языковых факторов с точки зрения культурологии опирается на сущностное понимание языка; специфика культуры отражается в когнитивной модели, образованной с помощью чувственного опыта [Козлова 2015: 37—38].

Цвет как одна из метафорических областей важен с точки зрения восприятия мира людьми. В моделях человеческого мышления, как известно, имеются определенные

сходства, применительно к метафоре это означает, что некоторые метафорические модели демонстрируют одинаковые переносы в русском и китайском языках. Однако у любого языка есть своя национальная культурная специфика, и «лингвокультурное содержание языка оказывает известное влияние на мышление и понимание представителя этноса» [Шаклеин, Микова 2015: 81], поэтому цветовая лексика в русской политической терминологии в свете китайской языковой традиции имеет как тождественные, так и отличающиеся метафорические значения.

ЦВЕТОВАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

«Метафора лежит в основе мыслительной деятельности, и поскольку терминопорождение выражает основные этапы мыслительного процесса, то есть все основания приписывать ему также метафорический характер» [Алексеева 1998: 32]. Она является важным способом формирования терминов. «Факт образования новых терминов при помощи метафоры лишний раз свидетельствует о тесной взаимосвязи лексических единиц общепотребительного языка и языка специальных целей и о возможности взаимообмена лексическими единицами между ними» [Киселева, Миронова 2015: 487].

Цветовая лексика — подсистема языка общественно-политической лексики, способная выразить «названия различных государственных, партийных и других общественных организаций и учреждений, социальных институтов, наименования социальных реалий и явлений жизни разных стран...» [Крючкова 1989: 16]. В русской и китайской политической терминологии широко используется цветовая лексика для обозначения политических событий или концепций. Причина широкой эксплуатации цвета в политической сфере заключается в том, что «он существует для человека не сам по себе, а как свойство тех или иных вещей» [Бабайцев 2007: 56].

Использование цветовой метафоры в политических терминах основано на понимании людьми цветовой лексики в сфере историчности, что позволяет глубже воспринять то или иное политическое явление, событие и концепцию. Хотя основное восприятие цветов людьми одинаково, из-за различий в культурных традициях существуют сходства и несоответствия при использовании домена цвета для познания политической картины мира.

Кроме того, политическая сфера также выражает национальную культуру народа. Цветовая метафора в политической терминологии — это общее явление в русском и китайском языках, а метафоризация как осо-

бая метапроцедура выполняет важную роль культурной фиксации новых научных результатов [Величковский 2006: 164—165]. Анализ цветовой метафоры в политической терминологии русского языка с точки зрения китайской лингвокультуры позволит обнаружить сходства и различия в когнитивном политическом мире русского и китайского народов. В данном исследовании были отобраны 6 основных цветов, широко используемые в политической сфере России в качестве терминокомпонентов, а именно: красный / 红, белый / 白, чёрный / 黑, серый / 灰, зелёный / 绿, оранжевый / 橙.

Терминокомпонент красный / 红 в политической терминологии русского языка несет только положительную коннотацию. Русские считают, что красный цвет символизирует революцию и пролетариат. Это в основном связано с Великой французской революцией XVIII в. Именно тогда красный цвет стал символом революционной борьбы. После событий октября 1917 года в России была создана революционная пролетарская армия — **Красная армия**. Кроме того, в русском языке есть такие политические термины с терминокомпонентом **красный**, как **красный пояс** (ряд российских регионов, где губернаторами были представители КПРФ), **Красный флаг** (символ социализма и коммунизма). В китайской языковой традиции считается, что 红 (**красный**) в политической сфере имеет высокий статус, потому что под влиянием Октябрьской революции революция, возглавлявшаяся Коммунистической партией Китая, также отмечена «красным». В Китае появились официальные политические термины с упоминанием этого цвета, такие как **中国红军** (**Красная армия Китая**), **红色根据地** (**Красная база**), **红色政权** (**Красное правительство**) и **红卫兵** (**красные охранники**). Сегодня китайцы рассматривают 红 (**красный**) как цвет партии, молодые люди стремятся к **红色旅游** (**красному туризму**, т. е. экскурсиям по революционным базам, памятникам), развивается **红色文化** (**красная культура** — передовая культура с китайскими особенностями, которая обогащена революционным духом и содержит великие культурные достижения прошлого).

В русском языке красный противоположен белому, в контексте определенного исторического этапа белый цвет имеет контрреволюционное, антикоммунистическое политическое значение. **Терминокомпонент белый / 白** в политической терминологии противопоставлен терминокомпоненту **красный / 红**, социалистическая революционная

армия называется Красной армией, а консервативная оппозиционная сила — **белой армией**, кроме того, в русском языке существуют такие политические термины с терминокомпонентом **белый**, как **белый шум**, **белый мятеж**, **белая власть**. В китайской языковой традиции 白 (**белый**) также антонимичен 红 (**красному**), 白 (**белый**) рассматривается как реакционный цвет. Во время Второй Гражданской войны гоминьдановская армия называлась **白军** (**Белая армия**); террористическая атмосфера жестокого подавления народа реакционерами называется **白色恐怖** (**белый террор**).

Кроме того, в русском языке белый цвет также ассоциируется с юридическими понятиями, например: **белая торговля**, **белая очередь**, **белый бизнес**. В китайской языковой традиции аналогичного значения нет. В древние времена в китайском языке белый в политической сфере был цветом с очень низким статусом. Это было вызвано древней системой официальной формы. В древности в Китае социальный статус людей определялся цветом одежды, например во времена династии Суй обычные люди были обязаны носить белую одежду. В то время в Китае белый также указывал на тех, у кого нет славы или официального положения. Например, **白丁** (**Байдинг**), **白身** (**Байшэнь**). Кроме того, с позиции китайской лингвокультуры 白 (**белый**) ассоциируется с вероломством, хитростью, потому что в соответствии с традициям пекинской оперы лица отрицательных персонажей имеют белый цвет, например: **白脸曹操** (**Цао Цао с белым лицом**).

Терминокомпонент чёрный / 黑 в политической сфере обладает отрицательной коннотацией как в русском, так и в китайском языках. Оба народа используют его для обозначения темной силы и противоправных поступков, потому что черный обычно представляет тьму. Люди не могут ничего видеть в темноте, поэтому у них появляется чувство страха и неизвестности. Незаконные, безнравственные поступки часто осуществляются втайне, когда кто-то остается в неведении. В русском языке имеются политические термины с терминокомпонентом **чёрный**, такие как **чёрная рука** — человек, работающий в террористической организации, который тайно убивает врага; в политической сфере список санкций называется **чёрным списком**; **чёрный нал** широко используется во время политических выборов для привлечения сторонников или подкупа политиков, известны также **чёрная сотня**, **чёрные силы**, **чёрный пиар** и др. В китайской языковой традиции также есть политические

термины с соответствующим терминокомпонентом 黑, например: **黑势力** (чёрная сила), **黑名单** (чёрный список), **黑户** (незарегистрированный жилец), **高级黑** (Гао цзихэй), что значит чрезмерно путано толковать идеалы, убеждения, принципы коммиссии, политиков партии и т. д. [Baïke http], **黑帮** (чёрная банда). Однако в китайской языковой традиции у слова *чёрный* есть и положительные коннотативные семы. Китайцы считают чёрный цвет символом справедливости. Это связано с легендой о том, что в Древнем Китае был неподкупный чиновник — Бао Чжэн (包拯). Он родился с темной кожей, и у него было черное лицо, а в связи с тем, что он вел дела справедливо, люди хвалили его за беспристрастность. В настоящее время в политической сфере чёрный цвет также используется с метафорическим переносом как символ справедливости, неподкупности государственных служащих.

Терминокомпонент серый / 灰. Данными словами обозначается цвет между белым и черным, между прозрачностью и непрозрачностью, законностью и незаконностью, справедливостью и неправильностью, официальностью и неформальностью. В русской и китайской политической сфере используемый метафорически компонент *серый* представляет политические явления, находящиеся между «белым» и «черным», например: в русском языке — **серый кардинал**, в китайском — **三灰现象 (саньхуй сяньсян)**, т. е. **灰色权利 — серое право** (имеется в виду использование государственной власти для получения и перепродажи ограниченных ресурсов на рынке или организации несправедливой торговли для получения большой прибыли), **灰色资本 — серый капитал** (с помощью политического влияния, власти получить право на использование ограниченных ресурсов или управлять капиталом), **灰色暴力 — серое насилие** (огромная прибыль, полученная с помощью *серого права* и действия *серого капитала*) [Baïke www].

Терминокомпонент зелёный / 绿 в политической сфере обычно связан с экологией, охраной окружающей среды, к примеру, ради улучшения экологического состояния. В 1980-е гг. для поддержки политики «зелёных» во всем мире были созданы *партии зелёных*, сторонников которой называют *зелёными людьми*. В русском языке слово «зелёный» широко используется в политическом дискурсе с конца XX в. [Толковый словарь конца XX века 1998: 253]. В русском языке есть такие словосочетания, как **зелёная революция**, **«Зелёная Россия»**. В ки-

тайской языковой традиции можно говорить так же: **绿色社区** (зелёное сообщество), **绿色扶贫** (зелёная помощь бедным), **绿色科技** (зелёная технология). Так обозначаются политические группы и мероприятия, нацеленные на решение проблем экологически приемлемыми способами.

Терминокомпонент оранжевый в русском языке в политической сфере используется гораздо активнее, чем в китайском. Это связано с тем, что на Украине в 2004 г. из-за коррупции, давления на избирателей и прямой фальсификации во время президентских выборов по всей стране прошла серия протестов, напрямую связанных с политическими событиями. В то время символическим цветом в предвыборной кампании стал оранжевый. Это движение получило название **Оранжевой революции**. В результате в русском языке появился ряд политических терминов, образованных на основе метафорического использования прилагательного *оранжевый*, например: **оранжевый сценарий** (театральная метафора: сюжетная схема, повторяющая кампанию общенациональных протестов, митингов, пикетов, забастовок и иных акций гражданского неповиновения на Украине [Национальная политическая энциклопедия www]); **оранжевая угроза** (это милитарная метафора, которая означает опасность повторения событий Оранжевой революции в Украине [там же]); **оранжевая чума** (медицинская метафора, которая подразумевает опасность заражения идеями оранжевой украинской революции, несущей смуту, дестабилизацию, протестные акции [там же]).

Таким образом, на основании вышеизложенного можно отметить, что в русской политической терминологии широко используются прилагательные-цветообозначения в качестве терминокомпонентов. Кроме того, исследование показало, что метафорические значения цветовой лексики в русской политической терминологии с позиции китайской лингвокультуры характеризуются семантическими отличиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение можно сделать вывод о том, что цветовая метафора в политической терминологии весьма популярна, лексические цветообозначения в политической сфере получают специальное, денотативное, переносное и метафорическое значения. Эмоциональные коннотации цветовой метафоры в политической сфере делятся на положительные, нейтральные и отрицательные. В русском языке в семантике таких слов, с точки зрения китайской лингвокульту-

туры, имеются как совпадения, так и различия. В связи с этим, возможно, дальнейшее исследование этой проблемы и других политических терминов русского языка на фоне китайской лингвокультуры позволит глубже понять терминопотенциал политической терминологии и в русской, и в китайской лингвокультурной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, Л. М. Термин и метафора / Л. М. Алексеева. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. — 250 с. — Текст : непосредственный.
2. Алымова, Е. Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Алымова Е. Н. — Санкт-Петербург, 2007. — 18 с. — Текст : непосредственный.
3. Бабайцев, А. В. Политический символизм цвета / А. В. Бабайцев. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2007. — № 3. — С. 56—62.
4. Буженинов, А. Э. Термины-метафоры в анатомической терминологии французского языка / А. Э. Буженинов. — Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. — 2015. — № 10. — С. 124—128.
5. Ван, Сунтин. Восприятие метафоры и ее культурный фон / Ван Сунтин. — Текст : непосредственный // Иностранные языки. — 1996. — № 4. — С. 63—66.
6. Ван, Хун. Анализ номенклатур медицинских метафорических терминов в русском языке / Ван Хун. — Текст : непосредственный // Китайская научно-техническая терминология. — 2014. — № 1. — С. 18—22.
7. Величковский, Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания. В 2 т. Т. 2 / Б. М. Величковский. — Москва : Смысл : Академия, 2006. — 448 с. — Текст : непосредственный.
8. Гаврилова, И. А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии / И. А. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2019. — № 2 (78). — С. 504—512.
9. Зубкова, О. С. Специфика функционирования медицинской метафоры и медицинской метафоры-термина в индивидуальном лексиконе / О. С. Зубкова. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 3. — С. 84—89.
10. Кербер, Е. В. Цветовая метафора в англоязычной экономической терминологии / Е. В. Кербер, Ю. Е. Костерина. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 6-1 (72). — С. 89—91.
11. Козлова, Л. А. Национально-культурная специфика метафоры и способы ее манифестации в тексте / Л. А. Козлова. — Текст : непосредственный // Филология и человек. — 2015. — № 1. — С. 37—47.
12. Крючкова, Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии / Т. Б. Крючкова. — Москва : Наука, 1989. — 151 с. — Текст : непосредственный.
13. Кудря, О. А. Лексико-семантическая классификация вторичных цветообозначений в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект / О. А. Кудря. — Текст : непосредственный // Русистика. — 2015. — № 1. — С. 53—59.
14. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. /

Джордж Лакофф, Марк Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

15. Миронова, М. Ю. Метафоризация терминов английского языка (на примере политического термина *lame duck*) / М. Ю. Миронова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4. — С. 141—146.

16. Национальная политическая энциклопедия. — URL: <https://politike.ru> (дата обращения: 11.01.2021). — Текст : электронный.

17. Петрущенко, Л. Ю. Метафора как средство образования банковских терминов французского языка / Л. Ю. Петрущенко. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2019. — № 8 (824). — С. 128—138.

18. Рузин, И. Г. Когнитивные стратегии именования: модуль перцепции (зрение, слух, осязание, вкус) и их выражение в языке / И. Г. Рузин. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 49—53.

19. Сунь, Шуфан. Метафорическая когнитивная модель русских компьютерных терминов / Сунь Шуфан, Сунь Миньцин. — Текст : непосредственный // Журнал иностранных языков. — 2014. — № 6. — С. 49—53.

20. Толковый словарь конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 700 с. — Текст : непосредственный.

21. Цзян, На. Метафорическое именование английских экономических терминов и его когнитивный механизм / Цзян На. — Текст : непосредственный // Вестник Хунаньского университета науки и технологий. — 2015. — № 18 (6). — С. 119—122.

22. Чжан, Сяофэн. Сравнение и метафорические способы английских и китайских морских терминов / Чжан Сяофэн. — Текст : непосредственный // Журнал Шанхайского морского университета. — 2016. — № 37 (2). — С. 94—102.

23. Чжу, Мингуань. Исследование метафорического познания цветовой лексики в юридических текстах / Чжу Мингуань. — Текст : непосредственный // Законодательный обзор. — 2019 (середина). — С. 34—35.

24. Чэнь, Цзясю. Классификация основных цветов в китайском языке и их метафорическое значение / Чэнь Цзясю, Цинь Лэй. — Текст : непосредственный // Вестник Хэнаньского педагогического университета. — 2003 (2). — С. 75—77.

25. Чэнь, Цзясю. Когнитивное сопоставительное исследование английской и китайской метафоры / Чэнь Цзясю. — Шанхай : Изд-во Сюэлинь, 2007. — 215 с. — Текст : непосредственный.

26. Шаклеин, В. М. Лингвокультурное содержание языка : моногр. / В. М. Шаклеин, С. С. Микова. — Москва : РУДН, 2015. — 176 с. — Текст : непосредственный.

27. Шальнева, В. А. Метафорическое терминопотенциал в англоязычной компьютерной терминосистеме / В. А. Шальнева. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2017. — № 2. — С. 45—48.

28. Широколобова, А. Г. Метафоричные термины гидротехнической терминосистемы (на материале русского и английского языков) / А. Г. Широколобова. — Текст : непосредственный // Язык и культура. — 2014. — № 4 (28). — С. 111—125.

29. Шу, Динфан. О сущности и семантических особенностях метафоры / Шу Динфан. — Текст : непосредственный // Иностранные языки. — 1998. — № 2. — С. 10—19.

30. Baike. — URL: <https://baike.baidu.com/item/三灰现象/1415985?fr=aladdin> (date of access: 11.01.2021). — Text : electronic.

Guan Qi

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3759-8881

V. M. Shaklein

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID ID: —

 E-mail: gguanqi@163.com; shaklein_vm@pfur.ru.

Color Metaphor in Russian Political Terminology from the Perspective of the Chinese Linguoculture

ABSTRACT. *The article analyzes color metaphors in the political terminology of the Russian language on the background of the Chinese linguistic tradition. It reveals the connection between the color and the political concept expressed by it; it studies the similarities and differences in the understanding of the color metaphor in the political sphere of Russia and China, which is a subsystem of political term formation. The color metaphor is analyzed from the positions of the theory of cognitive metaphors and the point of view of national linguoculture. The authors show that metaphor is not only a linguistic phenomenon but also a cognitive mechanism, which helps people perceive the world and comprehend various linguistic worldviews. The color domain is believed to be one of the main cognitive domains in the language, along with the domains of time, space and emotions. It is also looked upon as an important carrier of national culture, playing an important role in the process of humanitarian exchanges between representatives of different nations. The color metaphor, as one of the productive ways in the system of terminology formation, is widely used in the political sphere. The metaphorization of color vocabulary provides a deep insight into the national cultural mentality and emotional coloring, which reflect the culture of the country in the social sphere. As long as political culture is an important part of national culture, the study of the color metaphor in the Russian political terminology in comparison with the Chinese linguoculture may contribute to the understanding of the Russian and Chinese political worldview and the development of intercultural communication between Russia and China in the political sphere.*

KEYWORDS: *political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; political discourse; Russian language; color metaphors; political terminology; political terms; linguistic traditions; linguoculturology; Chinese linguoculture.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Guan Qi, Post-Graduate Student, Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Shaklein Viktor Mikhailovich, Doctor in Philology, Professor, Head of Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Guan, Qi. Color Metaphor in Russian Political Terminology from the Perspective of the Chinese Linguoculture / Guan Qi, V. M. Shaklein // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 73–80. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_06.*

REFERENCES

1. Alekseeva, L. M. Term and metaphor / L. M. Alekseeva. — Perm : Publishing house of Perm University, 1998. — 250 p. — Text : unmediated. [Termin i metafora / L. M. Alekseeva. — Perm : Izd-vo Perm. un-ta, 1998. — 250 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Alymova, E. N. Color as a Linguo-cognitive Category in the Russian Language Picture of the World : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Alymova E. N. — St. Petersburg, 2007. — 18 p. — Text : unmediated. [Tsvet kak lingvokognitivnaya kategoriya v russkojazykovoj kartine mira : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Alymova E. N. — Sankt-Peterburg, 2007. — 18 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Babaytsev, A. V. Political Symbolism of Color / A. V. Babaytsev. — Text : unmediated // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. — 2007. — No. 3. — P. 56–62. [Politicheskiy simvolizm tsveta / A. V. Babaytsev. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2007. — № 3. — S. 56–62]. — (In Rus.)
4. Buzheninov, A. E. Metaphorical Terms in the Anatomical Terminology of the French Language / A. E. Buzheninov. — Text : unmediated // Pedagogical Education in Russia. — 2015. — No. 10. — P. 124–128. [Terminy-metafor v anatomicheskoy terminologii frantsuzskogo yazyka / A. E. Buzheninov. — Tekst : neposredstvennyy // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. — 2015. — № 10. — S. 124–128]. — (In Rus.)
5. Wang, Sungting. Perception of a Metaphor and its Cultural Background / Wang Sungting. — Text : unmediated // Foreign Languages. — 1996. — No. 4. — P. 63–66. [Vospriyatie meta-

fory i ee kul'turnyy fon / Van Suntin. — Tekst : neposredstvennyy // Inostrannye yazyki. — 1996. — № 4. — S. 63–66].

6. Wang, Hong. Analysis of Nomenclatures of Medical Metaphorical Terms in Russian / Wang Hong. — Text : unmediated // Chinese Scientific and Technical Terminology. — 2014. — No. 1. — P. 18–22. [Analiz nomenklatur meditsinskikh metaforicheskikh terminov v russkom yazyke / Van Khun. — Tekst : neposredstvennyy // Kitayskaya nauchno-tehnicheskaya terminologiya. — 2014. — № 1. — S. 18–22]. — (In Rus.)

7. Velichkovskiy, B. M. Cognitive Science: Foundations of the Psychology of Cognition. In 2 vol. Vol. 2 / B. M. Velichkovskiy. — Moscow: Sense : Academy, 2006. — 448 p. — Text : unmediated. [Kognitivnaya nauka: osnovy psikhologii poznaniya. V 2 t. T. 2 / B. M. Velichkovskiy. — Moskva : Smysl : Akademiya, 2006. — 448 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Gavrilova, I. A. Terms-metaphors in the English-language Legal Terminology / I. A. Gavrilova. — Text : unmediated // Bulletin of the Kemerovo State University. — 2019. — No. 2 (78). — P. 504–512. [Terminy-metafor v sostave angloyazychnoy yuridicheskoy terminologii / I. A. Gavrilova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2019. — № 2 (78). — S. 504–512]. — (In Rus.)

9. Zubkova, O. S. Specificity of the Functioning of the Medical Metaphor and Medical Metaphor-term in the Individual Vocabulary / O. S. Zubkova. — Text : unmediated // Issues of Cognitive Linguistics. — 2006. — No. 3. — P. 84–89. [Spetsifika funkcionirovaniya meditsinskoy metafor i meditsinskoy metafor-termina v individual'nom leksikone / O. S. Zubkova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2006. — № 3. — S. 84–89]. — (In Rus.)

10. Kerber, E. V. Color Metaphor in the English-language Economic Terminology / E. V. Kerber, Yu. E. Kosterina. — Text : unmediated // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. — 2017. — No. 6-1 (72). — P. 89–91. [Tsvetovaya metafora v angloyazychnoy ekonomicheskoy terminologii / E. V. Kerber, Yu. E. Kosterina. — Tekst : neposredstvennyy // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. — 2017. — № 6-1 (72). — S. 89–91]. — (In Rus.)
11. Kozlova, L. A. National-cultural Specificity of Metaphor and Methods of its Manifestation in the Text / L. A. Kozlova. — Text : unmediated // *Philology and Man*. — 2015. — No. 1. — P. 37–47. [Natsional'no-kul'turnaya spetsifika metafory i sposoby ee manifestatsii v tekste / L. A. Kozlova. — Tekst : neposredstvennyy // *Filologiya i chelovek*. — 2015. — № 1. — S. 37–47]. — (In Rus.)
12. Kryuchkova, T. B. Features of the Formation and Development of Social and Political Vocabulary and Terminology / T. B. Kryuchkova. — Moscow : Science, 1989. — 151 p. — Text : unmediated. [Osobennosti formirovaniya i razvitiya obshchestvenno-politicheskoi leksiki i terminologii / T. B. Kryuchkova. — Moskva : Nauka, 1989. — 151 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Kudrya, O. A. Lexical-semantic Classification of Secondary Color Designations in the English and Ukrainian Languages: Linguoculturological Aspect / O. A. Kudrya. — Text : unmediated // *Russistics*. — 2015. — No. 1. — P. 53–59. [Leksiko-semanticeskaya klassifikatsiya vtorichnykh tsvetoooboznacheniy v angliyskom i ukrainskom yazykakh: lingvokulturologicheskii aspekt / O. A. Kudrya. — Tekst : neposredstvennyy // *Russitika*. — 2015. — № 1. — S. 53–59]. — (In Rus.)
14. Lakoff, D. *Metaphors We Live By* : transl. from English / George Lakoff, Mark Johnson ; ed. and a foreword by A. N. Baranov. — Moscow : Editorial URSS, 2004. — 256 p. [Metafory, kotorymi my zhivem : per. s angl. / Dzhordzh Lakoff, Mark Dzhonson ; pod red. i s predisl. A. N. Baranova. — Moskva : Editorial URSS, 2004. — 256 s.]. — (In Rus.)
15. Mironova, M. Yu. Metaphorization of English terms (on the example of the political term lame duck) / M. Yu. Mironova. — Text : unmediated // *Political Linguistics*. — 2016. — No. 4. — P. 141–146. [Metaforizatsiya terminov angliyskogo yazyka (na primere politicheskogo termina lame duck) / M. Yu. Mironova. — Tekst : neposredstvennyy // *Politicheskaya lingvistika*. — 2016. — № 4. — S. 141–146]. — (In Rus.)
16. National Political Encyclopedia. — URL: <https://politike.ru> (date of access: 11.01.2021). — Text : electronic. [Natsional'naya politicheskaya entsiklopediya]. — URL: <https://politike.ru> (date of access: 11.01.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)
17. Petrushchenkova, L. Yu. Metaphor as a Means of Forming Banking Terms in the French Language / L. Yu. Petrushchenkova. — Text : unmediated // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*. — 2019. — No. 8 (824). — P. 128–138. [Metafora kak sredstvo obrazovaniya bankovskikh terminov frantsuzskogo yazyka / L. Yu. Petrushchenkova. — Tekst : neposredstvennyy // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. — 2019. — № 8 (824). — S. 128–138]. — (In Rus.)
18. Ruzin, I. G. Cognitive Naming Strategies: Modes of Perception (Sight, Hearing, Touch, Taste) and their Expression in Language / I. G. Ruzin. — Text : unmediated // *Questions of Linguistics*. — 1994. — No. 4. — 199 p. [Kognitivnye strategii imenovaniya: modusy perseptsii (zrenie, slukh, osyazanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke / I. G. Ruzin. — Tekst : neposredstvennyy // *Voprosy yazykoznaniiya*. — 1994. — № 4. — 199 s.]. — (In Rus.)
19. Sun', Shufan. Metaphorical Cognitive Model of Russian Computer Terms / Sun Shufang, Sun Mingqing. — Text : unmediated // *Journal of Foreign Languages*. — 2014. — No. 6. — P. 49–53. [Metaforicheskaya kognitivnaya model' russkikh komp'yuternykh terminov / Sun' Shufan, Sun' Min'tsin. — Tekst : neposredstvennyy // *Zhurnal inostrannykh yazykov*. — 2014. — № 6. — S. 49–53].
20. Explanatory Dictionary of the Late Twentieth Century. Language Changes / ed. G. N. Sklyarevskaya. — St. Petersburg : Folio-Press, 1998. — 700 p. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' kotsa KhKh veka. Yazykovye izmeneniya / pod red. G. N. Sklyarevskoy. — Sankt-Peterburg : Folio-Press, 1998. — 700 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
21. Jiang, Na. Metaphorical Naming of English Economic Terms and its Cognitive Mechanism / Jiang Na. — Text : unmediated // *Bulletin of the Hunan University of Science and Technology*. — 2015. — No. 18 (6). — P. 119–122. [Tszyan, Na. Metaforicheskoe imenovanie angliyskikh ekonomicheskikh terminov i ego kognitivnyy mekhanizm / Tszyan Na. — Tekst : neposredstvennyy // *Vestnik Khunan'skogo universiteta nauki i tekhnologii*. — 2015. — № 18 (6). — S. 119–122].
22. Zhang, Xiaofeng. Comparison and Metaphorical Ways of English and Chinese Marine Terms / Zhang Xiaofeng. — Text : unmediated // *Journal of the Shanghai Maritime University*. — 2016. — No. 37 (2). — P. 94–102. [Sravnenie i metaforicheskie sposoby angliyskikh i kitayskikh morskikh terminov / Chzhan Syaofen. — Tekst : neposredstvennyy // *Zhurnal Shankhayskogo morskogo universiteta*. — 2016. — № 37 (2). — S. 94–102]. — (In Rus.)
23. Zhu, Minguan. Research of Metaphorical Knowledge of Color Vocabulary in Legal Texts / Zhu Minguan. — Text : unmediated // *Legislative Review*. — 2019 (mid). — P. 34–35. [Issledovanie metaforicheskogo poznaniya tsvetovoy leksiki v yuridicheskikh tekstakh / Chzhu Minguan'. — Tekst : neposredstvennyy // *Zakonodatel'nyy obzor*. — 2019 (seredina). — S. 34–35].
24. Chen, Jiaxu. Classification of Primary Colors in Chinese and Their Metaphorical Meaning / Chen Jiaxu, Qin Lei. — Text : unmediated // *Bulletin of Henan Normal University*. — 2003 (2). — P. 75–77. [Klassifikatsiya osnovnykh tsvetov v kitayskom yazyke i ikh metaforicheskoe znachenie / Chen' Tszyasuyu, Ts'in' Ley. — Tekst : neposredstvennyy // *Vestnik Khenan'skogo pedagogicheskogo universiteta*. — 2003 (2). — S. 75–77]. — (In Rus.)
25. Chen, Jiaxu. Cognitive Comparative Study of English and Chinese Metaphors / Chen Jiaxu. — Shanghai : Publishing House Xuelin, 2007. — 215 p. — Text : unmediated. [Kognitivnoe sopostavitel'noe issledovanie angliyskoy i kitayskoy metafory / Chen' Tszyasuyu. — Shankhay : Izd-vo Syuelin', 2007. — 215 s. — Tekst : neposredstvennyy].
26. Shaklein, V. M. Linguocultural Content of Language : monograph. / V. M. Shaklein, S. S. Mikova. — Moscow : RUDN, 2015. — 176 p. — Text : unmediated. [Lingvokul'turnoe sodержanie yazyka : monogr. / V. M. Shaklein, S. S. Mikova. — Moskva : RUDN, 2015. — 176 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
27. Shal'neva, V. A. Education in the English-language Computer Terminology / V. A. Shal'neva. — Text : unmediated // *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. — 2017. — No. 2. — P. 45–48. [Metaforicheskoe terminoobrazovanie v angloyazychnoy komp'yuternoy terminosisteme / V. A. Shal'neva. — Tekst : neposredstvennyy // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. — 2017. — № 2. — S. 45–48]. — (In Rus.)
28. Shirokolobova, A. G. Metaphorical Terms of the Hydrotechnical Terminology System (based on the Russian and English languages) / A. G. Shirokolobova. — Text : unmediated // *Language and Culture*. — 2014. — No. 4 (28). — P. 111–125. [Metaforichnye terminy gidrotekhnicheskoy terminosistemy (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) / A. G. Shirokolobova. — Tekst : neposredstvennyy // *Yazyk i kul'tura*. — 2014. — № 4 (28). — S. 111–125]. — (In Rus.)
29. Shu, Dingfang. On the Essence and Semantic Features of the Metaphor / Shu Dingfang. — Text : unmediated // *Foreign Languages*. — 1998. — No. 2. — P. 10–19. [O sushchnosti i semanticheskikh osobennostyakh metafory / Shu Din'fan. — Tekst : neposredstvennyy // *Inostrannye yazyki*. — 1998. — № 2. — S. 10–19]. — (In Rus.)
30. Baike. — URL: <https://baike.baidu.com/item/三灰现象/1415985?fr=aladdin> (date of access: 11.01.2021). — Text : electronic.

Н. Б. ДубенецАстраханский государственный университет, Астрахань, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9608-379X **E-mail:** dubenetsnb@mail.ru.

Языковые средства репрезентации концепта «победа» в американском внешнеполитическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена изучению языковой репрезентации концепта «победа» в американском внешнеполитическом дискурсе. Рассматриваются речи официальных представителей внешнеполитического ведомства США. Цель исследования — выявить языковые средства, объективирующие концепт «победа» в высказываниях американских дипломатов, а также определить функцию, которую выполняет данный концепт с точки зрения прагматики дискурса. Метод исследования основывается на семантико-прагматическом подходе. В статье рассматриваются номинативные характеристики концепта «победа», атрибутивные словосочетания и предикативные конструкции, раскрывающие его признаки. Делается вывод, что в условиях военно-политического противостояния США с другими странами частотная актуализация концепта «победа» в речи представителей внешнеполитического ведомства обусловлена целью создания стереотипного образа США как лидирующей на международной политической арене державы. Был выделен следующий набор концептуализаций победы: превосходство над противником; военная сила; лидерство; ценность, благо для всего мирового сообщества; успех; явление масштабное и неизбежное; трудоемкий процесс, требующий усилий; вызывает чувство гордости и благодарности. Проанализированные атрибутивные сочетания, раскрывающие признаки концепта «победа», отличаются эмоциональной экспрессивностью и наличием положительного оценочного компонента, что соответствует интенциям американских дипломатов преувеличить значение США на международной политической арене.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая риторика; политические речи; внешнеполитический дискурс; английский язык; дипломатия; дипломаты; концепты; победа; военные поражения; языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дубенец Нина Борисовна, аспирант, Астраханский государственный университет; 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а; e-mail: dubenetsnb@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дубенец, Н. Б. Языковые средства репрезентации концепта «победа» в американском внешнеполитическом дискурсе / Н. Б. Дубенец // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 81–88. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_07.

В современной лингвистике существует тенденция исследовать дискурс в когнитивно-дискурсивной парадигме. Когнитивная специфика дискурса состоит в том, что именно в структуре дискурса репрезентируются системы базовых, доминантных для этого типа дискурса ментальных единиц-конкурентов, концептуальных и метафорических моделей, когнитивных метафор [Малышева 2008: 77].

По определению Е. С. Кубряковой, под концептом понимается «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90]. Концепт имеет полевую структуру, где выделяется ядро, приядерная область, содержащая концептуальные признаки (концептуальные слои), менее и более абстрактные, и периферия, включающая оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием и отличающаяся слабой структурированностью [Попова 2001: 64].

В качестве подгрупп лексем, репрезентирующих концепт, можно выделить наиме-

нование субъектов различного рода объектов и атрибутов, непосредственно связанных с семантикой концепта, предикатов [Малышева 2008: 78].

В американском внешнеполитическом дискурсе в условиях информационно-психологической войны такими базовыми ментальными единицами являются: «субъект войны» (США), «враг» (страны — внешние враги США), «друг» (страны-союзники), «борьба», «победа», «поражение».

За счет таких единиц в сознании слушателя создается некий стереотипный образ (образы). Например, в речи американских дипломатов США часто репрезентируются как страна, ведущая политику протекционизма в борьбе с глобальными мировыми угрозами (терроризм, хакерские атаки, новая коронавирусная инфекция и др.). При этом в сознании адресата дискурсивно создается некая ценностная картина мира, выгодная для адресанта:

(1) *So we will be shifting our diplomatic and aid and development programs as well to coincide with the President's view that the Afghan Government and the Afghan people must*

own their form of government and they must come to some reconciliation with all ethnic groups, including the Taliban, as to how they can secure their country as a peaceful country, one that does not support terrorism, does not provide safe haven for terrorists, and does not align itself with any terrorist organizations or countries that do. That's what winning looks like.

Как показывает анализ внешнеполитического дискурса США, одним из лейтмотивов выступлений американских дипломатов является акцентирование внимания адресата на успехах Государственного департамента США в борьбе с внешними врагами. Поэтому концепт «победа» является одной из неотъемлемых составляющих феномена информационно-психологической войны. Данный концепт характеризуется регулярностью и разнообразием языковой репрезентации в американском внешнеполитическом дискурсе. США позиционируют себя как страну-победителя, лидера на международной политической арене, во многом превосходящую другие страны по уровню информационного, военно-технического потенциала, ведущую успешную внешнюю политику по различным направлениям (Азия, Восток, Россия):

(2) *There is a different China than 10 or 15 or 20 years ago as a direct result of decisions that the Chinese Communist Party has made, and that forces the United States to take real action, serious actions, the one that the Trump administration has taken to protect the American people and indeed to build alliances around the world so that the West can continue winning.*

В примере (2) дискурсивно конструируется семантическая оппозиция «Восток vs. Запад». При этом американский дипломат подчеркивает роль США и, в частности, администрации американского президента Дональда Трампа в одержании победы западных стран и их коалиций во главе с США над Китаем, представляющим серьезную угрозу западному миру.

Фрейм войны, представляющий понятийную рамку концепта «война», в русской и английской лингвокультурах не имеет существенных расхождений. Позиции слотов занимают те же микроконцепты, определяющие цель, подготовительный период, вооружение, характер, боевые операции и их следствие. Победа или поражение являются прямым следствием боя и имеют оценочное значение [Крячко 2007: 8].

Лексемы «победа» / “victory”, являющиеся основными именами соответствующего концепта в русском и английском языках, имеют следующие значения: 1) успех в бит-

ве, войне при полном поражении противника; 2) успех в борьбе за что-нибудь, осуществление, достижение чего-нибудь в результате преодоления чего-нибудь [Ожегов 1995: 517]. Согласно определению словаря Longman, “victory” — *the act of winning or state of having won in war or in any kind of struggle* — акт победы или состояние победы в войне или в любом виде борьбы; “defeat” — *the act of defeating* — акт поражения [Longman Dictionary 1992: 522].

С другой стороны, концепт «победа» также реализуется в смысловой оппозиции «победа» / «поражение». Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, слово «победа» происходит от слова «беда» (буквально означавшее «то, что случается после беды»). Победу, таким образом, праздновал как выигравший сражение, так и проигравший [Фасмер 2003: 293]. Репрезентируя поражение противника, представители американской стороны часто подчеркивают, что им удалось добиться изоляции сторон-оппонентов, экономического падения, краха национальной валюты за счет введения санкций. Если традиционно поражение противника понимается как уничтожение (часто физическое) на поле битвы, превосходство численное и военное над силами противника, то в случае информационно-психологической войны, при которой главным оружием становится слово, поражение противника — это ослабление прежде всего экономического и политического влияния на международной арене за счет манипулирования другими странами (как правило, союзниками). В репрезентации поражения противника часто задействованы языковые средства, выражающие бедственное положение экономики стран, попавших в немилость к США (*has fallen, will fall farther, have fled*):

(3) *The rial has fallen to 140,000 rial to the dollar.*

(4) *European companies have fled Iran in great numbers.*

(5) *We've already reduced Iranian crude oil exports by over a million barrels per day. That number will fall farther.*

Концепт «победа» в речи американских дипломатов имеет следующие признаки:

• **Масштабность.**

Американские дипломаты подчеркивают, что победа над внешними агрессорами имеет глобальное значение, так как страны-оппоненты представляют угрозу не только для США, но и для всего мирового сообщества. США считают, что глобальными проблемами являются террористические организации, захват чужих территорий, ядерное оружие, хакерские атаки, новая коронави

русная инфекция и другие, и к странам, которые, по мнению США, причастны к данным угрозам, относят Иран, Россию, Китай и Северную Корею.

(6) *We led a **global Defeat ISIS campaign to take down the caliphate in Syria.***

(7) *So we're holding people accountable to implementing these sanctions, and we are **broadening our call to other nations to put pressure on Pyongyang, because Pyongyang's missiles can now go in any direction. And this is a threat that is now moving out of the region and it's becoming global.***

• **Ценность.**

Американские дипломаты делают акцент на необходимости установления демократических ценностей во всем мире. Победа над странами, представляющими угрозу всему мировому сообществу, необходима, так как является своего рода гарантией сохранения миропорядка, основанного на таких ценностях, как свобода, равенство, процветание, безопасность различных наций. В речи американских дипломатов США всегда репрезентируются в роли гаранта сохранения безопасности во всем мире:

(8) *Look, we need a **peaceful resolution in Yemen. All parties — the Iranians, the Houthis, everyone needs to lay down their arms, begin a political resolution, and restore order and stop the civil war there in Yemen. It's in the people of Yemen's best interests, in the Middle East's best interests, and it's certainly in America and the world's best interests as well.***

(9) *I think that's abundantly apparent to just about everyone in the world today, and now the world's duty is to respond to this a way that **protects the things that we most value.***

• **Неизбежность.**

Американские дипломаты репрезентируют США как самую мощную ядерную державу, обладающую новейшими разработками в военной сфере и, следовательно, непобедимую. США репрезентируют свою страну как государство, выполняющее миротворческую миссию в борьбе с вселенским злом, а поскольку добро априори побеждает зло, то победа США рассматривается как явление неизбежное и безоговорочное.

(10) *I am very confident that all the things that need to be done will be done in an appropriate way, **that we will deliver that.***

• **Единоличность.**

Несмотря на то, что американские дипломаты обращаются с призывом к другим странам (союзникам) совместно бороться с глобальными угрозами, исходящими от России, Ирана, Китая и других стран, и часто

пользуются поддержкой стран — участниц коалиции для достижения своих целей, победу над «общими врагами» США приписывают себе, подчеркивая личные достижения американского президента Д. Трампа и представителей Госдепа США. Сравним употребление местоимения «we» в высказывании, выражающем тактику призыва с использованием инклюзивного местоимения «we» (11), и использование местоимения «we» в тактике демонстрации победы (12):

(11) *So, **we are all unified in our mission to see a denuclearized Korean Peninsula. We hope for the opportunity to engage with them as to how we might achieve that.***

(12) ***We built out enormous teams. I'm proud of the work the state Department has done.***

Американские дипломаты часто акцентируют внимание на том, что США выполняют роль лидера в борьбе с глобальными угрозами, формируют тенденции, существующие в мировой политике и экономике:

(13) *The idea that America **ought to right-fully lead from the front and not behind is something the world has come to expect, and I can't imagine that changing.***

Концепт «победа» репрезентируется в речах американских дипломатов с помощью определенных номинативных, предикативных и атрибутивных средств.

Номинативы, репрезентирующие концепт «победа», представлены следующими единицами:

• Абстрактные наименования с семантикой успеха, прогресса, процветания и т. п., с одной стороны, и с семантикой поражения и уничтожения — с другой (*leadership* (лидерство), *success* (успех), *progress* (прогресс), *prosperity* (процветание), *accomplishment* (достижение), *commitment* (вклад), *defeat* (поражение), *destruction* (уничтожение)):

(14) *They want American **leadership, they want us to be there alongside them, and they recognize that partnering with the United States of America, whether that's Japan or India or South Korea or the Philippines, all of these countries that have worked with us on these core problem sets.***

(15) *President Trump remains just as committed today as he was yesterday and the day before, and **the progress that the Trump administration has made in defeating ISIS in Syria is extraordinary and we're very proud of that accomplishment.***

(16) *Well, look, I appreciate you mentioning **the defeat of the caliphate, the total destruction.***

• Синонимы слова «достижение», конкретизирующие его значение (*record* (показатель), *fruits* (плоды)). Лексема «fruits», содер-

жащая положительную коннотацию в денотативном значении (the good result of someone's work or actions), придает метафорическую образность высказыванию:

(17) *And you have seen **the fruits** of that in the last handful of months, where nations all across the Middle East are beginning to recognize that Israel is a partner, a friend, it is a proper and appropriate Jewish homeland, that the rightful capital is in Jerusalem.*

Лексема «record» демонстрирует взаимопроникновение спортивного и внешнеполитического дискурсов. В некоторых спортивных состязаниях успех измеряется количественными показателями, например, набранными очками. Как отмечает А. П. Чудинов, подобный способ определения результата используется и в политическом дискурсе [Чудинов 2001: 29]:

(18) *It is a glorious **record**. The Islamic Republic of Iran is far weaker today than it was when he took office.*

Предикаты, репрезентирующие концепт «победа», представлены следующими группами лексических единиц:

- Лексические единицы, передающие значение «одержать победу над противником» и подразделяемые на несколько семантических подгрупп:

а) единицы с семантикой ликвидации противника / последствий действий противника (*kill, beat, take down, lay down, crush, put on its backfoot, take away, destroy, defeat*):

(19) *When we saw a threat, we **killed** Qasem Soleimani.*

(20) *They had a Chinese candidate for something called the World Intellectual Property Organization. We **beat them**.*

(21) *So the President's decision to withdraw the couple thousand folks that we've had in Syria is based on the fact that the effort there **to crush the caliphate**, the ISIS caliphate in the region, is now near completion.*

(22) *So whether it's the work we've done to reorient the world to understand the threat from the Chinese Communist Party or the fact that we've now created enormous amounts of peace and stability throughout the Middle East and **put Iran on its backfoot**, the list of successes in the international space is very long under this administration's first four years.*

(23) *We **are well on our way to defeating ISIS** and we have now taken their caliphate from them in Iraq.*

Современный внешнеполитический дискурс США отличается высокой степенью агрессивности, стремлением достичь победы любой ценой, что характеризует внешнюю политику США как жесткую и бескомпромиссную;

б) единицы с семантикой препятствования деятельности противника (*disrupt, lay bare, isolate, make it difficult to do smth.*):

(24) *We've been very successful to date at **disrupting those terror plots**.*

(25) *So I'll give you two specific items and a more general one. The two specific items are, first, I think President Trump **laid bare the risk presented by the Chinese Communist Party**, and we've talked about that for 50 years.*

(26) *We've put sanctions on them, **we've made it more difficult for them to expand their terror regime**, we've made clear they're not going to get a nuclear weapon.*

(27) *We've made it more difficult for their **propaganda arms to operate without registering as foreign agents here in the United States**, all really important things.*

В вышеприведенных примерах имплицитно подчеркивается, что США обладают мощной разведывательной и военнотехнической базой, дальновидным руководством и разработанными стратегиями, позволяющими найти и обезвредить любую угрозу, что создает в сознании слушателя образ США как непобедимой державы;

в) единицы с семантикой лишения власти, денег и других ресурсов (*take from, strangle, deny, eliminate*):

(28) *We now have the most comprehensive sanctions in place that have ever been put in place **to strangle the North Korean regime's economic revenue streams**.*

(29) *We've **eliminated** over 90 percent of the **actual real estate** the caliphate held.*

(30) *I think the Iranians said now **tens and tens of billions of dollars in wealth has been denied them** as a result of the isolation which we have created.*

Целью информационно-психологической войны, развернутой США, является прежде всего подрыв экономического развития неугодных стран, ослабление их влияния на внешнеэкономическом рынке, что влечет за собой неспособность вышеупомянутых стран продолжать гонку вооружений и оказывать сопротивление США;

г) единицы с семантикой изгнания противника (*go away, send home, kick out*):

(31) *We've **kicked out** spies that were operating in Houston.*

(32) *So we have the international community more unified against North Korea's nuclear program than we have ever seen, countries **sending North Korean ambassadors home**.*

(33) *We've made the caliphate in Syria **go away**;*

д) оказания сопротивления (*push back, challenge*):

(34) *We've **challenged** this. We've **pushed back** against this.*

(35) *We **have pushed back** against **Russia** in serious ways;*

е) единицы с семантикой оказания давления (*urge, press on, put pressure on, put resources against, sanction, impose costs*):

(36) *They — we **have imposed costs** on the Russians. We've **urged them to cease this kind of malign activity**.*

(37) *We **have sanctioned senior officials** inside of Russia. The list of our efforts to restore deterrence of Vladimir Putin is long.*

(38) *And I think that's deeply connected to the **pressure that we've put on Iran**.*

В американском внешнеполитическом дискурсе США репрезентируются как сильный актер, оказывающий давление на другие, более слабые государства. В арсенале США имеются рычаги как дипломатического, так и экономического давления, позволяющие одержать верх над политическими противниками.

• Лексические единицы, передающие значение «достичь определенных результатов».

Внешнеполитическая деятельность концептуализируется в речи как некое состязание и, как в любой игре, «победа» ассоциируется в сознании слушателя с конкретными результатами борьбы, достижениями. При этом в выступлениях официальных представителей американского внешнеполитического ведомства обнаруживаются глаголы и глагольные сочетания, обозначающие как абстрактные наименования действий с семой «достижение», так и конкретные действия, как правило, репрезентирующие военные успехи США в миротворческой миссии (освобождение захваченных территорий, спасение жизни американских солдат и др.).

Абстрактными наименованиями действий со значением «достичь определенных результатов» служат глаголы и глагольные сочетания *achieve, progress, make progress, commit, make a commitment, accomplish, get an outcome, implement*:

(39) *The President **made an enormous commitment** to take down the caliphate and that **has been achieved**.*

(40) *These are the kinds of things that we **have achieved** to date and we're going to continue to do it so long as the people of the United States give us the license and the capacity and power to do it.*

(41) *That fight is **progressing** quite well.*

Наименованиями конкретных действий со значением «достичь определенных результатов» являются глаголы *recover, liberate, secure, save, return*:

(42) *Over 70 percent of the territory **has been recovered**. None of it has been lost back to those forces. Almost 2 million displaced Iraqi people **have now returned to their homes**. In the fight in Syria, we're in the process of **liberating Raqqa**, which was their self-designated capital.*

(43) *We've **saved lots of lives, lots of American lives**. We have to have fewer soldiers in the Middle East today because of the actions we have taken.*

(44) *The freedoms that we **have secured for the American people** in these four years are something I hope will continue.*

Атрибутивные сочетания, репрезентирующие концепт «победа» в речах американских дипломатов, можно разделить на пять групп:

• Атрибутивы, характеризующие США.

Победа ассоциируется с такими качествами, как сила и лидерство. Поэтому в американском внешнеполитическом дискурсе широко используются адъективы, передающие идею исключительности США, их могущества и значимости на международной арене, такие как *powerful / мощный, сильный* (having a lot of power to control people and events), *successful / успешный, лидирующий* (achieving what you want to achieve), *unrivaled / не имеющий равных, вне конкуренции* (having no equal; better than any other of the same type):

(45) *I said we have a very low — almost no — level of trust between us and that my statement on that was this cannot be the relationship to exist between the two most **powerful nuclear nations** on the planet.*

(46) *We've been very **successful** to date at disrupting those terror plots.*

(47) *President Trump and our State Department has led a global American leadership campaign that is **unrivaled**. We're incredibly proud of it.*

• Атрибутивы, характеризующие страны, потерпевшие поражение.

В качестве основной семантической оппозиции, используемой в американском внешнеполитическом дискурсе, выступает оппозиция «сила vs слабость». Данный прием, построенный на антитезе, способствует репрезентации США в выгодном свете за счет создания образа побежденного, ослабленного врага. При этом нередко данная группа лексем обозначает результат совершенного США деструктивного действия по отношению к странам-оппонентам. Как правило, это причастия прошедшего времени, выступающие в атрибутивной синтаксической функции.

(48) *In 2021, you have Gulf states and the Israelis working together, we have the Abraham*

*Accords, we have a greatly **weakened** Islamic Republic of Iran regime.*

(49) *All of those things have been built out over these last four years and put Iran in a place that they have never been more **isolated**.*

(50) *Their leadership's control is **weaker** than it was today in terms of their capacity to impact proxy forces in Syria, in Iraq, and Lebanon.*

• Атрибутивы, характеризующие процесс достижения победы.

Достижение победы требует затраты огромного количества усилий. Чтобы бороться за успех, необходимо отдать силы, годы жизни, преодолеть неблагоприятные обстоятельства. Одновременно внешняя политика США репрезентируется как жесткая конкуренция между странами — членами мирового сообщества, некая завуалированная игра со своими правилами и различными целями главных участников. При этом азарт, непреклонность, целеустремленность в достижении определенных целей внешней политики становятся неотъемлемыми признаками концепта «победа» в речи американских дипломатов. К адъективам, передающим эти характеристики, относятся слова *hard / трудно, упорно* (needing or using a lot of physical or mental effort), *relentlessly / неотступно* (in an extreme way that continues without stopping), *diligently / тщательно* (in a way that is careful and uses a lot of effort):

(51) *I'm always up for working **hard** to make sure we deliver on behalf of President Trump and what the American people asked us to do when he was elected.*

(52) *We have diplomatically, **relentlessly** worked to support the President's mission statement, which is to denuclearize North Korea.*

(53) *The rial has fallen to 140,000 rial to the dollar, has had an **enormous** impact already, and we are working **diligently** to make sure we support the Iranian people.*

• Атрибутивы, характеризующие результат достижения победы.

Характеризуя деятельность США на международной политической арене, американские дипломаты дают высокую оценку достижениям Государственного департамента США, используя адъективы с положительной оценочной коннотацией: *significant* (значительный), *remarkable* (выдающийся), *enormous* (огромный), *great* (великолепный), *well* (отлично), *complete* (полный, завершённый), *glorious* (замечательный). Адъектив *glorious* также ассоциируется в сознании слушателя с таким неотъемлемым признаком победителя, как «слава». Данная лексема является деривативом существительного *glory*, которое означает в английском языке «триумф, достижение, предмет гордости и

похвалы» (an important achievement that earns someone great admiration, honor and praise). Адъективы, относящиеся к данной группе, обладают оценочной экспрессией и оказывают эмотивное воздействие на сознание адресата:

(54) *And so I think in North Korea we have completely unified the international community, including North Korea's previously closest allies now are aligned with us. I think that's a **significant** achievement from a foreign policy standpoint for this President.*

(55) *We had **remarkable** success: over 90-plus percent of the real estate that ISIS owned in which they attacked people in the West from that place is gone.*

(56) *We broke a lot of glass and we've had an **enormous** amount of success and made the American people safer as a direct result of that.*

(57) *And so we have been in Iraq to do two things: to defeat the caliphate, which we are now **complete** with, to continue our effort to make sure that ISIS doesn't arise again and pose risk to the American people.*

(58) *And now they are beginning to recognize this via the Abraham Accords. **It's glorious**.*

• Атрибутивы, характеризующие отношение (чувства) к победе.

Неотъемлемой составляющей концепта «победа» являются чувства, передающие триумф, восторг от достигнутых результатов борьбы [Зорин 2016: 45]. Так, несомненно, победа может вызывать такие чувства, как гордость, удовлетворение, радость, сознание превосходства над противником, хвастовство, чувство торжества, злорадство. Как показывает анализ, маркированным признаком победы в выступлениях американских дипломатов является чувство гордости, репрезентированное лексемой *proud* (a feeling of pleasure and satisfaction because you or people connected with you have done or gotten something good). Данный адъектив способствует созданию некоего мифа о США как о стране, ведущей триумфальную внешнюю политику:

(59) *And those are things that the American people **can be proud** of because they will protect prosperity and security here in the United States.*

(60) *We built out enormous teams. I'm **proud** of the work the State Department has done. We're going to continue to do that. It's our responsibility.*

С другой стороны, непременным атрибутом победы является чувство благодарности за достижения. В следующем высказывании американский дипломат подчеркивает, что страны-союзники высоко ценят огромный вклад США в общее дело борьбы с глобаль-

ными угрозами. Языковым репрезентантом данного атрибута служит адъектив *appreciative* / *благодарный* (showing that you understand how good something is, or are grateful for something):

(61) *I think would say today that they are far more appreciative of the model that President Trump has chosen vice the one that was here in place in America before his time.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, концепт «победа» актуализируется в речи официальных представителей Государственного департамента США с целью создания стереотипного образа США как сверхдержавы, ведущей политику протекционизма фундаментальных демократических ценностей во всем мире. Проведенное исследование позволяет выделить следующий набор концептуализаций победы: 1) победа — это превосходство над противником; 2) победа — это военная сила; 3) победа — это лидерство; 4) победа — это ценность, благо для всего мирового сообщества; 5) победа — это успех; 6) победа — это явление масштабное и неизбежное; 6) победа — это трудоемкий процесс, требующий усилий; 7) победа вызывает чувство гордости и благодарности.

На вербальном уровне данный концепт реализуется с помощью номинативных, атрибутивных и предикативных средств. Среди номинативов преобладают лексемы с абстрактным значением «результат, достижения». Что касается предикатов, объективирующих концепт «победа», наиболее многочисленными и разнообразными по своей лексической семантике являются предикаты со значением «нанести поражение противнику», что обусловлено такой чертой американского внешнеполитического дискурса, как агональность. Проанализированные атрибутивные сочетания, раскрывающие признаки концепта «победа», отличаются эмоциональной экспрессивностью и наличием положительного оценочного компонента, что соответствует интенциям американских дипломатов преувеличить значение США на международной политической арене.

N. B. Dubenets

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9608-379X

✉ *E-mail:* dubenetsnb@mail.ru.

Linguistic Means of Representation of the Concept of “Victory” in the US Foreign Policy Discourse

ABSTRACT. *This article deals with the linguistic representation of the concept of “victory” in the American foreign policy discourse. The research material includes speeches of official representatives of the US Department of State. The pur-*

ЛИТЕРАТУРА

1. Венедиктова, Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Венедиктова Л. Н. — Тюмень, 2004. — 24 с. — Текст : непосредственный.
2. Зорин, Д. Ю. Концепт «победа» в русской и английской лингвокультурах / Д. Ю. Зорин, В. Б. Крячко. — Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. — Тамбов. — 2016. — № 3 (105). — С. 44–46.
3. Зусман, В. Г. Концепт в культурологическом аспекте / В. Г. Зусман. — Текст : непосредственный // Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. — Нижний Новгород : Деком, 2001. — С. 38–53.
4. Крячко, В. Б. Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Крячко В. Б. — Волгоград, 2007. — 24 с. — Текст : непосредственный.
5. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — Москва, 1996. — 245 с. — Текст : непосредственный.
6. Малышева, Е. Г. Концептуальная доминанта дискурса и ее репрезентация в формально-функциональном тезаурусе (на примере концепта «победа» в журналистском спортивном дискурсе) / Е. Г. Малышева. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. — 2008. — № 2. — С. 77–78.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : АЗЪ, 1995. — 928 с. — Текст : непосредственный.
8. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2001. — 192 с. — Текст : непосредственный.
9. Потапчук, М. А. Концепт «война» в русском языке и культуре / М. А. Потапчук. — Текст : непосредственный // Челябинский гуманитарий. — 2011. — № 4 (17). — С. 48–52.
10. Ушакова, Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т. Н. Ушакова. — Текст : непосредственный // Языковое сознание и образ мира. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 13–24.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — Москва : Астрель : АСТ, 2003. — Т. 3. — 832 с. — Текст : непосредственный.
12. Чудинов, А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2001. — № 2. — С. 29.
13. Официальный сайт Государственного департамента США. — URL: www.state.gov.com (дата обращения: 10.01.2021). — Текст : электронный.
14. Halliday, M. A. K. Language as Social Semiotic: the Social Interpretation of Language and Meaning / M. A. K. Halliday. — London : Arnold, 1978. — 256 p. — Text : unmediated.
15. Longman Dictionary of Contemporary English = Словарь современного английского языка : в 2 т. — Москва : Рус. яз., 1992. — Т. 1. — 626 с. — Текст : непосредственный.

pose of the study is to identify the linguistic means that objectify the concept of "victory" in the statements of American diplomats, as well as to determine the function that this concept performs from the point of view of the pragmatics of discourse. The research method is based on the semantic-pragmatic approach. The article considers the nominative characteristics of the concept "victory" and attributive phrases and predicative constructions that reveal its specific features. It is concluded that in the context of the military-political confrontation between the United States and other countries, the frequent actualization of the concept of "victory" in the speech of representatives of the US Department of State is due to the goal of creating a stereotypical image of the United States as a leading power in the international political arena. The following set of conceptualizations of victory was highlighted: superiority over the enemy; military strength; leadership; value and the good for the entire world community; success; a large-scale and inevitable phenomenon; a laborious process that requires effort; causes a sense of pride and gratitude. The attribute combinations under analysis that reveal the specific features of the concept of "victory" are characterized by emotional expressiveness and the presence of a positive axiological component, which corresponds to the intentions of American diplomats to exaggerate the importance of the United States in the international political arena.

KEYWORDS: political rhetoric; political speeches; foreign policy discourse; English language; diplomacy; diplomats; concepts; victory; military defeats; linguistic means.

AUTHOR'S INFORMATION: Dubenets Nina Borisovna, Post-Graduate Student, Astrakhan State University, Russia, Astrakhan.

FOR CITATION: Dubenets, N. B. Linguistic Means of Representation of the Concept of "Victory" in the US Foreign Policy Discourse / N. B. Dubenets // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 81-88. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_07.

REFERENCES

1. Venediktova, L. N. The Concept of "War" in the Linguistic Picture of the World (comparative research on the material of the English and Russian languages) : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Venediktova L. N. — Tyumen, 2004. — 24 p. — Text : unmediated. [Kontsept «voyna» v yazykovoy kartine mira (sopostavitel'noe issledovanie na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Venediktova L. N. — Tyumen', 2004. — 24 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Zorin, D. Yu. Concept "Victory" in Russian and English Linguocultures / D. Yu. Zorin, V. B. Kryachko. — Text : unmediated // Almanac of Modern Science and Education. — Tambov, 2016. — No. 3 (105). — P. 44—46. [Kontsept «pobeda» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh / D. Yu. Zorin, V. B. Kryachko. — Tekst : neposredstvennyy // Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. — Tambov. — 2016. — № 3 (105). — S. 44—46]. — (In Rus.)
3. Zusman, V. G. Concept in the Cultural Aspect / V. G. Zusman. — Text : unmediated // Intercultural Communication : teaching aid. — Nizhny Novgorod : Dekom, 2001. — P. 38—53. [Kontsept v kulturologicheskom aspekte / V. G. Zusman. — Tekst : neposredstvennyy // Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya : ucheb. posobie. — Nizhniy Novgorod : Dekom, 2001. — S. 38—53]. — (In Rus.)
4. Kryachko, V. B. The Concept of "war" in English and Russian Linguocultures : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Kryachko V. B. — Volgograd, 2007. — 24 p. — Text : unmediated. [Kontseptosfera «voyna» v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Kryachko V. B. — Volgograd, 2007. — 24 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Kubryakova, E. S. A Short Dictionary of Cognitive Terms / E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. — Moscow, 1996. — 245 p. — Text : unmediated. [Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. — Moskva, 1996. — 245 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Malysheva, E. G. Conceptual Dominant of Discourse and Its Representation in a Formal-functional Thesaurus (on the example of the concept "victory" in journalistic sports discourse) / E. G. Malysheva. — Text : unmediated // Bulletin of Omsk University. — 2008. — No. 2. — P. 77—78. [Kontseptual'naya dominanta diskursa i ee reprezentatsiya v formal'no-funktsional'nom tezauruse (na primere kontsepta «pobeda» v zhurnalistskom sportivnom diskurse) / E. G. Malysheva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Omskogo universiteta. — 2008. — № 2. — S. 77—78]. — (In Rus.)
7. Ozhegov, S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — Moscow : AZ, 1995. — 928 p. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — Moskva : AZ, 1995. — 928 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Popova, Z. D. Essays on Cognitive Linguistics / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Voronezh : Istoki, 2001. — 192 p. — Text : unmediated. [Ocherki po kognitivnoy lingvistike / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Voronezh : Istoki, 2001. — 192 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Potapchuk, M. A. The Concept of "War" in Russian Language and Culture / M. A. Potapchuk. — Text : unmediated // Chelyabinsk Humanist. — 2011. — No. 4 (17). — P. 48—52. [Kontsept «voyna» v russkom yazyke i kul'ture / M. A. Potapchuk. — Tekst : neposredstvennyy // Chelyabinskiy gumanitariy. — 2011. — № 4 (17). — S. 48—52]. — (In Rus.)
10. Ushakova, T. N. Language Consciousness and Principles of Its Research / T. N. Ushakova. — Text : unmediated // Linguistic Consciousness and the Image of the World. — Moscow : Institute of Linguistics of RAS, 2000. — P. 13—24. [Yazykovoe soznanie i printsipy ego issledovaniya / T. N. Ushakova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazykovoe soznanie i obraz mira. — Moskva : In-yazykoznaniya RAN, 2000. — S. 13—24]. — (In Rus.)
11. Fasmer, M. Etymological Dictionary of the Russian Language : in 4 volumes / M. Fasmer. — Moscow : Astrel : AST, 2003. — Vol. 3. — 832 p. — Text : unmediated. [Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / M. Fasmer. — Moskva : Astrel' : AST, 2003. — T. 3. — 832 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Chudinov, A. P. Sports Metaphor in Modern Russian Political Discourse / A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. — 2001. — No. 2. — P. 29. [Sportivnaya metafora v sovremenном rossiyskom politicheskom diskurse / A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya. — 2001. — № 2. — S. 29]. — (In Rus.)
13. Official Site of the US Department of State. — URL: www.state.gov.com (date of access: 10.01.2021). — Text : electronic.
14. Halliday, M. A. K. Language as Social Semiotic: the Social Interpretation of Language and Meaning / M. A. K. Halliday. — London : Arnold, 1978. — 256 p. — Text : unmediated.
15. Longman Dictionary of Contemporary English : in 2 volumes. — Moscow : Russian Language, 1992. — Vol. 1. — 626 p. — Text : unmediated.

О. Н. Кондратьева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9469-3634

А. Л. Калашникова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2969-3923

 E-mail: Kondr25@rambler.ru; Anna.kalashnikova.42@gmail.com.

Метафорическая интерпретация выборов Президента Российской Федерации 2018 г. в юмористической политической коммуникации (на материале анекдотов)

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены особенности метафорической интерпретации выборов президента Российской Федерации 2018 года в юмористической политической коммуникации. Выявлено, что основными источниками метафорической характеристики выборов и участвующих в них политиков являются понятийные сферы «Спорт», «Игра», «Театр», «Цирк», «Кино», «Шоу-бизнес». Использование конкретной сферы-источника метафорической экспансии в представленных в интернет-пространстве анекдотах непосредственно связано с образом политика, существующим в сознании рядовых граждан. Так, при характеристике В. В. Путина доминируют спортивные метафоры, представляющие его как «спортсмена-победителя», в то время как в метафорической характеристике В. В. Жириновского и К. А. Собчак преобладают театральные-цирковые метафоры, создающие образы «политических клоунов».

В итоге все разнообразие метафор, репрезентирующих выборы-2018, может быть сведено к двум макромоделлям: «Выборы — это спортивное состязание» и «Выборы — это зрелище (спектакль/цирк/кино/шоу)». Тем самым участники юмористической политической коммуникации интерпретируют происходящее на политической арене следующим образом: политики стремятся создать у избирателей иллюзию выбора, результаты голосования предсказуемы, а рядовым гражданам в этой предвыборной кампании отводится роль зрителей, пассивно наблюдающих за происходящим и никак не влияющих на процесс.

Таким образом, метафорические модели, посредством которых в юмористической политической коммуникации осуществляется интерпретация и оценка выборов президента 2018 года, позволяют эксплицировать представления о механизмах организации политической жизни в стране, сложившиеся в сознании рядовых представителей российского социума.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; политические метафоры; политический дискурс; политическая риторика; языковая личность; лингвоперсонология; политическая риторика; политические речи; языковые средства; политические выступления; российские президенты; политическая коммуникация; юмористическая политическая коммуникация; анекдоты; выборы президента.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Калашникова Анна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кондратьева, О. Н. Метафорическая интерпретация выборов Президента Российской Федерации 2018 г. в юмористической политической коммуникации (на материале анекдотов) / О. Н. Кондратьева, А. Л. Калашникова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 89-97. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_08.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

В современной политической лингвистике выделяется несколько типов политической коммуникации: собственно политическая коммуникация, субъектами которой являются политики; медийная политическая коммуникация, относящаяся к сфере деятельности журналистов; обыденная (в иной терминологии — непрофессиональная) по-

литическая коммуникация (автор сообщений — человек иной профессии, «избиратель», «представитель народа», «обычный человек») [Чудинов 2012: 53].

В отличие от институализированной политической коммуникации, осуществляемой политиками, общественными деятелями и политическими обозревателями, обыденная

политическая коммуникация, функционирующая в непрофессиональной (народной) среде, относительно недавно стала объектом исследовательского внимания, поэтому, как указывает Н. Н. Шпильная, многие аспекты «обыденной политической коммуникации изучены недостаточно» [Шпильная 2017: 222].

В последнее время возрастает интерес исследователей к неформальной политической коммуникации (см., например, работы представителей Кемеровской лингвистической школы: [Голев 2011; Ким 2016; Кишина 2015] и др.), ее разнообразным жанровым проявлениям, изучается отражение «в текстах-откликах рядовых носителей языка политических идей, отношения к ним в языковом коллективе, политическое расслоение читателей, отраженное в языковой прагматике и семантике» [Голев 2011: 67]. Наиболее активно в подобном аспекте изучаются политические мифы и слухи, исследуются интернет-комментарии пользователей к новостям на политическую тему, в то время как особая разновидность обыденной политической коммуникации — юмористическая, реализующаяся в политических анекдотах, карикатурах, комиксах, мемах, еще не получила специального рассмотрения.

Тем не менее именно в обыденной политической коммуникации (и в особенности в ее юмористической разновидности) отражается реальное отношение общества к основным событиям в национальной политике, так как в юмористический фокус попадают именно те события, которые вызвали широкий общественный резонанс. Поскольку одним из основных способов формирования комического эффекта являются метафоры, то их анализ позволит выявить объекты, которые подвергаются юмористической интерпретации и оценке, проанализировать механизмы метафорической интерпретации и оценки мира политики.

Метафоричность, являющаяся одной из наиболее значимых характеристик юмористической политической коммуникации, представляет собой не только инструмент создания смехового эффекта [Нагуш 2015: 4], но и средство интерпретации и оценки того или иного политического события в социуме. Интерпретирующая функция концептуальной метафоры в разных видах дискурса привлекает все большее количество исследователей (см., например, работы Н. Н. Болдырева, Е. А. Потураевой, З. И. Резановой и др.). При подобном подходе метафора трактуется как «модель, в соответствии с которой интерпретируются фрагменты действительности на основе когнитивной операции аналогического уподобления, и это

находит свое выражение в языке» [Потураева 2011: 10].

Как отмечает Н. Н. Болдырев, «концептуальная и языковая метафоры как механизмы формирования смысла и репрезентации опыта познания мира в языке преимущественно используются для вторичной концептуализации и вторичной репрезентации знаний о мире, т. е. *интерпретации событий и объектов и их различных характеристик*» [Болдырев 2014: 43]. Таким образом, сущность метафоры как ментальной операции состоит не только в осмыслении одного явления в категориях другого, но и в способности актуализировать разные свойства одного и того же явления, что обуславливает возможную множественность его интерпретации.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что анализ метафор в юмористической коммуникации позволит выявить политические события и политических персонажей, вызывающих повышенный интерес общества и поэтому попадающих в фокус юмористической рефлексии, даст возможность проанализировать механизмы метафорической интерпретации и оценки мира политики в обыденном языковом сознании.

Традиционно одним из самых обсуждаемых событий в политической жизни России являются выборы президента. Начиная с 2000 г. до настоящего времени президентом страны является В. В. Путин, за исключением периода с 2008 по 2012 г., когда он занимал должность Председателя Правительства Российской Федерации. Такая стабильная политическая ситуация рождает в обществе ощущение стагнации, предсказуемости, отсутствия реальной политической борьбы. Эта тенденция получила отражение в целом комплексе анекдотов о выборах, представленных в юмористическом политическом дискурсе, первые из которых датируются 2000 годом, а последние — концом 2020-го года: 1) *В армии перед выборами: — Товарищи солдаты, если вы за Путина, то поставьте напротив галочку, если против, то крестик* (2000); 2) *Ты за кого на выборах Путина голосовать будешь?* (2004); 3) *Центризбирком не позволит избирателям сфальсифицировать итоги выборов* (2008); 4) *Владимир Владимирович не исключил вероятность того, что выставит свою кандидатуру на выборы президента в 2018. Владимир Владимирович та-а-а-а-кой интриган!!!* (2014); 5) *Главные события 2018 года — выборы президента России и Олимпиада пройдут без участия россиян* (2017); 6) *Интересно, как думаешь, смогут американцы по-*

влиять на результат наших выборов? — Ха, они не такие наивные. Мы и сами не можем... (2018); 7) Владимир Путин — единственный человек в России, который пока не знает, будет ли Путин участвовать в президентских выборах 2024 года (2020).

Приведенные примеры показывают, что результат выборов в юмористической политической коммуникации осмысливается как нечто предсказуемое и максимально стабильное даже при попытке самого президента создать интригу, не объявляя прямо о своем намерении баллотироваться на следующий срок. Таким образом, политический термин «выборы» демонстрирует парадоксальное несоответствие своей внутренней форме (ср.: выбрать — 'избрать голосованием' [Ожегов 1994: 94]).

Обращаясь к особенностям интерпретации выборов 2018 г. в анекдотах, проанализируем основные метафорические модели, репрезентирующие обыденные представления о выборах и принимающих в них участие политиках. Материалом исследования послужили 234 текста анекдотов о выборах президента Российской Федерации 2018 г., опубликованные на сайтах «Анекдоты из России» (<https://www.anekdot.ru/>) и «Самые смешные анекдоты» (<http://anekdotov.net/>) за период с 22 февраля 2018 до 20 марта 2018 г.

Результаты исследования позволили установить, что президентские выборы 2018 г. характеризуются и оцениваются в юмористическом политическом дискурсе посредством метафор, основными среди которых являются метафоры с исходными понятиями сферами «Спорт», «Игра», «Театр», «Цирк», «Кино» и «Шоу-бизнес», при этом в зависимости от «народного» образа политика в анекдотах начинает доминировать та или иная сфера метафорической экспансии, используемая для характеристики выборов в целом. Показательно, что в фокус юмористической рефлексии в анекдотах в период выборов регулярно попадали всего три кандидата из шести (В. В. Жириновский, В. В. Путин и К. А. Собчак), остальные кандидаты воспринимались непрофессиональными специалистами в сфере политики исключительно как политическая массовка.

1. Спортивные метафоры. Актуализация темы спортивных состязаний при метафорической характеристике президентских выборов представляется весьма закономерной, поскольку как политическое, так и спортивное соревнование предполагает борьбу, стремление участников к победе. Метафорическое значение в анекдотах, посвященных выборам, приобретают лексемы и сло-

восочетания скачки, гонка, ипподром, стадион, раунд, татами, дзюдо, гроссмейстер, ход конем, развести по углам и др.

1.1. Фрейм «Конный спорт». Метафоры гонок и скачек традиционно использовались для метафорического обозначения избирательных кампаний разного уровня (подробнее см.: [Чудинов 2001: 113—131]). Данный фрейм оказался наиболее востребованным и в юмористической политической коммуникации: 1) *Итак, мы продолжаем репортаж со скачек заранее проигравших кандидатов. Пока все спокойно: на границе России уже третий год топчется Ходорковский, Навальный скучно жует в автозаке щепки от „Кировлеса“. И тут вдруг на стадион врывается Ксения Собчак...* 2) — *Скачи во весь опор, ведь это президентская гонка, — давал наставления президент Ксении;* 3) *В предвыборной гонке, с огромным отрывом побеждает лошадь Путина;* 4) *На ипподроме зрители скандировали: — Собчак — чемпион!*

1.2. Фрейм «Спортивная борьба». Как известно, В. В. Путин является мастером спорта по дзюдо (чемпион Ленинграда) и самбо, что становится основанием для появления подобных анекдотов: *Путин предложил каждому из соперников по выборам — кандидатам в президенты России — встретиться с ним на татами в дзюдо-поединке по отдельности. От страха все кандидаты выписались из кандидатов в президенты России.* Политическая борьба сравнивается с поединком в дзюдо, где Путину, опытному спортсмену, нет равных. Все прочие политики, не демонстрирующие достижений в спорте, автоматически причислены к проигравшим в политических соревнованиях.

Конфликтное поведение В. В. Жириновского, его излишняя эмоциональность и склонность к перепалкам репрезентируется в анекдотах с помощью метафор бокса, в частности, политические дебаты в его исполнении уподобляются боксерскому поединку. В данном случае переносное значение обретают лексемы **раунд**, **углы** (имеется в виду площадка для бокса) и др.: 1) *Жириновский и Собчак снова устроили перепалку во время дебатов... Они обзывали друг друга проститутками, что оказалось верным в обоих случаях. Но простой охранник, пользовавшийся услугами их обоих, не один раз, запросто **развел их по разным углам!!!*** 2) *В процессе подготовки к очередному раунду предвыборных теледебатов Владимир Жириновский пытался пронести в телестудию для Ксении Собчак каплю никотина.*

Примечательно, что В. В. Жириновский и К. А. Собчак могут встретиться на «боксерском ринге», в то время как от «поединка» с В. В. Путиным отказываются все кандидаты в президенты. Таким образом, в анекдотах отражается иерархическая структура представлений о власти, в которой действующий президент занимает верхнюю позицию как непобедимый противник, в то время как его конкуренты являются «спортсменами» одного уровня.

1.3. Фрейм «Шахматы». Шахматные метафоры в анекдотах демонстрируют интеллектуальное превосходство В. В. Путина над прочими участниками выборов: он характеризуется как гроссмейстер, в то время как остальные кандидаты интерпретируются как обычные фигуры на поле. В частности, фигура коня (лошади) отсылает к образу К. А. Собчак: 1) *Путин пересмотрел фильм „Джентльмены удачи“ и как политический гроссмейстер прислушался к совету „Лошадь ходи, век воли не видать!“*; 2) *Путин сделал ход конем! Ой, извините, лошадью...*

2. Игровые метафоры в анекдотах о выборах представлены исключительно фреймом **«азартные игры»** и демонстрируют наличие в обыденном языковом сознании устойчивых ассоциаций политической борьбы с игрой в казино (покер, рулетка) или с тотализатором (бега, скачки). Спортивные и игровые метафоры объединены общим стремлением победить, однако азартно-игровые метафоры характеризуют выборы как процесс, в котором победа зависит не от качеств кандидата, а от внешних обстоятельств, при этом могут иметь место махинации, нарушения правил, подкуп участников для достижения цели, политические заказы.

В метафорическом значении используются лексемы и словосочетания *тотализатор, ставка, поставить на лошадь* и др.: 1) *При участии Собчак это уже будут не выборы, это будет тотализатор*; 2) *Если Собчак не наберет голосов, то можно ли будет сказать, что поставили не на ту лошадь?* 3) *Спонсор — кандидату в президенты: — Я поставил на тебя все свои деньги! Почему в предвыборной гонке ты не пришла к финишу первой? — Ну не шмогла я, не шмогла.*

Доминирующее положение действующего президента демонстрируется в анекдотах через его характеристику как хозяина казино, в то время как остальные кандидаты предстают в качестве обычных игроков: *Собрались как-то раз Грудинин, Жириновский, Собчак и остальная компания за карточным столом... Но в выигрыше, как всегда, остался хозяин казино.*

3. Театрально-цирковые метафоры характеризуют российскую политическую жизнь последнего десятилетия как ту или иную разновидность зрелищных искусств, интерпретируя тем самым политические события как заведомо постановочные и оценивая их как «нечто абсурдное, где отсутствует логика сюжета, а действующие лица подобны клоунам, иллюзионистам, фокусникам, канатоходцам» [Воробьева 2014]. В метафорическом значении используются лексемы *театр, цирк, шоу, спектакль, фарс, трагикомедия, клоун, клоунесса, массовка, кордебалет* и др.

3.1. Фрейм «Вид и жанр зрелища». Наиболее активно метафоры подобного плана представлены в анекдотах, посвященных К. А. Собчак: ее кандидатура превращает скучный традиционный политический спектакль в *фарс, комедию, шоу или цирк* (подробнее см.: [Кондратьева 2018]): 1) *Зюганов призвал Ксению Собчак не превращать избирательную кампанию в посмешище и трагикомедию. Господа, да даже у Петросяна нет шансов сделать это шоу смешнее*; 2) *Если 18 марта половина проголосовавших приколется, поставив галочку напротив фамилии Собчак, посчитав, что они уникальные шутники, то в ближайшие годы мы будем живыми свидетелями забавного шоу-дуэта Трамп — Собчак. Скучно не будет!* 3) *Ксения Собчак возвращается в шоу «Цирк со звездами»*; 4) *Раньше выборы в России были просто цирком. Теперь стали цирком с конями.*

3.2. Фрейм «Участники представления». Метафоры данного фрейма подчеркивают лидирующие позиции В. В. Путина на фоне остальных кандидатов. В частности, он метафорически характеризуется как главный участник политического спектакля (примадонна) и как директор цирка: 1) *Похоже, президентские выборы-2018 комплектуются так же, как новогоднее ТВ-шоу: новая русская бабка (Собчак); вечный исполнитель одних и тех же старых песен (Зюганов); клоун-хулиган (Жириновский). И только в самом финале появится настоящая примадонна...* 2) *Сидят Путин с Медведевым, смотрят дебаты кандидатов в президенты. Путин, мечтательно: — „Вот выйду на пенсию, Димон, реально замучу самый крутой в мире цирк. Пойдешь ко мне работать?“. — „Вот опять вы за своё, Владимир Владимирович! Вы работать будете, а я только людей смешить“.*

Метафоры театра и цирка проецируются в том числе и на образы В. В. Жириновского и К. Собчак, эксцентричная манера поведения которых вызывает в обыденной полити-

ческой коммуникации устойчивую ассоциацию с клоунами: *В любом приличном цирке есть клоун хулиган и клоун растяпа. А если ещё и клоунесса имеет место, то это вообще круто. Так что наш цирк — в авангарде!*

Следует отметить, что нередко политические амплуа К. А. Собчак и В. В. Жириновского в анекдотах представляют своеобразную комическую пару: 1) *Жаль, что в нашей стране не могут быть сразу два президента? Собчак+Жириновский; и жизнь сразу станет веселее. Выборы — выборы, кандидаты — клоуны!.* 2) *Сегодня в главном цирке страны подрались клоун с клоунессой. ...Простите... Сегодня на предвыборных дебатах Ксения Собчак плеснула водой во Владимира Жириновского.*

Все кандидаты в президенты по сравнению с В. В. Путиным воспринимаются в анекдотах как *массовка* и *кордебалет*: *Президентские выборы в России раньше пытались оживить массовой из кандидатов. Теперь к ней добавились женский кордебалет и цирк с конями...*

4. Кинематографические метафоры. Метафорическая соотнесенность выборов с кинематографом также акцентирует внимание на постановочности, иллюзорности событий, происходящих в мире политики. Кроме того, метафоры этой группы в исследуемых анекдотах регулярно подчеркивают повторяемость политических событий, на что указывают такие репрезентанты модели, как *повторный фильм*, *ремейк*, *кошплей* и др.

Выборы президента сравниваются в анекдотах с походом на неоднократно просмотренный фильм, сюжет которого давно известен: *18 марта мы с друзьями решили пойти в кино. Но интересную премьеру внезапно отменили, и предложили фильм, который мы уже 4 раза смотрели, либо несколько других совершенно бредовых фильмов. Подскажите, что нам лучше: 1) идти на фильм, смотреть который не хочется? 2) порвать билет; 3) вообще не ходить в кинотеатр?*

В представленном анекдоте выборы и потенциальный победитель метафорически интерпретируются как фильм, который уже четыре раза смотрели (четвертые выборы), а остальные участники выборов воспринимаются как несерьезные кандидаты (бредовые фильмы), избирательные участки представлены как кинотеатр, бюллетень — как билет, а сами выборы как сомнительное развлечение, ради которого не стоит «ходить в кинотеатр».

Подобным образом работает метафора кошплея, представляющая В. В. Путина как персонажа уже давно и хорошо известного

фильма: *Приз за лучший кошплей марта 2018 года получает В. В. Путин. За кошплей профессора Фэйта из старой комедии „Большие гонки“.* Тем самым подчеркивается абсурдность повторного использования политических образов и технологий.

Предсказуемость выборов представлена также в соотнесении этого политического события со сценариями советской комедии и анимационного фильма студии «Disney»: 1) *Выборы президента в 2018 году пройдут по сценарию „Семь стариков и одна девушка“;* 2) *Выборы президента в 2018 году пройдут по сценарию „Белоснежка и семь гномов“.*

К. А. Собчак посредством метафор из киносферы сопоставляется с другими женщинами-политиками, выдвигавшими свои кандидатуры на ключевые государственные посты (А. Меркель, Х. Клинтон). Кроме того, в этой группе анекдотов содержатся отсылки к прецедентным феноменам — снятому по книге Лескова фильму «Леди Макбет Мценского уезда», отсылающему, в свою очередь, к трагедии У. Шекспира «Макбет»: 1) *„Леди Клинтон Мценского уезда“.* *В главной роли: Ксения Собчак;* 2) *„Леди Клинтон Мценского уезда“.* *В главной роли: Ксения Собчак; Но Ксюше сказали, что пьеса называется „Фрау Меркель Мценского уезда“.*

5. Метафоры шоу-бизнеса в контексте анекдотов о выборах 2018 г. возникают преимущественно в текстах, посвященных баллотированию в президенты К. А. Собчак. Указанные метафоры, как и театральные, демонстрируют склонность политика к внешним театральным эффектам, неискренность, мнимость происходящего. Учитывая факты биографии К. А. Собчак, данная сфера активно проецируется на ее политическую карьеру и может быть выделена в самостоятельную группу метафор, представленных рядом фреймов. Метафорическое значение приобретают лексемы *шоу*, *программа*, *корпоратив*, *ДОМ-2*.

5.1. Фрейм «Телепроект». Как известно, К. А. Собчак несколько лет была ведущей телепроекта «Дом-2», имеющего скандальную репутацию и ставшего в российском обществе синонимом вульгарности и примитивности. Комический эффект в анекдотах этой группы достигается за счет отождествления концепции данного реалити-шоу с политической программой К. А. Собчак: 1) *Если Ксения Собчак станет президентом — то вся страна превратится в сплошной Дом-2;* 2) *Ксения предложила сделать Россию — домом. Дом-3!... 3) Дом-2 станет официальной резиденцией президента и правительства. Публичные дома*

будут перепрофилированы в мэрии, районные и областные администрации; 4) Голосуй за Собчак!!! Сделай из РОССИИ ДОМ-2! 5) Готовится новый проект — „ДОМ-3“. Собчак — президент; 6) Ксения Собчак объявила о желании стать Президентом РФ. Дом-2 в полном составе будет преобразован в предвыборный штаб кандидата; 7) Если Собчак станет Президентом, то Госдума вполне может стать еще одной площадкой Дома-2 во главе с Бузовой. И нельзя сказать, что это будет не интересно.

5.2. Фрейм «Корпоратив». Современная корпоративная культура предполагает проведение праздничных мероприятий для сотрудников различных компаний с приглашением звезд шоу-бизнеса, в числе которых можно назвать и К. А. Собчак. Репутация медийной личности, которую можно пригласить на корпоратив, отразилась в текстах анекдотов о Собчак, в которых встречи кандидата в президенты с избирателями метафорически представляются как корпоративные мероприятия, что опосредованно указывает на заказной, проплаченный характер предвыборной кампании: 1) **Участие в выборах будет главным корпоративом в жизни Собчак;** 2) **Собчак теперь уже корпоратив вести не пригласишь, расценки подняла в три раза. — Да ладно, мы ее два раза в ресторан вызывали и один раз даже в сауну, и все бесплатно. — Как так то? — На встречу с избирателями.**

5.3. Фрейм «Гламур». Гламур — современный эстетический феномен, связанный с культурой массового потребления, модой, шоу-бизнесом и пр. По словам К. Ю. Точилова, гламур представляет собой «специфический настрой общества массового потребления, особое мировоззрение, нивелирующее основные духовные приоритеты человека, переносящее, прежде всего, эстетический акцент на роскошь и „внешний блеск» [Точилев 2011: 3]. Гламур является важной составляющей сферы шоу-бизнеса, к которой принадлежит К. А. Собчак. Концепция гламурного образа жизни эксплуатируется глянцевыми журналами, основными читателями которых являются женщины. Образность ряда анекдотов, интерпретирующих возможную победу К. А. Собчак на выборах, по-видимому, вырастает из ассоциативного комплекса «Собчак — шоу-бизнес — женщина — гляцевый журнал»: **А вот если бы Собчак выиграла „выборы“, то присягу приносила б на „Космополитан“.**

Обзор политических анекдотов и используемых в них метафорических моделей, интерпретирующих одно из главных событий

российской политики, показал, что в юмористической политической коммуникации основным объектом комизации становится предсказуемость и повторяемость политического сценария выборов в России. Однако несмотря на констатацию стереотипности и устойчивости данного политического «сценария» в нашей стране в анекдотах нашли отражение и некоторые новшества выборов 2018 г., которые интерпретируются в юмористической политической коммуникации посредством концептуальных оппозиций: «старость — молодость» и «мужское — женское».

Как правило, на ключевые государственные посты претендуют возрастные кандидаты: по данным, опубликованным платформой «Republic», средний возраст политических лидеров стран мира составлял 61 год, 2 месяца и 12 дней [Republic 2021]. На момент участия в президентских выборах 2018 г. Ксении Собчак было всего 36 лет, поэтому на фоне остальных кандидатов более зрелого возраста, уже неоднократно принимавших участие в президентских выборах, ее кандидатура была воспринята избирателями как «свежее лицо»: 1) **Зюганов призвал Собчак не превращать выборы в посмешище... Ты пока молода и красива! Из тебя не сыпется песок, как из всех кандидатов! Нет вставной челюсти! Нету недержания! Так зачем же ты хочешь выставить всех кандидатов на посмешище???** 2) **Пока все внимание отвлечено на лошадь, никто не заметит, что некоторые наездники давно из седла валяются...**

Кроме того, не следует забывать о нетипичности выдвижения женской кандидатуры на пост президента Российской Федерации: **Владимир Владимирович, а это правда, что Ксения Собчак — подставной кандидат? — спросили у Путина журналисты. — Не кандидат, а кандидатка, — поправил журналистов президент.** Приведенные обстоятельства сделали политическую фигуру К. А. Собчак одним из главных объектов юмористической рефлексии в анекдотах.

Подводя итоги, отметим, что в юмористической политической коммуникации для интерпретации и оценки ситуации выборов президента наиболее активно используются метафорические модели «Выборы — это спортивное состязание» и «Выборы — это зрелище (спектакль/цирк/кино/шоу)» с существенным доминированием второй группы метафор. Тем самым участники юмористической политической коммуникации эвфемистически формулируют свое видение ситуации: в этой предвыборной кампании им отводится роль зрителей, пассивно наблюдающих за происходящим и никак не влияю-

щих на процесс. Таким образом, посредством подобных метафор подчеркивается стремление политиков создать у избирателей иллюзию выбора, а также предсказуемость результатов голосования.

Также следует отметить наличие устойчивой корреляции между «народным» образом политика, существующим в обыденном сознании, и используемыми для характеристики политика метафорами. В частности, представление о В. В. Путине как сильном политике-лидере, его доминирующее положение на фоне других кандидатов проявляется в активном использовании для его характеристики спортивных метафор, за счет которых действующий президент предстает как «спортсмен-победитель» (шахматный гроссмейстер или дзюдоист); также его образ дополнительно усиливается театральными метафорами («актер, играющий главную роль в политическом спектакле», «хозяин казино или цирка»).

В метафорической характеристике В. В. Жириновского и К. А. Собчак значительно доминируют театральные метафоры, оценивающие кандидатов на пост президента как непредсказуемых, несерьезных и не соответствующих заявленным политическим притязаниям. Остальные кандидатуры и вовсе воспринимаются участниками юмористической политической коммуникации как безликая массовка или кордебалет.

Таким образом, метафорическая интерпретация выборов в юмористической политической коммуникации не демонстрирует доверия и симпатии граждан к той или иной кандидатуре, ироническое отношение распространяется в равной степени на всех кандидатов, победа или поражение которых никак не зависит от выбора нации. Однако констатация предсказуемости исхода выборов, отсутствия реальной альтернативы действующему президенту страны создает интересную ситуацию в обыденной политической коммуникации: анекдоты отражают не настоящую заинтересованность ходом выборов, связанную с ожиданием результатов яркой политической борьбы кандидатов, но, вскрывая определенную предсказуемость и постановочность политической жизни в России, позволяют гражданам психологически возвыситься над ситуацией, находясь при этом в заведомо более низком социальном и экономическом положении, чем участники предвыборной кампании.

ИСТОЧНИКИ

1. Анекдоты из России : сайт. — URL: <https://www.anekdot.ru/>. — Текст : электронный.
2. Самые смешные анекдоты : сайт. — URL: <http://anekdotov.net/>. — Текст : электронный.

ЛИТЕРАТУРА

3. Болдырев, Н. Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. — 2014. — Вып. XVIII. — С. 42—48.
4. Воробьева, Д. Метафоры цирка / Д. Воробьева. — Текст : электронный // Диалог искусств. — 2014. — № 2. — URL: <http://di.mmoma.ru/news?mid=358&id=45> (дата обращения: 06.01.2018).
5. Голев, Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы / Н. Д. Голев. — Текст : непосредственный // Современная политическая лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2011. — С. 66—69.
6. Ким, Л. Г. Обыденные политические интернет-комментарии как реализация коммуникативных интенций адресатов речевых произведений. — Текст : непосредственный // Русская грамматика 4.0. : сборник тезисов Международного научного симпозиума. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2016. — С. 474—479.
7. Кишина, Е. В. Конфликт интерпретаций в сфере обыденной политической коммуникации / Е. В. Кишина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Международной научной конференции / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2015. — С. 119—123.
8. Кондратьева, О. Н. Особенности развертывания концептуальной метафоры в цикле политических анекдотов (на материале анекдотов о баллотировании Ксении Собчак на пост президента Российской Федерации) / О. Н. Кондратьева. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. — 2019. — № 60. — С. 28—44.
9. Нагуш, Н. В. Механизмы функционирования метафоры в анекдоте (на материале современного немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Нагуш Наталья Владимировна ; Иркутский государственный лингвистический университет. — Иркутск, 2007. — 169 с. — Текст : непосредственный.
10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Екатеринбург : Урал — Советы, 1994. — 800 с. — Текст : непосредственный.
11. Потураева, Е. А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «Дом» в русской языковой картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Потураева Евгения Александровна. — Томск, 2011. — 233 с. — Текст : непосредственный.
12. Платформа профессиональной журналистики Republic. — URL: <https://republic.ru/posts/74560> (дата обращения: 06.03.2021). — Текст : электронный.
13. Резанова, З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / З. И. Резанова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 1 (9). — С. 26—43.
14. Точиллов, К. Ю. Гламур как эстетический феномен: генезис и исторические модификации : специальность 09.00.04 «Эстетика» : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Точиллов Константин Юрьевич ; Московский государственный университет культуры и искусств. — Москва, 2011. — 24 с. — Место защиты : Московский государственный университет культуры и искусств. — Текст : непосредственный.
15. Фрэнгер, Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии / Д. Д. Фрэнгер. — 20-е изд. — Москва : Политиздат, 1986. — 703 с. — Текст : непосредственный.
16. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53—59.
17. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.
18. Шпиляная, Н. Н. Стратегии и тактики коммуникативного поведения языковой личности в обыденной политической коммуникации / Н. Н. Шпиляная. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5 (65). — С. 222—228.

O. N. Kondrat'eva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9469-3634

A. L. Kalashnikova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2969-3923

 E-mail: Kondr25@rambler.ru; Anna.kalashnikova.42@gmail.com.

Metaphorical Interpretation of the 2018 Presidential Election in the Russian Federation in Humorous Political Communication (on the material of anecdotes)

ABSTRACT. *The article deals with specific features of metaphorical interpretation of the 2018 presidential election in the Russian Federation in humorous political communication. It is revealed, that the conceptual domains «Sports», «Games», «Theatre», «Circus», «Cinema», «Show business» are the basic sources of the metaphorical characterization of the election and the politicians participating in it. The use of a concrete source-domain of metaphorical expansion in the anecdotes published in the Internet-space is directly connected with the image of the politician, existing in the consciousness of ordinary citizens. Thus, the characteristic of V. V. Putin is dominated by sports metaphors representing him as a «sportsman-winner», while the metaphorical characteristics of V.V. Zhirinovskiy and K.A. Sobchak abound in theatre-circus metaphors creating images of «political clowns».*

As a result, the whole multitude of metaphors, representing the 2018 presidential election, can be reduced to two macro-models: «Election is a sports competition» and «Election is a show (performance/circus/cinema/spectacle)». Thus the participants of the humorous political communication interpret an event in the political arena as follows: the politicians try to create in voters an illusion of choice; the results of vote are predictable; and the ordinary citizens in this election campaign are allocated the role of spectators who are passively observing the event and cannot influence the process in any way.

Thus, the metaphorical models used to interpret and assess the 2018 presidential election in the humorous political communication allow one to explicate the concepts about the mechanisms of organization of the political life in the country, formed in the consciousness of ordinary representatives of the Russian society.

KEYWORDS: *political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; political metaphors; political discourse; political rhetoric; linguistic personality; linguopersonology; political rhetoric; political speeches; linguistic means; political statements; Russian presidents; political communication; humorous political communication; anecdotes; presidential election.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kondrat'eva Ol'ga Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kalashnikova Anna Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Journalism and the Russian literature of the 20th century, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

FOR CITATION: *Kondrat'eva, O. N. Metaphorical Interpretation of the 2018 Presidential Election in the Russian Federation in Humorous Political Communication (on the material of anecdotes) / O. N. Kondrat'eva, A. L. Kalashnikova // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 89-97. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_08.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) Grant № 19-012-00202.*

MATERIALS

1. Anecdotes from Russia : site. [Anekdoty iz Rossii : sayt]. — URL: <https://www.anekdot.ru/>. — Text : electronic. — (In Rus.)
2. The funniest anecdotes : site. [Samye smeshnye anekdoty : sayt]. — URL: <http://anekdotov.net/>. — Text : electronic.

REFERENCES

3. Boldyrev, N. N. Metaphorical Interpretation of Human Relations with the Outside World / N. N. Boldyrev. — Text : unmediated // Cognitive Studies of Language. — 2014. — Iss. XVIII. — P. 42—48. [Metaforicheskaya interpretatsiya otnosheniy cheloveka s okruzhayushchim mirom / N. N. Boldyrev. — Tekst : neposredstvennyy // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. — 2014. — Vyp. XVIII. — S. 42—48]. — (In Rus.)
4. Vorobyova, D. Metaphors of the Circus / D. Vorobyova. — Text : electronic // Dialogue of Arts. — 2014. — No. 2. [Metafora tsirka / D. Vorob'eva. — Tekst : elektronnyy // Dialog iskusstv. — 2014. — № 2]. — URL: <http://di.mmoma.ru/news?mid=358&id=45> (date of access: 06.01.2018). — (In Rus.)
5. Golev, N. D. Ordinary Linguopolitology: Problems and Prospects / N. D. Golev. — Text : unmediated // Modern Political

Linguistics / Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg : [s. l.], 2011. — P. 66—69. [Obyedennaya lingvopolitologiya: problemy i perspektivy / N. D. Golev. — Tekst : neposredstvennyy // Sovremennaya politicheskaya lingvistika / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2011. — S. 66—69]. — (In Rus.)

6. Kim, L. G. Ordinary Political Internet Commentaries as the Implementation of the Communicative Intentions of the Addressees of Speech Works. — Text : unmediated // Russian Grammar 4.0. : collection of abstracts of the International Scientific Symposium. — Moscow : State Institute of the Russian Language named after A. S. Pushkin, 2016. — P. 474—479. [Obyedennyye politicheskie internet-kommentarii kak realizatsiya kommunikativnykh intentsiy adresatov rechevykh proizvedeniy. — Tekst : neposredstvennyy // Russkaya grammatika 4.0. : sbornik tezisev Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma. — Moskva : Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina, 2016. — S. 474—479]. — (In Rus.)

7. Kishina, E. V. Conflict of Interpretations in the Sphere of Everyday Political Communication / E. V. Kishina. — Text : unmediated // Political Linguistics: problems, methodology, as-

- pects of research and prospects for the development of a scientific direction: materials of the International Scientific Conference / Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg : [s. l.], 2015. — P. 119—123. [Konflikt interpretatsiy v sfere obydennoy politicheskoy kommunikatsii / E. V. Kishina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2015. — S. 119—123]. — (In Rus.)
8. Kondrat'eva, O. N. Features of the Deployment of a Conceptual Metaphor in a Cycle of Political Anecdotes (based on anecdotes about Ksenia Sobchak's running for the presidency of the Russian Federation) / O. N. Kondrat'eva. — Text : unmediated // Bulletin of the Tomsk State University. Series: Philology. — 2019. — No. 60. — P. 28—44. [Osobennosti razvertyvaniya kontseptual'noy metafory v tsikle politicheskikh anekdotov (na materiale anekdotov o ballotirovani Ksenii Sobchak na post prezidenta Rossiyskoy Federatsii) / O. N. Kondrat'eva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. — 2019. — № 60. — S. 28—44]. — (In Rus.)
9. Nagush, N. V. Mechanisms of Functioning of a Metaphor in an Anecdote (based on the material of the modern German language) : specialty 10.02.04 "Germanic Languages": thesis ... of Cand. of Philol. sciences / Nagush Natalya Vladimirovna ; Irkutsk State Linguistic University. — Irkutsk, 2007. — 169 p. — Text : unmediated. [Mekhanizmy funktsionirovaniya metafory v anekdote (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) : spetsial'nost' 10.02.04 «Germanskii yazyki»: dis. ... kand. filol. nauk / Nagush Natal'ya Vladimirovna ; Irkutskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet. — Irkutsk, 2007. — 169 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Ozhegov, S. I. Dictionary of the Russian Language / S. I. Ozhegov. — Yekaterinburg : Ural — Soviets, 1994. — 800 p. — Text : unmediated. [Slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov. — Ekaterinburg : Ural — Sovety, 1994. — 800 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Poturaeva, E. A. Metaphorical Interpretation of the Conceptual Sphere "Home" in the Russian Linguistic Picture of the World: specialty 10.02.01 "Russian Language": thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Poturaeva Evgenia Aleksandrovna. — Tomsk, 2011. — 233 p. — Text : unmediated. [Metaforicheskaya interpretatsiya kontseptual'noy sfery «Dom» v russkoy yazykovoy kartine mira : spetsial'nost' 10.02.01 «Russkiy yazyk»: dis. ... kand. filol. nauk / Poturaeva Evgeniya Aleksandrovna. — Tomsk, 2011. — 233 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Republic Professional Journalism Platform. [Platforma professional'noy zhurnalistiki Republic]. — URL: <https://republic.ru/posts/74560> (date of access: 06.03.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)
13. Rezanova, Z. I. Metaphorical Fragment of the Russian Language Picture of the World: ideas, methods, solutions / Z. I. Rezanova. — Text : unmediated // Bulletin of the Tomsk State University. — 2010. — No. 1 (9). — P. 26—43. [Metaforicheskii fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: idei, metody, resheniya / Z. I. Rezanova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 1 (9). — S. 26—43]. — (In Rus.)
14. Tochilov, K. Yu. Glamour as an Aesthetic Phenomenon: Genesis and Historical Modifications : specialty 09.00.04 "Aesthetics": synopsis of thesis ... of Cand. of Philosophy Sciences / Tochilov Konstantin Yurievich ; Moscow State University of Culture and Arts. — Moscow, 2011. — 24 p. — Place of defense : Moscow State University of Culture and Arts. — Text : unmediated. [Glamur kak esteticheskiy fenomen: genesis i istoricheskie modifikatsii : spetsial'nost' 09.00.04 «Estetika»: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk / Tochilov Konstantin Yur'evich ; Moskovskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv. — Moskva, 2011. — 24 s. — Mesto zashchity : Moskovskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Frezer, D. D. Golden Branch: a Study of Magic and Religion / D. D. Frazer. — 20th ed. — Moscow : Politizdat, 1986. — 703 p. — Text : unmediated. [Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii / D. D. Frezer. — 20-e izd. — Moskva : Politizdat, 1986. — 703 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
16. Chudinov, A. P. Discursive Characteristics of Political Communication / A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2012. — No. 2 (40). — P. 53—59. [Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii / A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2012. — № 2 (40). — S. 53—59]. — (In Rus.)
17. Chudinov, A. P. Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000) : monograph. / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg : [s. l.], 2001. — 238 p. — Text : unmediated. [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2001. — 238 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Shpil'naya, N. N. Strategies and Tactics of Communicative Behavior of a Linguistic Personality in Everyday Political Communication / N. N. Shpil'naya. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2017. — No. 5 (65). — P. 222—228. [Strategii i taktiki kommunikativnogo povedeniya yazykovoy lichnosti v obydennoy politicheskoy kommunikatsii / N. N. Shpil'naya. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2017. — № 5 (65). — S. 222—228]. — (In Rus.)

М. Ли

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

ORCID ID: 0000-0003-0241-8075

О. А. Солопова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4170-7267

 E-mail: 529394950@qq.com; o-solopova@bk.ru.

Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена изучению особенностей функционирования метафоры в современном китайском политическом дискурсе. Целью работы является анализ доминантных метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай», используемых в китайских авторитетных печатных средствах массовой информации. Источником материала выступили газеты «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао». При проведении анализа были использованы метод сплошной выборки, метод ручной выборки, метод метафорического моделирования, когнитивно-дискурсивный анализ, приемы количественной обработки материала. Исследовательская картотека включает 231 метафору, реализующие 15 метафорических моделей. Результаты исследования показали, что наиболее частотными моделями являются метафоры войны, пути, спорта и игры, неживой природы, высокая степень востребованности которых обусловлена тем, что данные источниковые сферы представляют собой хорошо структурированные схемы, известные и понятные каждому человеку и входящие в универсальную когнитивную базу, что повышает эффективность применения метафор в политическом дискурсе. Метафоры участвуют в выполнении важных функций: фокусируют внимание на существующей проблеме, воздействуют на поведение человека, мотивируют адресата к нужным действиям, оказывают эмоциональное воздействие на адресата, вызывают чувства единения и сплоченности народа и ответственности человека перед обществом, способствуют укреплению доверия народа к партии и ее руководителю, преобразуют существующую в сознании человека политическую картину мира, формируют и корректируют его мировоззрение и систему ценностей. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее развитие теорий политического дискурса и метафорического моделирования, а также могут быть использованы в разработке курсов по политической лингвистике, семантике, лингвокультурологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; политические метафоры; политический дискурс; спортивные метафоры; игровые метафоры; языковые средства; китайский язык; образ Китая; журналистика; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; медиадискурс; медиатексты; язык СМИ; китайские СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Мэйци, аспирант первого курса кафедры «Лингвистика и перевод», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 161005, Китай, г. Цицикар, пр-т Цайхун, 585, к. 302; e-mail: 529394950@qq.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингвистика и перевод», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 223; e-mail: o-solopova@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ли, М. Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе / М. Ли, О. А. Солопова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 98-105. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_09.

ВВЕДЕНИЕ

Политика реформ и открытости Китая привела к колоссальным изменениям во всех сферах жизни общества: Китай стал быстро развиваться и добиваться политических и экономических успехов. Его влияние на международной арене растет, увеличивается геополитическое значение государства и его роль в мировой экономике. Сейчас Китай занимает одну из лидирующих позиций в мире. Именно поэтому актуальным и перспективным представляется исследование образа Китая в политическом

дискурсе не только его партнеров и оппонентов, но и самого государства.

В современных условиях СМИ представляют собой полноправный институт политической системы: функционирование политического дискурса напрямую связано с медиадискурсом, который способен задавать общественно-политические настроения, доминирующие интерпретации событий, управлять восприятием образа государства, трансформируя его в нужном ключе в зависимости от идеологических и целевых установок авторов текстов, гражданства и национальной

принадлежности аудитории дискурса и других факторов.

Одним из эффективных способов создания образа государства является политическая метафора, которая позволяет манипулировать адресатом, мотивировать его к нужным действиям и оценкам, корректировать его поведение, мировоззрение и систему ценностей.

В статье речь пойдет о доминантных метафорах, моделирующих образ Китая в современном китайском политическом дискурсе.

ИСТОЧНИКИ, МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования использованы газеты «Жэньминь жибао» (人民日报) и «Гуанмин жибао» (光明日报). «Жэньминь жибао» — общегосударственная ежедневная газета, основана в 1948 г. Ежедневный тираж составляет 3,2 миллиона экземпляров. «Жэньминь жибао» является самым влиятельным изданием в Китае, с 1997 г. имеет онлайн-версию, более 70 корреспондентских пунктов в мире, доступна на языках народов Китая и основных иностранных языках: русском, английском, французском, испанском, японском, арабском и других. «Гуанмин жибао» также является общенациональной ежедневной газетой с тиражом более миллиона экземпляров, основана

в 1949 г. Обе газеты представляют собой официальные печатные издания Центрального комитета Коммунистической партии Китая и имеют огромное влияние как внутри страны, так и за границей.

Для формирования исследовательского массива материала из газет методом сплошной выборки извлечены тексты по ключевому слову «中国» (Китай). Предпочтение отдавалось статьям, размещенным на первой полосе, где помимо анонса материалов номера публикуются наиболее важные новости.

При ручной обработке текстов, выявлении и классификации метафор использован метод метафорического моделирования [Чудинов 2003]. Результатом систематизации исследовательского материала по сферам-источникам и применения приемов количественного подсчета стала выборка из 231 единицы, которые реализуют 15 метафорических моделей (рис. 1).

Привлечение когнитивно-дискурсивного анализа позволило соотнести смыслы, транскрируемые метафорами со сферой-мишенью «Китай», функции, которые они выполняют в китайском политическом дискурсе, и экстралингвистические факторы, обусловившие их активное функционирование.

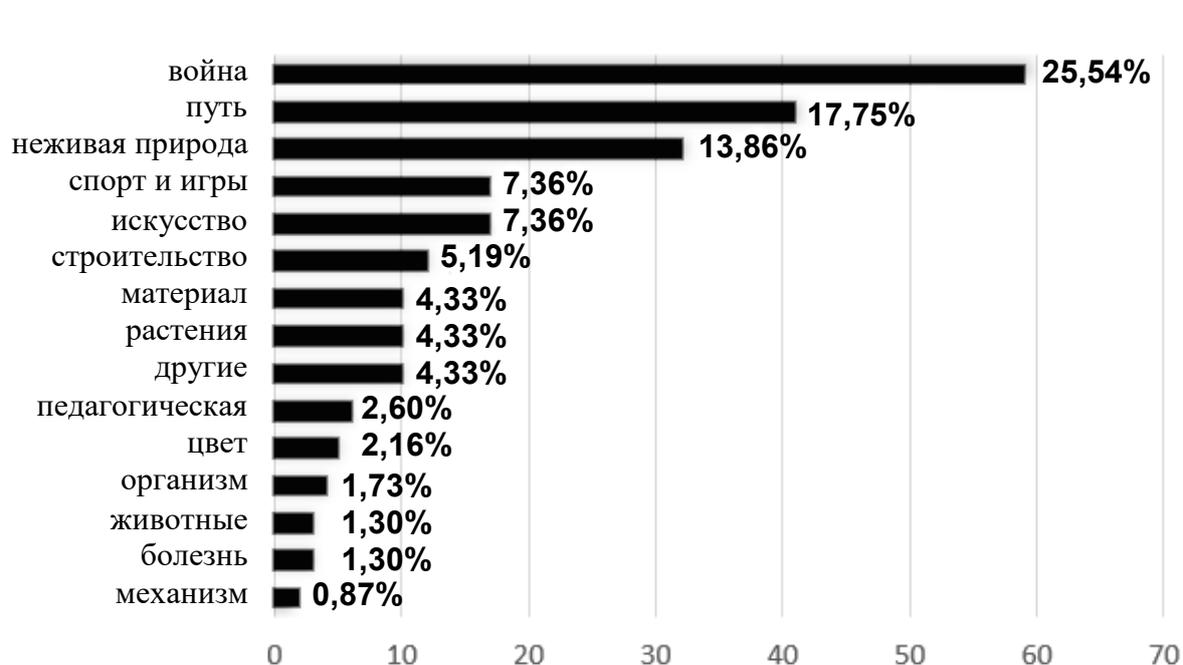

Рис. 1. Частотность метафор со сферой-мишенью «Китай»

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наиболее частотной моделью является метафора войны (25,54 %). Особенности функционирования военной метафоры исследуются учеными на материале различных эпох и дискурсов [Баранов, Караулов 1991; Солопова, Салтыкова 2018; Чудинов 2003; Cheng 2005; Lakoff, Johnson 1980; Ritchie 2003; Xie, Jia 2011; Yuan 2004]. В фокусе исследовательского внимания находятся проблемы универсальности и неизменной востребованности военной метафоры в различных типах дискурса, ее потенциал в формулировании острых социальных и политических вопросов, зависимость от экстралингвистического контекста, структура модели, функции метафор войны. Высокая степень востребованности военных метафор обусловлена тем, что, во-первых, источниковая сфера представляет собой хорошо структурированную схему, известную и понятную каждому человеку и входящую в универсальную когнитивную базу; во-вторых, военные метафоры четко диагностируют проблему, требующую неотложного решения; в-третьих, их отрицательная коннотативная нагрузка позволяет не только сфокусировать внимание на существующей проблеме, но и мотивировать к совершению тех действий, которые желательны для продуцента текста.

Наиболее частотны в китайском политическом дискурсе следующие метафорические единицы со сферой-источником «война»: 战役 (бой), 决战 (решающий бой), 斗争 (борьба), 战线 (фронт), 一线 (передовая линия), 敌人 (враг), 武装 (вооружение), 战胜 (победить), 战略 (стратегия), 执甲 (носить латы), 出征 (выступить в поход) и другие.

В современном китайском политическом дискурсе метафоры войны актуализированы в контексте профилактики и контроля над эпидемией COVID-19: 坚决打好新冠肺炎疫情防控全球阻击战 (Решительно вести глобальный оборонительный бой по профилактике и контролю эпидемии коронавируса).

В рамках военной метафоры эпидемия моделируется как война, коронавирус — враг, медицинские работники — солдаты, глава государства — предводитель войска, народы всего мира — соратники в этой борьбе: 面对这场百年不遇的重大疫情, 习近平总书记深谋远虑、亲临一线、全程督战 (Перед лицом этой нескончаемой пандемии Генеральный секретарь Си Цзиньпин смотрит далеко вперед, лично находится на передовой линии, контролирует всю войну).

Метафора войны активно используется в публикациях о пандемии, позволяет привлечь внимание к проблеме, способствует вовлечению общественности в борьбу с эпидемией коронавируса, мобилизует массы на борьбу с чрезвычайной ситуацией и уничтожение врага (болезни).

Второй по частотности метафорической моделью, в рамках которой репрезентирован современный Китай, является метафора пути (17,75 %). В политическом дискурсе метафоры пути используются не только для того, чтобы отразить внутренний мир отдельного человека и его бытие в мире, но и для репрезентации прошлого, настоящего и будущего государства, его движения по направлению к конечной цели [Цонева 2011; Jurga 2012; Dávid, Furkó 2015; Jiang, Ding 2014; Wang, Chen 2016; Zhou 2011]. Высокая степень востребованности метафор пути обусловлена тем, что источниковая сфера представляет собой известную и понятную каждому человеку идею движения и связанные с ней образы направления, препятствий и конечной цели.

При моделировании образа современного Китая наиболее востребованы следующие метафорические единицы: 征途 (поход), 征程 (поход), 路口 (перекресток), 道路 (дорога), 必由之路 (неминуемый путь), 关键一程 (ключевой путь), 起点 (начальное положение), 历程 (ход), 里程碑 (вехи), 伟大复兴的前进道路 (вперед по пути великого возрождения) и другие.

В рамках метафоры пути сферой-мишенью становятся развитие страны и национальное возрождение:

有习近平同志作为党中央的核心、全党的核心领航掌舵, 有习近平新时代中国特色社会主义思想科学指引, 有全党全国各族人民团结一心、顽强奋斗, 我们就一定能够战胜前进道路上出现的各种艰难险阻 (Мы смогли бы преодолеть все трудности и препятствия на дороге продвижения вперед с помощью ЦК КПК, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин, с помощью научного руководства Си Цзиньпина и его идеи о социализме новой эпохи с китайской спецификой, с помощью сплочения и упорной борьбы всего китайского народа).

Именно страна является тем путешественником, который под руководством своего проводника преодолевает все препятствия и трудности на пути развития и превращения в современное социалистическое государство. Страна находится на перекрестке, который характеризуется как «ключевой», «исторический»: 历史的关键路口, 习近平主席统筹国

内国际两个大局，深邃思考着在世界的动荡变革中，中国实现第一个百年奋斗目标的方向和路径 (На историческом ключевом перекрестке председатель Си Цзиньпин планирует направления внутренней и внешней политики, глубоко задумывается о направлениях и путях достижение первой 100-летней цели борьбы Китая в условиях бурных перемен в мире).

Метафора перекрестка — пространственный образ судьбоносных изменений, важных, переломных моментов, необходимости выбрать одно из возможных направлений, которое в итоге должно привести к конечному пункту назначения и реализации цели. Ответственность за выбор верного пути возложена на главу государства — главного проводника в светлое будущее, что способствует укреплению доверия народа к партии и ее лидеру.

Активизация спортивных и игровых метафор в современном китайском политическом дискурсе (7,36 %) обусловлена их относительной близостью к милитарным метафорам за счет наличия двух противоположающихся сторон и стремления одержать победу. Но, в отличие от метафор войны, использование единиц сфер-источников «Спорт» и «Игра» при репрезентации политической действительности делает сообщение менее резким и агрессивным, поскольку победа в спортивных и игровых состязаниях не подразумевает неминуемой гибели противника и его полной капитуляции. Кроме того, исследователи подчеркивают, что метафоры спорта и игры акцентируют идеи борьбы по правилам, сотрудничества в целях победы, командного результата, которые должны быть присущи и политической сфере [Palmatier, Ray 1989; Бекина 2012; Филиппова 2011; Jansen, Sabo 1994; Zhang, Zhang 2008].

При метафорической характеристике современного Китая наиболее востребованы следующие метафорические единицы спортивной и игровой сфер-источников: 收官 (финальная часть в игре го), 开局 (начало соревнований в игровых видах спорта, шахматах), 棋局 (партия), 先手棋 (нападающий ход), 序盘 (начинать партию), 终点线 (линия финиша), 瞄准靶心 (целиться в центр мишени), 冲刺 (спурт, рывок) и другие.

Показательно, что в политическом дискурсе при репрезентации Китая в настоящем наиболее востребованы метафорические единицы с явно выраженной лингвокультурной составляющей: 全面建成小康社会收官之际, 一盘更大的棋局正在序盘。 (Оконча-

тельное построение среднезажиточного общества находится на финальном этапе (термин в игре в го), другая, более крупная партия, уже начинается). 关键处落子——以区域协调实现高质量发展 (Мы находимся в ключевой точке (ход в игре го), обеспечиваем высококачественное развитие на основе региональной координации).

Игру го (收官 — термин в игре го, 落子 — ход (при игре в го)) можно рассматривать как один из ключевых факторов, определяющих философию и мировоззрение человека Востока. Сегодня это игра президентов, которая учит искусству стратегического окружения и превосходства. Концепция го определяет стратегии и тактики в политике и бизнесе, где игра воспринимается как универсальный язык, на котором разговаривают те, кто принимает сложные и ответственные решения. Вероятнее всего, именно это обуславливает востребованность метафор рассматриваемой сферы-источника в политическом дискурсе Китая.

Го — игра затяжной «кампании», китайской модели модернизации, одной из основных целей которой является повышение уровня благосостояния народа до среднего достатка, т. е. построение среднезажиточного общества к 100-летней годовщине основания КПК (к 2021 году). В этой игре важен каждый ход — каждый пункт в политической программе развития государства и действие, направленное на его реализацию. В ней важен каждый игрок: команда состоит не только из политической элиты; важным игроком является китайский народ, что вызывает чувства единения и сплоченности.

К доминантным моделям, зафиксированным в современном китайском политическом дискурсе, относится также метафора неживой природы (13,86 %). Особенности функционирования метафоры неживой природы в последние годы исследуются учеными на материале разных дискурсов [Будаев, Кильдюшевская 2018; Меньшикова 2014; Besomi 2014; Lu, Li, Xu 2019; Ma, Wang 2014; Vraciu 2012]. В политическом дискурсе метафора неживой природы пользуется популярностью, так как описание политических процессов и событий в рамках этой модели обычно подчеркивает стихийность, неуправляемость, непредсказуемость политического мира в настоящем и возможные глобальные катастрофы будущего.

В метафорическом представлении образа Китая наиболее частотны следующие единицы модели: 阴云密布 (небо закрыто темными тучами), 雨过天晴 (небо прояснилось после дождя), 风雨来袭 (вторжение

ветра и дождя), 风高浪急 (ветер силен, а волны стремительны), 逆风 (встречный ветер), 回头浪 (встречная волна), 万水千山 (тьма рек и тысячи гор), 泰山压顶 (гора Тайшань давит на макушку головы), 迷雾 (густой туман), 风雨兼程 (в дождь и в бурю) и другие.

Как и в случае с метафорой войны, единицы рассматриваемой сферы-источника востребованы в выступлениях политических лидеров и в публикациях журналистов, затрагивающих проблему пандемии: 世界云密布, 中国雨过天晴. — 率先控制住疫情! 率先复工复产! (В мире небо затянуто тёмными тучами, в Китае небо прояснилось после дождя. Первыми взяли эпидемию под контроль! Первыми восстановили работу и производство!). 在风雨兼程中, 我们告别2020年, 迎来2021年 (Идем под дождем и ветром, прощаемся с 2020 годом и встречаем 2021 год). В данных контекстах показано, что Китай противостоит той катастрофе, которую вызвала пандемия коронавирусной инфекции, как погодным явлениям — ветру и дождю. Причем акцентируется факт того, что в Китае трудности, вызванные аномальным явлением, уже остались позади и жизнь вернулась в нормальное русло.

Метафоры неживой природы часто пересекаются с единицами сферы-источника «Путь» (фрейм «Препятствия»): 习近平主席感慨: “我们通过奋斗, 披荆斩棘, 走过了万水千山 (Председатель Си Цзиньпин заявил: „Мы продирались сквозь заросли терновника и срубали колючие кусты, проходили через тьму рек и тысячи гор“). 习近平总书记一次次重要讲话**拨云见日**、坚定信心: “不要被问题和困难吓倒”“危和机总是共生并存的, 克服了危即是机”! (Его (Си Цзиньпина) важные заявления **развеели тучу, показалось солнце, они укрепили уверенность**: „Нас не запугать проблемами и трудностями, опасности и возможности всегда сосуществуют, ведь преодоление опасности — это возможность!“). Одни метафоры неживой природы вербализуют трудности, которые мешают продвижению государства вперед, по пути модернизации и прогресса, другие вселяют оптимистичный настрой и «дарят» надежду на светлое будущее, транслируя смыслы того, что все препятствия преодолены, решения проблем найдены или будут найдены в ближайшее время.

К числу доминантных образов в рамках метафоры неживой природы относится специфичная для китайского политического

дискурса гидронимная метафора (6,93%), которую некоторые ученые классифицируют как метафору «жидкого тела». Особенности функционирования метафор рассматриваемой сферы-источника преимущественно исследуются лингвистами на материале политического и публицистического дискурсов [Веснина 2010; Linkeviciute 2018; Liu 2012].

Причиной активизации гидронимных метафор в политическом дискурсе являются уникальные черты, присущие сфере-источнику — возможность принимать разные состояния (жидкое, газообразное и твердое), изменчивость, текучесть, сила, мощь: 交汇点 (место слияния), 涌现 (хлынуть), 凝聚 (конденсировать), 激荡 (волновать), 波澜壮阔 (большие и широкие волны и валы), 涓滴之力 (мелкие капли сил), 汇聚 (стекают), 注入 (вливать) и другие.

В ситуации борьбы с пандемией гидронимные метафоры продуцируют смыслы безграничного потенциала, заложенного в китайском народе, способном справиться с любой бедой: 面对突如其来的新冠肺炎疫情, 无数人将涓滴之力汇聚成磅礴伟力, 取得了抗疫斗争重大战略成果 (Перед лицом внезапной пандемии коронавируса **мелкие капли сил бесчисленного множества людей собираются (стекаются) в могучую великую силу и добиваются крупных стратегических результатов в борьбе с эпидемией**). Силы всего народа объединяются, как капли воды, превращаясь в могучие реки, моря и океаны, в неисчерпаемый и мощный источник энергии, который позволяет противостоять болезни и сохранить жизнь на планете.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги. Образ собственного государства является частотной сферой-мишенью метафоризации в китайском политическом дискурсе. Он моделируется с использованием разнообразных сфер-источников: система метафор современного китайского политического дискурса представлена пятнадцатью метафорическими моделями. К доминантным метафорическим моделям отнесены милитарные метафоры, метафоры пути, спорта и игры, неживой природы, высокая степень востребованности которых обусловлена тем, что источники сферы представляют собой хорошо структурированные схемы, известные и понятные каждому человеку, что повышает эффективность применения метафор в политическом дискурсе.

В китайском политическом дискурсе данные метафоры выполняют следующие функции: фокусирование внимания на суще-

ствующей проблеме, воздействие на поведение человека, мотивирование адресата к нужным действиям, оказание эмоционального воздействия, преобразование существующей в сознании человека политической картины мира, формирование и/или корректировка его мировоззрения и системы ценностей.

Абсолютное большинство метафор, репрезентирующих образ Китая, нагружено положительным оценочным потенциалом и репрезентирует Китай как огромную, мощную, сплоченную нацию, которая движется по прогрессивному пути развития, способна противостоять внешним угрозам и справляться с любыми трудностями. На наш взгляд, это напрямую соотносится с той актуальной задачей, которая стоит перед современным государством, его правительством и проправительственными СМИ — создать положительный образ государства, что может способствовать не только решению внутривнутриполитических проблем, но и расширению внешнеполитического и геостратегического влияния Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Ин-т русского языка РАН, 1991. — 193 с. — Текст : непосредственный.
2. Бекина, А. М. Использование спортивной метафоры в публицистическом тексте (на материале изданий «Русский репортер» и «Русский newsworld» 2007—2010 гг.) / А. М. Бекина. — Текст : непосредственный // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2012. — № 13 (93). — С. 267—274.
3. Будаев, Э. В. Метафоры природы в англоязычном дискурсе моды / Э. В. Будаев, А. А. Кильдюшевская. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Лингвистика креатива. — 2018. — № 2. — С. 73—78.
4. Веснина, Л. Е. Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ / Л. Е. Веснина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2010. — № 1 (31). — С. 84—89.
5. Меньшикова, Е. Е. Метафоры природных явлений в рекламном туристическом нарративе / Е. Е. Меньшикова. — Текст : непосредственный // Лингвокультурология. — 2014. — № 8. — С. 126—131.
6. Солопова, О. А. Битва прошлого, битва за прошлое: «Курская Дуга» в военно-публицистическом дискурсе союзников / О. А. Солопова, М. С. Салтыкова. — Текст : непосредственный // Взаимодействие языков и культур : мат-лы Междунар. науч. конф 28—30 мая 2018 г. — 2018. — Том 1. — С. 135—139.
7. Филиппова, Н. Б. Спортивная метафора как сублимация военной метафоры (на материале политической коммуникации) / Н. Б. Филиппова. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2011. — № 130. — С. 80—87.
8. Цонева, Л. М. Метафоры пути в болгарском политическом дискурсе / Л. М. Цонева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 4 (38). — С. 162—168.
9. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.
10. Besomi, D. Tempests of the business world: weather metaphors for crises in the nineteenth century / D. Besomi. — Text : unmediated // Economics and Other Branches — In the Shade of the Oak Tree. Essays in Honour of Pascal Bridel / ed. by Baranzini R. and Allisson F. — London : Pickering & Chatto. — 2014. — P. 291—308.
11. Dávid, G. The journey metaphor in mediatized political discourse / G. Dávid, B. P. Furkó. — Text : unmediated // Acta Universitatis Sapientiae Philologica. — 2015. — № 7 (2). — P. 7—20.
12. Jansen, S. C. The sport/war metaphor: hegemonic masculinity, the Persian Gulf War, and the New World Order / S. C. Jansen, D. F. Sabo. — Text : unmediated // Sociology of Sport Journal. — 1994. — № 11 (1). — P. 1—17.
13. Linkeviciute, V. Conceptual metaphors in donald Trump's political discourse: politics domain (2018) / V. Linkeviciute. — Text : unmediated // Studies About Languages. — 2019. — № 34. — P. 46—55.
14. Jurga, C. The development of the journey metaphor in political discourse: time-specific changes. / C. Jurga. — Text : unmediated // Metaphor & the Social World. — 2012. — № 2 (2). — P. 131—153.
15. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 242 p. — Text : unmediated.
16. Palmatier, R. A. Sports talk: a dictionary of sports metaphors / R. A. Palmatier, H. L. Ray. — New York : Greenwood Press, 1989. — 245 p. — Text : unmediated.
17. Ritchie, D. “Argument is war” — or is it a game of chess? Multiple meanings in the analysis of implicit metaphors / D. Ritchie. — Text : unmediated // Metaphor & Symbol. — 2003. — № 18 (2). — P. 125—146.
18. Vraciu, M. Russia(n) in context: aspects of metaphor in the Russian political discourse / M. Vraciu. — Text : unmediated // International Journal of Communication Research. — 2012. — № 2. — P. 310—324.
19. Cheng Hao. Han ying tiyu yuyan zhong yinyu ren zhi de duibi yanjiu/ Chéng Hào // Waiyuyanjiu — 2005. — № 6. — P. 29—34. = 程浩. 汉英体育语言中隐喻认知的对比研究 / 程浩 // 外语研究 — 2005. — № 6. — P. 29—34.
20. Jiang Jie. Xijiping zhengzhi jianghua zhong de lutu yinyu yanjiu/ Jiang Jie, Ding Yanlei // Nan feng — 2014. — № 24. — P. 21—21. = 姜洁. 习近平政治讲话中的旅途隐喻研究 / 姜洁, 丁艳蕾 // 南风 — 2014. — № 24. — P. 21—21.
21. Liu Yan. Ying yu yin yu di ren zhi yan jiu : tan xi zi ran zai hai xin wen yu pian zhong di gai nian zhi yu : Dis. ... M. A. / Liu Yan ; Qing dao da xue — 2012. — 99 p. = 刘艳. 英语隐喻的认知研究: 探析自然灾害新闻语篇中的概念隐喻 : Dis. ... M.A. / 刘艳 ; 青岛大学 — 2012. — 99 p.
22. Lu Weizhong. Zhong guo zheng zhi hua yu yin yu ji fan yi yan jiu — yi shi jiu da bao gao wei li / Lu Weizhong, Li Yi, Xu Yun Qiu, Guan Lin // Fan yi lun tan. — 2019. — № 000 (001). — P. 12—18. = 卢卫中. 中国政治话语隐喻及其翻译研究——以十九大报告为例 / 卢卫中, 李一, 徐云秋, 管琳 // 翻译论坛 — 2019. — № 000 (001). — P. 12—18.
23. Ma Bosen. Ji yu han yu xin wen yu liao ku di ji jie yin yu yan jiu / Ma Bosen, Wang Rongbin // An hui da xue xue bao (zhe xue she hui ke xue ban). — 2014. — № 38 (3). — P. 68—74. = 马博森 (Ma Bosen). 基于汉语新闻语料库的季节隐喻研究 / 马博森, 王荣斌 // 安徽大学学报(哲学社会科学版) — 2014. — № 38 (3). — P. 68—74.
24. Wang Weijie. Lun zhong guo te se di “Dao lu yin yu ” yu “Qi zhi yin yu ” / Wang Weijie, Chen Yong // qi qi ha er da xue xue bao (zhe xue she hui ke xue ban). — 2016. — № 7. — P. 1—3. = 王伟杰. 论中国特色的“道路隐喻”与“旗帜隐喻” / 王伟杰, 陈勇 // 齐齐哈尔大学学报 (哲学社会科学版) — 2016. — № 7. — P. 1—3.
25. Xie Jing. Zhong yi bing yin bing ji yu yan zhong di zhan zheng yin yu / Xie Jing, Jia Chunhua // Zhong yi yao xue bao. — 2011. — № 39 (006). — P. 1—4. = 谢菁. 中医病因病机语言中的战争隐喻 / 谢菁, 贾春华 // 中医学报 — 2011. — № 39 (006). — P. 1—4.
26. Yuan Ying. Lun zhan zheng yin yu di pu bian xing ji wen

hua yuan yuan / Yuan Ying // Wai yu yan jiu. — 2004. — № 4. — P. 36–39. = 袁影. 论战争隐喻的普遍性及文化渊源 / 袁影 // 外语研究 — 2004. — № 4. — P. 36–39.

27. Zhang Xiaomin. Lun shang wu mei yu zhong di ti yu yin yu / Zhang Xiaomin, Zhang Mingjie // Nanchang gao zhuan xue bao. — 2008. — № 23 (5). — P. 44–46. = 张小敏. 论商务美语中的体育隐喻 / 张小敏, 张明杰 // 南昌高专学报. —

2008. — № 23 (5). — P. 44–46.

28. Zhou Jingmin. Zhong mei zhengzhi yanjiang zhong lütu yinyu de duibi ren zhi / Zhou Jingmin // Jilin sheng jiao yu xue yuan xue bao (xue ke ban). — 2011. — № 6. — P. 79–80. = 周静敏. 中美政治演讲中旅途隐喻的对比认知 / 周静敏 // 吉林省教育学院学报(学科版). — 2011. — № 6. — P. 79–80.

Li M.

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0003-0241-8075

O. A. Solopova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4170-7267

 E-mail: 529394950@qq.com; o-solopova@bk.ru.

Metaphorical Modeling of the Image of China in Modern Political Discourse

ABSTRACT. *The paper explores the characteristics and functions of metaphors in Chinese political discourse. The aim is to analyze the dominant metaphorical models with the target domain “China” used in the Chinese authoritative print media. The papers «People’s Daily» and «Guangming Daily» serve as sources of material for analysis. The study uses the continuous sampling method, the manual selection method, the metaphorical modeling method, the cognitive-discursive analysis and the quantitative processing method. The research material includes 231 metaphors, which correspond to 15 metaphorical models. The results show that the most frequent models are war, journey, sports and games, and inanimate nature metaphors. Their frequency is due to the fact that the source domains are well-structured, known and understood by everyone and are included in the universal cognitive base, which increases the effective use of metaphors in political discourse. These metaphors perform the following important functions: they focus attention on the existing problems, influence people’s behavior, motivate them, have an emotional impact on the audience, evoke feelings of unity, solidarity, and responsibility, promote trust in the party and its leader, transform the political worldview and the value system. The results of the study contribute to the further development of the theories of political discourse and metaphorical modeling, and can be used in the courses of political linguistics, semantics, and linguoculturology.*

KEYWORDS: *political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; political metaphors; political discourse; sport metaphors; game metaphors; linguistic means; Chinese language; image of China; journalism; media linguistics; mass media; media discourse; media texts; mass media language; Chinese mass media.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Li Meiqi, Post-Graduate Student of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Solopova Olga Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Li, M. Metaphorical Modeling of the Image of China in Modern Political Discourse / Li M., O. A. Solopova // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 98-105. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_09.*

REFERENCES

1. Baranov, A. N. Russian Political Metaphor (materials to the dictionary) / A. N. Baranov, Ju. N. Karaulov. — Moscow : The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 1991. — 193 p. [Russkaja politicheskaja metafora (materialy k slovarju) / A. N. Baranov, Ju. N. Karaulov // M. : In-t russkogo jazyka RAN, 1991. — 193 s.]. — (In Rus.)
2. Bekina, A. M. Sports Metaphor in Publicistic Text (on the material of “Russian Reporter” and “Russian Newsweek” magazines 2007–2010) / A. M. Bekina // Russian State University for the Humanities (RSUH). Series: Literary theory. Linguistics. Cultural studies. — 2012. — № 13 (93). — P. 267–274. [Ispol'zovanie sportivnoj metafory v publicisticheskom tekste (na materiale izdanij «Russkij reporter» i «Russkij newsweek» 2007–2010 gg.) / A. M. Bekina // Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. — 2012. — № 13 (93). — S. 267–274]. — (In Rus.)
3. Budaev, Je. V. Metaphors of Nature in the English Language Fashion Discourse / Je. V. Budaev, A. A. Kil'djushevskaja // Ural Philological Herald. Series: Language. System. Personality: The Linguistics of Creativity. — 2018. — № 2. — P. 73–78. [Metafory prirody v anglojazychnom diskurse mody / Je. V. Budaev, A. A. Kil'djushevskaja // Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa – 2018. – № 2. — S. 73–78]. — (In Rus.)

4. Vesnina, L. E. Metaphorical Modeling of Migration in Russian Print Media / L. E. Vesnina // Political Linguistics. — 2010. — № 1 (31). — P. 84–89. [Metaforicheskoe modelirovanie migracii v rossijskikh pechatnyh SMI / L. E. Vesnina // Politicheskaja lingvistika. — 2010. — № 1 (31). — S. 84–89]. — (In Rus.)
5. Men'shikova, E. E. Metaphors of Natural Phenomena in the Tourist Narrative of Advertising / E. E. Men'shikova // Cultural Linguistics. — 2014. — № 8. — P. 126–131. [Metafory prirodnyh javlenij v reklamnom turisticheskom narrative / E. E. Men'shikova // Lingvokul'turologija. — 2014. — № 8. — S. 126–131]. — (In Rus.)
6. Solopova, O. A. Battle of the Past, Battle for the Past: “Kursk Salient” in Military-media Discourse of the Allies / O. A. Solopova, M. S. Saltykova // Interaction of Languages and Cultures : Materials of the international scientific conference 28–30 May 2018. — 2018. — Volume 1. — P. 135–139. [Bitva proshlogo, bitva za proshloe: «Kurskaja Duga» v voenno-publicisticheskom diskurse sojuznikov / O. A. Solopova, M. S. Saltykova // Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur: mat-ly mezhdunar. nauch. konf 28–30 maja 2018 g. — 2018. — Tom 1. — C. 135–139]. — (In Rus.)
7. Filippova, N. B. A sport Metaphor as Sublimation of a Military Metaphor (based on political communication) / N. B. Filippova // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. — 2011. — № 130. — P. 80–87. [Sportivnaja metafora kak sublimacija voennoj metafory (na materiale politicheskoy kommunikacii) / N. B. Filippova // Izvestija rossijskogo gosudar-

- stvennogo pedagogičeskogo universiteta Im. A. I. Gercena. — 2011. — № 130. — S. 80—87]. — (In Rus.)
8. Coneva, L. M. Metaphors of Way in Bulgarian Political Discourse / L. M. Coneva // *Political Linguistics*. — 2011. — № 4 (38). — P. 162—168. [Metafori puti v bolgarskom političeskom diskurse / L. M. Coneva // *Političeskaja lingvistika*. — 2011. — № 4 (38). — S. 162—168]. — (In Rus.)
9. Chudinov, A. P. Metaphoric mosaic in modern political communication : monograph / A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2003. — 248 p. [Metaforičeskaja mozaika v sovremennoj političeskoj komunikaciji: monografija / A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : Ural'skij. gos. ped. un-t., 2003. — 248 s.]. — (In Rus.)
10. Besomi, D. Tempests of the business world: weather metaphors for crises in the nineteenth century / D. Besomi. — Text : unmediated // *Economics and Other Branches — In the Shade of the Oak Tree. Essays in Honour of Pascal Bridel* / ed. by Baranzini R. and Allisson F. — London : Pickering & Chatto. — 2014. — P. 291—308.
11. Dávid, G. The journey metaphor in mediatized political discourse / G. Dávid, B. P. Furkó. — Text : unmediated // *Acta Universitatis Sapientiae Philologica*. — 2015. — № 7 (2). — P. 7—20.
12. Jansen, S. C. The sport/war metaphor: hegemonic masculinity, the Persian Gulf War, and the New World Order / S. C. Jansen, D. F. Sabo. — Text : unmediated // *Sociology of Sport Journal*. — 1994. — № 11 (1). — P. 1—17.
13. Linkeviciute, V. Conceptual metaphors in donald Trump's political discourse: politics domain (2018) / V. Linkeviciute. — Text : unmediated // *Studies About Languages*. — 2019. — № 34. — P. 46—55.
14. Jurga, C. The development of the journey metaphor in political discourse: time-specific changes. / C. Jurga. — Text : unmediated // *Metaphor & the Social World*. — 2012. — № 2 (2). — P. 131—153.
15. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 242 p. — Text : unmediated.
16. Palmatier, R. A. *Sports talk: a dictionary of sports metaphors* / R. A. Palmatier, H. L. Ray. — New York : Greenwood Press, 1989. — 245 p. — Text : unmediated.
17. Ritchie, D. “Argument is war” — or is it a game of chess? Multiple meanings in the analysis of implicit metaphors / D. Ritchie. — Text : unmediated // *Metaphor & Symbol*. — 2003. — № 18 (2). — P. 125—146.
18. Vraciu, M. Russia(n) in context: aspects of metaphor in the Russian political discourse / M. Vraciu. — Text : unmediated // *International Journal of Communication Research*. — 2012. — № 2. — P. 310—324.
19. Cheng Hao. Han ying tiyu yuyan zhong yinyu ren zhi de duibi yanjiu/ Chéng Hào // *Waiyuyanjiu* — 2005. — № 6. — P. 29—34. — (In Chinese.)
20. Jiang Jie. Xijiping zhengzhi jianghua zhong de lutu yinyu yanjiu/ Jiang Jie, Ding Yanlei // *Nan feng* — 2014. — № 24. — P. 21—21. — (In Chinese.)
21. Liu Yan. Ying yu yin yu di ren zhi yan jiu : tan xi zi ran zai hai xin wen yu pian zhong di gai nian yin yu : Dis. ... M. A. / Liu Yan ; Qing dao da xue — 2012. — 99 p. — (In Chinese.)
22. Lu Weizhong. Zhong guo zheng zhi hua yu yin yu ji qi fan yi yan jiu — yi shi jiu da bao gao wei li / Lu Weizhong, Li Yi, Xu Yun Qiu, Guan Lin // *Fan yi lun tan*. — 2019. — № 000 (001). — (In Chinese.)
23. Ma Bosen. Ji yu han yu xin wen yu liao ku di ji jie yin yu yan jiu / Ma Bosen, Wang Rongbin // *An hui da xue xue bao (zhe xue she hui ke xue ban)*. — 2014. — № 38 (3). — P. 68—74. — (In Chinese.)
24. Wang Weijie. Lun zhong guo te se di “Dao lu yin yu” yu “Qi zhi yin yu” / Wang Weijie, Chen Yong // *qi qi ha er da xue xue bao (zhe xue she hui ke xue ban)*. — 2016. — № 7. — P. 1—3. — (In Chinese.)
25. Xie Jing. Zhong yi bing yin bing ji yu yan zhong di zhan zheng yin yu / Xie Jing, Jia Chunhua // *Zhong yi yao xue bao*. — 2011. — № 39 (006). — P. 1—4. — (In Chinese.)
26. Yuan Ying. Lun zhan zheng yin yu di pu bian xing ji wen hua yuan yuan / Yuan Ying // *Wai yu yan jiu*. — 2004. — № 4. — P. 36—39. — (In Chinese.)
27. Zhang Xiaomin. Lun shang wu mei yu zhong di ti yu yin yu / Zhang Xiaomin, Zhang Mingjie // *Nanchang gao zhuan xue bao*. — 2008. — № 23 (5). — P. 44—46. — (In Chinese.)
28. Zhou Jingmin. Zhong mei zhengzhi yanjiang zhong lutu yinyu de duibi ren zhi / Zhou Jingmin // *Jilin sheng jiao yu xue yuan xue bao (xue ke ban)*. — 2011. — № 6. — P. 79—80. — (In Chinese.)

О. А. Погорецкая

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации
ORCID ID: 0000-0003-1216-508

E-mail: o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru.

Способы реализации манипулятивных техник как основа для составления речевого портрета политика на примере выступления Дж. Мелони во время протестных демонстраций сторонников правоцентристских партий в Италии

АННОТАЦИЯ. *Статья представляет собой анализ манипулятивных стратегий и способов их реализации в италийском политическом дискурсе. Основой для проведения исследования стали материалы, взятые из выступлений Джорджи Мелони за последние годы, в частности ее выступление на площади Св. Иоанна в Риме во время волны демонстраций сторонников правоцентристов. Материал для исследования был отобран и проанализирован в соответствии с методом дискурсивного, концептуального и компонентного анализа. Целью данной работы является рассмотрение лингвистических особенностей политического дискурса Дж. Мелони для подробного анализа ее речевого поведения и составления речевого портрета. В ходе исследования было отмечено, что при общении с избирателями Дж. Мелони ориентируется прежде всего на ценностные концепты программы своей политической партии и апеллирует к традиционным национальным ценностям — семье, вере, многовековым традициям итальянской культуры. Она склонна давать жесткую оценку действиям своих политических оппонентов за счет таких манипулятивных техник, как реализация концепта «свой — чужой», стратегия положительной самопрезентации, стратегия принижения оппонента. Обращает на себя внимание широкое использование политиком целого ряда лексических, грамматических и синтаксических средств, к примеру, ярких метафор и сравнений, риторических вопросов, употребление лексем из одного семантического поля, применение пространственного и временного дейксиса и др. для достижения своих политических целей. В исследовании подчеркивается необходимость анализа речевого поведения итальянских политиков ввиду недостаточной освещенности лингвистических особенностей италийского медиапространства и отсутствия работ по составлению речевого портрета итальянских политиков в отечественной лингвистике.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс; политическая риторика; языковая личность; лингвоперсоналия; политические речи; языковые средства; политические выступления; политическая коммуникация; речевой портрет; итальянский язык; политические деятели; женщины-политики; речевая манипуляция; манипулятивное воздействие; фацилиативный эффект; политические стратегии; манипулятивные техники.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Погорецкая Ольга Андреевна, преподаватель кафедры романских языков им. Т. З. Черданцевой; аспирант кафедры романских языков очной формы обучения; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76, к. 438.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Погорецкая, О. А. Способы реализации манипулятивных техник как основа для составления речевого портрета политика на примере выступления Дж. Мелони во время протестных демонстраций сторонников правоцентристских партий в Италии / О. А. Погорецкая // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 106-115. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_10.*

Любой относительно успешный политик обладает своим собственным стилем и речевым поведением. Зачастую это поведение выстраивается на протяжении долгого времени не без помощи специалистов, поскольку в конечном итоге на успех — то есть поддержку потенциальных избирателей — влияют даже мельчайшие детали, не говоря уже о специальных приемах воздействия на аудиторию.

Для нас представляет большой интерес провести анализ тактик и стратегий, обладающих персуазивным потенциалом, которые широко применяются итальянскими политиками для воздействия на аудиторию в рамках политической коммуникации.

Особо яркой фигурой на политической сцене современной Италии является Дж. Мелони (председатель правой партии «Братья Италии» («Fratelli d'Italia» — FdI), до 3 декабря 2017 г. именовавшейся «Братья Италии — Национальный альянс» («Fratelli d'Italia — Alleanza Nazionale», FdI-AN)), в связи с чем возникает необходимость анализа ее успешной политической карьеры с точки зрения речевого поведения с целью идентификации этих стратегий, их систематизации и дальнейшего более глубокого изучения.

Для более точного понимания механизмов работы политического дискурса на раскрытие личности своего продуцента необхо-

димо провести подробный анализ дискурса с учетом не только социополитического контекста, но и личных качеств говорящего. Результатом осознания этой необходимости стало развитие на основе научной школы языковой личности под руководством Ю. Н. Караулова [Караулов 2010] такого междисциплинарного направления, как лингвоперсонология.

О лингвоперсонологии как о самостоятельной ветви лингвистических исследований впервые заговорил В. П. Нерознак, предложив в своей работе термин «лингвистическая персонология» [Нерознак 1996: 113]; впоследствии это направление развивали такие ученые, как И. В. Башкова, Е. В. Иванцова, Н. В. Мельник, Н. Д. Голев, Л. А. Нефедова, Л. П. Седых и другие.

В рамках изучения языковой личности составляется речевой портрет; мы будем рассматривать речевое портретирование в самом широком смысле — как «систематическое описание воплощенной в речи языковой личности определенной социальной общности» [Крысин 2003: 484].

Представляется более точным вариантом исследования составление речевого портрета конкретного человека, так как в случае анализа языковой личности нации невозможно учесть особенности коммуникативного поведения одного человека, что все же представляет особый интерес в рамках лингвоперсонологических и политологических исследований.

Практическая значимость подобного анализа речевого поведения итальянских политических деятелей заключается в раскрытии их истинного речевого портрета, зачастую недоступного российскому читателю из-за опосредования образа политика через перевод и выборочное цитирование, а также ввиду не получивших должного развития в отечественной науке исследований речевого поведения итальянских политиков, одним из самых ярких среди которых можно по праву считать Джорджу Мелони.

Джорджу Мелони по праву можно назвать одной из самых ярких и даже скандальных политических фигур на итальянской политической сцене последних лет. Учитывая, что в дальнейшем анализе речи Дж. Мелони раскрывается ее политическая позиция по некоторым темам (миграция, исламизация, борьба за права гомосексуалистов), считаем необходимым упомянуть, что госпожа Мелони исповедует католицизм, выступает против принятия закона Болдрини о получении мигрантами итальянского гражданства и является сторонником Family Day — движения, организуемого в основном католи-

ками и консерваторами в Италии и Испании, выступающими против любой легализации однополых гражданских браков и других прав гомосексуальных меньшинств.

Дж. Мелони является активным пользователем «Twitter», «Facebook», официальный канал ее партии на «YouTube» также активно развивается и набирает популярность, о чем свидетельствует как высокое количество публикуемых видео, так и растущее число просмотров и подписчиков. Безусловно, такой рост популярности обусловлен несколькими причинами: снижением доверия к правительству, разочарованием во внутри- и внешнеполитическом курсе левых партий ввиду не удовлетворяющих итальянских граждан мер по борьбе с нелегальной иммиграцией и в области налогообложения. Однако стоит учитывать также и ораторский талант лидера партии, во многом способствующий росту не только рейтинга «Братьев Италии», но и интереса к правым партиям в целом.

Речевое портретирование представляет собой современное, активно развивающееся направление в лингвистике, причем особый интерес представляет составление такого портрета для итальянских политиков ввиду отсутствия подобных исследований в отечественной науке.

Изучение и анализ политического дискурса, в том числе италияязычного, невозможны в отрыве от социокультурного, политического и исторического контекста, поскольку, по выражению В. А. Масловой, любой политический дискурс имеет «экстралингвистические факторы, влияющие на его порождение и восприятие» [Маслова 2008: 46]. Одним из таких факторов мы считаем личность политика, в связи с чем объектом данного исследования станет языковая личность Дж. Мелони как субъекта политического дискурса. В качестве основного материала для речевого портретирования использовалась стенограмма выступления Дж. Мелони на площади Святого Иоанна в Риме во время протестных демонстраций сторонников правоцентристских партий 19 октября 2019 г., а также выдержки из ее интервью итальянской прессе и ее выступления на телевидении.

Основой для составления речевого портрета Джорджи Мелони стало ее выступление 19 октября 2019 г. на площади Святого Иоанна в Риме во время демонстраций сторонников правоцентристских партий по двум причинам. Во-первых, речь Дж. Мелони оказала огромный эффект как на присутствующих непосредственно на самой демонстрации, так и на виртуальную аудиторию

после публикации видео в Интернете и спровоцировала сильный общественный резонанс и волну дискуссий на тему острых социальных и политических проблем жителей Италии (например, в самом начале выступления она напомнила о проблеме сбора мусора в итальянской столице). Во-вторых, речь Мелони имела большой фасциативный эффект и вызвала сильный рост ее популярности, что отражает общую тенденцию увеличения интереса итальянцев к правоцентристским партиям в последние годы. Мелони проявила себя как талантливый оратор, обладающий незаурядным даром персуазивности, она очень мало обращалась к подстрочнику, что продемонстрировало высокий уровень спонтанности во время публичного выступления. Спустя несколько месяцев после исторической демонстрации 19 октября на площади Святого Иоанна Дж. Мелони продолжала набирать популярность: по данным *YouTrend*, ее аудитория на «Facebook» выросла на 30 302 подписчика в период с 6 ноября по 22 декабря 2019 г., она стала беспспорным лидером по популярности на этой платформе по сравнению с другими итальянскими политиками (приведем данные о динамике количества их подписчиков: лидер «Лиги Севера» Маттео Сальвини (+9225); председатель итальянского правительства Джузеппе Конте (+4021), министр здравоохранения Роберто Сперанца (+2377), губернатор региона Лацио Никола Дзингаретти (+1841), лидер партии «Italia Viva», бывший председатель правительства Маттео Ренци (–1615), министр иностранных дел Италии Луиджи ди Майо (–10 270) [*YouTrend*, дата обращения: 02.02.2020]).

Продолжительность выступления, анализируемого в данной работе, приблизительно 26 минут. Оно было опубликовано на официальном Youtube-канале партии «*Fratelli d'Italia*» под названием «*Una folla immensa accoglie a San Giovanni una straordinaria Giorgia Meloni! Emozionante! Evviva Noi!*» / «Огромная толпа встречает на площади Святого Иоанна невероятную Джорджу Мелони! Как трогательно! Да здравствуем Мы!».

Это можно назвать искусственно продолженным / искусственно вызванным фасциативным эффектом. Реципиент еще не начал слушать выступление Мелони, но уже столкнулся с воздействием на свою эмотивную сферу. Можно сравнить эффект от такого сопроводительного комментария к видеозаписи выступления Мелони на официальном канале *Youtube* с «эффектом платья голого короля» из сказки Андерсена: искусственно создается впечатление, что Мелони

уже заручилась поддержкой многих людей, они разделяют ее взгляды и восхищаются ей, хотя по сути это «эффект толпы» — происходит исключительно внешнее подкрепление фасцинации, гражданин, впервые слушающий предложенное выступление, может подумать, что раз столь большое количество его соотечественников поддерживает идеи данного политика и восторгается ими, стоит отнестись к нему с уважением, с особым расположением, и формируется повышенная восприимчивость к тому, что представлено в видеопубликации.

Стоит сразу отметить регистр, используемый пресс-секретарем / официальным представителем / администратором канала государственной партии при составлении заголовка: классическое трехкомпонентное построение, дополненное восклицательными знаками, создает у читателя ощущение присутствия на митинге 19 октября 2019 г.; создается ощущение скандирования, которое сокращает социальную дистанцию между публикой и выступающим.

Восклицание *Evviva Noi* (личное местоимение «нои» написано с заглавной буквы), добавленное в конце заголовка к видео выступления Дж. Мелони, является формой выражения самоодобрения, положительной оценки события, о котором пишется пост. К тому же автор употребляет 3 оценочных предиката: **огромная толпа**, **невероятная Мелони**, как **трогательно**, что привлекает внимание интернет-пользователя и влияет на его эмотивную сферу.

Де Мауро [De Mauro 1980] объясняет, как лексику итальянского языка можно разделить не только с точки зрения частотности употребления, но и на основе уровня образования говорящего. Можно выделить две основные категории: базовый словарный запас — то есть лексика, известная любому носителю языка вне зависимости от уровня образования; общественный лексикон, для освоения и усвоения которого требуется определенный уровень образованности. В полной версии выступления Дж. Мелони встречаются единичные примеры такого лексикона (например, *calendarizzato*, *asseragliati*, *decreto*, *stipati*), но основной пласт используемых лексем представлен базовым словарным запасом. Это свидетельствует о том, что Дж. Мелони обращается прежде всего к широкой аудитории, стремится донести свои идеи до всех сограждан, вне зависимости от уровня их образования; к тому же во время выступления на площади присутствовал переводчик на итальянский жестовый язык, работа которого транслировалась на большой экран.

Политический дискурс воздействует на сознание адресата разнообразным набором лингвистических средств, которые не случайны и являют собой широкий спектр речевых способов воздействия на адресата. В этом проявляется то, что отличительной характеристикой политической коммуникации является необходимость снабдить адресата информацией таким образом, чтобы слушающие практиковались в умении объединяться, правильно ее использовать, способствовали изменениям в политической системе [Dorna Alexandre 1995: 132—133], в данном случае — с целью изменить расстановку сил в итальянском правительстве в пользу правоцентристов. Политический дискурс, копродуктом которого выступает Дж. Мелони, представляет собой «действенное оружие политического воздействия» [Марченко 2007: 354—360] за счет его обращенности к эмоциям аудитории [Руженцева 2013: 9—10].

С точки зрения стилистического и риторического оформления текста, выступление характеризуется высокой эмоциональностью, наблюдается высокий уровень субъективизации используемого языка/плана выражения. Дж. Мелони не сдерживает эмоции, что во многих моментах выступления проявляется через высокий тон голоса, иногда даже агрессивный: *IO SONO GIORGIA, SONO UNA DONNA, SONO UNA MADRE, SONO ITALIANA, SONO CRISTIANA. NON ME LO TOGLIERETE! NON ME LO TOGLIERETE! / Я ДЖОРДЖА, Я ЖЕНЩИНА, Я МАТЬ, Я ИТАЛЬЯНКА, Я ХРИСТИАНКА. ВЫ У МЕНЯ ЭТОГО НЕ ОТНИМЕТЕ! ВЫ У МЕНЯ ЭТОГО НЕ ОТНИМЕТЕ!* [min 17:33]. Дж. Мелони широко применяет такие стилистические фигуры, как риторический вопрос и риторическое восклицание: *Perché Roma, la capitale d'Italia e d'Europa, del Mediterraneo, della cristianità, merita un sindaco alla sua altezza! / Потому что Рим — столица Италии и Европы, столица Средиземноморья, сердце христианского мира — заслуживает мэра такого же высокого уровня!* [min 5:28]; «*L'Italia vuole votare a destra?*», «*Chi se ne frega!*» / «Италия стремится обратиться к правым взглядам?», «Да всем плевать!» [min 6:28]; *E sapete qual è la cosa divertente? Si definiscono pure democratici! Abbiate almeno la dignità di cambiare il nome del vostro partito! / А знаете, что самое веселое? Они называют себя демократами! Имейте совесть хотя бы изменить название вашей партии!* [min 6:37].

По нашему мнению, основным лингвистическим приемом, используемым Джорджей Мелони, является коммуникативная

техника «включения сцепления» (*embrayage*), позволяющая оратору создать определенный уровень эмпатии со своей аудиторией, систематически применяемая во время политических дебатов и публичных выступлений [Dell'Anna 2010]. Техника включения особенно эффективна при физическом присутствии говорящего перед публикой, поскольку, помимо вербального портрета, аудитория может составить себе жестовый и мимический портрет оратора, чем и пользуется Джорджа Мелони во время выступления на площади Св. Иоанна. Действительно, для того, чтобы ее слова максимально воздействовали на всех присутствующих, Джорджа Мелони использует микрофон, она стоит на большой сцене, присутствует также переводчик на итальянский жестовый язык. Таким образом, публика имеет возможность следить за выражениями лица Мелони, которые сопровождают ее риторику, зачастую агрессивную, неистовую, провоцирующую.

К тому же Дж. Мелони апеллирует к адресату менее официально, чем многие ее политические оппоненты. Приведем несколько примеров. Виченцо де Лука (Vicenzo di Luca), глава региона Кампания: *c'è stato il consenso di gran parte di elettorato M5S che ha inteso esprimere la propria speranza in rinnovamento in maniera diversa / был зарегистрирован консенсус большей части электората „Движения Пяти Звезд“, который намеревался выразить свою надежду в обновление другим способом;* Лука Дзайя (Luca Zaia), глава региона Венеция: *magari gli elettori resteranno nel nostro alveo politico / Надеюсь, что избиратели останутся в нашем политическом русле.* В сравнении с ними речевое поведение Джорджи Мелони носит «свойский» характер и тоже производит фасцинирующий эффект: она как оратор имплицитно близка к адресату, предпочитает более разговорный стиль, как будто переходит грань своего более высокого по отношению к присутствующим социального статуса и общается со всеми итальянцами как со своими знакомыми, непосредственно обращается к каждому из них.

Применение техники «включения сцепления» (*embrayage*) осуществляется за счет следующих языковых средств:

– использование первого лица единственного и множественного числа с целью сокращения дистанцирования с публикой, создания доверительной атмосферы (личное местоимение *io* (*мы*) встречается в тексте выступления 24 раза; притяжательное местоимение *nostro* (*наш*) — 24 раза; личная форма *sono* (*я есть*) — 25 раз; другие гла-

голы в форме первого лица множественного числа — 25 раз (*abbiamo, vogliamo, dobbiamo, denunciavamo, costruiremo*));

– использование пространственного («*qui, da questo palco, davanti a 200 mila persone*»; «*ma qui non difenderemo quei simboli*») и временного («*questo popolo che oggi da tutta Italia e' venuto ad ascoltare*») дейксиса для контекстуализации сообщаемого;

– употребление имени собственного (*IO SONO GIORGIA*), что не характерно для такого формата выступления с трибуны.

Выбор Дж. Мелони в пользу определенных лексических средств также характеризует ее как уверенного в себе лидера, борца за права итальянцев, готового «бороться» с многочисленными проблемами ради общего блага. Об этом свидетельствует наличие в ее речи семантического поля таких концептов, как «страх», «неблагополучие», «война», «насилие», дискурсивной реализацией которых являются следующие лексемы:

– глаголы: *ci batteremo, uccidono, vengono perseguitati, denunciavamo, difenderemo, ha ammazzato, controllavano, violentano, sparano, massacrare (gli italiani), combattere, difendere, marceremo compatti, costruiremo muri, togliere (tutto quello che siamo)*;

– существительные: *nemico, islamizzazione, immigrazione, battaglie, spacciatore, droghe, campo profughi d'Europa, orchii, blocco navale*;

– прилагательные: *un clima malato, immigrazione illegale, metodi staliniani*.

Аксиологический критерий является важнейшим в конструировании образа политика. Основное разграничение происходит дуально — «хорошо» vs «плохо». Положительный образ «хорошего» политика подразумевает образованность, компетентность, альтруистичность, стремление делать «все для народа», достойное поведение; негативный образ «плохого» политика включает такие качества, как поверхностность, стремление к власти и деньгам ради собственной наживы, невыполнение предвыборных обещаний, неспособность принять адекватные меры. Поэтому в подобном роде политической коммуникации важны не только умения оратора создать эмпатию между собой и публикой, но и создать негативный образ оппонента, что успешно делает Дж. Мелони по отношению к своим политическим противникам.

Она актуализирует образ некоего «врага» («*nemico*»), прежде всего обращаясь к представителям левых партий. Такая актуализация является неожиданной, даже революционной, поскольку представители левых взглядов в Италии были довольно мощной,

уважаемой политической силой с момента создания Итальянского королевства. Уже во второй половине XIX в. (датой основания принято считать 1849 г.) создается либеральная и прогрессистская политическая партия «Sinistra» («Левая»), просуществовавшая вплоть до 1922 г., среди членов которой были представители политической элиты Италии, занимавшие важнейшие должностные посты, в том числе и пост председателя Совета министров (Агостино Депретис (Agostino Depretis), Бенедетто Кайроли (Benedetto Cairoli), Франческо Криспи (Francesco Crispi), Джованни Джолитти (Giovanni Giolitti), Джузеппе Саракко (Giuseppe Saracco), Джузеппе Дзанарделли (Giuseppe Zanardelli), Алессандро Фортис (Alessandro Fortis), Витторио Эмануэле Орландо (Vittorio Emanuele Orlando)). Так называемая «Sinistra Storica» («Историческая Левая») «перерождалась» в новые левые организации, создававшиеся в начале XX в. («Partito Socialista Italiano» («Итальянская социалистическая партия»), «Partito Comunista Italiano (P.C.I.)» («Итальянская коммунистическая партия»)), развивающиеся со времен Первой и Второй республики до сих пор: «Partito Democratico della Sinistra» («Демократическая партия левых сил»), «L'Ulivo» («Оливковое дерево»), «Sinistra Italiana (SI)» («Итальянские левые») — и составляющие неотъемлемую часть итальянской политической панорамы.

«Отчуждению» представителей левых партий сопутствует выстраиваемая Джорджей Мелони оппозиция «свой — чужой» в контексте других политических сил: она резко противопоставляет свою партию «Fratelli d'Italia» и своих единомышленников «другим, тем» (официальному правительству, Демократической партии (PD) и Движению Пяти Звезд (M5S)):

– *La solidarietà sulla gestione dell'immigrazione da parte della sinistra non c'entra assolutamente niente, non lo fanno perché sono buoni. I Onu это делают не потому, что они хорошие;*

– *Ora parlano di togliere la dicitura "padre" e "madre" sui documenti. Perché la famiglia è un nemico, l'identità nazionale è un nemico, l'identità di genere è un nemico. Per loro tutto ciò che definisce è un nemico. I Теперь они говорят... Для них все вражеское;*

– *Noi in piazza, a chiedere libertà, voi barricati nel Palazzo, aggrappati alle vostre poltrone, terrorizzati dal giudizio popolare, distanti anni luce dalla volontà del popolo italiano. I Мы на площади, а вы забаррикадировались в здании правительства ... в ужасе от того, что скажут люди, вы на*

расстоянии многих световых лет от итальянского народа;

– *Quello è il caos che avete prodotto. Questo è il caos che avete prodotto, caro Grillo. / вы породили хаос;*

– *la sinistra sa stare in Europa è in ginocchio a leccare i piedi di francesi e tedeschi. / левые ... стоят на коленях и пресмыкаются перед Францией и Германией;*

– *Faremo una opposizione dura a questo governo nato per impedire agli italiani di fare quello che avrebbero voluto;*

– *Eravate da un'altra parte perché anche allora eravamo solo noi a difendere la libertà. / Вы были в другом месте, пока мы защищали свободу.*

Такое яростное противопоставление «мы — они» достигается за счет грамматических средств (оппозиция личных местоимений «noi» vs «voi», «loro»); употребления оценочных предикатов с ярко-отрицательной коннотацией («voi barricati», «terrorizzati dal giudizio popolare», «avete prodotto il caos» (вы породили хаос), «governo nato per impedire agli italiani» (правительство, рожденное мешать итальянцам), «leccare i piedi ai francesi e ai tedeschi» (пресмыкаться перед Францией и Германией)).

Джорджа Мелони, как большая часть успешных политиков, во время своих выступлений прибегает к разного рода приемам и тактикам. Мы будем рассматривать «тактики» как примеры «речевых действий, направленных на скрытое внедрение в сознание адресата целей и установок, побуждающих его совершить поступок, выгодный манипулятору» [Копнина 2008: 49], а манипулятивные приемы — как примеры «способов построения высказывания, реализующих ту или иную манипулятивную тактику» [Копнина 2008: 49]. Для иллюстрации такого речевого поведения отмечаем, что с целью воздействовать на собравшихся на площади Св. Иоанна в Риме Дж. Мелони прибегает к инвективе, к прямому оскорблению оппонентов, с помощью следующих стилистических фигур:

– метафор и сравнений: *l'unica cosa gialla che hanno è il colore del mastice che hanno usato per incollarsi alla poltrona / единственное, что у них есть желтого, это цвет клея, с помощью которого они (члены правительства) приклеились к своим креслам; aprire il palazzo come una scatoletta di tonno / открыть правительство (войти в состав) как банку с тунцом; stipati nelle loro auto blu come delle sardine in salamoia / забившись в государственные машины как консервированные сардины;*

– риторического вопроса, эмоциональная

апелляция которого усиливается за счет анафоры: *Ma dove eravate quando denunciavamo che in Turchia si sposano le bambine, dove eravate quando denunciavamo i tribunali islamici, dove eravate quando denunciavamo che la Turchia aveva inviato le sue navi militari per impedire all'ENI di utilizzare un suo giacimento al largo di Cipro? / но где же вы были, когда мы заявляли о том, что в Турции женятся на маленьких девочках, где же вы были, когда мы заявляли об исламистских судах, где же вы были, когда мы заявляли о том, что Турция уже направила свои военные корабли, чтобы помешать ENI использовать свое месторождение рядом с Кипром?*

Мелони в своем выступлении затрагивает очень деликатную тему — религиозной терпимости и исламизации Апеннинского полуострова за счет большого количества мигрантов-мусульман в первом, втором и уже даже третьем поколении. Мелони занимает жесткую позицию по этому поводу:

E lo voglio dire un'altra volta: se vi sentite offesi dal Crocifisso o dal presepe, beh non è qui che dovete vivere! Il mondo è grande, ed è pieno di Nazioni islamiche dove non incontrerete un Crocifisso perché i cristiani vengono perseguitati e le chiese rase al suolo. Ma qui noi difenderemo quei simboli, quelle chiese e difenderemo la nostra identità. Difenderemo Dio, la Patria e la famiglia, e fatevene una ragione. / Я хочу повторить это еще раз: если вы чувствуете себя оскорбленными при виде распятия или вертепа, ну что ж ... тогда вам нужно жить не здесь! Мир большой, в нем полно исламских государств, где вы не встретите ни одного распятия, потому что там христиан подвергают гонениям, а церкви ровняют с землей. Но здесь мы будем защищать эти символы, эти церкви, и мы будем защищать нашу идентичность. Мы будем защищать Бога, Отечество и семью, и вам придется это принять!

Для придания своему высказыванию убедительности Мелони использует следующие приемы:

– лексико-грамматические повторы: *E lo voglio dire un'altra volta / я хочу сказать это еще раз; Ma qui noi difenderemo quei simboli, quelle chiese e difenderemo la nostra identità. Difenderemo...* / мы будем защищать (повторяется три раза);

– прием высмеивания, издевки: *se vi sentite offesi dal Crocifisso o dal presepe / если вы чувствуете себя такими оскорбленными распятием или вертепом; dove non incontrerete un Crocifisso / где вы не встретите ни одного распятия;*

– прием инсинуации: *Il mondo è grande /*

мир большой (смысл: уезжайте из Италии);

– прием открытого обвинения: ***Nazioni islamiche ... perché i cristiani vengono perseguitati e le chiese rase al suolo*** / в исламских странах христиан подвергают гонениям, церкви ровняют с землей;

– прием оппозиции «свой (хороший) — чужой (плохой)»: ***Il mondo è grande, ed è pieno di Nazioni islamiche... Ma qui noi ...difenderemo la nostra identità*** / мир большой, есть множество исламских стран, но здесь мы ... будем защищать нашу идентичность;

– прием апелляции к ценностным ориентирам аудитории: ***Difenderemo Dio, la Patria e la famiglia*** / мы будем защищать Бога, Родину и семью.

В своем выступлении Джорджа Мелони не стремится сгладить, смягчить свою жесткую позицию и высказывает свою точку зрения открыто, зная, что некоторые ее заявления неизбежно приведут к недовольству, критике и конфронтации. По сути она не боится действовать деструктивно в рамках политической коммуникации. Такое речевое поведение способствует сужению поля конструктивного политического диалога за счет впускаемой негативной оценки и может повысить градус напряженности и без того в непростой политической обстановке в стране.

Подводя итог анализа речевого поведения Джорджи Мелони, стоит подчеркнуть ее особый, не характерный для других итальянских политиков стиль речевого поведения.

В своем выступлении 19 октября 2019 г. на площади Св. Иоанна в Риме она открыто обращается ко всем итальянцам, не стесняясь в выражениях, высказывает свою критику в адрес политических оппонентов и как будто бравирует своим консерватизмом, своей резкой точкой зрения в отношении сложнейших и вызывающих уже долгие годы полемику в стране вопросов, что многие другие политики стараются скорее скрыть, нежели «выпячивать».

Представители итальянских правоцентристов, в частности партия «Братья Италии» и один из ее лидеров Джорджа Мелони активно обращаются к fascinazioni политического дискурса. Fascinativo эффект отражен в слоганах партии, с помощью которых реализуется:

– **стратегия положительной самопрезентации**: ***Sorvegliamo vasto*** (мы следим за всем широко / «мы всегда начеку?»), ***Difendiamo l'Italia*** (Давайте защищать Италию), ***Siamo la tua voce*** (Мы — твой голос), ***Sostieni la nostra battaglia*** (Поддержи нашу борьбу), ***Meloni — difendi la famiglia tradizionale*** (Мелони — защити традиционную се-

мью), успешная реализация которой становится возможна благодаря прямому обращению к итальянцам и апелляции к их патриотическим чувствам и долгу (глаголы в повелительном наклонении ***sostieni, difendiamo***). Созданию образа «правых» как борцов за справедливость и благополучие страны способствует также семантическое поле «война» (***difendiamo, difendi, la battaglia***);

– **стратегия принижения оппонента**: ***ricostruire tutto senza paura*** (восстановить все без страха) — намек на то, что Италию необходимо «отстраивать» заново, восстанавливать, и все это по вине демократов; ***invasi da masse di estranei? Non oggi*** (захваченный толпами чужаков? Не сегодня) — инсинуация, утверждающая о неспособности действующего правительства защитить страну от нелегальных мигрантов. Светлое будущее для Италии представляется возможным только в случае, если представители правых взглядов станут официальной и основной властью в стране.

Италия оказалась исключена из числа участников общеевропейского саммита, прошедшего в онлайн-формате 10 ноября 2020 г., по вопросам антитеррористической политики и нелегальной миграции, касающихся Италию напрямую, в результате чего председатель партии «Братья Италии» обрушилась с критикой на правительство Дж. Конте, потребовала от него объяснений и обвинила левые силы Италии в том, что их страну «проигнорировали», подводя итог произошедшему формулировкой ***«Siamo burattini»*** («Мы марионетки»). Подобное заявление апеллирует к национальной гордости итальянцев, которая, по мнению Мелони, оказалась задета; лично ее, как представителя правых сил, это сильно зацепило, расстроило, возмутило, в то время как «левые» проигнорировали произошедшее: ***I leader di mezza Europa si riuniscono in videoconferenza per parlare di immigrazione e lotta al terrorismo <...> tutti presenti e pronti a parlare <...> Tutti collegati, tranne uno: Giuseppe Conte. Nessuno dei leader europei ha ritenuto di invitare l'Italia, che è la porta d'Europa sul Mediterraneo. È la smentita ufficiale alle menzogne Pd e Cinquestelle e dell'intelligenza italiana ed europea, che ci raccontano di quanto l'Italia sia considerata in Europa grazie alla sinistra e a questo governo di illuminati europeisti*** [Vertice anti-terrorismo europeo, intervista a Meloni, 11 Novembre 2020] / **Лидеры половины европейских государств встретились в формате видеоконференции, чтобы обсудить вопросы иммиграции и борьбы с терроризмом <...> все подключились и высказались о своей**

готовности к обсуждению <...> **Все подключились, кроме одного: Джузеппе Конте. Никто из европейских лидеров не посчитал нужным пригласить Италию, которая является „дверью“ Европы для входа в Средиземноморье. Это официальное опровержение лжи со стороны Демократической партии и Движения Пяти Звезд, а также со стороны представителей интеллигенции Италии и других европейских стран, которые рассказывают нам, насколько мнение Италии учитывается в Европе благодаря „левым“ и действующему правительству просвещенных европейцев.** Сравнение итальянцев с деревянными куклами, вынесенное в заголовок, безусловно призвано задеть честолюбие и национальную гордость; Дж. Мелони развивает такую яркую фасцинацию отрицательного свойства анафорой и синтаксическим параллелизмом (*tutti presenti e pronti, tutti collegati*) и конструкцией синтаксического выделения (*tutti, tranne uno: Giuseppe Conte*). Она использует инвективу по отношению к действующему правительству (*menzogne che ci raccontate*), издевку (*questo governo di illuminati europeisti*). Параллельно Дж. Мелони подчеркивает, насколько лично ее, а вместе с ней и всех сторонников правоцентристских взглядов, задевает такое пренебрежительное отношение к Италии, которую она называет *la porta d'Europa sul Mediterraneo*. В конце своего комментария она добавляет: **Fratelli d'Italia chiede a Conte di riferire in Parlamento sulle ragioni di questa indegna esclusione / Братья Италии требуют от Конте предоставить объяснения Парламенту касательно оснований для такого унижительного исключения/игнорирования**, подчеркивая еще раз небезразличие своей партии к подобному проявлению неуважения к стране и косвенно обвиняя «левых» в допущении такой неприятной ситуации.

Инвектива в адрес официального правительства встречается и в других ее выступлениях, например: *gli appelli alla 'collaborazione' di Conte e del suo governo valgono solo per le telecamere, ma in Parlamento non esistono e sono una pagliacciata* [Интервью Дж. Мелони о сотрудничестве с Премьер-министром Италии Дж. Конте и проводимой им политике. 10.11.2020] / **призывы Конте и его правительства к „сотрудничеству“ — это работа на камеру, в Парламенте их не существует, это одно паясничество.**

Профессиональные качества Джорджи Мелони, ее образ как волевого политика с четкой политической программой не вызы-

вают сомнений ни у ее сторонников, ни у политических оппонентов. Однако ее образ по праву можно назвать противоречивым, а действия, в том числе речевое поведение, провоцирующими, о чем свидетельствует, к примеру, ее заявление *di avere un rapporto sereno con il fascismo / о спокойном отношении к фашизму* [Интервью Дж. Мелони в программе Сабелли Фьоретти. 07.12.2006]. Такое заявление может служить примером отрицательной фасцинации, которая не менее важна для составления политического портрета, чем фасцинация положительная. Мелони часто прибегает к подобному приему в интервью, например:

– *La Sea Watch deve essere sequestrata, l'equipaggio arrestato, gli immigrati rimpatriati subito e la nave affondata / Sea Watch (НПО Германии, которая производит операцию по спасению мигрантов в Средиземном море) должна быть задержана, экипаж арестован, иммигранты должны быть репатрированы немедленно, а корабль должен быть затоплен;*

– *Se servono muri si costruiscono muri, se serve il blocco navale si fa il blocco navale, e per farlo serve un governo di patrioti / если нужно возвести стены, они будут возведены, если нужна морская блокада, будет морская блокада, но для этого требуется правительство патриотов;*

– *„Imagine“ di John Lennon è l'inno dell'omologazione mondialista. Senza identità noi siamo solo degli ottimi consumatori per le multinazionali che ci devono vendere lo stesso prodotto / „Imagine“ Джона Леннона — это гимн стандартизации мира. Без национальной идентичности мы всего лишь прекрасные потребители для международных корпораций, который хотят нам продавать одни и те же товары.*

С одной стороны, можно расценить такие жесткие заявления как провокацию, своего рода политический эпатаж. Такое речевое поведение политика вызывает негативные эмоции: звучит призыв затопить корабль НКО, спасающий людей, известная песня Леннона названа гимном «уравниловки». Но эффект, производимый на избирателей, может зеркально отразиться: вместе с отрицательными чувствами или вместо них у реципиента может возникнуть и положительная оценка речевых действий данного политика. Речь идет о фасцинативной оценке отрицательного свойства: кто-то может подумать о дерзости, смелости Мелони как политика и вместо резкого отрицания ее позиции поддержать ее, усмотреть в выступлении Дж. Мелони, ее «политическом языке» огромную воодушевляющую и консолидирующую силу.

В своих выступлениях Дж. Мелони склонна давать объективную оценку политическим событиям, но, как правило, с позиции того, что негативных ситуаций можно было бы избежать. Она стремится получить поддержку избирателей путем выстраивания понимания будущего страны за счет традиционных ценностей, менталитета нации, включающего представления о семье, католицизм, культуру, то есть апеллирует к национальным ценностным концептам. В сочетании с умеренной критикой своих политических оппонентов таким образом Дж. Мелони добивается повышения суггестивного эффекта практически каждого своего выступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Видеоверсия выступления Дж. Мелони на площади Св. Иоанна в Риме. — 19.10.2020. — URL: <https://www.giorgia-meloni.it/2019/10/19/il-discorso-integrale-di-giorgia-meloni-in-piazza-san-giovanni-a-roma/>. — Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео.
2. Интервью Дж. Мелони в программе Сабелли Фьоретти. — 07.12.2006. = Sabelli Fioretti. Intervista a Giorgia Meloni / Corriere Magazine. — 7 dicembre 2006. — URL: <http://interviste.sabellifioretti.it/?p=823>. — Текст : электронный.
3. Интервью Дж. Мелони о сотрудничестве с Премьер-министром Италии Дж. Конте и проводимой им политике. — 10.11.2020. = Collaborazione Conte. Intervista a Meloni, 10 Novembre 2020. — URL: <https://www.giorgiameloni.it/2020/11/10/manovra-meloni-appelli-collaborazione-conte-valgo-no-solo-per-telecamere-in-parlamento-non-esistono-e-sono-una-pagliacciata/#more-21433>. — Текст : электронный.
4. Интервью Дж. Мелони по вопросам антитеррористической политики в Европе. — 11.11.2020. = Vertice anti-terrorismo europeo, intervista a Meloni, 11 Novembre 2020. — URL: <https://www.dire.it/11-11-2020/527867-vertice-anti-terro>

- rismo-europeo-ma-litalia-non-ce-meloni-siamo-burattini/. — Текст : электронный.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — Текст : непосредственный.
 6. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г. А. Копнина. — 2-е изд. — Москва : Флинта, 2008. — 176 с. — Текст : непосредственный.
 7. Крысин, Л. П. Речевой портрет представителя интеллигенции / Л. П. Крысин. — Текст : непосредственный // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 483—495
 8. Марченко, Т. В. Коммуникативно-прагматический потенциал интертекстуальных включений в аспекте реализации речевых стратегий и тактик (на материале политического дискурса) / Т. В. Марченко. — Иркутск, 2007. — С. 354—360. — Текст : непосредственный.
 9. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В. А. Маслова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — No 1 (24). — С. 43—48.
 10. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак. — Текст : непосредственный // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. лингв. ун-та. — Москва : Издательство Моск. лингв. ун-та, 1996. — Вып. 426. — С. 112—116.
 11. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. / Н. Б. Руженцева ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. — 294 с.
 12. De Mauro, T. Guida all'uso delle parole / T. De Mauro. — Roma : Editori riuniti, 1980. — 224 p.
 13. Dell'Anna, M. V. Lingua italiana e politica / M. V. Dell'Anna. — 1a ed. — Roma : Carocci, 2010. — 128 p.
 14. Dorna, A. Les effets langagiers du discours politique / Alexandre Dorna. — Text : unmediated // Dans Herm s, La Revue. — 1995. — № 16. — P. 131—149.
 15. YouTrend. Progetto di informazione. — URL: <https://www.youtrend.it/2020/01/06/social-monitor-meloni-e-salvini-leader-incontrastati-su-facebook/>. — Text : electronic.

О. А. Pogoretskaya

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1216-508

E-mail: o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru.

Methods of Implementation of Manipulative Techniques as a Basis for a Speech Profile of a Politician (on the Example of G. Meloni's Speech During the Italian Center-Right Protest)

ABSTRACT. *This article analyzes manipulative strategies and methods of their implementation in the Italian-language political discourse. The study is based on the materials taken from Giorgia Meloni's speeches of recent years, in particular, her speech in St. John's Square in Rome during the wave of demonstrations of supporters of the centre-right politicians. The research material was selected and analyzed in accordance with the method of discourse, conceptual and component analysis. The aim of this paper is to look at the linguistic features of G. Meloni's political discourse in order to analyze her speech behavior in detail and to make up her speech characteristic. In the course of the study it was noted that when communicating with voters, G. Meloni is primarily focused on the value-based concepts of her political party program and appeals to the traditional national values — family, faith, and centuries-old traditions of Italian culture. She is prone to give a tough assessment of the actions of her political opponents via such manipulative techniques as the realization of the concept of "own-alien", the strategy of positive self-presentation and the strategy of belittling the opponent. It is worth mentioning the politician's extensive use of a number of lexical, grammatical and syntactical means, such as vivid metaphors and similes, rhetorical questions, lexemes from one and the same semantic field, spatial and temporal deixis and some others to achieve her political goals. The study emphasizes the necessity of analyzing the speech behavior of Italian politicians in view of the lack of coverage of linguistic features of the Italian-language media space and the absence of works on the speech characteristic of Italian politicians in Russian linguistics.*

KEYWORDS: *political discourse; political rhetoric; linguistic personality; linguopersonology; political speeches; linguistic means; political statements; political communication; speech characteristic; Italian language; politicians; women-*

politicians; speech manipulation; manipulative impact; fascinating effect; political strategies; manipulative techniques.

AUTHOR'S INFORMATION: *Pogoretskaya Ol'ga Andreevna., Lecturer at T. Z. Cherdantseva Department of Romance Languages; Italian Language Teacher (Moscow, Russia), Post-Graduate Student of Department of Romance Languages, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Pogoretskaya, O. A. Methods of Implementation of Manipulative Techniques as a Basis for a Speech Profile of a Politician (on the Example of G. Meloni's Speech During the Italian Center-Right Protest) / O. A. Pogoretskaya // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 106–115. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_10.*

REFERENCES

1. Video version of G. Meloni's speech in St. John's Square in Rome. — 19.10.2020. [Videoversija vystuplenija Dzh. Meloni na ploshhadi Sv. Ioanna v Rime]. — URL: <https://www.giorgia-meloni.it/2019/10/19/il-discorso-integrale-di-giorgia-meloni-in-piazza-san-giovanni-a-roma/>. — (in Italian)
2. G. Meloni's interview in Sabelli Fioretti programme. — 07.12.2006. [Interv'ju Dzh. Meloni v programme Sabelli Fioretti]. — URL: Sabelli Fioretti. Intervista a Giorgia Meloni, Corriere Magazine. 7 dicembre 2006. <http://interviste.sabellifioretti.it/?p=823>. — (in Italian)
3. G. Meloni's interview on collaboration with Italian Prime Minister G. Conte and his policies. — 10.11.2020. Collaborazione Conte. Intervista a Meloni, 10 Novembre 2020. [Interv'ju Dzh. Meloni o sotrudnichestve s Prem'er-ministrom Italii Dzh. Konte i provodimoj im politiki]. — URL: <https://www.giorgia-meloni.it/2020/11/10/manovra-meloni-appelli-collaborazione-conte-valgono-solo-per-telecamere-in-parlamento-non-esistono-sono-una-pagliacciata/#more-21433>. — (in Italian)
4. G. Meloni interview on anti-terrorist policy in Europe. — 11.11.2020. Vertice anti-terrorismo europeo, intervista a Meloni, 11 Novembre 2020. [Interv'ju Dzh. Meloni po voprosam antiterroristicheskoy politiki v Evrope]. — URL: <https://www.dire.it/11-11-2020/527867-vertice-anti-terrorismo-europeo-malitalia-non-ce-meloni-siamo-burattini/>. — (in Italian)
5. Karaulov Y. N. Russian language and linguistic personality. — Moscow : LKI Publishing House, 2010. — 264 p. [Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. — M. : Izdatel'stvo LKI, 2010. — 264 s.]. — (in Rus.)
6. Koptina G. A. Speech manipulation : textbook. — 2nd ed. — Moscow : Flinta, 2008. — 176 p. [Koptina G. A. Rechevoe manipulirovanie: ucheb. posobie. — 2-e izd. — M. : Flinta, 2008. 176 s.]. — (in Rus.)
7. Krysin L. P. Speech Portrait of Intellectuals // Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation. — Moscow : Languages of Slavic culture, 2003. — P. 483–495. [Krysin L. P. Rechevoj portret predstavitelja intelligencii // Sovremennij russkij jazyk: Social'naja i funkcional'naja differenciacija. — M. :
8. Marchenko T. V. Communicative-pragmatic potential of intertextual inclusions in the aspect of realization of speech strategies and tactics (on the material of political discourse). — Irkutsk, 2007. — P. 354–360. [Marchenko T. V. Kommunikativno-pragmatischekij potencial intertekstual'nyh vključenij v aspekte realizacii rechevyh strategij i taktik (na materiale politicheskogo diskursa). — Irkutsk, 2007. — S. 354–360]. — (in Rus.)
9. Maslova V. A. Political discourse: language games or word games? // Political Linguistics. — 2008. — No 1 (24). — P. 43–48. [Maslova V. A. Politicheskij diskurs: jazykovye igry ili igry v slova? // Politicheskaja Lingvistika. — 2008. — No 1 (24). — S. 43–48]. — (in Rus.)
10. Neroznak V. P. Linguistic Personology: To determine the status of the discipline // Language. Poetics. Translation : Collection of scientific works / Moscow linguistic university. — Moscow : Publishing house of Moscow linguistic university, 1996. — Iss. 426. — P. 112–116. [Neroznak V. P. Lingvisticheskaja personologija: k opredeleniju statusa discipliny // Jazyk. Pojetika. Perevod: sb.nauch.tr. Mosk. ling. un-ta. — M. : Izdatel'stvo Mosk. ling. un-ta, 1996. — Vyp. 426. — S. 112–116]. — (in Rus.)
11. Ruzhentseva N. B. Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse: monogr. / Ural State Pedagogical University. — Ekaterinburg, 2004. — 294 p. [Ruzhenceva N. B. Diskreditirujushhie taktiki i priemy v rossijskom politicheskom diskurse : monogr. / Ural gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004. — 294 s.]. — (in Rus.)
12. De Mauro, T. Guida all'uso delle parole / T. De Mauro. — Roma : Editori riuniti, 1980. — 224 p.
13. Dell'Anna, M. V. Lingua italiana e politica / M. V. Dell'Anna. — 1a ed. — Roma : Carocci, 2010. — 128 p.
14. Dorna, A. Les effets langagiers du discours politique / Alexandre Dorna. — Text : unmediated // Dans Herm s, La Revue. — 1995. — № 16. — P. 131–149.
15. YouTrend. Progetto di informazione. — URL: <https://www.youtrend.it/2020/01/06/social-monitor-meloni-e-salvini-leader-incontrastati-su-facebook/>. — Text : electronic.

В. Ю. Самарцев

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

ORCID ID: —

 E-mail: vdmsmrcv@gmail.com.

Критический дискурс-анализ речевых стратегий политического дискурса Д. Трампа (на материале президентских дебатов США 2016 года)

АННОТАЦИЯ. *Современные международные отношения, рост политизированности общества повлияли на повышение интереса к языку политиков и их речевому поведению. Имидж страны формируется на основе способов ее презентации политиками через выбор ими выразительных средств и эффективных стратегий речевого поведения. Дискурс Д. Трампа как кандидата в президенты Соединенных Штатов Америки представляет интерес с точки зрения дихотомии неконвенциональности и эффективности используемых им языковых средств. В основу анализа речевых стратегий, используемых во время дебатов политиком, положены научные работы Э. Гоффмана, Н. Фэйрклафа, М. Халлидея и др. В ходе исследования нами было обнаружено, что в речи Д. Трампа объединены четыре стратегии президентских дебатов: самореклама, описание оппонентов через словесную атаку, самокоррекция, или улучшение собственного имиджа через защиту от обвинений оппонентов, и экстравокализация. Обозначая Соединенные Штаты Америки как небезопасную страну, уязвимую и полную угроз, Д. Трамп прибегал к стратегии, близкой маркетингу — «мотивации страхом» — использованию нагнетающего страха метафорического языка. Простой язык помогал политику свести к минимуму дистанцию между собой и аудиторией: речь Д. Трампа состоит из простых слов и коротких предложений, что не всегда типично для политического дискурса, но выгодно для бизнеса. Использование политиком общепринятых стратегий политического дискурса вместе с более бизнес-ориентированным подходом позволяет рассмотреть с новой стороны развитие политического дискурса и обратить внимание на дальнейшую возможность поиска набора эффективных языковых средств у политиков нового времени.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политическая риторика; языковая личность; лингвоперсоналогия; политические речи; языковые средства; политические выступления; американские президенты; политическая коммуникация; критический дискурс-анализ; предвыборный дискурс; имидж государства; выборы президента.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Самарцев Вадим Юрьевич, аспирант, Сургутский государственный педагогический университет; 628417, Россия, Москва, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2; e-mail: vdmsmrcv@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Самарцев, В. Ю. Критический дискурс-анализ речевых стратегий политического дискурса Д. Трампа (на материале президентских дебатов США 2016 года) / В. Ю. Самарцев // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 116-126. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_11.

ВВЕДЕНИЕ

Вполне открыто заявляя о своих претензиях на статус мировой державы, Соединенные Штаты Америки привлекают к себе внимание всего мира. Особенно заметно это проявилось после того, как на передний план ее политической арены вышел Дональд Трамп, на период 2016-го года — кандидат в президенты Соединенных Штатов. Информационный взрыв произошел не только из-за того, что авторитетный бизнесмен всемирно известен как мультимиллионер, владелец недвижимости и завсегдаятай крупных телешоу, но и из-за неоднозначности его личности, вульгарной манеры поведения и неприемлемых с моральной стороны действий [Berezin 2017]. То, как американцы выбирают своих президентов, во многом влияет на ситуацию в мире, и в 2016 г. ставший президентом бизнесмен и шоумен Дональд Трамп обозначил новую тенденцию в политической дискуссии, что позволило

воспринимать дебаты 2016-го года как «самые отвратительные президентские дебаты всех времен» [Cassidy 2016].

В данном исследовании используется метод критического дискурса-анализа (CDA) для определения частоты используемых Д. Трампом в выбранных выступлениях лингвистических средств и их дальнейшей интерпретации, описания функциональной роли. Для анализа было выбрано выступление Д. Трампа на первых президентских дебатах 2016 г. в рамках президентской предвыборной кампании. Отобранный языковой материал достаточно репрезентативен, поскольку является отправной точкой при обозначении Д. Трампа себя как политика в дискурсе, а в течение последующих дебатов свойственные политику реплики и темы регулярно повторялись. Первые президентские дебаты Дональда Трампа в 2016 г. являются одной из самых ярких демонстраций его речевых способностей. Президентский идиостиль Д. Трампа характеризуется простотой,

антиэлитарностью и коллективизмом, что вызывает как поддержку, так и критику в различных странах мира [Oliver, Rahn 2016]. Подобное описание соответствует отмечаемому в настоящем времени политическому тренду: в президентском дискурсе набирает обороты «антиинтеллектуальная направленность» [Lim 2008]. Уникальный в лингвистическом аспекте стиль Д. Трампа заставляет исследователей задаваться вопросом о связи между его выступлениями и современным подходом к президентским дебатам. Целью данной статьи является поиск ответов на следующие вопросы: какие стратегии Д. Трамп использовал в президентских дебатах? Использовал ли Д. Трамп стратегии, отличные от стратегий других, более конвенциональных политиков с общепринятой стратегией ведения дебатов и построения политического дискурса?

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом нашего исследования является скрипт видеозаписи выступлений политиков во время первых президентских теледебатов 2016 г. между Хиллари Клинтон и Дональдом Трампом [Transcript of the First Debate 2016]. Дебаты проходили вечером 26 сентября в частном Университете Хофстра в Хэмпстеде, вблизи Нью-Йорка. Модератором выступил Лестер Холт. Полуторачасовые дебаты были разделены на шесть сегментов продолжительностью пятнадцать минут каждый. Были обозначены следующие темы для дискуссии: достижение процветания страны, направление развития Америки и обеспечение ее безопасности. В начале каждого сегмента модератором обоим кандидатам задавался один и тот же контрольный вопрос, и у каждого из них было до двух минут, чтобы ответить на него. Стоит отметить, что аудитория, которую также можно считать косвенным участником дебатов, согласилась хранить тишину, чтобы кандидаты могли сосредоточиться на своих выступлениях. Аплодисменты допускались только во время появления Д. Трампа и Х. Клинтон в зале университета.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Критический дискурс-анализ (далее CDA) впервые появился в 1970-х гг., затем, в 1991 г., сформировался как исследовательская программа с более проработанными

параметрами [Watt 2008]. Его последующее развитие было во многом обязано Т. Ван Дейку, Р. Водак, Г. Крессу, Т. ван Левену и Н. Фэйрклафу. CDA занимается междисциплинарными подходами к исследованию использования языка. CDA можно определить как изучение языка, выходящее за рамки уровня предложения, но учитывающее способы объединения предложений для создания смысла и, что более важно, достижения целей [Fuller 2003]. Р. Водак и М. Мейер определяют этот анализ как возможность де-мистификации идеологий и власти посредством анализа семиотических устных и письменных данных [Wodak, Meyer 2009; Watt 2008]. Т. ван Дейк утверждает, что CDA — это тип аналитического исследования, которое изучает главным образом диктат, доминирование и неравенство через текст в социальном и политическом контекстах [Van Dijk 1993]. Н. Фэйрклаф определяет CDA как анализ дискурса, целью которого является систематическое исследование часто непонятных отношений причинности и детерминации в дискурсивных практиках, событиях и текстах, идеологически сформированных властью и борьбой за власть [Fahnestock 2011]. В более широком смысле он раскрывает сложные отношения между языком, властью, социальной и исторической идеологией [Tannen 2007]. Трехмерная модель Н. Фэйрклафа и модель позитивной самопрезентации и негативной презентации других Т. ван Дейка как продолжение идей CDA используются нами в качестве базовой структуры для исследования высказываний политиков.

CDA, будучи междисциплинарным исследованием, не только анализирует текст, но и исследует процесс его производства и интерпретации. Из схемы (рис. 1) следует, что текст оказывается концентрически вписан в две плоскости — дискурсивной и социокультурной практики, при этом в социокультурную практику он включен на уровне «непосредственной ситуации, более широкого института или организации и на социальном уровне». Исследуя текст в рамках CDA, Н. Фэйрклаф разбивает анализ на следующие этапы: описание (формальные свойства текста, такие как грамматика, лексика, текстовые структуры), интерпретация (отношения, установленные между текстом и взаимодействием) и объяснение (отношения между взаимодействием и социальными контекстами).

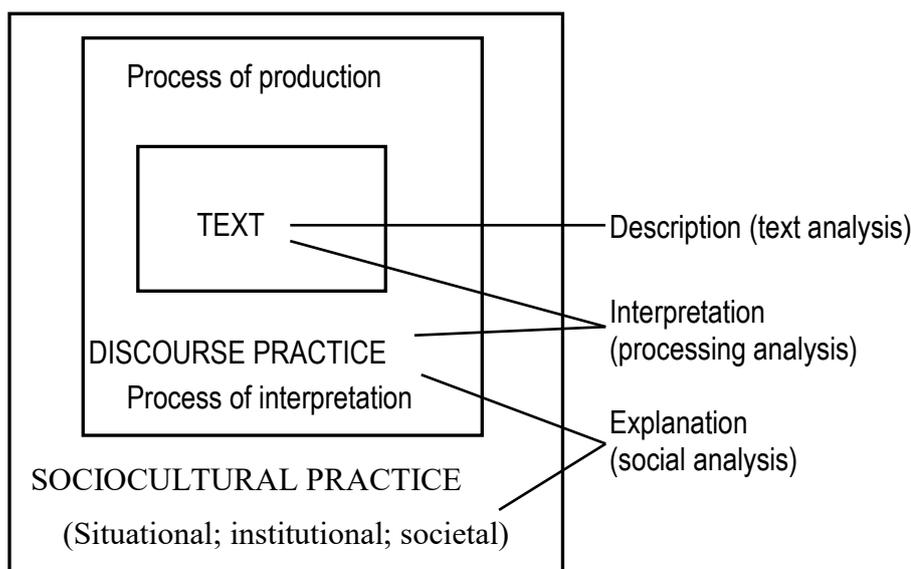

Рис. 1. Трехмерная модель текстов (Fairclough, 1995)

CDA рассматривает язык как многофункциональную систему, что также требует обращения к системно-функциональной грамматике М. Халлидея. Лингвист рассматривал текст как семантическое явление, а не как чисто грамматическое, полагая, что семантика неразрывно связана с грамматикой, так как значения в языке обычно реализуются посредством формулировок, или форм выражений [Benoit, Hansen, Verser 2003]. Чтобы проследить значение текста, грамматика должна быть одновременно функциональной и семантической, т. е. грамматические категории должны интерпретироваться как выражения семантических моделей. Следуя этой логике, язык представляет собой систему для выражения значений. Значения же зашифрованы в грамматических единицах, или синтагмах. М. Халлидей в своих исследованиях описывает три функции языка: (1) репрезентативную (язык служит для выражения опыта говорящего в его внешнем и внутреннем мире), (2) межличностную (язык отвечает за отношения говорящего и слушателя и коммуникативную роль, которую они принимают), (3) текстовую (объединяет две функции для создания текста посредством формулировок, в итоге говорящий или пишущий может создавать текст, а слушатель и читатель могут его распознать) [Gusterson 2017].

Анализ политического дискурса фокусируется на воспроизводстве или оспаривании политической власти посредством политического дискурса [Fahnestock 2011]. Политика вряд ли может существовать без языка, именно язык формирует широкое понимание политики у социальных групп [Chilton, Schäffner 2002]. А. Пелинка считает, что язык выходит за рамки лингвистики и должен вос-

приниматься в том числе как политический феномен [Pelinka 2007]. Политики используют политический дискурс для манипулирования общественным мнением, получения поддержки и контроля над другими политическими взглядами [Van Dijk 1993]. Анализ политического дискурса (Political discourse analysis, PDA) исследует, каким образом политики совершают свои радикально выраженные и эмоционально окрашенные акты убеждения. С помощью такого манипулирования политики завоевывают доверие избирателей, даже если их аргументы не рациональны и не логичны. Т. ван Дейк утверждает, что при исследовании политического дискурса можно изучать политические взгляды на микро- и макроуровнях: микроуровень обычно охватывает личные мнения политиков об обществе, в то время как макроуровень свидетельствует об идеологии, философии и политической ориентации всей партии, к которой они принадлежат [Van Dijk 1993].

Политические дебаты — это раздел политического дискурса, направленный на распространение информации о цели партии и/или кандидата в президенты, а также плана действий относительно современных социальных явлений, проблем и конфликтов. Такие формы информирования масс также позволяют делать политические отсылки к прошлым событиям, помогая избирателям утвердиться в своих предпочтениях в отношении партии или конкретного кандидата. Политические дебаты обычно проходят в форме прямого общения лицом к лицу, в ходе которого ведущий задает вопросы, а кандидаты в течение нескольких минут должны дать достойный ответ. В дополнение к формату «вопрос — ответ» политики, участвующие в президентских дебатах, так-

же вербально атакуют и контратакуют друг друга. Политические дебаты привносят трезвость в кампанию, сдерживают политическую претенциозность, фокусируют внимание на посыле конкретной кампании и обеспечивают вовлеченность как избирателей, так и кандидатов.

В целом президентские дебаты обладают теми же характеристиками, что и политические [Brown 2005]. Президентские дебаты помогают избирателям узнать о сильных и слабых сторонах кандидатов со всех сторон, об их опыте, умении справляться с внутренними и международными делами, а также их планах действий по управлению страной и ее развитию. Кандидаты могут рассчитывать на президентские дебаты для привлечения голосов, речевой манипуляцией изменяя точки зрения избирателей и даже изменяя их предпочтения относительно партии и мнения о конкретном человеке, борющемся за президентское кресло. Исследуя президентские дебаты, лингвисты выделяют три стратегии, которые кандидаты в президенты часто используют, а именно: саморекламу, описание оппонентов через словесную атаку, самокоррекцию, или улучшение собственного имиджа через защиту от обвинений оппонентов [Benoit, Hansen, Verser 2003; Brown 2005]. М. Шибата добавляет еще одну стратегию поведения в президентских дебатах — экстравокализацию [Sclafani 2017]. Кандидаты, использующие этот метод, обычно цитируют то, что другие ораторы говорили ранее, чтобы акцентировать внимание на внутренних противоречиях этих высказываний. Эта стратегия заключается в демонстрации того, что другие кандидаты просто приукрашивают свой имидж, используя ложь и фальсификацию.

Анализируя президентские дебаты, исследователи обычно ссылаются на социологическую теорию Э. Гоффмана [Brown, Levinson S. C., Levinson S. C. 1987; Boyd 2013; Hastings, Stead, Webb 2004]. Американский исследователь рассматривает социальный мир как сцену, на которой актеры играют несколько ролей, создавая тот образ, который они хотят сделать видимым для других [Gee, Handford 2013]. Точно так же «политические актеры и актрисы» прилагают усилия, чтобы получить поддержку и «окации зрителей». Основываясь на теории Э. Гоффмана, теория вежливости П. Браун и С. Левинсона подчеркивает, что каждый человек, заинтересованный в достижении своих целей в коммуникации, обычно старается избегать навязчивого поведения и выражения угроз лицу, чтобы не унижать достоинство своих оппонентов и продемонстрировать уважение

к свободе и автономности [Bin 2005]. Это помогает поддержать «позитивное лицо» и «чувство собственного достоинства» обеих сторон — коммуникантов. Парадоксально, но кандидаты в президенты должны одновременно выполнять противоположные действия, атакуя оппонентов, но при этом поддерживая позитивный образ себя в глазах аудитории. Они пытаются поддерживать собственный положительный имидж, совершая при этом акты угрозы лицу оппонента. Этот принцип применяется в дебатах и Д. Трампом. В частности, для достижения своих целей он комбинировал позитивную (гиперстратегия используется для привлечения и приближения собеседника) вежливость, негативную вежливость (гиперстратегия необходима для выражения уважения и независимости) и прямолинейные (bald-on record) высказывания [Shibata 2020]. Иногда он яростно выражал несогласие с политиками от имени простых граждан. Любопытно, что, как показали многие исследования, президентские дебаты со времен правления Джорджа Буша стали менее интеллектуальными и академическими [Lim 2008]. Это явление известно как популизм, тактика прямого заигрывания с широкими массами народа, при которой происходит уход от идеи лидерства заранее заданной политически элитной группы [Inglehart, Norris 2016]. Такое изменение в языке проистекает из нового подхода кандидатов к представлению и защите аргументов [Oliver, Rahn 2016]. Поэтому, если бы предыдущие исследования президентских дебатов были сосредоточены исключительно на общих стратегиях политиков и традиционных политических дискурсах, в научных работах остался бы большой пробел, особенно относительно феномена победы Д. Трампа. Он не выстраивает свой образ как стереотипный шаблонный имидж политика, а дорабатывает его, преподнося себя аудитории как успешного бизнесмена, уставшего от традиционной политики.

В связи с неординарностью личности Д. Трампа анализ его президентских дебатов должен опираться на большее количество различных моделей, чем упомянуто выше, например, теорию связи дискурса с обществом через социальные когниции, включающую в себя понятия позитивной самопрезентации и негативной презентации других [Van Dijk 1993]. В теории Т. ван Дейка рассматривается тенденция каким-либо образом содействовать членам собственной группы в противовес членам другой группы, так называемый ингрупповой фаворитизм, при этом проводится грань между ингруппой и аутгруппами (хорошими и плохими, ими и

нами и т. д). Уникальность высказываний в течение дебатов Д. Трампа заключается в том, что он, помимо прочего, использует маркетинговый ход — мотив страха — в политике. Мотивация страхом является одним из самых распространенных приемов в коммерции, маркетинге и экономике [Goffman 1967; Lim 2008; Hamdan, Elnadeef 2020]. Маркетологи используют страх в качестве инструмента убеждения, описывая ужасные вещи, которые могут произойти, если клиенты не будут следовать их рекомендациям. Этот метод также применим в политике, где политики используют страх в качестве мотива для снижения зависимости людей от традиционных привычек и повышения открытости аудитории. Таким образом, для анализа выступления президента Трампа исследователям следует учитывать разносторонние подходы, в основе которых лежат четыре основные стратегии президентских дебатов, теории социальных когний и вежливости и подход нагнетания страха. В дополнение к этому, с помощью индекса удобочитаемости Флеша и эмоционального тон-теста в программном обеспечении *Nvivo* были также проанализированы другие лингвистические аспекты, главным образом для того, чтобы подтвердить использование Дональдом Трампом приема мотивации страха, а также создание им собственного образа как аутсайдера в традиционной политике.

АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первые президентские дебаты состоялись 26 сентября 2016 г. Оппонентами были Дональд Трамп и Хиллари Клинтон. Темы первых президентских дебатов включали в себя налоги и рабочие места, террористические организации, расовые проблемы, экономику, преступность и прочее. Во время таких дебатов часто возникает конкуренция за власть и доминирование. Этот анализ основан на расшифровке записей первых дебатов. Нами была взята трехмерная модель Н. Фэйрклафа и модель позитивной самопрезентации и негативной презентации других Т. ван Дейка. Перед анализом поставлена цель с помощью этих моделей подробно разобрать четыре стратегии, используемые в президентском дискурсе дебатов Д. Трампа.

По результатам анализа речи Д. Трампа на первых президентских дебатах, в соот-

ветствии с индексом Флеша ($FRE = 206,835 - 1,015 \times ASL - 84,6 \times ASW$, где ASL — средняя длина предложения в словах, ASW — средняя длина слова в слогах) она заняла первое место по удобочитаемости с индексом 78,6 (простой английский язык, средняя длина предложения составляет от 15 до 20 слов, в среднем слова имеют 2 слога), что выше, чем индекс оппонента, Х. Клинтон — 71,3 (чем выше индекс, тем легче читается текст). Д. Трамп использует простую и ясную лексику, чтобы привлечь более широкую аудиторию. Однако, чтобы не умалить свои умственные способности, в первых президентских дебатах Д. Трамп пытался показать общественности, что его словарный запас не является ограниченным, используя такие выбивающиеся из общеупотребительной лексики слова, как «underleveraged» (встречается либо в словарях бизнес-терминов, либо в толковых словарях с пометой «commerce») или «braggadocios» (в Кембриджском словаре — с пометой «mainly US informal disapproving», этимология — от имени персонажа рыцарской поэмы Э. Спенсера «Королева Фей»). Тем не менее результат подсчетов соответствует ранее упомянутой антиинтеллектуальной направленности американских президентских кампаний. Позитивная самопрезентация создает образ политика Дональда Трампа, готового быть «с народом, во имя народа и для народа». Это характерно для популизма, при котором популисты предпочитают использовать «дискурс низшего класса» и «дискурс обычных людей», а не официальный язык [Grey, Owen, Bolling 2000].

Используя программное обеспечение *Nvivo* для анализа эмоционального тона дискурса Д. Трампа, мы также обнаружили доказательства склонности кандидата в президенты косвенно угрожать слушателям, выбирая негативные слова. Хотя программа разбирает тональность слов в их изоляции от контекста и не учитывает таких явлений, как сарказм, сленг, фразеологические обороты и пр., статистически результаты показывают, что на протяжении всей речи формулировки и подбор слов Д. Трампа демонстрируют негативный или очень негативный тон, наблюдаемый в 142 из 240 предложений (примерно 60 %) о текущей политической, социальной и экономической ситуации.

Табл. 1. Эмоциональный тон дискурса Дональда Трампа

Крайне негативный тон	Умеренно негативный тон	Умеренно позитивный тон	Очень позитивный тон
66 предложений	76 предложений	60 предложений	38 предложений

В тексте первых дебатов Д. Трамп использовал свой словарный запас с целью показать Америку уязвимой, полной угроз и небезопасной. Например, говоря о рабочих местах, он выбрал слово «flee» (спасаться бегством), которое используется только в ситуациях, когда кто-то пытается очень быстро скрыться от возможной опасности. Так, рабочие места «бегут» из Америки и «переезжают» в Мексику и другие страны. Персонифицируя «рабочие места» и добавляя глаголы, создающие ощущение, будто ситуация в Америке настолько критическая, что «рабочие места» вынуждены пытаться сбежать, для привлечения аудитории Д. Трамп задействовал упомянутую стратегию «мотивации страха». Кроме того, он использовал глаголы типа «take» (отобрать) или «steal» (украсть), говоря о том, как другие страны привлекают внимание американских работодателей. Все эти слова создают ощущение того, что Америка является аутсайдером на рынке труда, испытывающим угрозы и обман со стороны всех остальных стран:

- (1) *But we have to stop our jobs from being stolen from us. ...they're taking our jobs. They're giving incentives, they're doing things that, frankly, we don't do.*

Это «формулирование негативного смысла» сформировало представление о том, что другие страны представляют непосредственную угрозу для Америки. Кроме того, Д. Трамп постоянно повторял слова, создающие впечатление хаоса и нестабильности. «Bad» (19 раз), «disaster» (6 раз), «wrong» (13 раз) и «bubbles» — некоторые примеры слов, используя которые кандидат в президенты создавал ощущение неопределенности и описывал Америку как ослабленную и движущуюся в неверном направлении страну. Д. Трамп не стеснялся связывать имя предыдущего президента США — Барака Обамы, по умолчанию считавшегося традиционным авторитетным политиком, — со словом «ошибки».

Трамп также применил стратегию своих маркетологов — мотивацию страха, используя нагнетающий страх метафорический язык, описывая Америку как «piggy bank to rebuild China, and many other countries were doing the same thing» («свинья-копилка для восстановления Китая, и многие другие страны поступают с ней так же»). Сравнением США со свиньей-копилкой он показал, что у Штатов много денег, но они бездарно используют. Его слова формируют представление о том, что Америка эксплуатируется всеми странами как щедрый источник

бесплатных займов и финансовой помощи. Еще одной метафорой Д. Трампа является слово «bubble» (мыльный пузырь). Дважды употребив слов «пузырь», он обозначил, что Америка находится в экономическом мыльном пузыре. Пузырь рано или поздно (а скорее всего, рано) лопнет, что сигнализирует о нестабильности ситуации.

Помимо негативно окрашенной лексики, Д. Трамп также обращался к темам, провоцирующим страх. Во время президентских дебатов политик посвятил много времени вопросам террористических организаций и Китая, даже тогда, когда разговор не имел ничего общего с темой терроризма. Поначалу это может показаться неуместным, но на самом деле кандидат в президенты был очень последователен в использовании мотива страха. Д. Трамп не только неоднократно напоминал аудитории о постоянных угрозах, с которыми сталкиваются американцы, но и использовал экстравокализацию, чтобы связать эти угрозы с Х. Клинтон, и намекал, что избирателям нужно быть осторожными в своем выборе:

- (2) *CLINTON: And I think it's time that the wealthy and corporations paid their fair share to support this country.*

TRUMP: She's going to raise taxes \$1.3 trillion.

HOLT: Mr. Trump, I'm going to...

TRUMP: And look at her website. You know what? It's no difference than this. She's telling us how to fight terrorists. Just go to her website. She tells you how to fight terrorists on her website.

ДИСКУРС КАК ТЕКСТ. ДИАЛОГИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ДИСКУРСА

Есть три отличительных маркера дискурса, которые характерны для президентских дебатов Д. Трампа, а именно: использование частицы «well» («так вот, ну что ж»), вовлечение аудитории с помощью фразы «believe me» («поверьте мне») и использование индикатора смыслового сдвига «by the way» («кстати»). С точки зрения маркеров, используемых для поддержания интерактивности дискурса, употребление «well» характерно для случаев, когда наиболее доступный контекст не является наиболее релевантным для интерпретации затруднительных высказываний [Inglehart, Norris 2016]. Хотя слово «well» часто используется в повседневных разговорах с друзьями и знакомыми [Chung, Pennebaker 2007], оно менее ожидаемо в контексте интервью [Fairclough 1993]. В случае дебатов его репрезентативная функция обозначает сомнения и неопределенность содержания. Это хорошо

иллюстрирует дискурсивный стиль Д. Трампа, использованный в первых президентских дебатах, который был описан как откровенный, резкий и прямолинейный. Примечательно, что Хиллари Клинтон употребляла слово «well» почти в два раза чаще, чем Дональд Трамп (29 и 16 раз соответственно). Можно предположить, что ей было труднее давать прямые и четкие ответы. Это также сигнализирует о том, что она больше сталкивалась с вызовом со стороны Дональда Трампа, в чем проявилась «агрессивность» его политического дискурса — демонстрация иерархии и доминирования, особенно на президентских дебатах, когда требовались немедленные ответы на насущные актуальные вопросы. Учитывая установленную роль слова «well» (и некоторых других маркеров дискурса) в ослаблении позиции оратора, частое использование немаркированных смен ролей во время диалога Д. Трампом в некоторой степени способствует созданию образа решительного и уверенного в себе участника дебатов.

Считается также, что ведущие политики демонстрируют высокий уровень использования категории субъективной модальности, и Д. Трамп также обычно применяет ее для обращения к аудитории [Sibarani, Marlina 2018]. Во время первых президентских дебатов Дональд Трамп произнес фразу «believe me» семь раз. Прежде всего использование слов «believe me» было задумано как насмешка:

- (3) *...by keeping the interest rates at this level. And **believe me**: The day Obama goes off, and he leaves and goes out to the golf course for the rest of his life to play golf when they raise interest rates, you're going to see some very bad things happen...*

Употреблением фразы «believe me» кандидат дистанцировался от образа политика, чтобы показать, что он истинный американский гражданин, который всегда понимает, что думают американцы:

- (4) *And **believe me**, this country thinks it's -- really thinks it's disgraceful, also.*

Более того, «believe me» применяется Д. Трампом для демонстрации аудитории, что, будучи успешным бизнесменом и человеком с богатым жизненным опытом, он понимает, какой вариант для Америки лучше:

- (5) *And that was -- **believe me** -- I'm sure I'm not going to get credit for it -- but that was largely because of what I was saying and my criticism of NATO.*

В целом дискурсивный маркер «believe me» может иметь разный смысл в зависимости от контекста. Сведя к минимуму использование маркеров начальной позиции для

обозначения очереди смены ролей в диалоге (turn-initial или preface position), Д. Трамп, чтобы повысить спонтанность речи, в большей степени использовал маркер середины очереди смены ролей «by the way». Это можно рассматривать как применение репрезентативной функции, указывающей на то, что предстоящая тема не связана тесно с темой дискурса. Такая особенность изменчивости дискурса была полезна для сдвига темы дебатов к более широкой или устрашающей проблеме, который мог бы подкрепить точку зрения оратора, как в примерах (6) и (7), поддержать его идеи и отвлечь ведущего, аудиторию и оппонента от атак на его слабые стороны, как в примерах (8) и (9).

- (6) *...China is totally powerful as it relates to North Korea. And **by the way**, another one powerful is the worst deal I think I've ever seen negotiated that you started is the Iran deal.*
- (7) *Your regulations are a disaster, and you're going to increase regulations all over the place. And **by the way**, my tax cut is the biggest since Ronald Reagan. I'm very proud of it...*
- (8) *The other thing, I'm extremely underleveraged. The report that said \$650 -- which, **by the way**, a lot of friends of mine that know my business say, boy, that's really not a lot of money.*
- (9) *CLINTON: In fact, Donald was one of the people who rooted for the housing crisis. He said, back in 2006, "Gee, I hope it does collapse, because then I can go in and buy some and make some money." Well, it did collapse. TRUMP: **That's called business, by the way.***

Во время первых президентских дебатов 2016 г. характер дискурса Д. Трампа можно назвать эпистрофичным. Это проявляется в спонтанном повторении слов, фраз и предложений, чтобы еще больше подчеркнуть ту ситуацию, в которой, по мнению кандидата в президенты, находятся США:

- (10) *Our jobs are fleeing the country. They're going to Mexico. They're going to many other countries.*

Д. Трамп использовал повторы, чтобы бросить вызов Хиллари Клинтон и заставить ее ответить на неудобные вопросы, что является признаком спонтанности в дискурсе президентских дебатов:

- (11) *TRUMP: So is it President Obama's fault? CLINTON: ... before you even announced. TRUMP: Is it President Obama's fault? CLINTON: Look, there are differ-*

ences...

TRUMP: Secretary, is it President Obama's fault?

CLINTON: There are...

TRUMP: Because he's pushing it.

TRUMP: So is it President Obama's fault?

CLINTON: ... before you even announced.

ДИСКУРС КАК ТЕКСТ. СОДЕРЖАНИЕ ДИСКУРСА

Д. Трамп старается отстраниться от других, «типичных» политиков, разочаровавших американских граждан. Он старается сформировать образ себя как успешного и опытного бизнесмена, постоянно обращаясь к этой теме в своих высказываниях. В приведенном ниже примере можно наблюдать один из его основных приемов политических дебатов, когда Д. Трамп поправляет оппонента, чтобы, во-первых, защитить себя, во-вторых — перенаправить атаку оппонента и воспользоваться ею как возможностью добавить блеска своему успешному образу.

(12) CLINTON: ...they showed he didn't pay any federal income tax.

TRUMP: That makes me smart.

[...] But I could give you a list of banks, I would -- if that would help you, I would give you a list of banks. These are very fine institutions, very fine banks. I could do that very quickly.

TRUMP: ... I built an **unbelievable** company. Some of the **greatest assets** anywhere in the world... It's an **unbelievable** company.

Кроме того, Д. Трамп делал очевидным различие между собой и политиками с помощью термина, который он выбрал для обращения к Х. Клинтон — «Госсекретарь Клинтон» (24 раза во время первых дебатов). Политик целенаправленно делал акцент на то, что Х. Клинтон действительно имеет долгую политическую карьеру, но за весь внушительный период времени службы при правительстве не слишком эффективно справлялась со своей работой. Это видно из его упоминаний о «политиках, таких как госсекретарь Клинтон» или по таким высказываниям, как «Госсекретарь Клинтон и другие политики должны были делать это в течение многих лет», «Типичный политик — одни разговоры, никаких действий» и уже ставшей мемом в сети Интернет фразе «Звучит хорошо, но не работает». Д. Трамп дистанцировался от «традиционных» политиков, чтобы показать, что он не тот человек, который, подобно им, разочарует избирателей. Это пример позитивной я- и негативной они- пре-

зентации в дискурсе.

ДИСКУРС КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА

Дискурсивная практика — это мост, соединяющий языковые особенности с социальной практикой. Дискурс дебатов следует паттерну «вопрос-ответ», в котором ведущий задает вопросы, а два кандидата по очереди обосновывают свои политические позиции. Технически ведущий инициирует тему, а затем вопросы рассматриваются, решаются и распределяются по очередности ответов двумя кандидатами. Однако бывают случаи, когда тема поднимается и предлагается к рассмотрению не ведущим, а кандидатами, когда они намерены атаковать друг друга.

Рецепция текста в таких случаях направлена на аудиторию. Идиостиль Д. Трампа был ориентирован на широкие массы граждан, поэтому ему был свойственен в речи простой язык, яркие и живые примеры и дискурсивные маркеры, что в сумме вновь свидетельствует об антиинтеллектуальной направленности его президентства. Однако главный реципиент текста — аудитория — в силу специфики формы дебатов не имеет возможности ответить или отреагировать как-либо на то, что пытаются внушить кандидаты. Таким образом, политики вынуждены обращать внимание на другие семиотические факторы, такие как жесты, звуки (аплодисменты) и мимика аудитории для корректировки своей речи. Тем не менее нельзя отрицать, что реципиентами текста также являются сами участники дебатов — политики и ведущий. Кандидатам необходимо быть внимательными к аргументам оппонента для эффективной контратаки, а ведущий должен поддерживать последовательность и логику дебатов, обеспечивая интертекстуальность. Так как ведущий пристально следит за дебатами, в них наблюдается общая согласованность и связность. Однако мы уже упоминали, что специфичным для Д. Трампа приемом в дебатах было отвлечение внимания от своих слабых сторон за счет использования индикатора смены очереди «by the way». С одной стороны, это отклонение в ходе коммуникации нарушало ощущение согласованности и связности дебатов, но оказалось полезно для защиты политического имиджа Д. Трампа.

ДИСКУРС КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Чтобы получить контроль над дебатами, Д. Трамп множество раз использовал вопросительные предложения и часто перебивал оппонента. Можно заметить, что он задавал много вопросов, отвлекая Х. Клинтон и вме-

шиваясь в ее речь, сбивая с темпа и хода логики повествования. И в то же время, если для некоторой части аудитории это может быть сигналом для настороженности, другие слушатели отнеслись к такому вмешательству благосклонно, поскольку логика и аргументированность того, что говорила Х. Клинтон, выглядела настолько слабой, что была достаточно уязвимой для нападков Д. Трампа. Лингвистический стиль Д. Трампа демонстрировал, что он рассматривает вопросы и перебивания как средство контроля и власти в дебатах [Pelinka 2007]. Чтобы избежать эскалации негативных последствий, политик заранее сигнализировал о том, что собирается перебить оппонента, и добавлял в свою речь юмор:

(13) *CLINTON: I have a feeling that by the end of this evening, I'm going to be blamed for everything that's ever happened.*

TRUMP: Why not?

CLINTON: Why not? Yeah, why not?

Анализ записи текста показывает, что существует дисбаланс между Д. Трампом (91) и Х. Клинтон (71) в количестве смены ролей, а следовательно, и в перетягивании внимания на себя. Это показывает неравномерность распределения власти в диалоге между двумя кандидатами — в данном случае власть находилась у Д. Трампа. Перебивая, задавая вопросы и позволяя себе говорить больше, чем ему было отведено модерацией дебатов, он выигрывал себе больше времени, получая возможность донести свой главный и победный лейтмотив о том, как «снова сделает Америку великой». Аудитория, хотя ее и просили воздержаться от реакции, иногда все равно аплодировала, демонстрируя свою поддержку речи Д. Трампа.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании мы ставили перед собой цель не только раскрыть, как использовался язык Д. Трампом в рамках президентской кампании для привлечения внимания аудитории и убеждения электората, но и попытаться ответить, использовал ли политик стратегии, отличные от стратегий более конвенциональных политиков.

Для ответа на этот вопрос мы обратились к дескриптивно-аналитическому методу исследования, основанному на трехмерной модели критического дискурсивного анализа, описываемой Н. Фэйрклафом, а также других средствах идеологического дискурсивного анализа, представленных в работах таких ученых, как П. Браун и С. Левинсон (теория вежливости), Э. Гоффман (теория социальных ролей), Т. ван Дейк (исследова-

ния по семантике и прагматике дискурса), М. Халлидей (системно-функциональная грамматика) и др. Подобная модель помогает рассмотреть интересующие вопросы не только анализируя текст, но и исследуя процесс его производства и интерпретации как со стороны формальных свойств текста, так и отношений, установленных в дискурсивных и социокультурных практиках. Текст выступления Дональда Трампа во время первых президентских дебатов 2016 г. является примером многогранного материала для исследования, раскрывающим его основные идиостилистические особенности, которые были отмечены и в последующих политических выступлениях.

Нами было установлено, что для достижения своих целей в предвыборной гонке Д. Трамп в своем первом выступлении объединил четыре речевые стратегии, присутствующие в дебатах: саморекламу, описание оппонентов через словесную атаку, исправление ошибок или улучшение имиджа через защиту от обвинений оппонентов и экстравокализацию.

В рамках саморекламы Д. Трамп посредством речевых актов положительной самооценки намеренно выставляет на передний план все привлекательные качества своей личности и стремится зарекомендовать себя человеком, наиболее подходящим на пост президента. Позитивная самопрезентация создает образ политика Дональда Трампа как близкого к народу человека. В отношении описания оппонентов (в частности, Х. Клинтон) политик явно демонстрировал свои аргументы и убеждения в слабом соответствии своих противников ожидаемому от кандидата в президенты образу в вызывающей манере, резко враждебным тоном. Улучшение имиджа через защиту от обвинений оппонентов можно было наблюдать в различных примерах. Чаще всего Д. Трамп перебивал и поправлял оппонента, чтобы, во-первых, защитить себя, во-вторых — перенаправить атаку оппонента и воспользоваться ею как возможностью добавить к своему образу еще больше описаний позитивных качеств. Вопросительные предложения и перебивания также оказались привычными для кандидата в президенты средствами контроля и распределения власти в дискурсе дебатов. Таким же частоупотребимым средством выступила и экстравокализация: эпистрофичная манера речи политика возвращает аудиторию к тем высказываниям оппонента, которые в нынешнем свете для него же самого оказываются невыгодными.

Тем не менее не всегда корректно используя приемлемые для политических де-

батов речевые стратегии, Д. Трамп добавляет в свой дискурс и новые, непривычные для политики, но присущие сфере бизнеса. Анализ эмоционального тона дискурса Д. Трампа помог обнаружить еще одну особенность политика — склонность косвенно угрожать слушателям, подбирая слова, маркированные как «негативного» и «крайне негативного» тона (примерно 60 % по числу содержащих их предложений). Обозначая Соединенные Штаты Америки как небезопасную страну, уязвимую и полную угроз, политик прибегал к стратегии, близкой маркетингу — «мотивации страха» — использованию нагнетающего страха метафорического языка.

Индекс удобочитаемости Флеша показал, что речь Д. Трампа состоит из простых слов и коротких предложений, что не всегда типично для политического дискурса, но выгодно для бизнеса. Такое построение текста может рассматриваться как отход от официального языка дебатов и заигрывание с «дискурсом обычных людей». Простой язык помогает политику свести к минимуму дистанцию между собой и аудиторией. Однако, оставляя в предложениях вкрапления профессиональной лексики (маркируемые в словарях как бизнес-термины), обозначающие говорящего в дис-

курсе как опытного и успешного бизнесмена, политик делает свои высказывания более убедительными. Д. Трамп применяет довольно идиосинкратический шаблон эмфатического стиля речи, чтобы показать мрачный взгляд на современную Америку, представляя себя единственным спасителем американского народа.

Дискурс Д. Трампа является интересным материалом для аналитиков, поскольку дает дополнительное понимание того, как политики используют язык и стратегии дискурса. Именно в случае Д. Трампа наблюдается сочетание традиционных стратегий с более бизнес-ориентированным подходом, представленное в прямолинейных рамках высказываний. Исследуемый материал мотивирует на изучение выявленных изменений лингвистического стиля современных политиков в целом: положительный исход дебатов на пост президента в 2016 г. обозначил определенный уход от традиционной коммуникации политиков в менее конвенциональную сторону, и желание использовать плоды упомянутого события может сформировать определенный набор языковых средств у политиков нового времени.

V. Yu. Samartsev

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: vdmsmrcv@gmail.com.

Critical Discourse Analysis of Speech Strategies Employed by D. Trump During the First Presidential Debate of 2016

ABSTRACT. *Modern international relations and the growing politicization of society have led to an increase in interest in the language of politicians and their speech behavior. The image of the country is formed on the basis of the ways of its presentation by politicians through their choice of expressive means and effective strategies of speech behavior. The discourse of D. Trump as a candidate for president of the United States of America is of interest from the point of view of the dichotomy of the unconventionality and effectiveness of the language means used by him. The analysis of the speech strategies used during the debate by the politician is based on the scientific works of I. Goffman, N. Fairclough, M. Halliday, and others. In the course of this research, the author found that D. Trump's speech combines four strategies of presidential debates: self-promotion, description of opponents through verbal attack, self-correction or improvement of one's own image through protection from the accusations of opponents, and extravocalization. Denoting the United States of America as an insecure country, vulnerable and full of threats, D. Trump resorted to a strategy similar to marketing – “fear motivation” – the use of fear-inducing metaphorical language. Simple language helped the politician to minimize the distance between himself and the audience: D. Trump's speech consists of simple words and short sentences, which is not always typical of political discourse, but is beneficial for business. The use of generally accepted strategies of political discourse by a politician, together with a more business-oriented approach, allows the researcher to consider the development of political discourse from a new perspective and draw attention to the further possibility of finding a set of language tools for politicians of the new time.*

KEYWORDS: *political discourse; political rhetoric; linguistic personality; linguopersonology; political speeches; linguistic means; political statements; U.S. presidents; political communication; critical discourse analysis; pre-election discourse; image of the state; presidential election.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Samartsev Vadim Yur'evich, Post-Graduate Student, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia.*

FOR CITATION: *Samartsev, V. Yu. Critical Discourse Analysis of Speech Strategies Employed by D. Trump During the First Presidential Debate of 2016 / V. Yu. Samartsev // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 116-126. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_11.*

REFERENCES

1. Benoit, W. L. A meta-analysis of the effects of viewing US presidential debates / W. L. Benoit, G. J. Hansen, R. M. Verser. — Text : unmediated // *Communication Monographs*. — 2003. — Vol. 70. — № 4. — P. 335–350.
2. Berezin, M. On the construction sites of history: Where did Donald Trump come from? / M. Berezin. — Text : unmediated // *American Journal of Cultural Sociology*. — 2017. — Vol. 5. — № 3. — P. 322–337.
3. Bin, X. Critical linguistics: Theory and application / X. Bin. — Text : unmediated // *Shanghai Foreign Language Education Pr.* — 2005.
4. Boyd, M. S. Reframing the American dream: Conceptual metaphor and personal pronouns in the 2008 US presidential debates / M. S. Boyd. — Text : unmediated // *Analyzing genres in political communication*. — 2013. — P. 297–320.
5. Brown, P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. C. Levinson, S. C. Levinson. — Cambridge University Press, 1987. — (Studies in Interactional Sociolinguistics ; vol. 4). — Text : unmediated.
6. Brown, R. E. Acting presidential: The dramaturgy of Bush versus Kerry / R. E. Brown. — Text : unmediated // *American Behavioral Scientist*. — 2005. — Vol. 49. — № 1. — P. 78–91.
7. Chilton, P. (ed.). Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse / P. Chilton, C. Schäffner (ed.). — John Benjamins Publishing, 2002. — Vol. 4. — Text : unmediated.
8. Chung, C. The psychological functions of function words / C. Chung, J. W. Pennebaker. — Text : unmediated // *Social Communication*. — 2007. — Vol. 1. — P. 343–359.
9. Dijk, T. A. van. Principles of critical discourse analysis / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // *Discourse & society*. — 1993. — Vol. 4. — № 2. — P. 249–283.
10. Dijk, T. A. van. Discourse and manipulation / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // *Discourse & society*. — 2006. — Vol. 17. — № 3. — P. 359–383.
11. Fahnestock, J. Rhetorical style: The uses of language in persuasion / J. Fahnestock. — Oxford University Press, 2011. — Text : unmediated.
12. Fairclough, N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities / N. Fairclough. — Text : unmediated // *Discourse & society*. — 1993. — Vol. 4. — № 2. — P. 133–168.
13. Fuller, J. M. Discourse marker use across speech contexts: A comparison of native and non-native speaker performance / J. M. Fuller. — Text : unmediated // *Multilingua*. — 2003. — Vol. 22. — № 2. — P. 185–208.
14. Gee, J. P. (ed.). The Routledge handbook of discourse analysis / J. P. Gee, M. Handford (ed.). — Routledge, 2013. — Text : unmediated.
15. Goffman, E. Interaction ritual: Essays on face-to-face interaction / E. Goffman. — 1967. — Text : unmediated.
16. Grey, A. A breath of fresh air: tackling smoking through the media / A. Grey, L. Owen, K. Bolling. — Health Development Agency, 2000. — Text : unmediated.
17. Gusterson, H. From Brexit to Trump: Anthropology and the rise of nationalist populism / H. Gusterson. — Text : unmediated // *American Ethnologist*. — 2017. — Vol. 44. — № 2. — P. 209–214.
18. Halliday, M. A. K. Linguistic function and literary style: An inquiry into the language of William Golding's *The Inheritors* / M. A. K. Halliday. — Text : unmediated // *Essays in modern stylistics*. — 1981. — P. 325–360.
19. Hamdan, A. H. E. Analysis of the Prime Minister Abdulla Hamdok's Speech from Rhetoric and Linguistic Perspective / A. H. E. Hamdan, E. A. E. Elnadeef. — Text : unmediated // Available at SSRN 3521870. — 2020.
20. Hastings, G. Fear appeals in social marketing: Strategic and ethical reasons for concern / G. Hastings, M. Stead, J. Webb. — Text : unmediated // *Psychology & marketing*. — 2004. — Vol. 21. — № 11. — P. 961–986.
21. Hinck, E. A. Politeness strategies in the 1992 vice presidential and presidential debates / E. A. Hinck, S. S. Hinck. — Text : unmediated // *Argumentation and Advocacy*. — 2002. — Vol. 38. — № 4. — P. 234–250.
22. Inglehart, R. F. Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash / R. F. Inglehart, P. Norris. — Cambridge University Pr., 2016. — Text : unmediated.
23. Jucker, A. H. The discourse marker well: A relevance-theoretical account / A. H. Jucker. — Text : unmediated // *Journal of Pragmatics*. — 1993. — Vol. 19. — № 5. — P. 435–452.
24. Lim, E. T. The anti-intellectual presidency: The decline of presidential rhetoric from George Washington to George W. Bush / E. T. Lim. — Oxford University Press, 2008. — Text : unmediated.
25. Neill, W. J. V. Marketing the urban experience: Reflections on the place of fear in the promotional strategies of Belfast, Detroit and Berlin / W. J. V. Neill. — Text : unmediated // *Urban studies*. — 2001. — Vol. 38. — № 5–6. — P. 815–828.
26. Transcript of the First Debate // *The New York Times* 2016, September 27 — URL: <https://www.nytimes.com/2016/09/27/us/politics/transcript-debate.html> (date of access: 01.02.2021) — Text : electronic.
27. Oliver, J. E. Rise of the Trumpenvolk: Populism in the 2016 Election / J. E. Oliver, W. M. Rahn. — Text : unmediated // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 2016. — Vol. 667. — № 1. — P. 189–206.
28. O'Rourke, R. US role in the world: background and issues for Congress / R. O'Rourke, M. Moodie. — Congressional Research Service, 2017. — Text : unmediated.
29. Pelinka, A. Language as a political category: The viewpoint of political science / A. Pelinka. — Text : unmediated // *Journal of Language and Politics*. — 2007. — Vol. 6. — № 1. — P. 129–143.
30. Sclafani, J. Talking Donald Trump: A sociolinguistic study of style, metadiscourse, and political identity / J. Sclafani. — Routledge, 2017. — Text : unmediated.
31. Shibata, M. Why do politicians cite others in political debates?: A functional analysis of reported speech in a Japanese political debate / M. Shibata. — Text : unmediated // *Journal of Language and Politics*. — 2020. — Vol. 19. — № 4. — P. 604–623.
32. Sibarani, J. G. Politeness strategy used in republican debate by Donald Trump / J. G. Sibarani, L. Marlina. — Text : unmediated // *English Language and Literature*. — 2018. — Vol. 7. — № 4.
33. Tannen, D. Talking voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse / D. Tannen. — Cambridge University Press, 2007. — Vol. 26. — Text : unmediated.
34. Cassidy, J. The Nastiest Presidential Debate of All Time / John Cassidy // *The New Yorker* — American national weekly magazine. — 2016. — 10 Oct. — URL: <https://www.newyorker.com/news/john-cassidy/the-nastiest-presidential-debate-of-all-time> (date of access: 01.02.2021). — Text : electronic.
35. Watt, P. 'Underclass' and 'ordinary people' discourses: Representing/re-presenting council tenants in a housing campaign / P. Watt. — Text : unmediated // *Critical Discourse Studies*. — 2008. — Vol. 5. — № 4. — P. 345–357.
36. Wodak, R. Critical discourse analysis: History, agenda, theory and methodology / R. Wodak, M. Meyer. — Text : unmediated // *Methods of Critical Discourse Analysis*. — 2009. — Vol. 2. — P. 1–33.

Ю. Р. Тагильцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** jennifer1979@yandex.ru.

Приемы информационно-психологического воздействия в статических поликодовых текстах, посвященных самоизоляции

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты исследования специфики приемов информационно-психологического воздействия в статических поликодовых текстах — мемах и демотиваторах, посвященных массовой самоизоляции. Анализ показал, что приемы манипуляции («манипулятивное комментирование», «эффект присутствия», «принцип контраста») и пропаганды («общий вагон», «трансфер», «подтасовка карт», «осмеяние», «ссылка на авторитеты») использованы в одних случаях для поддержания таких коммуникативных стратегий, как диффамация объекта и косвенное негативное оценивание объекта, с целью формирования/поддержания в сознании целевой аудитории негативного «медийного образа» и общественного мнения о представителях правоохранительных органов, а также мерах правительства по нераспространению коронавирусной инфекции на территории РФ, что говорит об их намеренном использовании, а в других — не столь часто реализуются в рамках стратегий создания психологического напряжения, нейтрализации шокового состояния и пробуждения сочувствия к жертвам «самоизоляции». При этом данные тексты могут одновременно выступать средством выражения и формирования общественного мнения. Все это еще раз подчеркивает тот факт, что статические поликодовые тексты, посвященные различным сторонам массовой самоизоляции, создавались в соответствии с целым рядом прагматических целей, среди которых рассмешить, высмеять, напугать или поделиться собственными страхами, успокоить, вызвать сочувствие, научить/информировать, сформировать негативное мнение об объекте, дискредитировать объект, заставить задуматься, убедить или переубедить адресата сообщения, приободрить тех, кто оказался на дистанционном обучении или удаленном режиме работы, а также показать повседневные трудности людей, находящихся в условиях массовой самоизоляции и вынужденного социального дистанцирования, изменения их душевного состояния, мировосприятия и миропонимания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; поликодовые тексты; массовая самоизоляция; пандемия; эпидемии; коронавирус; информационно-психологическое воздействие; манипуляции сознанием; манипулятивное воздействие; коммуникативные стратегии; мемы; демотиваторы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики, Институт общественных наук, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 414; e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тагильцева, Ю. Р. Приемы информационно-психологического воздействия в статических поликодовых текстах, посвященных самоизоляции / Ю. Р. Тагильцева // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 127-133. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_12.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31693.

В период введения режима массовой самоизоляции Интернет стал не только одним из немногих и часто используемых средств для получения оперативных данных о сложившейся ситуации в мире, стране, регионе, но и каналом коммуникации, позволяющим выстраивать различные типы речевого взаимодействия, среди которых «один на один», «многие с многими», «один с несколькими», «многие и один», «один и многие» [Morri, Ogan 1996], предоставляя таким образом пользователям возможность находить и распространять информацию в виртуальной среде. И здесь обращает на себя внимание большое количество поликодовых текстов, отражающих особенности восприятия и отношения к этому социальному явлению.

Специфика таких текстов, исходя из анализа прагматических целей коммуникативных стратегий и тактик, заключается, во-первых, в стремлении рассмешить, высмеять, напугать или поделиться собственными страхами, успокоить, вызвать сочувствие, научить/информировать, сформировать негативное мнение об объекте, дискредитировать объект, заставить задуматься, убедить или переубедить, приободрить тех, кто оказался в условиях удаленного режима работы, дистанционного обучения; во-вторых, в репрезентации динамики изменения душевного состояния, миропонимания и мировосприятия «самоизолировавшихся» [Лату, Тагильцева 2021: 69]. При этом следует отметить, что в связи с этими целеустановка-

ми в исследуемых поликодовых текстах (свыше 1200 мемов и демотиваторов) были зафиксированы, пусть не столь часто, случаи использования приемов информационного психологического воздействия, прежде всего манипуляции и пропаганды. Рассмотрим некоторые из них.

I. Манипуляция — распространенная форма монологического общения, предполагающая воздействие на партнера по общению с целью достижения своих скрытых намерений. При таком манипулятивном общении ставится цель добиться контроля над поведением и мыслями другого человека, в связи с этим партнер не информируется об истинных целях общения, они либо просто скрываются от него, либо подменяются другими [Битянова 2001: 75]. Поэтому основой

Рис. 1

В результате, данный прием направлен на поддержание и усиление существующего в общественном сознании стереотипа о продажности и бесчеловечности ведомственных структур РФ, а фраза, основанная на гиперболе, «Умрешь, и все равно выпишут штраф», во втором случае лишь усиливает этот аспект.

2. Принцип контраста. Суть этого приема заключается в том, что необходимая информация подается на фоне другой, изначально негативной и отрицательно воспринимаемой обществом. Так, в следующем

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ КОЛА, ПО КОТОРОМУ ПРОХОДИТ ЕДИНСТВЕННАЯ ЖД ВЕТКА, СОЕДИНЯЮЩИЙ МУРМАНСК С ОСТАЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ РОССИИ, ОБРУШИЛСЯ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Мурманск самоизолировался...

Рис. 3

манипулирования становятся эффективные технологии психологического воздействия, оказывающие влияние на подсознательный уровень индивида.

1. Манипулятивное комментирование. Данный прием позволяет сознательно делать необходимые акценты в освещении события, выделяя нужную информацию. Например, таким акцентом в исследуемом поликодовом тексте можно считать указание на тот факт, что бумажная купюра достоинством 5000 рублей (изобразительный компонент) является «пропуском для свободного передвижения по городу во время карантина» (рис. 1) или падение из окна в период самоизоляции расценивается полицией как самовольное нарушение режима, за которое положен штраф (рис. 2).

В Москве составили протокол о нарушении самоизоляции на мужчину, который выпал из окна

Рис. 2

поликодовом тексте (рис. 3) негативной информацией выступает факт разрушения моста с железнодорожной веткой через реку Кола, соединяющего Мурманск с остальной частью России. Сам факт свидетельствует прежде всего об очередном кризисе транспортного строительства, но в контексте введения ограничительных мер по передвижению между регионами РФ в период эпидемии (весной 2020 г.) эта информация благодаря фразе «Мурманск самоизолировался...» воспринимается реципиентами уже так остро, даже в ироничном ключе.

3. Эффект присутствия представляет собой ссылку на присутствие очевидца (говорящего) при каком-либо событии, что вызывает доверие у реципиента к тому, кто находится в центре происшествия. Это происходит благодаря тому, что пропускная система без анализа допускает информацию к сознанию индивида и человек безоговорочно верит в то, что было представлено в тек-

сте. Например, в исследуемом тексте (рис. 4) говорящим демонстрируется очередной способ защиты в период эпидемии, к которому прибегали таксисты, сопровождая это фразой *«Мы таксовали как могли»*, причем автор сообщения посредством личного местоимения «мы» подчеркивает свою социальную принадлежность к этой группе.

Рис. 4

II. Пропаганда — устная или опосредованная через СМИ деятельность по популяризации и распространению в массах идеи, оказывающая влияние на поведенческие императивы индивидов так, чтобы они воспринимали продиктованные модели поведения или идеи как свои собственные [Манойло 2003: 111—112].

1. «Общий вагон», «общая платформа». Данный прием представляет собой подбор суждений (типа *«Все нормальные люди понимают, что...»*, *«Ни один здравомыслящий человек не станет возражать, что...»* и т. д.), создающих у реципиентов впечатление, что так поступают все члены его группы, поскольку они разделяют предлагаемую позицию.

Рис. 5

В исследуемом поликодовом тексте (рис. 5) посредством фразы *«ведь сто лет назад уже все знали, что маски не работают...»* происходит апелляция к правильности мнения большинства, к которому относится сам говорящий, предлагающий реципиентам присоединиться к группе «противомасочников».

2. «Трансфер», или «перенос». Сущность этого приема заключается в незаметном переносе положительных или отрица-

тельных деталей образа и ассоциаций с одного референта на другой в процессе уподобления последнего первому. Например, в некоторых поликодовых текстах ситуация с защитной экипировкой — маски, перчатки, противочумный костюм — порой обыгрывается картинками произведений неклассической антиутопии, посвященных постъядерной реальности, или миру «сталкерской Зоны» (рис. 6). Как следствие, в сознании ре-

ципиента на защитные меры, применяемые на современном этапе от коронавируса, накладывается «негативный трансфер» с тех мер, которые использовали литератур-

ные герои антиутопий в результате применения химического/биологического оружия, направленного на уничтожение большей части населения Земли.

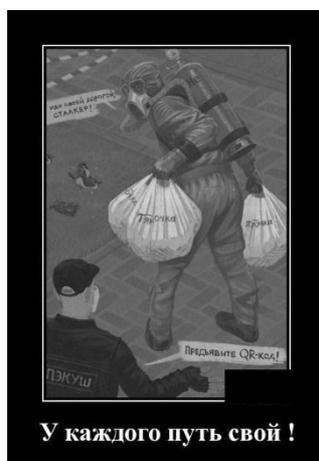

Рис. 6

Также данный прием используется для дискредитации конкретных идей, программ, событий, социальных групп и т. д. В поликодовых текстах, посвященных массовой самоизоляции, объектом воздействия «негативного трансфера» чаще всего становятся

сотрудники правоохранительных органов, которые, согласно транслируемой идее, предстают в образе представителей структур тоталитарного государства, в обязанности которых входит поиск и отстрел нарушителей (рис. 7).

Рис. 7

3. «Подтасовка карт», или «перетасовка». Этот прием уже являет собой отбор и преподнесение либо только положительных, либо только отрицательных фактов с замалчиванием противоположных, что способствует конструированию в сознании реципиентов представлений о привлекательности или неприглядности объекта. Например, в поликодовых текстах, посвященных проблемам пропускного режима, в частности получения пропуска на свободное передвижение по городу в период самоизоляции, информация о субъекте, с которым предполагается взаимодействие, подается только в негативном контексте, поскольку поддерживает мнение о том, что среди сотрудников полиции процветает лихоимство (взяточничество), но при этом не упоминается информация о том, что они обес-

печивают порядок в непростой для всей страны обстановке (рис. 8).

Рис. 8

В результате такой «подтасовки» происходит формирование негативного «медийного образа» и общественного мнения об этой структуре.

4. «Осмеяние». Суть этого приема сводится к высмеиванию объекта (личности, идеи, программы, группы, организации и т. д.) за счет представления в шутовском свете каких-либо его действий, проявлений, что в конечном счете приводит к формированию у аудитории восприятия референта как несерьезного, некомпетентного и т. д. Так, вызывает смех факт задержания со-

трудниками полиции деревянной фигурки Ежика (из советского мультфильма «Ежик в тумане»), что иллюстрируется в составе иконического компонента поликодового текста (рис. 9), и ее допроса («*Зачем вышли в туман? Где лошадка?*»). Все это способствует формированию, а в некоторых случаях и поддержанию бытующего мнения о некомпетентности сотрудников данного ведомства и их неоправданном рвении исполнить распоряжения правительства по поддержанию порядка в регионах страны в период распространения коронавирусной инфекции.

Рис. 9

5. «Ссылка на авторитеты» представляет собой приведение высказываний личностей, обладающих авторитетом у целевой группы. Так, для социальной группы «самоизолировавшихся» в качестве таких авторитетных лиц авторы указывают Робинзона Крузо и отшельницу Агафью Лыкову, которые имеют собственный опыт длительного нахождения в изоляции, и от их лица высказывают мысль, что «первые пару (или

пять) лет тяжело, потом привыкаешь...» (рис. 10 и 11). Подобное оценочное суждение способствует как ироничному восприятию неизвестности, связанной со сроками самоизоляции, так и нейтрализации шокового состояния людей, подразумевая, что, с одной стороны, столь длительный срок — это шутка, а с другой, что ко всему можно привыкнуть.

Рис. 10

Проведенное исследование позволило сделать следующие **выводы**.

Во-первых, выявленные приемы информационно-психологического воздействия в определенной степени связаны с реализуемыми коммуникативными стратегиями. Так, большинство представленных приемов ма-

Проживающая в тайге 75 лет Агафья Лыкова просила передать, что самоизоляция, это первые пару лет тяжело, потом привыкаешь...

Рис. 11

нипуляции («манипулятивное комментирование», «принцип контраста») и пропаганды («общий вагон», «осмеяние», «трансфер», «подтасовка карт») нередко используются в рамках коммуникативных стратегий диффамации (предъявления и/или распространения порочащих сведений, характеристик) и

косвенного негативного оценивания объекта, целью которых является создание негативного оценочного мнения о нем.

Во-вторых, приемы манипуляции и пропаганды, реализуемые в рамках стратегий диффамации и косвенного негативного оценивания объекта, носят целенаправленный характер, в то время как такие приемы воздействия на адресата, как «эффект присутствия» (стратегия пробуждения сочувствия к жертвам «самоизоляции»), «ссылка на авторитеты» (стратегия нейтрализации шокового состояния) и в некоторых случаях «трансфер» (стратегия создания психологического напряжения), могут также использоваться автором неосознанно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Битянова, М. Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей : учеб. пособие / М. Р. Битянова. — Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. — 576 с.
2. Быкова, О. Н. Языковое манипулирование / О. Н. Быкова. — Текст : непосредственный // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. — Красноярск, 1999. — Вып. 1. — С. 99—103.
3. Денисов, С. Ф. Художественные антиутопии: типология и философско-антропологические смыслы / С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова. — Текст : непосредственный // Вестник Че-

лябинского государственного университета. — 2017. — № 7 (403). — С. 19—26. — (Философские науки ; вып. 45).

4. Зелинский, С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды — как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. — Санкт-Петербург : Издат.-торговый дом «Скифия», 2008. — 403 с.

5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 5-е. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — Текст : непосредственный.

6. Лату, М. Н. Коммуникативные стратегии и тактики в статистических поликодовых текстах, посвященных массовой самоизоляции / М. Н. Лату, Ю. Р. Тагильцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2021. — Вып. 1 (85). — С. 50—71.

7. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях : моногр. / А. В. Манойло. — Москва : МИФИ, 2003. — 388 с.

8. Храменко, Д. С. Ирония и юмор как дискурсивные механизмы прагматического воздействия (на материале англоязычных деловых публикаций СМИ) / Д. С. Храменко. — Текст : непосредственный // Филологические науки МГИМО. — 2017. — № 12 (4). — С. 70—75.

9. Язык информационно-психологической войны: стратегии, тактики и приемы // Лингвистика информационно-психологической войны : коллективная монография. Книга I / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. — Глава 3. — 280 с.

10. Morris, M. The Internet as Mass Medium / M. Morris, C. Ogan. — Text : unmediated // Journal of Communication. — 1996. — Vol. 46. — № 1. — P. 39—50.

Yu. R. Tagil'tseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Techniques of Information and Psychological Impact in Static Polycode Texts on Lockdown

ABSTRACT. *The article presents the results of a study of the specific nature of information and psychological impact techniques in static polycode texts-memes and demotivators dedicated to mass lockdown. The analysis shows that the techniques of manipulation (“manipulative commenting”, “the effect of presence”, “the principle of contrast”) and propaganda (“common carriage”, “transfer”, “card manipulation”, “ridicule”, “reference to authorities”) are used in some cases to support such communication strategies as defamation of the object and indirect negative evaluation of the object, in order to form / maintain in the minds of the target audience a negative “media image” and public opinion about representatives of law enforcement agencies, as well as the government’s measures to prevent the spread of coronavirus infection on the territory of the Russian Federation, which indicates their deliberate use. In other cases they are sometimes implemented as part of the strategies aimed to create psychological tension, neutralize shock and awaken sympathy for the victims of “lockdown”. At the same time, these texts can simultaneously serve as a means of expressing and forming public opinion. All this once again highlights the fact that static polycode texts dedicated to various aspects of mass lockdown were created in accordance with a number of pragmatic goals, targeted to make people laugh, ridicule, frighten or share their own fears, calm them down, arouse sympathy, teach / inform them, form a negative opinion about the object, discredit the object, make them think, convince or make the recipient of the message change their mind, cheer up those who on distant learning or work mode, as well as show the everyday difficulties of the people living in lockdown and forced social distancing, and describe changes in their state of mind, world perception and worldview.*

KEYWORDS: *political discourse; polycode texts; mass lockdown; pandemic; epidemic; coronavirus; information and psychological impact; conscience manipulation; manipulative impact; communicative strategies; memes; demotivators.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Tagil'tseva Yuliya Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Pedagogy and Pedagogical Comparative Studies, Institute of Social Sciences, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Tagil'tseva, Yu. R. Techniques of Information and Psychological Impact in Static Polycode Texts on Lockdown / Yu. R. Tagil'tseva // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 127-133. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_12.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Social Research Expert Institute (EISI) within scientific project No 20-011-31693.*

REFERENCES

1. Bityanova, M. R. Social Psychology: Science, Practice and Way of Thinking : textbook / M. R. Bityanova. — Moscow : EKSMO-Press, 2001. — 576 p. [Sotsial'naya psikhologiya: nauka, praktika i obraz mysley : ucheb. posobie / M. R. Bityanova. — Moskva : EKSMO-Press, 2001. — 576 s.]. — (In Rus.)
2. Bykova, O. N. Language Manipulation / O. N. Bykova. — Text : unmediated // Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication. — Krasnoyarsk, 1999. — Issue 1. — P. 99—103. [Yazykovoe manipulirovanie / O. N. Bykova. — Tekst : neposredstvennyy // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya. — Krasnoyarsk, 1999. — Vyp. 1. — S. 99—103]. — (In Rus.)
3. Denisov, S. F. Artistic Anti-utopias: Typology and Philosophical and Anthropological Meanings / S. F. Denisov, L. V. Denisova. — Text : unmediated // Bulletin of the Chelyabinsk State University. — 2017. — No. 7 (403). — P. 19—26. — (Philosophical Sciences ; issue 45). [Khudozhestvennye antiutopii: tipologiya i filosofsko-antropologicheskie smysly / S. F. Denisov, L. V. Denisova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2017. — № 7 (403). — S. 19—26. — (Filosofskie nauki ; vyp. 45)]. — (In Rus.)
4. Zelinskiy, S. A. Information and Psychological Impact on the Mass Consciousness. Mass Media, Information and Propaganda — as a Conductor of Manipulative Methods of Influencing the Subconscious and Modeling the Actions of the Individual and the Masses. — St. Petersburg : Publishing and trading house "Scythia", 2008. — 403 p. [Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeystvie na massovoe soznanie. Sredstva massovoy kommunikatsii, informatsii i propagandy — kak provodnik manipulativnykh metodik vozdeystviya na podsoznanie i modelirovaniya postupkov individa i mass. — Sankt-Peterburg : Izdat.-torgovyy dom «Skifiya», 2008. — 403 s.].
5. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech / O. S. Issers. — Ed. 5th. — Moscow : LKI Publishing House, 2008. — 288 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi / O. S. Issers. — Izd. 5 e. — Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2008. — 288 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Latu, M. N. Communicative Strategies and Tactics in Static Polycode Texts Devoted to Mass Lockdown / M. N. Latu, Yu. R. Tagil'tseva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 50-71 [Kommunikativnye strategii i taktiki v statisticheskikh polikodovykh tekstakh, posvyashchennykh massovoy samoizolyatsii / M. N. Latu, Yu. R. Tagil'tseva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2021. — Vyp. 1 (85). — S. 50—71]. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_05. — (In Rus.)
7. Manoylo, A. V. State Information Policy in Special Conditions : monograph / A. V. Manoilov. — Moscow : MEPhI, 2003. — 388 p. [Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobykh usloviyakh : monogr. / A. V. Manoylo. — Moskva : MIFI, 2003. — 388 s.]. — (In Rus.)
8. Khranchenko, D. S. Irony and Humor as Discursive Mechanisms of Pragmatic Influence (based on the material of English-language business publications of the media) / D. S. Khranchenko. — Text : unmediated // Philological Sciences of MGIMO. — 2017. — No. 12 (4). — P. 70—75. [Ironiya i yumor kak diskursivnye mekhanizmy pragmaticheskogo vozdeystviya (na materiale angloyazychnykh delovyykh publikatsiy SMI) / D. S. Khranchenko. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki MGIMO. — 2017. — № 12 (4). — S. 70—75]. — (In Rus.)
9. The Language of Information-psychological War: Strategies, Tactics and Techniques // Linguistics of Information-psychological War: a Collective Monograph. Book I / ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. un-t, 2016. — Chapter 3. — 280 p. [Yazyk informatsionno-psikhologicheskoy voyny: strategii, taktiki i priemy // Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : kollektivnaya monografiya. Kniga I / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. — Glava 3. — 280 s.]. — (In Rus.)
10. Morris, M. The Internet as Mass Medium / M. Morris, C. Ogan. — Text : unmediated // Journal of Communication. — 1996. — Vol. 46. — № 1. — P. 39—50.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'27

ББК Ш100.621

DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_13

ГСНТИ 16.31.02; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Р. С. Абдуллаев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-6087-2458

 E-mail: abdullayevram@gmail.com.

Русский и азербайджанский языки как объекты языковой политики в Азербайджанской Республике

АННОТАЦИЯ. Социолингвистические ситуации в странах постсоветского пространства представляют собой особый тип конфигураций, в которых сопряженными оказываются такие параметры, как высокий уровень национального и этнического самосознания и связанное с ним понимание национального (титульного) языка как ценности высокого порядка, общее историческое прошлое, унаследованная сложная структура отношений между русским и титульным языком и влияние современных геополитических, экономических и демографических факторов. В настоящей статье с учетом перечисленных параметров рассматриваются вопросы, связанные с динамикой языковой политики, языкового планирования и языкового законодательства в Азербайджанской Республике в период от позднего СССР до настоящего времени. Показана роль национальной, государственной и собственно языковой идеологии трех последовательно правящих партий при принятии решений относительно управления многоязычием, в первую очередь включающим использование азербайджанского и русского языков, в Республике и по поводу регулирования языковой ситуации в институциональных областях коммуникации. В статье также затрагиваются вопросы роли и места языка в области международной политики Азербайджана, в частности культурного сотрудничества между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая политика; языковое планирование; языковое законодательство; языковая идеология; азербайджанский язык; русский язык; социолингвистика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Абдуллаев Рамиль Сахиб оглы, аспирант кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов; 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; e-mail: abdullayevram@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Абдуллаев, Р. С. Русский и азербайджанский языки как объекты языковой политики в Азербайджанской Республике / Р. С. Абдуллаев // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 134-145. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_13.

ВВЕДЕНИЕ

Языковая политика «в современном смысле возникла вместе с формированием концепта „нация“, появлением национальных государств и идеологии национализма, где языку была отведена ключевая роль в процессе формирования национальной идентичности, будь то идентичность этническая или государственная» [Москвичева 2013: 83]. Эту мысль подтверждает тот факт, что целый ряд законов, связанных со статусом и использованием азербайджанского языка, был принят на волне Перестройки, на пике возрождения национальных идей. Позже к языковому законодательству неоднократно возвращались уже в независимом Азербайджане. В настоящей статье мы покажем, что языковая политика оставалась в центре пристального внимания всех правительств и властей разного уровня Азербайджана, а также и то, что интерес к ней до настоящего времени остается высоким. Вместе с тем языковая идеология, а следовательно, векторы и приоритеты языковой политики и языко-

вого планирования были различны в разные периоды недавней истории Республики.

Языковая политика является одним из основных направлений внутренней политики каждого государства, которая обычно определяется правящими элитами и всегда институциональными структурами, уполномоченными принимать соответствующие решения. Следовательно, языковую политику в собственном смысле слова необходимо отличать от «языковой регуляции, языкового планирования, глоттополитики (термин, введенный Л. Геспином и Ж.-Б. Марселези в 1986 году). Языковая политика предполагает воздействие на язык и регулирование его функционирования государственными и уполномоченными для этого структурами, т. е. имеет институциональный характер. Глоттополитика понятие более широкое <...>. Она представляет различные формы воздействия, сознательные и бессознательные, которые общество использует применительно к языковой деятельности в широком смысле» [Москвичева 2013: 83].

Под языковой регуляцией понимаются «различные векторы общественных сил, направленных на феномен вариативности языка» [Там же: 87]. Канадский исследователь Н. Лабри, который ввел это понятие в социолингвистику, дает ему следующее определение: «Языковая регуляция — это воздействие носителей языка на язык, но воздействие имплицитное, бессознательное и не прямое» [Labrie 1996: 827]. В статье мы не затрагиваем вопросы глоттополитики и языковой регуляции, наше внимание сконцентрировано именно на вопросах языковой политики, преимущественно в части языкового законодательства, и на языковом планировании в тех случаях, где это представлялось необходимым.

На смену прежним представлениям, согласно которым язык формировался с течением времени, развивался и изменялся естественным образом, в XX веке пришла идея о том, что он может быть изменен по воле правящих элит и реструктурирован в соответствии с потребностями с помощью запланированных мер. История формирования идеи о возможности сознательного воздействия на язык начиная с рубежа XVIII—XIX в. и до начала 30-х г. XX в. подробно изложена в работе С. А. Москвичевой, в которой рассмотрены модели языковой политики и планирования в духе немецкого романтизма и французского рационализма. Для нас эти две модели представляются наиболее важными, поскольку для языкового строительства раннего СССР было характерно «французское понимание языка как инструмента, формы создания политической нации и немецкий взгляд на язык как на самую сущность нации-народа» [Москвичева 2015], что еще раз нашло выражение в ходе языкового строительства уже в независимом Азербайджане.

В современный период, в связи с изменением векторов внутренней и внешней политики с ориентацией на национализацию и вестернизацию в целом ряде стран постсоветского пространства, русский язык утратил в большинстве из них статус *de facto* официального языка. Это привело к возникновению множества острых вопросов, связанных с его функционированием. Ученые по-разному и под разным углом рассматривали проблему русского языка в странах СНГ после распада СССР. Например, А. В. Воронцов выделяет социально-демографические аспекты проблемы: «После распада СССР русский язык тотчас же потерял статус государственного более чем для 130 млн. человек (бывших республик Союза) и охватывает (как государственный) всего лишь чуть более 140 млн. человек граждан России. Идет

глобальное наступление на русский язык» [Воронцов 2010: 26]. А. Э. Пьянов же подчеркивает сохранение русским языком, по крайней мере на данном этапе, статуса языка межнационального общения [Пьянов 2011: 55].

На протяжении истории российского, советского, а затем независимого Азербайджана место и роль русского языка были различны. Различны были цели и задачи языковой политики правящих элит Республики. Однако можно говорить о том, что русский язык был языком общения преимущественно в больших городах Азербайджанской Республики (далее — АР), а также на приграничных с Россией территориях и, отчасти, на территориях с компактным проживанием национальных меньшинств. Такое положение дел в целом сохраняется и сейчас, а следовательно, говорить о положении русского языка в Азербайджане «вообще» представляется несколько некорректным.

Среди городского населения интерес к русскому языку по-прежнему высок. Это объясняется тем фактом, что хорошее знание русского языка является обязательным условием при приеме на работу в большинстве престижных организаций, действующих в столице, особенно в сфере обслуживания. Также знание русского языка предоставляет возможность получить высшее образование в престижных университетах РФ. Эти и иные потребности в русском языке в АР заставляют пересмотреть ряд массовых алармистских прогнозов о будущем русского языка на постсоветском пространстве, дававшихся как в российской прессе, так и в ряде научных изданий. Изучение места русского языка в АР требует анализа блока вопросов, связанных с языковой политикой и языковым планированием, с учетом геополитических и социально-экономических приоритетов Республики, а также кропотливого изучения языковой ситуации в стране.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДУЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ

Дополнительную актуальность исследуемой проблеме придает тот факт, что в последнее время в азербайджанском обществе вновь повысился интерес к вопросам, связанным с местом и функционированием русского языка. Поводом для широкого обсуждения в СМИ разного типа послужило выделение средств из государственного бюджета для поддержания школ с русским языком обучения, что вызвало недовольство у определенных групп общественности. В этой связи необходимо рассмотреть, какие национальные и политические идеологии

представлены в современном азербайджанском обществе и как они проявляются в различных аспектах языковой политики и языкового планирования. Поскольку эта тема чрезвычайно обширна и не может быть освещена в рамках одной статьи, мы сосредоточим внимание на одном из основных аспектов языковой политики, а именно на языковом законодательстве. Также мы исходим из понимания того, что языковая политика может быть как внутренней, так и внешней, связанной с геополитическими интересами и стратегиями государства, что находит выражение в подписании международных соглашений, касающихся гуманитарной сферы, в том числе и вопросов языка.

Таким образом, целью настоящей статьи является выявление отношения руководящих политических партий к русскому языку в АР в годы их правления, типы и цели законов о языке; также затрагиваются вопросы гуманитарного сотрудничества между двумя государствами, Азербайджаном и Россией, прежде всего в культурно-языковой сфере.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целом при написании статьи мы придерживаемся методологии, изложенной в работе С. А. Москвичевой [Москвичева 2013]. Материалом исследования послужили нормативно-правовые акты Азербайджанской Советской Социалистической Республики (АССР) и АР, а также документы в области языка и образования, размещенные на государственных электронных порталах АР. В статье последовательно прослеживается статус русского языка в Азербайджане в эпоху позднего СССР и при четырех правительствах независимого Азербайджана. Последняя часть посвящена анализу межгосударственного сотрудничества РФ и АР в области поддержки русского языка.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Прежде чем перейти к анализу положения русского языка в АР, следует кратко остановиться на статусе языков (азербайджанского и русского) в эпоху СССР.

1. Русский язык в эпоху позднего СССР и в Перестройку

В советское время русский язык в Азербайджане был *de facto* официальным, хотя в официальном дискурсе он имел номинацию «язык межнационального общения». Государственным языком *de jure*, но также и во многих областях *de facto* являлся азербайджанский язык. Согласно 73 статье Конституции АССР от 21 апреля 1978, государ-

ственным языком АССР являлся азербайджанский язык:

«Статья 73. Государственным языком Азербайджанской Советской Социалистической Республики является азербайджанский язык.

В Азербайджанской ССР на основе равноправия обеспечивается свободное употребление во всех этих органах и учреждениях русского языка, а также других языков населения, которыми оно пользуется» [Азербайджанская ССР. Конституция 1978].

В конце 1980-х гг. на волне национального и культурного ренессанса, а также роста национального самосознания одним из приоритетов языковой политики в республиках Советского Союза стала пропаганда использования национальных языков и расширение их функций как в институциональных сферах, так и в неофициальных сферах коммуникации.

В общее русло вариантов языковой политики республик позднего СССР вписывается решение ЦК Коммунистической партии Азербайджана, принятое в августе 1989, «Об обеспечении более широкого использования азербайджанского языка как государственного в Азербайджанской ССР» [КП Азербайджана. ЦК. О мерах по обеспечению... 1989].

Однако начало Перестройки, сопровождавшееся ослаблением роли и авторитета союзного центра, обострило и противоречия внутри элит в союзных республиках, которые стали использовать языковой вопрос в целях обоснования необходимости предоставления им национального суверенитета. Принятие закона СССР «О языках народов СССР» 24.04.1990, который впервые за всю историю советской власти провозгласил русский язык государственным языком и языком межнационального общения Советского Союза [Свод законов СССР. Т. 1. 1989], еще более способствовало обострению лингвистической ситуации в национальных республиках. В 1988—1991 гг. в Азербайджане начались выступления национально-освободительного движения, в ходе которых образовалась и консолидировалась политическая партия «Народный фронт Азербайджана», провозгласившая целью борьбу за независимость страны. Во второй раз в истории XX века русский язык, ассоциировавшийся на сей раз с СССР, стал восприниматься как препятствие на пути к подлинной свободе. В этот момент русскоязычные азербайджанцы столкнулись с открытой агрессией. Что касается самого русского языка, то казалось, что он скоро исчезнет на территории Республики. Результатом дви-

жения «Народный фронт» стало принятие 18 октября 1991 г. Акта о независимости Азербайджана.

2. Русский язык в первые годы независимости Азербайджанской Республики

После объявления независимости до настоящего времени АР руководили три партии: Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), партия «Народный фронт Азербайджана» (ПНФА) и партия «Новый Азербайджан» (ПНА).

Во время правления Коммунистической партии в уже независимом Азербайджане в лице первого президента Р. А. Муталлибова по отношению к русскому языку и к его преподаванию в школах серьезных изменений не наблюдалось. Срок полномочий на посту президента А. Муталлибова составил 5 месяцев. За это время был подписан протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), также Азербайджан стал членом международной Организации Объединенных Наций (ООН).

На президентских выборах 1992 г. президентом был избран активный участник движения за национальную независимость, кандидат от партии «Народный фронт Азербайджана» А. Эльчибей. В этот период были восстановлены государственные символы Азербайджанской Демократической Республики (АДР), просуществовавшей с 1918 по 1920 г. В течение года, когда А. Эльчибей занимал должность президента, были предприняты следующие шаги в области языковой политики.

Во-первых, начал использоваться термин «тюркский язык», который является историческим названием азербайджанского тюркского языка, использовавшимся в 1918 (АДР) и 1925 (ЗСФСР) гг. 22 декабря 1992 г. был принят закон о государственном языке. Государственным языком и языком общения на территории Азербайджанской Республики провозглашался тюркский язык:

Статья 1. Государственным языком Азербайджанской Республики является тюркский язык.

Работа во всех государственных органах Азербайджанской Республики ведется на тюркском языке. Тюркский язык как государственный язык республики употребляется во всех сферах политической, экономической, общественной, научной и культурной жизни и выполняет функцию средства межнационального общения на территории республики.

Одобряется изучение тюркского языка представителями других национально-

стей, и им оказывается помощь в этом деле [Закон Азербайджанской Республики N 413 от 1992 г. «О государственном языке Азербайджанской Республики»].

По этому поводу азербайджанский академик Р. Мехтиев писал: «Принятие Закона „О государственном языке Азербайджанской Республики“ 1992 г. нанесло серьезный удар по единству азербайджанского народа и, как следствие, по нашей государственности. Закон был принят в спешном порядке 26 депутатами Милли Меджлиса, без учета взглядов и настроений всего населения, а также ситуации в стране. В результате данное событие не вызвало серьезных позитивных изменений в общественной жизни республики, а наоборот, вызвало сепаратистско-националистические тенденции» [Мехтиев 2001].

Во-вторых, были подготовлены и приняты законопроекты о возобновлении использования азербайджанского алфавита на основе латиницы. Переход от кириллицы к латинице послужил еще большему ухудшению положения русского языка в стране. Около 100 новых учебников были переизданы на латинском алфавите. Учебники для средней школы публиковались под названием «Тюркский язык». Такая резко порывающая с прошлым языковая политика вызвала недовольство среди народа.

В-третьих, сократилось количество русских и других иноязычных школ, количество национальных школ с преподаванием на тюркском (азербайджанском) языке увеличилось. В школах, где обучение велось только на русском языке, были введены и классы с азербайджанским языком обучения, впоследствии количество таких классов возросло над русским сектором. С этого момента русский язык утратил какой-либо институциональный статус. И сейчас в Азербайджане статус русского языка не определен, фактически он выполняет функции средства межнационального общения в зонах компактного проживания русскоязычного населения страны. Более подробно вопросы статуса языка изложены в статье С. А. Москвичевой и Р. Абдуллаева [Moskvitcheva, Abdullaev 2020].

В заключение этого раздела можно сказать, что национальная и языковая политика членов партии «Народный фронт Азербайджана» отодвинула на второй план особый статус русского языка в стране. В духе политики вестернизации была сделана ставка на придание большего значения английскому языку, так как считалось, что через преференции этому языку ускорится процесс интеграции страны в Европу. Во время правления партии «Народный фронт Азербайджана»

на» отношения с Россией не были стабильными, проводилась политика всемерного дистанцирования от нее. А. Эльчибей считал создание СНГ серьезной ошибкой, и одним из его первых решений был выход из состава СНГ [Россия все равно распадется 1998]. Все эти действия способствовали массовому оттоку русского населения из Азербайджана в Россию — количество русских, проживающих в Азербайджане, резко сократилось. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Азербайджане насчитывалась 391 тыс. (или 5,6 %) русских, а вместе с русскоязычными — 528 тыс. (или 7,5 %) человек. За период с 1989 по 1997 г. из Азербайджана выехало более 220 тыс. русских.

По данным последней переписи населения, в Азербайджане за 1999—2001 гг. доля русских составляет 2 %, а русскоязычного населения — 9 %. Динамику изменения доли русского населения в Республике отражает диаграмма, основанная на данных интернет-ресурса «Демоскоп» [Демоскоп Weekly www], демографического электронного журнала, публикующего информационные аналитические материалы по демографической ситуации в России и во всем мире. Общая информация взята с сайта «Википедия» [Русские в Азербайджане // Википедия www].

3. Положение русского языка в годы правления партии «Новый Азербайджан»

Г. Алиев, председатель партии «Ени Азербайджан» («Новый Азербайджан»), вернувшийся к политической власти в 1993 г., в области языковой политики, как и в других сферах, руководствовался идеей защиты национальных нравственных ценностей, развития традиций и общеазербайджанской гражданской нации.

Г. Алиев внес определенные изменения в политический, в том числе внешнеполити-

ческий, курс страны: Азербайджан вновь вступил в СНГ, была скорректирована протурецкая ориентация и предприняты шаги к восстановлению отношений по целому ряду направлений с Россией, однако при диверсификации международных связей и геополитической ориентации страны.

Во время подготовки Конституции АР 1995 года выдвигались различные предложения о том, какую номинацию должен получить государственный язык. В подавляющем большинстве этих предложений поддерживалась идея вернуть языку наименование «азербайджанский». После активных обсуждений статья 21 Конституции, принятая на Референдуме в 1995 г., закрепила за государственным языком АР глоссоним «азербайджанский язык»:

Статья 21. Государственный язык.

I. Государственным языком Азербайджанской Республики является Азербайджанский язык. Азербайджанская Республика обеспечивает развитие Азербайджанского языка.

II. Азербайджанская Республика обеспечивает свободное использование и развитие других языков, на которых говорит население [Азербайджанская Республика. Конституция 1995].

После этого работа по развитию и защите языка была усилена. Вышел целый ряд указов и постановлений, связанных со статусным планированием языковой ситуации. 18 июня 2001 г. Г. Алиев подписал указ «Об усовершенствовании применения государственного языка» [Указ Президента Азербайджанской Республики № 506 от 2001 г. «Об усовершенствовании применения государственного языка» www], что дало толчок не только статусному, но и корпусному планированию.

1926	1939	1959	1970	1979	1989	1999	2009
220 545	528 318	501 282	510 059	475 255	392 304	141 700	119 300

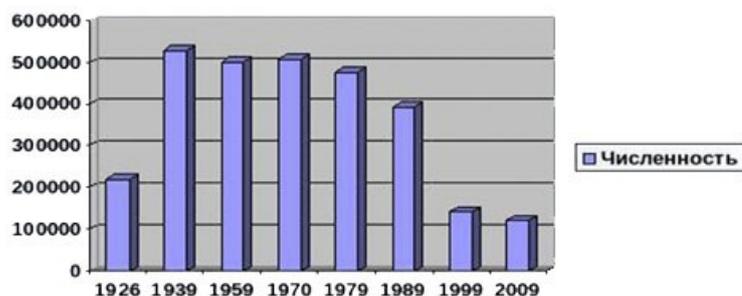

Рис. 1. Динамика численности русского населения в Азербайджане [Русские в Азербайджане // Википедия www]

Так, хотя в первый год независимости — в 1991 г. — был принят азербайджанский алфавит с латинской графикой, это решение осталось на бумаге. Только после соответствующего указа Г. Алиева работа по внедрению азербайджанского языка началась на новом уровне. Именно после этого весь письменный документооборот в Республике перешел на использование латинской графики.

Несмотря на то, что основное внимание в ходе проведения языковых реформ было направлено на планирование государственного языка, Г. Алиеву также удалось сохранить русский язык в Азербайджане, остановить массовый исход русскоязычного населения из страны. Молокане Азербайджана называют Гейдара Алиева «Гарантом неприкосновенности» [Гейдар Алиев в Ивонке www].

Годы правления Г. Алиева можно даже охарактеризовать как своеобразный ренессанс русского языка, что нашло выражение, в частности, и в сохранении школ с русским языком обучения, в то время как во время правления политической пары НФА — Мусават в 1992 г., когда распространялись националистические идеи, интерес к российским подразделениям в школах заметно снизился. В 1993—1994 гг. престиж российских подразделений вновь начал расти.

Мы уже обращались к анализу места, статуса и роли русского языка и подробно раскрыли эту тему в статье [Moskvitcheva,

Abdullaed 2020]. Здесь очень коротко остановимся только на нескольких ключевых моментах. В советское время русский язык был вторым государственным языком в азербайджанских школах, а с 1998 г. он считается иностранным. Начиная с этого года русский язык начал преподаваться в азербайджанском отделении средних школ по всей стране и только по просьбе родителей в качестве иностранного языка по выбору.

На азербайджанском телевидении до 2007 г. продолжалась трансляция на принадлежащих республике национальных частотах российских телеканалов, таких как «Первый», «Россия», «РТР», «РТР планета», «НТВ». Прекращение вещания российских телеканалов объясняется, с одной стороны, ростом доходов населения, что создало условия для развития кабельного телевидения, с другой — прекращением действия соглашения 1995 г. между Россией и AzTV-1 о порядке распространения российского телевидения в Азербайджане [Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о порядке и условиях распространения программ российских телерадиовещательных организаций на территории Азербайджанской Республики www].

В Азербайджане продолжается издание прессы на русском языке. В таблице 1 представлены данные по ряду изданий на русском языке.

Таблица 1. Русскоязычная пресса Азербайджана

Заглавие	Публикация	Дата основания	Дата закрытия	Ориентация	Поддержка политических партий / тираж
Азербайджан	Ежедневно	1918	–	Правое крыло	Партия «Ени Азербайджан»
Эхо	Ежедневно	2001	2018	либеральный	
Зеркало	Ежедневно	1990	2014	либеральный	
Бакинский рабочий	Ежедневно	1906	–	Право-центр	Партия «Ени Азербайджан» / 3000
Азербайджанские известия	Ежедневно				
Каспий	Ежедневно	1999	–	Правое крыло	
Новое время	Ежедневно	1999	–		3000
Вышка	Ежедневно	1928	–	Правое крыло	
Компас	Еженедельная	1995	1998	Левое крыло	
Самур	Ежемесячно	1992	–	Правое крыло	
Неделя	Воскресенье	1997	–	Центр-право	Партия «Ени Азербайджан»
Живая газета	Воскресенье	1997	–	Центр-право	13000
Биржа	Еженедельно	1992	2018	Объявление и реклама	
Угадай-ка	По понедельникам	1999	–	Кроссворд	

Начиная с 2003 г. у власти в Азербайджане оставалась партия «Ени Азербайджан» («Новый Азербайджан»), но уже в лице нового президента страны И. Алиева. С его приходом внимание к русскому языку увеличилось. Помимо дальнейшего интенсивного развития национальной языковой политики, Азербайджан начал активно развивать международные связи в области культурного сотрудничества и, в частности, в области языка. Одним из приоритетных направлений стала Российская Федерация. Азербайджан стал участником и местом проведения различных программ и форумов в рамках гуманитарного сотрудничества двух стран — РФ и АР.

4. Международное измерение языковой политики Азербайджанской Республики

Одной из программ в рамках международного сотрудничества с Российской Федерацией была Федеральная целевая программа «Русский язык (2006—2010 годы)», которая в Азербайджане имела успех и продолжала проводиться в последующие годы, не только в центре страны, но также и в регионах. В Азербайджане, как и в других странах, где осуществлялась эта программа, ее стратегическими задачами являлись:

- обеспечение эффективного функционирования русского языка как основы развития интеграционных процессов в СНГ;
- обеспечение распространения и изучения русского языка и культуры России в зарубежных странах;
- обеспечение наиболее полного удовлетворения языковых и культурных потребностей соотечественников за рубежом [Федеральная целевая программа «Русский язык (2006—2010 годы)» [www](#)].

В Баку в 2009 г. открылся и начал функционировать Российский информационно-культурный центр (РИКЦ).

Основной задачей Российского информационно-культурного центра является ознакомление общественности с историей и культурой, экономическим потенциалом России и народов Российской Федерации, установление и развитие связей с азербайджанскими организациями. Здесь также работают курсы русского языка, проводятся различные конференции, круглые столы, презентации новых книг. Стоимость групповых занятий на курсах русского языка вполне доступна и составляет в переводе на российские рубли порядка 1300 рублей в месяц. Одним из важных направлений деятельности центра является проведение культурно-просветительской работы среди русской общины в Азербайджане.

23 ноября 2009 г. в Баку состоялась торжественная церемония открытия Дома русской книги. В церемонии приняли участие глава Администрации Президента Российской Федерации С. Нарышкин и глава Администрации Президента Азербайджана Р. Мехтиев. С. Нарышкин в своем выступлении подчеркнул особое отношение правительства Азербайджана к русскому языку и культуре [Дадашев [www](#)].

По инициативе Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Общества дружбы России и Азербайджана, а также с обоюдного согласия глав государств Азербайджана и России по итогам официального визита президента Д. Медведева в Азербайджан, в 2010 г. в Баку состоялся Первый форум ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов стран СНГ. Цель форума заключалась в создании постоянного плацдарма для обмена опытом между руководителями ведущих гуманитарных вузов стран СНГ, а также в разработке и реализации совместных инновационных проектов.

В январе 2010 г. по инициативе Президента Азербайджанской Республики И. Алиева и Д. Медведева на Первом Азербайджано-российском форуме по гуманитарному сотрудничеству в Баку был организован первый Бакинский международный гуманитарный форум. Его основная цель — создание гуманитарных и интеграционных импульсов, а также актуализация деятельности в ответ на вызовы в гуманитарной сфере на международном уровне, налаживание диалога через круглые столы. Задача форума заключалась в создании теоретической и практической платформы для обмена идеями, теоретическими и практическими знаниями, во время конструктивных дебатов и дискуссий. Официальными языками форума стали азербайджанский, русский, английский. С 2011 по 2018 гг. Бакинский международный гуманитарный форум в столице Азербайджанской Республики, в городе Баку, проводился шесть раз [Бакинский международный гуманитарный форум // Википедия [www](#)].

Самый долговременный проект по преподаванию русского языка был подписан в здании Российского информационно-культурного центра в Баку (РИКЦ) в 2010 г. На этой церемонии присутствовали директор РИКЦ в Баку, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Азербайджане, а также министр образования Азербайджанской Республики. Проект «Интенсивное обучение русскому языку» сыграл важную роль в деятельности общеобразовательных школ страны, был одобрен

учителями и родителями; региональные школы также были заинтересованы в присоединении к этому проекту. Назначавшиеся Президентом новые министры образования, увидев интерес к проекту в общеобразовательных учреждениях, продолжали поддерживать и расширять этот проект в регионах Азербайджана до 2019 г. следующими приказами:

– М. Джаббаров, министр образования Азербайджанской Республики, 28.08.2017 г., № 258 [«Rus dilinin intensiv tədrisi»... № 258 www];

– Д. Байрамов, министр образования Азербайджанской Республики, 27.09.2018 г., № F-673 [«Rus dilinin intensiv tədrisi»... № F-673 www].

Глава Министерства образования АР во время встречи делегации под началом руководителя Федерального агентства по делам СНГ К. Косачева в 2012 г. отметил недавно наметившийся рост интереса к русскому языку в средних школах страны, подчеркнув, что, в отличие от начала 1990-х гг., делается более серьезный упор на изучение русского языка. Отметив отсутствие проблем с русским языком в вузах, а также высокий уровень преподавания русского языка в школах Баку, министр подчеркнул необходимость принятия соответствующих мер по повышению уровня преподавания в русскоязычных школах регионов.

Также министром образования АР было предложено создание русских лицеев в Азербайджане. К. Косачев отметил, что удовлетворен состоянием преподавания русского языка в Азербайджане и что для развития русского языка в любой стране необходимы практическая работа и профессиональные специалисты [MDB məsələləri üzrə Federal Agentliyin rəhbəri Təhsil Nazirliyində olmuşdur www].

Следует отметить, что глава государства, избранный от партии «Новый Азербайджан», также давал распоряжения по награждению деятелей науки, занимающихся подготовкой высококвалифицированных научно-педагогических кадров и изучением и преподаванием русского языка в Азербайджане. Одним из таких распоряжений Президента И. Алиева было присвоение почетного звания «Заслуженный деятель науки» профессору Бакинского славянского университета Л. М. Грановской [Президент Азербайджана присвоил Лидии Грановской почетное звание «Заслуженный деятель науки» www].

Следующим важным толчком к оживлению функционирования русского языка в Азербайджане послужил визит министра об-

разования и науки России Д. Ливанова в ноябре 2015 г. Целью визита было расширение связей между двумя странами в области образования и науки. Министр образования Азербайджана М. Джаббаров и министр образования и науки России Д. Ливанов встретились с директорами русскоязычных средних школ Баку. На встрече был обсужден учебный процесс в русскоязычных школах Азербайджана и даны ответы на вопросы директоров школ.

В рамках визита российской делегации состоялась церемония основания Азербайджано-российской ассоциации высших учебных заведений. В своем выступлении Д. Ливанов сказал, что она станет хорошей платформой для межвузовского сотрудничества.

После выступлений ректоры вузов двух стран подписали меморандум о создании Азербайджано-российской ассоциации высших учебных заведений.

В 2016 г. министр образования АР во время официального визита в Москву посетил Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Президент РГГУ Е. Пивовар отметил важность гуманитарного сотрудничества между странами и упомянул, что в РГГУ готовятся специалисты в области азербайджановедения, глубоко изучаются азербайджанский язык, культура и история, и работа в этой области будет продолжена. Также он отметил, что благодаря языковой политике президентов Г. Алиева и И. Алиева образование в Азербайджане на русском языке не сокращается, а, наоборот, расширяется, что побуждает, в свою очередь, активно пропагандировать азербайджанский язык в России [Микаил Джаббаров: сотрудничество России и Азербайджана в сфере образования имеет вековые корни www].

Президент И. Алиев в 2016 г. принял делегацию во главе с министром образования и науки Российской Федерации О. Васильевой. То, что один из первых зарубежных визитов О. Васильевой в качестве министра образования и науки России состоялся в Азербайджан, можно расценить как показатель особых отношений между двумя странами. Президент отметил, что азербайджанские студенты обучаются в российских учебных заведениях, подчеркнул, что есть возможность учиться в российских вузах и в Азербайджане. Отметив важность успешной работы филиалов двух российских вузов в Азербайджане, глава государства сказал, что благополучно работают бакинские филиалы Московского государственного университета (МГУ) им. М. В. Ломоносова и Первого Московского государственного медицинского университета (МГМУ) им. Сече-

нова. Касаясь вопросов развития русского языка, министр расценил это как один из факторов, сближающих народы двух государств. О. Васильева отметила, что, учитывая большое количество учащихся, обучающихся в Азербайджане, в том числе в школах с русским языком обучения, предлагается открыть филологическую группу в составе МГУ имени Ломоносова [İlham Əliyev Rusiyanın təhsil və elm nazirinin başçılıq etdiyi nümayəndə heyətini qəbul edib [www](#)].

Следует отметить, что сам глава государства И. Алиев получил образование на русском языке, является выпускником Московского государственного института международных отношений (МГИМО), в этом же институте защищал диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Президент Азербайджана И. Алиев в своем интервью информационному каналу «Россия 24» заявил следующее: «Азербайджан может быть примером среди всех бывших советских республик по отношению к русскому языку. В Азербайджане, как и в прежние времена, проявляют уважение к русскому языку. Азербайджан никогда не поддержит выбравших русский язык в качестве мишени для атак» [İlham Əliyev “Rossiya-24” informasiya telekanalına müsahibə verib [www](#)].

Супруга президента И. Алиева, Первый вице-президент АР М. Алиева также получила образование на русском языке, окончив с красным дипломом Первый Московский медицинский институт им. И. М. Сеченова, является почетным профессором указанного выше вуза. В 2005 г. получила степень кандидата философских наук, защитив диссертацию на тему «Эвтаназия и проблема гуманности в медицине»; следует отметить, что работа была написана на русском языке. В одном из интервью российскому каналу «Россия 1» М. Алиева отметила, что дома, среди семьи, используют и азербайджанский, и русский языки. Она подчеркнула, что русский язык является одним из богатств азербайджанского народа и никогда не может быть потерян. Также с сожалением упомянула, что ситуация с русским языком во многих постсоветских странах характеризуется негативными тенденциями развития [Mehriban Əliyeva: “Rus dilini əsla itirmək olmaz” [www](#)]. В 2019 г. Президент РФ В. Путин вручил М. Алиевой орден Дружбы за заслуги в развитии и укреплении российско-азербайджанских отношений [Rusiya Federasiyasının Prezidenti Vladimir Putinlə görüş [www](#)].

В сентябре 2020 г. в социальных сетях и на различных новостных порталах был под-

нят и остро дискутировался так называемый вопрос о закрытии русских школ в Азербайджане. На самом деле речь шла не о закрытии, а о прекращении финансирования русских школ и подразделений из государственного бюджета и переводе этих школ на платную основу и самофинансирование. Объяснялось это тем, что окончившие русские школы учащиеся слабо говорят на родном языке. Доводы, звучавшие во время общественного обсуждения, не были признаны убедительными и не привели к изменению языковой политики страны: государство по-прежнему выделяет средства для функционирования школ с русским подразделением и развивает сферу функционирования русского языка.

Следует отметить, что в АР действуют 15 школ только с русским языком обучения, в 314 школах обучение ведется совместно на двух языках: в таких школах функционируют как азербайджанский, так и русский сектора [Moskvitcheva, Abdullaev 2020]. Спрос на русский сектор высок: по словам родителей, качество образования в русском и азербайджанском секторах различно. Эксперты видят решение этой проблемы не в «закрытии» русских школ, а в повышении уровня образования в азербайджанском секторе. Также предлагается принимать учащихся в русские сектора не на основе одного желания, а после этапа собеседования, т. е. будут приниматься учащиеся, которые продемонстрируют высокий уровень знаний по русскому языку [Təhsil eksperti: Məktəblərdə rus bölməsi ləğv olunmalıdır [www](#)].

Народный писатель Ч. Абдуллаев, защищая интересы функционирования русских школ, также отметил, что есть необходимость повышения уровня обучения на азербайджанском языке. В своей статье упомянул о том, что великие азербайджанские ученые и политики, получившие образование на русском языке, не были лишены патриотических чувств к своей Родине [Чингиз Абдуллаев: «Ведь великие азербайджанцы учились на русском языке!» [www](#)]. В ноябре 2020 г. в Российском посольстве в Азербайджане Ч. Абдуллаев был награжден орденом Дружбы [Писатель Чингиз Абдуллаев получил российский орден «Дружба» [www](#)].

ВЫВОДЫ

На основании анализа языкового законодательства АР в аспекте роли и места русского и азербайджанского языков можно сделать следующие выводы.

1. Языковая политика, закрепленная в языковом законодательстве независимой Азербайджанской Республики, изменялась под

влиянием различий в геополитических, экономических, культурных и цивилизационных ориентирах стратегий правящих партий и правительств: от неопределенности с сохранением в целом принципов советского времени в короткий период правления первого президента независимого Азербайджана Р. А. Муталлиббова через резкую смену идеологии в пользу национализма и декларации форсированного функционального развития азербайджанского языка при недостаточном внимании к корпусному планированию при правительстве А. Эльчибея (в этот же период русский язык подвергался дискриминации и вытеснению из общественного коммуникативного пространства) к периоду правления партии «Новый Азербайджан» и в целом положительного отношения к русскому языку при всестороннем развитии азербайджанского языка.

2. Также можно говорить, что языковая политика партии «Новый Азербайджан» по отношению к функционированию русского языка в АР остается стабильной, ведет к популяризации русского языка как иностранного, наряду с другими иностранными языками, и нацелена на сохранение языкового многообразия. Власти страны заинтересованы в сохранении стабильности государства, которое обеспечивается в том числе сбалансированной языковой политикой.

3. РФ проводит активную культурную политику в АР, в том числе в области укрепления позиций русского языка, векторы этой политики реализуются в целом ряде конкретных мероприятий, направлены на сотрудничество в гуманитарных сферах и поддержку русского языка.

Таким образом, несмотря на отсутствие законодательно закрепленного статуса, русский язык продолжает занимать значительное место в языковой политике АР, государство заинтересовано в поощрении использования и поддержке русского языка, а также в сохранении русской культуры. Следует также учитывать тот факт, что русская община в Азербайджане — самая большая на Южном Кавказе. Русские являются третьей по величине, после азербайджанцев и лезгин, этнической группой в стране и составляют одну из крупнейших русскоязычных диаспор за пределами России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азербайджанская Республика. Конституция (1995). Конституция Азербайджанской Республики, часть 1, статья 21. — URL: <http://eqanun.az/framework/897>. — Текст : электронный.
2. Азербайджанская ССР. Конституция (1978). Конституция (Основной Закон) Азербайджанской Советской Социалистической Республики : [Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета АзССР девятого созыва 21 апр.

1978 г.] — Баку : Азерб. гос. изд-во, [1982]. — 221 с. — Текст : непосредственный.

3. Бакинский международный гуманитарный форум // Википедия : свободная энцикл. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бакинский_международный_гуманитарный_форум. — Текст : электронный.

4. Воронцов, А. В. Русский язык на постсоветском пространстве / А. В. Воронцов. — Текст : непосредственный // Universum : вестник Герценовского университета. — 2010. — № 8. — С. 28—35.

5. Гейдар Алиев в Ивановке. — URL: <https://ivanovka.net/гейдар-алиев-в-ивановке/>. — Текст : электронный.

6. Дадашев, Г. Дом русской книги открылся в Баку / Г. Дадашев. — URL: <https://ria.ru/20091123/195072839.html>. — Текст : электронный.

7. Демоскоп Weekly — демографический электронный журнал. — URL: ru.wikipedia.org/wiki/Демоскоп_Weekly#cite_note-2. — Текст : электронный.

8. Закон Азербайджанской Республики. Закон N 413 от 1992 г. «О государственном языке Азербайджанской Республики». — URL: <http://e-qanun.az/framework/7961> (дата обращения: 12.10.2020). — Текст : электронный.

9. КП Азербайджана. ЦК. О мерах по обеспечению более активного функционирования азербайджанского языка как государственного в Азербайджанской ССР : Постановление ЦК Компартии Азербайджана от 18.08.1989 г. — Баку : Азернешр, 1989. — 19, [1] с. — ISBN 5-552-00688-7. — Текст : непосредственный.

10. Мехтиев, Р. Азербайджан: историческое наследие и философия независимости / Р. Мехтиев. — Издательство Азербайджанской национальной энциклопедии, 2001. — 276 с. — Текст : непосредственный.

11. Микаил Джаббаров: сотрудничество России и Азербайджана в сфере образования имеет вековые корни. — URL: https://vestikavkaza.ru/news/Mikail-Dzhabbarov-sotrudnichestvo-Rossii-i-Azerbaydzhana-v-sfere-obrazovaniya-imeet-vekovye-korni.html?utm_source=sp. — Текст : электронный.

12. Москвичева, С. А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком» / С. А. Москвичева. — Текст : электронный // Психологические исследования. — 2015. — Т. 8, № 42. — С. 10. — URL: <http://psystudy.ru>.

13. Москвичева, С. А. Языковая политика и языковое планирование / С. А. Москвичева. — Текст : непосредственный // Типология языковых ситуаций и языковая политика в России и мире. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2013. — С. 82—116.

14. Писатель Чингиз Абдуллаев получил российский орден «Дружба». — URL: https://moscow-baku.ru/news/culture/pisatel_chingiz_abdullaev_poluchil_rossiyskiy_orden_druzha/. — Текст : электронный.

15. Президент Азербайджана присвоил Лидии Грановской почетное звание «Заслуженный деятель науки». — URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/2408052.html>. — Текст : электронный.

16. Пьянов, А. Е. Статус русского языка в странах СНГ / А. Е. Пьянов. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — Кемерово, 2011. — № 3 (47). — С. 55—59.

17. Россия все равно распадется : интервью с бывшим президентом Азербайджана, лидером демократического конгресса и Народного фронта Абульфаз Эльчибеим // Литературная газета. — 1998. — № 9. — С. 3. — Текст : непосредственный.

18. Русские в Азербайджане // Википедия : свободная энцикл. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_в_Азербайджане. — Текст : электронный.

19. Свод законов СССР. Т. 1. Подписчикам свода законов СССР. — Москва : Известия, 1989. — 798 с. — Текст : непосредственный.

20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о порядке и условиях распространения программ российских телерадиовещательных организаций на территории Азербайджанской Республики. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901121>. — Текст : электронный.

21. Указ Президента Азербайджанской Республики. Указ № 506 от 2001 г. «Об усовершенствовании применения государственного языка». — URL: <http://e-qanun.az/framework/3568>. — Текст : электронный.

22. Федеральная целевая программа «Русский язык (2006—2010 годы)»: утв. Постановлением Правительства РФ от 29.12.2005 г. №833. — Москва, 2006. — Текст : непосредственный.

23. Чингиз Абдуллаев: «Ведь великие азербайджанцы учились на русском языке!». — URL: <https://haqqin.az/news/190049>. — Текст : электронный.

24. İlham Əliyev “Rossiya-24” informasiya telekanalına müsahibə verib. — URL: <https://president.az/articles/13559>. — Text : electronic.

25. İlham Əliyev Rusiyanın təhsil və elm nazirinin başçılıq etdiyi nümayəndə heyətini qəbul edib [Электронный ресурс]. — URL: <https://president.az/articles/21851>. — Text : electronic.

26. Labrie, N. Politique linguistique / N. Labrie. — Text : unmediated // Kontaktlinguistik. Contact Linguistic. Linguistique de contact. — Berlin ; New York : Goebel : Nelde : ZStary : Gruyter. — P. 210 — 218.

27. MDB məsələləri üzrə Federal Agentliyin rəhbəri Təhsil Nazirliyində olmuşdur. — URL: https://azertag.az/xeber/MDB_mese-

lereri_uzre_Federal_Agentliyin_rehberi_Tehsil_Nazirliyinde_olm_usdur-175014. — Text : electronic.

28. Mehriban Əliyeva: “Rus dilini əsla itirmək olmaz”. — URL: <https://sputnik.az/azerbaijan/20170227/409135519/evde-hem-azerbaycan-hem-rusca-danisiriq.html>. — Text : electronic.

29. Moskvitcheva, S. Vectors and key factors of the dynamics of languages in the secondary education system in the Republic of Azerbaijan in 1990—2020 / Svetlana Moskvitcheva, Ramil Abdulaev. — Text : unmediated // Proceedings of ADVED 2020 — 6th International Conference on Advances in Education 5-6 October 2020.

30. “Rus dilinin intensiv tədrisi” layihəsinin davam etdirilməsi barədə Azərbaycan Respublikası təhsil nazirinin əmri, 28.08.2017-ci il. — № F-673. — URL: <https://edu.gov.az/az/page/303/14233>. — Text : electronic.

31. “Rus dilinin intensiv tədrisi” layihəsinin davam etdirilməsi barədə Azərbaycan Respublikası təhsil nazirinin əmri, 27.09.2018-ci il. — № F-673. — URL: <https://edu.gov.az/az/page/303/15490>. — Text : electronic.

32. Rusiya Federasiyasının Prezidenti Vladimir Putinlə görüş. — URL: <https://mehriban-aliyeva.az/news/node/848160>. — Text : electronic.

33. Təhsil eksperti: Məktəblərdə rus bölməsi ləğv olunmalıdır. — URL: <https://oxu.az/society/272277>. — Text : electronic.

R. S. Abdullayev

Peoples' Friendship University of Russia , Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-6087-2458

 E-mail: abdullayevram@gmail.com.

Russian and Azerbaijani Languages as Objects of Language Policy in the Republic of Azerbaijan

ABSTRACT. Sociolinguistic situations in the post-Soviet space countries represent a special type of intricate configurations involving such parameters as a high level of national and ethnic self-awareness and the corresponding understanding of the national (title) language as a high-order value, a common historical past, and an inherited complex structure of relations between Russian and the title language, and the influence of modern geopolitical, economic and demographic factors on the language situation. This article, taking into account these parameters, focuses on the issues related to the dynamics of language policy, language planning and language legislation in the Republic of Azerbaijan in the period from the late USSR to the present time. It shows the role of the national, state and linguistic proper ideology of three successively ruling parties in making decisions regarding the management of multilingualism, primarily between the Azerbaijani and Russian languages in the Republic and the regulation of the linguistic situation in the institutional areas of communication. The article also touches on the role and place of language in the field of international politics of Azerbaijan, in particular, cultural cooperation between the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan.

KEYWORDS: language policy; language planning; language legislation; language ideology; Azerbaijani; Russian language; sociolinguistics.

AUTHOR'S INFORMATION: Abdullaev Ramil' Sakhib ogly, Post-Graduate Student of Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Abdullayev, R. S. Russian and Azerbaijani Languages as Objects of Language Policy in the Republic of Azerbaijan / R. S. Abdullayev // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 134-145. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_13.

REFERENCES

1. Azerbajdzhanskaya Respublika. Konstituciya (1995). Konstituciya Azerbajdzhanskoj Respubliki, chast' 1, Stat'ya 21. [The Constitution of the Republic of Azerbaijan, part 1, Article 21]. — URL: <http://e-qanun.az/framework/897>. — Text : electronic.

2. Azerbajdzhanskaya SSR. Konstituciya (1978). Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Azerbajdzhanskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki [Constitution (Basic Law) of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic] : Prinyata na vnocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta AzSSR devyatogo sozyva 21 apr. 1978 g. — Baku : Azerb. gos. izd-vo, [1982]. — 221 s. — (In Russian)

3. Bakinskij mezhdunarodnyj gumanitarnyj forum. [Baku International Humanitarian Forum]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Bakinskij_mezhdunarodnyj_gumanitarnyj_forum. — Text : electronic.

4. Voroncov A. V. Russkij yazyk na postsovetskom prostranstve [Russian language in the post-Soviet space] // Universum: Vestnik

Gercenovskogo universiteta. 2010. №8, S. 28-35. — (In Russian)

5. Gejdar Aliev v Ivanovke. [Heydar Aliyev in Ivanovka]. — URL: <https://ivanovka.net/gejdar-aliev-v-ivanovke/>. — Text : unmediated.

6. Dadashev G. Dom russkoj knigi otkrylsya v Baku. [The House of Russian Books opened in Baku]. — URL: <https://ria.ru/20091123/195072839.html>. — Text : electronic.

7. Demoskop Weekly — demograficheskij elektronnyj zhurnal. [Demographic electronic journal]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BF_Weekly#cite_note-2. — Text : electronic.

8. Zakon Azerbajdzhanskoj Respubliki. Zakon N 413 ot 1992 g. «O gosudarstvennom yazyke Azerbajdzhanskoj Respubliki». [“On the State Language of the Republic of Azerbaijan”]. — URL: <http://e-qanun.az/framework/7961>. — Text : electronic.

9. KP Azerbajdzhana. CK. O merah po obespecheniyu bolee

aktivnogo funkcionirovaniya azerbajdzhanskogo yazyka kak gosudarstvennogo v Azerbajdzhanskoj SSR: Postanovlenie CK Kompartii Azerbajdzhana ot 18.08.1989 g. [On measures to ensure the more active functioning of the Azerbaijani language as the State language in the Azerbaijan SSR: Resolution of the Central Committee of the Communist Party of Azerbaijan of 18. 08. 1989]. — Baku : Azerneshr, 1989. — 19, [1] p. — ISBN 5-552-00688-7. — Text : unmediated. — (In Azerbaijan)

10. Mekhtiev R. Azerbajdzhan: istoricheskoe nasledie i filosofiya nezavisimosti. [Azerbaijan: historical heritage and philosophy of independence]. — Izdatel'stvo Azerbajdzhanskoj Nacional'noj Enciklopedii, 2001. — 276 p. — (In Azerbaijan)

11. Mikail Dzhabbarov: sotrudnichestvo Rossii i Azerbajdzhana v sfere obrazovaniya imeet vekovye korni. [Cooperation between Russia and Azerbaijan in the field of education has centuries-old roots]. — URL: https://vestikavkaza.ru/news/Mikail-Dzhabbarov-sotrudnichestvo-Rossii-i-Azerbaydzhana-v-sfere-obrazovaniya-imeet-vekovye-korni.html?utm_source=cp. — Text : electronic.

12. Moskvicheva S. A. Sinhronicheskie i diahronicheskie modeli yazykovoj normy: minoritarnyj yazyk mezhdru «kodificirovannym variantom» i «literaturnym yazykom» [Synchronic and diachronic models of the language norm: a minority language between the “codified version” and the “literary language”] // Psihologicheskie issledovaniya. 2015. Vol. 8, № 42. P. 10. — URL: <http://psystudy.ru>. — Text : electronic. — (In Russian)

13. Moskvicheva S. A. Yazykovaya politika i yazykovoe planirovanie. [Language policy and language planning] // Tipologiya yazykovykh situacij i yazykovaya politika v Rossii i mire. — Moskva : Rossijskij universitet druzhby narodov, 2013. P. 82—116. — (In Russian)

14. Pisatel' Chingiz Abdullaev poluchil rossijskij orden «Druzhiba». [Chingiz Abdullayev received the Russian Order of Friendship]. — URL: https://moscow-baku.ru/news/culture/pisatel_chingiz_abdul_aveev_poluchil_rossijskiy_orden_druzhiba/. — Text : electronic.

15. Prezident Azerbajdzhana prisvoil Lidii Granovskoj pochetnoe zvanie «Zasluzhennyj deyatel' nauki». [The President of Azerbaijan awarded Lidia Granovskaya the honorary title of “Honored Scientist”]. — URL: <https://www.trend.az/azerbajdzhan/politics/2408052.html>. — Text : electronic.

16. P'yanov A. E. Status russkogo yazyka v stranah SNG [Status of the Russian language in the CIS countries] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. — Kemerovo, 2011. — № 3 (47). — P. 55—59. — (In Russian)

17. Rossiya vse ravno raspadetsya : Interv'y u byvshim prezidentom Azerbajdzhana, liderom demokraticeskogo kongressa i Narodnogo fronta Abulfaz El'chibeem. [Russia will still break up : Interview with former President of Azerbaijan, leader of the Democratic Congress and Popular Front Abulfaz Elchibey] // Literaturnaya gazeta. — 1998. — № 9. — P. 3. — (In English)

18. Russkie v Azerbajdzhane. [Russians in Azerbaijan]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Russkie_v_Azerbajdzhane. — Text : electronic.

19. Svod zakonov SSSR. T. 1 [Code of Laws of the USSR Volume 1] : Podpischikam svoda zakonov SSSR. — Moskva : Izvestiya, 1989. — 798 p. — (In Russian)

20. Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Azerbajdzhanskoj Respubliki o poryadke i usloviyah rasprostraneniya programm rossijskih teleradioveshchatel'nyh organizacij na territorii Azerbajdzhanskoj Respubliki. [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Azerbaijan on the procedure and conditions for the distribution of programs of Russian television and radio broadcasting organizations in the territory of the Republic of Azerbaijan]. — URL: <http://docs.cntd.ru/>

document/1901121. — Text : electronic.

21. Ukaz Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki. Ukaz № 506 ot 2001 g. «Ob usovershenstvovanii primeneniya gosudarstvennogo yazyka». [Decree of the President of the Republic of Azerbaijan. Decree No. 506 of 2001 “On improving the use of the state language”]. — URL: <http://e-qanun.az/framework/3568>. — Text : electronic.

22. Federal'naya celevaya programma «Russkij yazyk (2006-2010 gody)» [Federal target program “Russian language (2006-2010)”] : utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 29.12.2005 g. №833. — Moskva, 2006. — (In Russian)

23. Chingiz Abdullaev: “Ved' velike azerbajdzhancy uchilis' na russkom yazyke!”. [“After all, the great Azerbaijanis studied in Russian!”]. — URL: <https://haqqin.az/news/190049>. — Text : electronic.

24. İlham Əliyev “Rossiya-24” informasiya telekanalına müsahibə verib. [Ilham Aliyev gave an interview to the information channel “Russia-24”]. — URL: <https://president.az/articles/13559>. — Text : electronic.

25. İlham Əliyev Rusiyanın təhsil və elm nazirinin başçılıq etdiyi nümayəndə heyətini qəbul edib. [Ilham Aliyev received a delegation led by the Minister of Education and Science of Russia]. — URL: <https://president.az/articles/21851>. — Text : electronic.

26. Labrie N. Politique linguistique. [Linguistic policy] / Normand Labrie // Kontaktlinguistik. Contact Linguistic. Linguistique de contact. — Berlin ; New York : Goeb, Nelde, ZStary, Gruyter, 1996. — P. 826—832. — (In French)

27. MDB məsələləri üzrə Federal Agentliyin rəhbəri Təhsil Nazirliyində olmuşdur. [The head of the Federal Agency for CIS Affairs visited the Ministry of Education]. — URL: https://azertag.az/xeber/MDB_meseleleri_uzre_Federal_Agentliyin_rehberi_Tehsil_Nazirliyinde_olmusdur-175014. — Text : electronic.

28. Mehriban Əliyeva: “Rus dilini əsla itirmək olmaz”. [Mehriban Aliyeva: “Russian language should never be lost”]. — URL: <https://sputnik.az/azerbajdzhan/20170227/409135519/evdehem-azerbaycan-hem-rusca-danisiqiq.html>. — Text : electronic.

29. Moskvicheva Svetlana, Abdullaev Ramil (2020). Vectors and key factors of the dynamics of languages in the secondary education system in the Republic of Azerbaijan in 1990-2020 // Proceedings of ADVED 2020 — 6th International Conference on Advances in Education, 5-6 October 2020. — (In English)

30. «Rus dilinin intensiv tədrisi» layihəsinin davam etdirilməsi barədə Azərbaycan Respublikası təhsil nazirinin əmri, 28.08.2017-ci il. — №258. [Order of the Minister of Education of the Republic of Azerbaijan on the continuation of the project “Intensive teaching of the Russian language”, 28.08.2017. — №258]. — URL: <https://edu.gov.az/az/page/303/14233>. — Text : electronic.

31. «Rus dilinin intensiv tədrisi» layihəsinin davam etdirilməsi barədə Azərbaycan Respublikası təhsil nazirinin əmri, 27.09.2018-ci il. — № F-673. [Order of the Minister of Education of the Republic of Azerbaijan on the continuation of the project “Intensive teaching of the Russian language”, 27.09.2018. — № F-673]. — URL: <https://edu.gov.az/az/page/303/15490>. — Text : electronic.

32. Rusiya Federasiyasının Prezidenti Vladimir Putinlə görüş. [Meeting with the President of the Russian Federation Vladimir Putin]. — URL: <https://mehriban-aliyeva.az/news/node/848160>. — Text : electronic.

33. Təhsil eksperti: Məktəblərdə rus bölməsi ləğv olunmalıdır. [Education expert: Russian section in schools should be abolished]. — URL: <https://oxu.az/society/272277>. — Text : electronic.

Т. Г. Скребцова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-7825-1120

✉ E-mail: t.skrebtsova@yandex.ru.

Новые реалии общественно-политической жизни 1920-х гг. и их отражение в русской литературе и лексикографии (на примере сложносокращенных слов)

АННОТАЦИЯ. Настоящее исследование является частью масштабного проекта, который направлен на всестороннее изучение русской малой художественной прозы начала XX века и базируется на электронном Корпусе русских рассказов (1900—1930), насчитывающем несколько тысяч произведений. Выборка из Корпуса объемом в 310 рассказов служит своеобразным полигоном для изучения языка и стиля соответствующей эпохи. Данная статья посвящена сложносокращенным словам, которые в изобилии возникли в русском языке после Октябрьской революции и, соответственно, получили отражение в художественной литературе 1920-х гг. В рамках статьи рассматриваются сложносокращенные слова, которые встретились в указанной выборке из Корпуса. Предметом анализа является их лексикографическая судьба: в каких словарях русского языка они зафиксированы (если зафиксированы вообще) и в каком виде (целиком или по формантам). Выяснилось, что далеко не все слова, активно употреблявшиеся в 1920-е гг., вошли в толковые словари русского языка в полном виде. Что касается фиксации по формантам, она имеет ряд недостатков, связанных с полисемией формантов, их вариативным написанием, альтернативным членением соответствующих слов. Помимо этого, как показано в исследовании, она не является исчерпывающей. Таким образом, полученные результаты позволяют выявить общие проблемы, связанные с описанием целого пласта слов, в настоящее время практически вышедших из употребления. Однако сведения о них необходимы ученым, изучающим советскую действительность 1920-х гг., студентам-русистам (в том числе иностранцам), а также всем тем, кто читает художественные произведения о той эпохе. Вопрос об их словарной фиксации остается открытым.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аббревиатура; сложносокращенные слова; русский язык; толковые словари; лексикография; лексикология русского языка; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; рассказы; малая проза.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Скребцова Татьяна Георгиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9; e-mail: t.skrebtsova@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Скребцова, Т. Г. Новые реалии общественно-политической жизни 1920-х гг. и их отражение в русской литературе и лексикографии (на примере сложносокращенных слов) / Т. Г. Скребцова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 146-154. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_14.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17-29-09173 офи_м «Русский язык на рубеже радикальных исторических перемен: исследование языка и стиля предреволюционной, революционной и постреволюционной художественной прозы методами математической и компьютерной лингвистики (на материале русского рассказа)».

1. НОВЫЙ МИР СКВОЗЬ ПРИЗМУ АББРЕВИАТУР

Любая переломная эпоха меняет не только политическое устройство государства, но и сложившиеся социальные отношения, привычный жизненный уклад, приводит к трансформации стереотипов поведения и общей системы ценностей, что не может не влиять на язык. Как отмечал С. И. Ожегов [Ожегов 1974: 20], «общественная жизнь в революционные времена, в эпохи общественных переломов и социальных сдвигов всегда характеризуется напряженным и ускоренным развитием. Эти эпохи, являясь вехами в истории народа, образуют и своеобразные вехи в истории языка».

Цепь исторических событий, охватывающих Первую мировую войну, Февральскую и Октябрьскую революции и Гражданскую войну, обусловила масштабные изменения в русском языке. Огромный пласт «отжившей» лексики сменился новыми словами, отражающими новые понятия и идеи, многие слова «из прошлой эпохи» приобрели новые значения или коннотации, поменялись функциональные частоты многих лексических единиц, сменился набор привычных сочетаний, появились новые синтаксические обороты и т. д. Помимо «естественного» процесса резких языковых сдвигов, неизбежно сопровождающих любой переломный период, следует отметить и сознательные действия новой

власти, направленные на изменение языковых норм, с тем чтобы еще более размежеваться с уходящей эпохой и подчинить языковую политику государства решению новых актуальных задач.

Среди наиболее ярких, заметных невооруженным глазом черт русского языка послереволюционного периода особо выделяются аббревиатуры (инициальные и слоговые). В русском языке аббревиация существовала и ранее, но после Октябрьской революции она «из технического приема, скромно и безвестно существовавшего на окраинах разговорной речи, превратилась в активнейший словообразовательный способ» [Русский язык... 1968: 66]. Массовое и поначалу стихийное распространение аббревиатур было обусловлено теми переменами в жизни общества, которые произошли в результате революции.

Свержение прежнего государственного строя исключало преемственность в названиях органов нового правительственного аппарата. Однословные наименования учреждений и должностей (*министерство, сенат, дума, управа, офицер, жандарм, городской*) были заменены описательными многословными названиями, в которых нейтральное существительное (*комитет, армия, академия, командир, служащий*) непременно снабжалось эпитетом (соответственно *революционный, рабоче-крестьянская, государственная, красный, советский*), призванным отразить новую общественно-политическую реальность [Там же: 71]. Далее, в соответствии с принципом экономии, подобные описательные наименования неизбежно подвергались аббревиации (инициальной или слоговой). «Область этого словообразования — главным образом названия учреждений, должностей, административных понятий» [Булаховский 1952: 195].

Аббревиация стала мощным способом образовывать слова нового мира и сама воспринималась как подлинно революционный, народный способ словотворчества, символ революционного языка. Предпочтение, оказанное аббревиации, связано и с новизной, и с относительной простотой, общедоступностью этого нетрадиционного способа словообразования. Его широкое распространение было обусловлено массовым обновлением состава носителей литературного языка, а также поддержкой на государственном уровне: сокращенные названия стали повсеместно употребляться в официальных документах новой власти [Русский язык... 1968: 73].

На начальном этапе, в 1920-е гг., возни-

кали преимущественно слоговые, а не инициальные аббревиатуры (*ревком, нарсуд, ликбез, комдив, селькор*), также происходило сращение одного или нескольких слогов с целым словом (*детдом, женотдел, культ-работа, губпартшкола*). Подобные сложносокращенные образования со структурной точки зрения были ближе для русского языка (ср. *Святополк, Новгород*), чем инициальные аббревиатуры.

Не все сложносокращенные слова¹ надолго остались в русском языке, как, скажем, *комсомол, колхоз, сельсовет*. После неограниченного применения слоговой аббревиации к любым составным наименованиям (порождавшего порой малопонятные и неудобочитаемые неологизмы) начался стихийный процесс регламентации сокращений, а затем (начиная с 1923—1925 гг.) разгорелась горячая полемика о нормах употребления аббревиатур в речи, способствовавшая упорядочению соответствующей практики.

В целом период 1920-х гг. исследователи характеризуют как время господства слоговой аббревиации. В 1930-е гг. активное производство слоговых сокращений прекратилось, а инициальное образование, напротив, усилилось. Часть сложносокращенных слов постепенно вышла из употребления из-за закрытия, реорганизации или переименования учреждений. Другие были упразднены вследствие перехода от старой административно-территориальной системы (губерния — уезд — волость) к новой (область — район): соответственно, эта участь постигла аббревиатуры с первым слогом *губ-, у-, вол-*. В языке удержались «негромоздкие слоговые сокращения нечленимой структуры, которые отличались большой частотностью по причине их общественной значимости (и эстетической приемлемостью)» [Русский язык... 1968: 79; 99].

2. СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА В РУССКИХ РАССКАЗАХ 1920-Х ГГ.

Неологизмы послереволюционной эпохи нашли свое отражение не только в официальных документах и публицистике тех лет, но и в художественной литературе. Писатели, изображавшие жизнь той эпохи, едва ли могли избежать упоминания

¹ Здесь и далее под сложносокращенными словами понимаются слова, образованные путем соединения: 1) начальных частей слов исходного словосочетания (*губисполком*), 2) начального слога одного слова и начальных звуков других слов исходного словосочетания (*губоно*) или 3) начального слога одного слова и целого другого слова (*семссуда*).

реалий, связанных с новым социальным порядком, а значит, и употребления соответствующих аббревиатур. В особенности это присуще рассказам как произведениям малой формы, которые нередко писались, что называется, «с натуры» и оперативно публиковались в периодических изданиях того времени.

Русские рассказы, опубликованные в период с 1922 по 1930 г., обладают характерными чертами, отличающими их от рассказов начала XX века (1900—1913) и военно-революционного периода (1914—1922). Такой вывод можно сделать, исследуя Корпус русских рассказов (1900—1930), насчитывающий несколько тысяч единиц и включающий тексты максимального числа авторов (не только ведущих, но и множества второстепенных), писавших в исследуемую эпоху. Корпус разбит на три временных среза (см. выше); в каждом из них тот или иной писатель может быть представлен одним рассказом. В Корпус не включены произведения, написанные в эмиграции: так, покинувший Россию в 1920 г. И. А. Бунин представлен одним рассказом за предреволюционный период и еще одним — за военно-революционный период (подробнее о принципах построения Корпуса см. [Мартыненко и др. 2018]).

На базе Корпуса сделана выборка в 310 рассказов (около 100 за каждый период), включающая произведения 300 разных писателей (разница между двумя цифрами обусловлена тем, что некоторые авторы представлены в двух, а не одном периоде). Эта выборка служит своеобразным полигоном для изучения тематических, композиционных и языковых особенностей русских рассказов первой трети XX века и выявления динамики соответствующих изменений, ср. [Martynenko, Sherstinova 2018; Гребенников, Ассель 2019; Гребенников, Скребцова 2019; Скребцова 2019; 2020; Sherstinova, Skrebtsova 2021; Skrebtsova 2021].

Послереволюционная часть выборки из Корпуса (1922—1930) представлена такими именами, как И. Бабель, М. Булгаков, А. Веселый, А. Гайдар, Л. Добычин, В. Иванов, В. Инбер, С. Колбасьев, А. Коллонтай, Б. Лавренев, Л. Леонов, Ю. Олеша, К. Паустовский, Е. Петров, А. Платонов, М. Пришвин, А. Серафимович, С. Сергеев-Ценский, И. Соколов-Микитов, А. Толстой, А. Фадеев, О. Форш, А. Чапыгин, М. Шагинян, М. Шолохов и др. Произведения этой эпохи отличаются выраженные тематические предпочтения, некоторые особенности композиционного строения, а также новации в области языка и стиля. К последним, в частности, относится употребление сложносокращенных слов-

неологизмов.

В рассказах послереволюционного периода были обнаружены следующие сложносокращенные слова:

- волисполком* — А. Беляев, «Три портрета» (1925);
- волячейка* — А. Беляев, «Три портрета» (1925); Д. Крептюков, «Мишиша» (1925);
- губвоенком* — А. Караваева, «Флигель» (1923);
- губисполком* — В. Зазубрин, «Общежитие» (1933), А. Платонов, «Родина электричества» (1926);
- губком* — В. Зазубрин, «Общежитие» (1933);
- губоно* — П. Семенин, «Бунтовщики» (1928);
- губпартшкола* — В. Зазубрин, «Общежитие» (1933);
- комбед* — К. Коничев, «Комбед Турка» (1929);
- комхоз* — М. Никитин, «Золотой челнок» (1925);
- культработа* — С. Беляев, «Пожар» (1926); Шишков, «Спектакль» (1923);
- нэпман* — В. Гравишкис, «Экзамен» (1930);
- политпросвет* — В. Гравишкис, «Экзамен» (1930);
- помзав* — А. Толстой, «Гадюка» (1928);
- семсуда* — Панферов, «Козловская республика» (1927);
- уком* — А. Зорич, «Болото» (1926);
- фабком* — С. Беляев, «Пожар» (1926);
- церабкооп* — В. Гравишкис, «Экзамен» (1930).

Некоторые из этих слов читателю хорошо известны (ср. *нэпман*) или могут быть без труда «расшифрованы», т. е. преобразованы в исходное словосочетание, другие (*волячейка*, *комхоз*, *уком*, *церабкооп*) для своего понимания требуют обращения к справочным материалам. Мы задались вопросом, как вышеперечисленные слова отражены в лексикографических источниках.

3. СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА 1920-Х ГГ. В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

3.1. Словарь русского языка под редакцией академика Н. С. Державина

Можно было ожидать, что хотя бы часть слов удастся обнаружить в материалах академического «Словаря русского языка» (так называемом 7-м издании), работа над которым велась под руководством академика Н. С. Державина с 1929 по 1937 г. (подробнее об этом словаре см. [Круглов 2015; Приемышева, Стукова 2020]). По своему замыслу он должен был стать настоящим слова-

рем советской эпохи, в котором найдет отражение огромный пласт новой лексики, «масса слов с непредсказуемым будущим и с трудно описываемым настоящим» [Маркасова 2011: 95].

Поскольку «Словарь русского языка» (далее — СРЯ) продолжал шахматовскую традицию тезаурусного подбора лексики, в него охотно включали слова, возникшие в 1920-е гг. и отражающие политические и ценностные ориентиры эпохи, в том числе многочисленные аббревиатуры. Они извлекались преимущественно из публицистики. Впервые в отечественной толковой лексикографии акцент был сделан на газетные материалы, а не на художественную литературу, ср.: «...публицистика становится одним из важнейших источников, который позволил существенно актуализировать и осовременить словник и иллюстративный материал словаря. И можно утверждать, что ни до, ни после ни в одном толковом словаре русского языка — тем более в академическом много-томном словаре, газетные источники в таком объеме и с такими задачами не использовались» [Стукова 2019: 253—254].

В силу тезаурусного принципа каждое слово в СРЯ сопровождалось дефиницией и иллюстративным материалом; словарных статей на форманты в нем нет. Все слова с тем или иным формантом представлены отдельно: к примеру, в СРЯ около 90 словарных статей на слова, начинающиеся на *agit-*. Следует также отметить, что степень узуальности лексемы не учитывалась при включении в словник, и в СРЯ попадали редкие даже для современников слова.

Все перечисленные факторы — тезаурусный подбор лексики, опора на публицистику, отдельное описание каждого слова, включение в словник даже незуальных слов — создавали благоприятные условия для фиксации и развернутого представления многочисленных сложносокращенных слов рассматриваемой эпохи. Но, к сожалению, составленные отрезки «Словаря русского языка» (как опубликованные, так и неопубликованные) не пересекаются с нашим списком.

Как известно, словарь печатался отдельными выпусками разных томов в произвольном порядке, так что в словнике оставались обширные лакуны. Из алфавитного перечня изданных выпусков [Круглов 2015: 230] видно, что в той или иной степени затронутыми оказались буквы А, Д, И, Л, М, Н, О. Единственное слово из нашего списка, которое начинается на одну из этих букв, — это слово *нэпман*, однако оно не попадает в опубликованный отрезок НЕ — НЕКРЫТЫЙ.

В архиве Большой словарной картотеки

ИЛИ РАН дополнительно находятся корректурные экземпляры, которые были отредактированы и подготовлены к печати, но остались неизданными. Они содержат отрезки на буквы Г, Е, И, Л, М (описание архивных материалов см. [Там же: 231—235]) и также не включают ни одно из рассматриваемых слов.

3.2. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и более поздние лексикографические источники

Новые слова послереволюционного периода впервые получили системное лексикографическое описание в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935—1940; далее — ТСРЯ). Его составители, наряду с классическим периодом русского литературного языка, стремились отразить «перемены в общерусской лексике, которые произошли на глазах современников, — то, что вошло в общий язык с 1914 г., начавшего переломную эпоху в России и в мире» [История русской лексикографии: 354].

Все слова, значения, устойчивые словосочетания, обозначающие явления советской действительности, в ТСРЯ снабжены характерной стилистической пометой «нов.». По подсчетам, помета «нов.» встречается в 1800 словарных статьях, что составляет около 2 % их общего количества [Там же]. Помета «нов.» нередко выступает в сочетании с прочими пометами: например, *семссуда* — «нов. офиц.», *комбед* — «нов. истор.», *нэпман* — «нов. истор. пренебр.», *помзав* — «нов. канц. арг.».

Заметное место среди новых слов занимают сложносокращенные. Ввиду того что процесс их образования в послереволюционные годы шел бурно и стихийно, объем употреблявшихся аббревиатур был чрезвычайно велик, причем некоторые из них носили окказиональный и вариативный характер. Далеко не все сложносокращенные слова получили фиксацию в ТСРЯ — ведь в его основе лежал нормализаторский принцип, в отличие от СРЯ, отмеченного исследовательским подходом к языковым инновациям [Маркасова 2011: 97]. Временной интервал в 10—15 лет, отделявший создание ТСРЯ от периода наиболее активного образования сложносокращенных слов, позволил его авторам критически оценить материал, отделить актуальное от случайного и устаревшего, а также выбрать оптимальный способ подачи, представляя либо слово целиком, либо отдельно его составные части.

Отличительной особенностью ТСРЯ при описании сложносокращенных слов является последовательное указание на способ их образования: в последующих словарях дан-

ная информация стала необязательной, а если и давалась, то включалась в разные зоны словарной статьи [Бобунова 2018: 210].

Применительно к словам из нашего списка, в ТСРЯ можно наблюдать следующие три решения: 1) слово целиком получило описание в отдельной словарной статье; 2) слово не вошло в словник, но все его составные части получили описание, и по ним можно восстановить словосочетание, стоящее за сокращением; 3) слово целиком не имеет описания, первая часть слова не имеет описания, прочие части имеют описание. Обратимся к рассмотрению нашего материала.

К случаям первого типа относятся включенные в словник лексические единицы *комбед*, *нэпман*, *политпросвет*, *помзав*, *семссуда*, *фабком*. Отметим, что зона толкования либо ограничивается «расшифровкой» сокращения (восстановлением соответствующего словосочетания), либо содержит полноценную дефиницию плюс «расшифровку». Встречаются также отсылки к словарным статьям на форманты, ср.:

комбед «Сокращение слов: комитет бедности (деревенской)»;

нэпман «Торговец, спекулянт, частный предприниматель в первоначальный период нэпа». [Составлено из нэп и нем. слова Mann — человек.];

политпросвет «1. Политическое просвещение. 2. Орган, руководящий политически-просветительной работой. [Составлено из сокращения слов: политический и просветительный.]»;

помзав «Сокращение слов: помощник заведующего; см. [пом] и [зав]»;

семссуда «Семенная ссуда, ссуда зерна для посева. См. [сем]»;

фабком «Местный профсоюзный орган на фабрике. [Сокращение слов: фабричный комитет.]».

При составлении следующего по времени крупного толкового словаря, «Словаря современного русского литературного языка» (далее — БАС), слово *помзав* исключено из словника (остальные остались). Интересно, что со словом *уком* наблюдается обратная ситуация: в ТСРЯ оно представлено «по формантам», а в БАС приводится целиком, с дефиницией «Уездный комитет» (хотя ко времени издания 16 тома (1964 г.) уезды, а следовательно, и уездные комитеты остались далеко в прошлом). По-видимому, составители БАС стремились восполнить имеющуюся лауну.

Рассмотрим теперь случаи второго типа. Сложносокращенные слова с формантом *губ-* не описываются в ТСРЯ индивидуально:

вместо этого толкование получает формант, а некоторые слова (в том числе *губисполком*) приводятся в качестве примеров. Словарная статья на *губ-* снабжена пометой «нов. истор.», а дефиниция гласит, что это «сокращение, употреблявшееся в новых сложных словах в знач. губернский до районирования и образования вм. губерний новых территориально-административных единиц».

Отдельными статьями в ТСРЯ представлены «остатки» слов за вычетом форманта *губ-*: *военком*, *исполком*, *ком*, *партишкола*. Отсутствует только финальная часть *-оно*, представляющая собой инициальную аббревиатуру. Вплоть до конца XX столетия такие лексические единицы практически никогда не включались в толковые словари. Аббревиатура ОНО (Отдел народного образования) зафиксирована в «Толковом словаре языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998]. Этот словарь включает также словарные статьи на *губоно*, *губком* и *губисполком*. Вместо *губвоенком* в словнике присутствует *губвоенкомат*, а *губпартишкола* отсутствует.

Словарной статьи на слово *культурбота* в ТСРЯ нет (парадоксальным образом, имеются статьи на слова *культурработник* и *культурработница*). Впрочем, есть статья на формант *культ-*: «Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач.: 1) культурно-просветительный, напр. культобслуживание, культурбота, культпросвет; 2) имеющий отношение к культурно-просветительной работе, напр. культкомиссия, культсовещание, культуполномоченный, культшефство, культячейка, культактив, культотдел; обслуживающий культурные потребности, напр. культтовары, культпромышленность». Таким образом, в ТСРЯ слово *культурбота* фигурирует в примерах словарной статьи на формант *культ-*. В БАС оно получает самостоятельную разработку.

Слово *комхоз* «в собранном виде» зафиксировано, похоже, лишь в словаре В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. В ТСРЯ описываются только его части, причем форманту *ком-* соответствуют пять омонимичных словарных статей, так что его понимание затруднено (коммунистическое хозяйство? коммунальное хозяйство? комитет по хозяйству?). Единственный имеющийся контекст значения не проясняет, ср.:

На площади, размеренной агентами Комхоза, совершаются не менее противоречивые события, чем на площади, размеренной дипломатами государств (М. Никитин, «Золотой челнок»).

Слово *волисполком* представлено в ТСРЯ «по частям», а также примером в словарной статье на начальный формант *вол-*,

ср.: «Сокращение, употреблявшееся в новых сложных словах в знач. волостной, напр. волисполком». В полном виде данное слово представлено в словаре Мокиенко и Никитиной, где, помимо *волисполкома*, есть статьи на сложносокращенные слова *волком*, *волоно*, *волпредисполком*, *волсекретариат*.

Слова *вольячейка* не удалось обнаружить ни в одном словаре. Лексема *ячейка*, разумеется, содержится и в ТСРЯ, и в БАС¹, и в прочих толковых словарях русского языка. В принципе это позволяет возвести рассматриваемые слова к соответствующему словосочетанию: «волостная ячейка». Однако значения это не проясняет: ячейка — чего? Контексты, в которых встречаются эти слова, также неинформативны, ср.:

— *Верить ли, с ног сбился!* — говорил он товарищу, возвращаясь в двенадцатом часу ночи с заседания *вольячейки* (А. Беляев, «Три портрета»);

Только сравнялись с вольячейкой — как на грех супонь напололам... (Д. Крептюков, «Микиша»);

А из окон Вольячейки любопытные глаза наблюдали и Микишу, и попа, и лошаденку злополучную, и болтавшиеся, вылезшие из матицы, ключья пакли у хомута (Д. Крептюков, «Микиша»).

Наконец, случай третьего типа — слово *церабкооп*. В ТСРЯ есть статья на *рабкооп* (а также на форманты *раб-* и *кооп-*), но нет статьи на начальное *це-*. В БАС слова *рабкооп* уже нет, есть только словарные статьи на его составные части (форманта *це-* нет и там). Таким образом, собрать рассматриваемую единицу по частям, опираясь на данные обоих словарей, не удастся. Слово *церабкооп* в значении «Центральный рабочий кооператив» зафиксировано значительно позднее, в словаре Мокиенко и Никитиной.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование, по существу, носит характер того, что в английском языке принято называть *case study* (исследование отдельного случая). Оно направлено на изучение того, как сложносокращенные слова, обнаруженные нами в 103 рассказах 1920-х гг., представлены в толковых словарях русского языка. Если бы мы взяли другую сотню рассказов данного периода, вполне вероятно, что набор слов был бы иным. Но это не столь важно. Методология исследований в жанре *case study* предполагает, что внимательное рассмотрение отдельного показа-

тельного примера позволяет выявить его интересные, порой неожиданные и противоречивые аспекты, что дает возможность мысленно подняться над конкретным случаем и перейти к формулировке более общих проблем, выдвижению новых гипотез или пересмотру старых.

Анализ нашего материала в целом подтверждает высказывание Е. Маркасовой о том, что далеко не все слова, активно употреблявшиеся в 1920-е гг., попали в толковые словари, изданные при советской власти и даже позднее [Маркасова 2011: 94—95]. Проверка показала, что слова *вольячейка*, *комхоз*, а также все слова с формантом *губ-* отсутствуют не только в толковых, но и в орфографических словарях. Составленный в самом конце XX века словарь Мокиенко и Никитиной лишь частично восполнил имеющиеся пробелы. Можно предположить, что если бы СРЯ был полностью осуществлен в соответствии с исходным замыслом, такие лакуны были бы практически сведены к нулю.

В ТСРЯ за основу были взяты иные принципы формирования словника, требовавшие ограничить число самостоятельно описываемых сложносокращенных слов. Однако эта стандартная практика академических толковых словарей, предполагающая введение словарных статей на форманты, может оборачиваться трудностями с пониманием. Современному читателю (тем более, если для него русский язык не родной) реалии довоенного советского времени обычно малоизвестны и непонятны, так что формальная процедура восстановления исходного словосочетания по частям не всегда помогает понять смысл.

Включение в словник формантов чревато и другой проблемой. До сих пор мы мысленно шли от найденного в тексте сложносокращенного слова к делению его на форманты и далее к восстановлению исходного словосочетания. Но в принципе можно пойти и в обратном направлении: от заданных в словаре формантов к построению сложносокращенных слов. И тогда встает вопрос: а какие комбинации формантов существуют (или существовали) в действительности и могут быть обнаружены в текстах эпохи? Заметим, что когда словарь строится по тезаурусному принципу (как и задумывался СРЯ), эта проблема просто не возникает.

Оценить количество неучтенных в толковых словарях так называемых «советизмов» очень трудно. Как предполагает Е. Маркасова [Там же: 107—109], обнаружению некоторых из них может помочь компьютерная обработка Сводного словаря современной русской лексики [Сводный сло-

¹ Из слов с финальной частью *-ячейка* и ТСРЯ, и БАС фиксируют слово *комячейка*; примечательно, что оно пишется в обоих источниках без твердого знака.

варь... 1991], которая позволит выделить единицы, зафиксированные исключительно в Орфографическом словаре русского языка. Однако едва ли это даст заметный результат: из 18 слов, составивших материал нашего исследования, не зафиксированными нигде (в том числе в Орфографическом словаре и в словаре [Мокиенко, Никитина 1998]) оказались 2 слова (*вольячейка*, *губпартшкола*), т. е. около 10 %.

Сведения о подобных словах нужны историкам, работающим с документами советской эпохи, антропологам и социологам, изучающим советскую действительность 1920-х гг., литературоведам и просто всем тем, кто читает художественные произведения о той эпохе. Вопрос об их поиске и фиксации остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобунова, М. А. Сложносокращенные слова в толковых словарях русского языка XX века / М. А. Бобунова. — Текст : непосредственный // Эпоха «великих потрясений» в литературе, языке и культуре : материалы Междунар. науч. конф. — Курск : Курский государственный университет, 2018. — С. 208—214.
2. Булаховский, Л. А. Курс русского литературного языка / Л. А. Булаховский. — Киев : Радянська школа, 1952. — Т. 1. — 445 с. — Текст : непосредственный.
3. Гребенников, А. О. База русского рассказа XIX–XX веков. Модели аппроксимации / А. О. Гребенников, А. Н. Асель. — Текст : непосредственный // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2019». — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2019. — С. 379—386.
4. Гребенников, А. О. Языковая картина мира в русском рассказе начала XX века / А. О. Гребенников, Т. Г. Скребцова. — Текст : непосредственный // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. — 2019. — № 3. — С. 82—92.
5. История русской лексикографии / отв. ред. Ф. П. Сороколетов. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — 610 с. — Текст : непосредственный.
6. Круглов, В. М. Неизвестные страницы толкового академического «Словаря русского языка» 1930-х гг.: описание архивных материалов Большой словарной картотеки ИЛИ РАН / В. М. Круглов. — Текст : непосредственный // Русский язык в научном освещении. — 2015. — № 1. — С. 228—241.
7. Маркасова, Е. Проблемы поиска и лексикографического описания советизмов 1920–30 гг. / Е. Маркасова. — Текст : непосредственный // Russian Language Journal. — 2011. — Vol. 61. — С. 94—118.
8. Мартыненко, Г. Я. О принципах создания корпуса русского рассказа первой трети XX века / Г. Я. Мартыненко, Т. Ю. Шерстинова, А. Г. Мельник, Т. И. Попова, Е. В. Замирайлова. — Текст : непосредственный // XV Международная конференция по компьютерной и когнитивной лингвистике «TEL 2018»: сб. статей. — Казань : Изд-во АН РТ, 2018. — С. 180—197.
9. Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1998. — 704 с. — Текст : непосредственный. — Текст : непосредственный.
10. Ожегов, С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи / С. И. Ожегов. — Москва : Высшая школа, 1974. — 352 с. — Текст : непосредственный.
11. Орфографический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцовой. — 13-е изд. — Москва : Русский язык, 1974. — 400 с. — Текст : непосредственный.
12. Приёмывшева, М. Н. Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н. С. Державина (1929—1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии / М. Н. Приёмывшева, Е. Г. Стукова. — Текст : непосредственный // Вопросы лексикографии. — 2020. — № 17. — С. 195—212.
13. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского языка / под ред. М. В. Панова. — Москва : Наука, 1968. — 300 с. — Текст : непосредственный.
14. Сводный словарь современной русской лексики : в 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. — Москва : Русский язык, 1991. — Текст : непосредственный.
15. Скребцова, Т. Г. Структура нарратива в русском рассказе начала XX века / Т. Г. Скребцова. — Текст : непосредственный // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2019». — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2019. — С. 426—431.
16. Скребцова, Т. Г. Динамика тем русских рассказов начала XX века / Т. Г. Скребцова. — Текст : непосредственный // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. — 2020. — № 3. — С. 45—60.
17. Стукова, Е. Г. Газетная и журнальная публицистика как один из источников академического «Словаря русского языка» 1929—1937 гг. / Е. Г. Стукова. — Текст : непосредственный // Современная русская лексикология, лексикография и лингвострановедение — 2019 : сб. статей. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — С. 253—263.
18. Martynenko, G. Emotional Waves of a Plot in Literary Texts: New Approaches for Investigation of the Dynamics in Digital Culture / G. Martynenko, T. Sherstinova. — Text : electronic // Proc. of the 3rd Intern. conf. “Digital Transformation and Global Society”. — 2018. — P. 299—309. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02846-6_24.
19. Sherstinova, T. Russian literature around the October revolution: A quantitative exploratory study of literary themes and narrative structure in Russian short stories of 1900–1930 / T. Sherstinova, T. Skrebtsova. — Text : electronic // Proc. of Intern. conf. “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, 17–20 June, 2020). — 2021. — URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2813/rpaper09.pdf> (date of access: 25.02.2021).
20. Skrebtsova, T. Thematic tagging of literary fiction: the case of early 20th century Russian short stories / T. Skrebtsova. — Text : electronic // Proc. of Intern. conf. “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, 17–20 June, 2020). — 2021. — URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2813/rpaper20.pdf> (date of access: 25.02.2021).

T. G. Skrebtsova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-7825-1120

 E-mail: t.skrebtsova@yandex.ru.

New Sociopolitical Realities of the 1920s as Reflected in Russian Literature and Lexicography (on the Basis of Syllabic Acronyms)

ABSTRACT. *The present research is a part of a large-scale project aimed at a comprehensive study of early 20th century Russian short stories and based on the Russian Short Stories Corpus currently containing several thousand texts. A sample of 310 stories has been selected to serve as a testbed for the analysis of language and style of the epoch. The paper*

deals with syllable acronyms that became abundant after the October revolution of 1917 and were widely used in the Russian literature of the 1920s. In particular, its focus is on the acronyms that can be found in the above-mentioned sample of short stories. The paper aims to find out whether these particular acronyms have been captured by the major Russian dictionaries and, if so, in what form, i.e. as single units or via decomposition into constituents (derivative formants). The study has revealed that not all acronyms that were quite common in the 1920s have been included as single units in the comprehensive dictionaries of the Russian language. The dictionary policy to present the acronym constituents has its side effects or drawbacks associated with the polysemy of the formants, their variable spelling and alternative decomposition of the corresponding words. Besides, this policy is far from being comprehensively complete. Thus, the present case study highlights the general problems of the lexicographical description of a wide range of lexical units that are no longer in use and whose meaning has become unclear. Still their knowledge is needed by the scholars researching into the epoch, students of the Russian language (including foreign learners of Russian) and readers of the fiction of that period. The filling of this lexicographical gap should be on the agenda.

KEYWORDS: abbreviation; syllabic abbreviations; Russian language; explanatory dictionaries; lexicography; Russian lexicology; Russian writers; literary creative activity; literary genres; short stories; small prose.

AUTHOR'S INFORMATION: Skrebtsova Tat'yana Georgievna, Candidate of Philology, Senior Researcher at Department of Contemporary Russian Lexicography of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Skrebtsova, T. G. New Sociopolitical Realities of the 1920s as Reflected in Russian Literature and Lexicography (on the Basis of Syllabic Acronyms) / T. G. Skrebtsova // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 146-154. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_14.

ACKNOWLEDGMENTS. The research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project #17-29-09173 “The Russian language on the edge of radical historical change: The study of language and style in prerevolutionary, revolutionary and post-revolutionary artistic prose by the methods of mathematical and computer linguistics (corpus-based research on Russian short stories)”.

REFERENCES

- Bobunova M. A. Acronyms in Russian language dictionaries of the 20th century / M. A. Bobunova. — Text : unmediated // The Epoch of “Great Upheavals” in Literature, Language and Culture: Proc. of Intern. conf. — Kursk : Kursk State University, 2018. — P. 208—214. [Slozhnosokraschennye slova v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka XX veka / M. A. Bobunova. — Tekst: neposredstvennyy // Epokha «velikikh potryaseniy» v literature, yazyke i kulture: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy universitet, 2018. — S. 208—214]. — (In Rus.)
- Bulakhovskiy L. A. A Course in the Literary Russian Language / L. A. Bulakhovskiy. — Kiev : Radyanska shkola, 1952. — Vol. 1. — 445 p. — Text: unmediated [Bulakhovskiy L. A. Kurs russkogo literaturnogo yazyka. — Kiev : Radyanska shkola, 1952. — T. 1. — 445 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Grebennikov A. O., Assel A. N. The base of Russian short stories of the 19th and 20th stories. Approximation models / A. O. Grebennikov, A. N. Assel. — Text: unmediated // Proc. of Intern. conf. “Corpus Linguistics-2019”. — St. Petersburg : St. Petersburg State University Publishers, 2019. — P. 379—386. [Baza russkogo rasskaza XIX-XX vekov. Modeli approksimatsii / A. O. Grebennikov, A. N. Assel. — Tekst : neposredstvennyy // Trudy Mezhdunar. konf. «Korpusnaya lingvistika-2019». — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2019. — S. 379—386.] — (In Rus.)
- Grebennikov A. O., Skrebtsova T. G. Russian worldview through the prism of early 20th century Russian short stories / A. O. Grebennikov, T. G. Skrebtsova. — Text : unmediated // Philosophy and Culture in Information Society. — 2019. — # 3. — P. 82—92. [Yazykovaya kartina mira v russkom rasskaze nachala XX veka / A. O. Grebennikov, T. G. Skrebtsova. — Tekst : neposredstvennyy // Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve. — 2019. — № 3. — S. 82—92]. — (In Rus.)
- The History of Russian Lexicography / Ed.-in-chief F. P. Sorokoletov. — St. Petersburg : Nauka Publishers, 2001. — 610 p. — Text : unmediated. [Istoriya russkoy leksikografii / otv. red. F. P. Sorokoletov. — SPb. : Nauka, 2001. — 610 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Kruglov V. M. Unknown history of the Academic “Dictionary of the Russian Language” of the 1930s: an account of the archive materials of the Great Lexicographical Catalogue of the Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / V. M. Kruglov. — Text : unmediated // Scholarly Journal of the Russian Language. — 2015. — # 1. — P. 228—241. [Neizvestnye stranitsy tolkovogo akademicheskogo «Slovary russkogo yazyka» 1930-kh gg.: opisanie arkhivnykh materialov Bolshoy slovarnoy kartoteki ILI RAN / V. M. Kruglov. — Tekst: neposredstvennyy // Russkiy yazyk v nauchnom osveschenii. — 2015. — № 1. — S. 228—241]. — (In Rus.)
- Markasova E. The problems of search and lexicographic description of the 1920-1930s sovietisms / E. Markasova. — Text : unmediated // Russian Language Journal. — 2011. — Vol. 61. — P. 94—118. [Problemy poiska i leksikograficheskogo opisanija sovietizmov 1920-30 gg. / E. Markasova. — Tekst: neposredstvennyy // Russian Language Journal. — 2011. — Vol. 61. — S. 94—118]. — (In Rus.)
- Martynenko G. Ya., Sherstinova T. Yu., Melnik A. G., Popova T. I., Zamiraylova E. V. On the principles underlying the Russian short stories corpus of the early 20th century / G. Ya. Martynenko, T. Yu. Sherstinova, A. G. Melnik, T. I. Popova, E. V. Zamiraylova. — Text : unmediated // Proc. of the XV Intern. conf. on computational and cognitive linguistics «TEL 2018». — Kazan, Academy of Sciences of Tatarstan Republic Publishers, 2018. — P. 180—197. [O printsipakh sozdaniya korpusa russkogo rasskaza pervoy treti XX veka / G. Ya. Martynenko, T. Yu. Sherstinova, A. G. Melnik, T. I. Popova, E. V. Zamiraylova. — Tekst: neposredstvennyy // XV Mezhdunar. konf. po kompyuternoy i kognitivnoy lingvistike «TEL 2018»: Sb. statey. — Kazan: Izd-vo AN RT, 2018. — S. 180-197]. — (In Rus.)
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. A Dictionary of the Soviet-pia Language / Mokienko V. M., Nikitina T. G. — St. Petersburg: Folio-Press, 1998. — 704 p. — Text: unmediated. [Tolkovyy slovar yazyka Sovdepia / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. — SPb. : Folio-press, 1998. — 704 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Ozhegov S. I. Lexicology. Lexicography. Speech Culture / S. I. Ozhegov. — Moscow: Higher School Publishers, 1974. — 352 p. — Text: unmediated. [Leksikologiya. Leksikografiya. Kultura rechi / S. I. Ozhegov. — M. : Vysshaya shkola, 1974. — 352 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Spelling Dictionary of the Russian Language / S. G. Barkhudarov, I. F. Protchenko, L. I. Skvortsova (eds.). — 13th ed. — Moscow : Russian Language Publishers, 1974. — 400 p. — Text : unmediated. [Orfograficheskii slovar russkogo yazyka / pod red. S. G. Barkhudarova, I. F. Protchenko, L. I. Skvortsovoy. — 13 izd. — M. : Russkiy yazyk, 1974. — 400 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Priemysheva M. N., Stukova E. G. Academic “Dictionary of

the Russian Language” edited by academician N. S. Derzhavin (1929-1937) in the history of Russian lexicography / M. N. Priemysheva, E. G. Stukova. — Text : unmediated // Problems of Lexicography. — 2020. — № 17. — P. 195—212. [Akademicheskii «Slovar russkogo yazyka» pod redaktsiei akademika N. S. Derzhavina (1929—1937 gg.) v istorii russkoy tolkovoy leksikografii / M. N. Priemysheva, E. G. Stukova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy leksikografii. — 2020. — № 17. — S. 195—212]. — (In Rus.)

13. Russian Language and Soviet Society: A sociolinguistic Study. Word-Formation in Contemporary Russian / M. V. Panov (ed.). — Moscow : Nauka Publishers, 1968. — 300 p. — Text : unmediated [Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka / Pod red. M. V. Panova. — M.: Nauka, 1968. — 300 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. A Consolidated Dictionary of Modern Russian Lexis: in 2 vol. / R. P. Rogozhnikova (ed.). — Moscow: Russian Language Publishers, 1991. — Text : unmediated [Svodnyy slovar sovremennoy russkoy leksiki: v 2-kh t. / pod red. R. P. Rogozhnikovoy. — M. : Russkiy yazyk, 1991. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Skrebtsova T. G. Narrative structure in early 20th century Russian short stories / T. G. Skrebtsova. — Text : unmediated // Proc. of Intern. conf. “Corpus Linguistics-2019”. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishers, 2019. — P. 426—431. [Struktura narrativa v russkom rasskaze nachala XX veka / T. G. Skrebtsova. — Tekst : neposredstvennyy // Trudy Mezhdunar. konf. «Korpusnaya lingvistika-2019». — SPb. : Izd-vo SPbGU, 2019. — S. 426-431]. — (In Rus.)

16. Skrebtsova T. G. The dynamics of change in themes in early 20th century Russian short stories / T. G. Skrebtsova. — Text : unmediated // Philosophy and Culture in Information Society. —

2020. — № 3. — P. 45—60. [Dinamika tem russkikh rasskazov nachala XX veka / T. G. Skrebtsova. — Tekst : neposredstvennyy // Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve. — 2020. — № 3. — S. 45-60]. — (In Rus.)

17. Stukova E. G. Newspapers and magazines as a source for the Academic “Dictionary of the Russian Language” of 1929-1937 / E. G. Stukova. — Text : unmediated // Modern Russian Lexicology, Lexicography and Linguistic Geography 2019. — St. Petersburg : Nestor-History Publishers, 2019. — P. 253—263. [Gazetnaya i zhurnalnaya publitsistika kak odin iz istochnikov akademicheskogo «Slovary russkogo yazyka» 1929—1937 gg. / E. G. Stukova. — Tekst: neposredstvennyy // Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya 2019: Sb. statey. — SPb. : Nestor-Istoriya, 2019. — S. 253—263]. — (In Rus.)

18. Martynenko, G. Emotional Waves of a Plot in Literary Texts: New Approaches for Investigation of the Dynamics in Digital Culture / G. Martynenko, T. Sherstinova. — Text : electronic // Proc. of the 3rd Intern. conf. “Digital Transformation and Global Society”. — 2018. — P. 299—309. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02846-6_24.

19. Sherstinova, T. Russian literature around the October revolution: A quantitative exploratory study of literary themes and narrative structure in Russian short stories of 1900-1930 / T. Sherstinova, T. Skrebtsova. — Text : electronic // Proc. of Intern. conf. “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, 17-20 June, 2020). — 2021. — URL: http://ceur-ws.org/Vol-2813/rpa_per09.pdf (date of access: 25.02.2021).

20. Skrebtsova, T. Thematic tagging of literary fiction: the case of early 20th century Russian short stories / T. Skrebtsova. — Text : electronic // Proc. of Intern. conf. “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, 17-20 June, 2020). — 2021. — URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2813/rpaper20.pdf> (date of access: 25. 02. 2021).

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.161.1'42

ББК ШП41.12-51

DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_15

ГСНТИ 16.00.00; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

Г. Дудэк-Валигура

Ягеллонский университет в Кракове, Польша

ORCID ID: 0000-0001-7951-8870 E-mail: gabriela.dudek@uj.edu.pl.

Общая характеристика статьи как жанра политического дискурса

АННОТАЦИЯ. *Анализируется статья как жанровая разновидность современного политического дискурса. Цель проведенного исследования — классифицировать и описать основные черты, позволяющие представить специфику статьи в российской политической коммуникации. Примером служат последние тексты активных государственных деятелей — В. В. Путина, Д. А. Медведева и Г. А. Зюганова, занимающих важные политические должности в нынешней Российской Федерации. Данные статьи опубликованы в газетах и на официальных интернет-порталах организаций, которые представляют перечисленные лидеры. Приводятся дефиниции дискурса, политического дискурса и жанра. В теоретической части автор представляет также классификации жанров этого типа дискурса, разработанные в доступной по предмету литературе. Упомянутые классификации основаны на четырех критериях, в которые входят: форма коммуникации, ведущая функция, объем информации и признак «монологичность/диалогичность». Таким образом, выделяются письменные и устные жанры; ритуальные, ориентационные и агональные; малые, средние и крупные; а также монологические и диалогические жанры. Выясняется, что статьи принадлежат к официальной, институциональной и публичной форме коммуникации. Общая тематика собранных публикаций относится к общественным проблемам, связанным с завоеванием и осуществлением политической власти, таким как, например, международное сотрудничество в сфере экономики. Наши наблюдения подтвердили, что статья представляет собой письменный и ориентационный жанр, т. е. в эмпирическом материале доминирует информативная интенция, но ритуальность и фатика в них также заметны и значимы. Рассматриваемые сочинения типологизируются равным образом как средние и монологические жанры политического дискурса.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; медиадискурс; медиатексты; язык СМИ; российские СМИ; политические деятели; языковая личность; лингвоперсонология; политическая коммуникация; политическая лингвистика; политический дискурс; политические тексты; жанры политического дискурса; классификация жанров; статьи.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дудэк-Валигура Габриэла, кандидат филологических наук в области языкознания, адъюнкт кафедры русского языкознания, Институт восточнославянской филологии, Ягеллонский университет в Кракове; 30-060, Краков, Польша, ул. Ингардена, 3; e-mail: gabriela.dudek@uj.edu.pl.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дудэк-Валигура, Г. Общая характеристика статьи как жанра политического дискурса / Г. Дудэк-Валигура // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 155-165. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_15.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика жанров политического дискурса постоянно интересует многих специалистов и научных исследователей. Однако, несмотря на большой интерес к изучению данного феномена (см., напр.: [Алешина 2016; Атьман 2011; Ворожцова 2010; Гаврилова 2004, 2011; Кондратенко 2007; Мехта 2017; Паньпань 2019; Стексова 2012; Чащина 2013; Чистякова 2010; Чудинов 2012; Шейгал 2004]), не все актуальные проявления форм коммуникации в сфере политики подробно описаны и классифицированы.

Настоящий анализ сосредоточивается на статье как одной из жанровых разновидностей, используемых в политической деятельности. Цель анализа — представить основные признаки, характеризующие упомянутый жанр в политическом дискурсе.

Эмпирической базой послужили последние статьи известных российских государ-

ственных деятелей — Владимира Владимировича Путина, Дмитрия Анатольевича Медведева и Геннадия Андреевича Зюганова. Напомним, что в данный момент В. В. Путин занимает пост президента России, Д. А. Медведев — заместителя председателя Совета безопасности Российской Федерации, а Г. А. Зюганов исполняет обязанности председателя Центрального комитета Коммунистической партии РФ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вначале следует определить содержание, которое вкладывается в многозначное понятие политического дискурса и дискурса вообще. Дискурс оказывается термином «модным» [Григорьева 2007: 9] и «чрезвычайно популярным» [Михалева 2009: 15], однако полисемичным^[1]. О сложившейся ситуации О. Л. Михалева пишет: «...под дис-

курсом понимается практически все, что угодно исследователю» [там же]. Согласно «Большому энциклопедическому словарю. Языкознание», дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Ярцева 1998: 136].

Итак, в приведенной выше дефиниции акцентируется факт, что дискурс является сложным явлением, охватывающим как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. В этой статье будем придерживаться рабочего определения, согласно которому дискурс представляет собой «языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность <...>» [Чернявская 2006: 3] (в дальнейшей части своего суждения В. Е. Чернявская отмечает: «Дискурс — это система ограничений, накладываемых на возможные высказывания в силу определенной социальной, идеологической, в том числе научной позиций» [Чернявская 2006: 79] и «Дискурс — это не только языковое отражение и выражение существующей социальной практики, но и инструмент инсценирования этой практики» [там же: 92]).

Политический дискурс также имеет много трактовок. В. А. Маслова подчеркивает, что в лингвистической литературе существует широкое и узкое понимание этого термина: «В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс — это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Маслова 2008: 44].

Из цитируемого фрагмента ясно, что данный тип дискурса может ограничиваться механизмом регулирования общественной деятельности. Ссылка на способность управления человеческими ресурсами в государстве присутствует также в толковании В. И. Карасика, который под политическим дискурсом понимает «коммуникативную практику, целью которой является борьба за власть» [Карасик 2010: 67]. Таким образом, ресурсы языка служат здесь как инструмент

социального контроля и власти над обществом» [Левшенко 2012: 102].

Политический дискурс можно определить равным образом как текст в совокупности с контекстуальными факторами, относящимися к политике, ср.: «Политический дискурс — сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте — контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений и под.)» [Герасименко 1998: 22].

На контекстуальную характеристику описываемого явления обращает внимание также А. П. Чудинов, см.: [Чудинов 2008: 40—42]. По мнению этого ученого, понятие политического дискурса должно включать все элементы, которые присутствуют в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) и одновременно влияют на порождение и восприятие речи (напр., другие тексты, политические взгляды автора, представление автора об адресате, политическая ситуация) [там же: 41].

Учитывая указанный специфический материал для анализа, в данной работе мы принимаем узкую дефиницию политического дискурса и квалифицируем его как, напомним, «разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Маслова 2008: 44].

Жанр, в свою очередь, в русской традиции определяется как «вербальное оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [Гаврилова 2004: 15] (подробнее о жанрах см.: [Дементьев 2010; Покровская, Дудкина, Кудинова 2011]). Исследователи констатируют, что взаимодействие между людьми выражается преимущественно в диалоге, хотя в меньшей степени оно присутствует даже в монологических текстах [Михалева 2009: 17].

Следует также добавить, что проблематика выделения жанровых разновидностей связана с внутринациональной речевой культурой и даже с культурой в целом [Дементьев 2010: 40—41]. В научной литературе жанры рассматриваются как средство типологического, исторического и генетического осмысления лингвокультур [Дементьев 2020: 179]. В то же время категория жанра считается составляющей дискурса [Гаврилова 2004: 15].

КЛАССИФИКАЦИИ ЖАНРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Жанровое пространство политического дискурса очень богатое, разнообразное и постоянно развивающееся^[2]. В научных

публикациях жанры рассматриваемого типа дискурса разделяются в основном по четырем критериям: по форме коммуникации, ведущей функции, объему информации и по признаку «монологичность/диалогичность» [см.: Алтунян 2006; Чудинов 2008, 2012; Шейгал 2004]. Первая классификация основана на форме коммуникации, так как построение и стилистика политических текстов ^[3] зависят от предполагаемой формы их восприятия — слуховой или зрительной [Алтунян 2006: 24]. А. Г. Алтунян подчеркивает, что устные выступления дают автору инициативу (ввода новой темы, повторения и др.), а также возможность контролировать уровень воздействия на аудиторию — если оратор чувствует ослабление внимания, может его усилить, напр., через интонационно выделенные места [там же]. В случае написанных текстов инициатива принадлежит читателю, самостоятельно принимающему решение, что и когда прочесть. Представленные обстоятельства влияют на информативность, логичность, эмоциональность речи. Поэтому политические жанры делятся на письменные (напр., партийная программа, статья), которые прежде всего должны быть логичны, и устные (напр., интервью, выступление в парламенте), в которых может доминировать эмоциональная насыщенность [там же, 24–25].

Надо, однако, отметить, что этим жанрам свойственно взаимопроникновение: политик может выступать с заранее подготовленным письменным текстом, а устные заявления политика могут быть записаны [Гаврилова 2004: 16]. Поэтому следует учитывать исходную общедоступную версию сообщения.

С точки зрения характера ведущей функции Е. И. Шейгал предложила классификацию, в которой выделила:

- ритуальные (эпидейктические) жанры, где преобладает фатика, напр.: *инаугурационная речь, юбилейная речь*;
- ориентационные жанры, т. е. тексты информационно-прескриптивного характера, напр.: *конституция, указ, партийная программа*;
- агональные жанры, которые мобилизуют к совершению действий, напр.: *лозунг, предвыборные дебаты* [Шейгал 2004: 246].

В третьей классификации жанры политического дискурса разделяются в зависимости от объема информации на малые (напр., *лозунг*), средние (напр., *листовка, газетная статья*) и крупные (*партийная программа* и др.) [Чудинов 2008: 38].

Наконец, сопоставляя монологичность и диалогичность речи, можно выделить монологические (напр., *радиообращение, ста-*

тья в газете) и диалогические жанры (*дискуссия, переговоры* и др.) [Чудинов 2012: 54]. Добавим, однако, что практически все политические тексты в современной науке воспринимаются как некий диалог с другими людьми, текстами и даже культурами, ср.: «Автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов. Политическая речь диалогична по своей природе, она ориентирована не столько на самовыражение, сколько на воздействие» [там же: 58].

ОСОБЕННОСТИ СТАТЬИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ — АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Как уже было указано, в данной работе мы анализируем статьи современных российских политиков — В. В. Путина, Д. А. Медведева и Г. А. Зюганова. Следовательно, адресантами являются влиятельные лица, профессионально занимающиеся политической деятельностью, чей высокий социальный статус очевиден. Перечисленные лидеры представляют определенные социальные институты и организации — президента Российской Федерации, заместителя председателя Совета безопасности РФ и председателя партии «Единая Россия», руководителя фракции КПРФ в Государственной думе РФ. Таким образом, статьи принадлежат к официальной и институциональной форме коммуникации, ср.:

«В институциональном общении, в отличие от личностного, жестко зафиксирован статус каждого коммуниканта (избиратель, депутат, представитель общественной неполитической организации, лидер партии и др.), его политическая роль (например, представитель правящей партии, представитель конструктивной или непримиримой оппозиции, государственный служащий определенного ранга)» [Чудинов 2012: 57].

Согласно приведенным выше классификациям, статью можно охарактеризовать как письменный, ориентационный, средний и монологический жанр политического дискурса. Собранный эмпирический материал подтверждает правильность выдвинутых тезисов. Проанализированные статьи опубликованы в письменном виде в газетах и зафиксированы на официальных интернет-порталах издательств и институтов, которые представляют политики ^[4]. Статьи Владимира Путина: «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» (от 19 июня 2020 года), статья без названия (от 6 июля 2017 года) и «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию» (от 8 ноября

2017 года) — были обнародованы в издательстве «Известия», в немецкой газете «Хандельсблатт» и на официальном сайте Президента России. Статьи Дмитрия Медведева: «Америка 2.0. После выборов» (от 16 января 2021 года), «Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса» (от 17 июня 2020 года) и «„Единая Россия“ — курс на перемены» (от 1 июля 2019 года) — опубликованы в агентстве ТАСС, в журнале «Россия в глобальной политике» и в «Известиях». Наконец, статьи Геннадия Зюганова «Русский стержень Державы» (от 14 мая 2020 года), «Три подвига Энгельса» (от 26 ноября 2020 года) и «Убереечь страну на переломе» (от 1 октября 2019 года) опубликованы в газете «Правда» и на сайте Коммунистической партии Российской Федерации. Учитывая распространение в средствах массовой информации вместе с сайтами различных организаций как фактор доступности сочинений, можем утверждать, что статьи в политическом дискурсе принадлежат не только к официальной и институциональной, но также к публичной форме коммуникации — их нельзя включить в категорию конфиденциальных, внутренних документов партии или государства, доступных только для немногочисленных граждан.

Следует подчеркнуть, что собранные последние публикации российских лидеров охватывают период с 2017 по 2021 г. Значит, статьи в политическом дискурсе не являются таким же частотным жанром, как, например, жанр интервью или пресс-конференции, несмотря на факт, что этот жанр практически не ограничивается временем, периодичностью и правовой регламентацией (в противоположность, напр., новогоднему обращению, клятве или инаугурационной речи).

Письменное оформление высказывания приводит к большей структурированности, чем в спонтанной речи. Кроме того, в описываемой разновидности отсутствует прямая непредсказуемая интеракция с другими людьми, как, например, в случае беседы с населением или рабочего визита. Статьи составлены строго по замыслу авторов, с учетом таких классических композиционных элементов, как введение, логическое раскрытие мыслей, приведение фактов, аргументов и заключение. В начале исследуемых сочинений указывается на повод их написания, ср., напр.:

– Накануне поездки в Германию для участия в очередном саммите „Группы двадцати“ хотел бы поделиться с читателями одной из самых популярных и авторитетных немецких газет *Handelsblatt* некоторыми соображениями о сотрудничестве

в рамках „двадцатки“ (статья Владимира Путина в немецкой газете «Хандельсблатт»);

– *Через три дня откроется партийная конференция „Единой России“. Будем обсуждать проблемы и острые темы. Их, как в любой политической организации, немало („Единая Россия“ — курс на перемены);*

– *200 лет назад, 28 ноября 1820 года, родился выдающийся политический деятель, философ, историк и публицист Фридрих Энгельс. Его родиной была Германия, значительную часть жизни он провел в Англии, а в истории навсегда останется мыслителем и преобразователем всемирного масштаба — как и его великий соратник и ближайший друг Карл Маркс («Три подвига Энгельса»).*

Потом раскрывается главная тема статьи, дается оценка окружающей действительности, представляется информация и позиция политиков по затронутым проблемам, ср.:

– *Поддерживаем идею формирования Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли. Видим в этом практический интерес, возможность укрепить позиции на динамично растущих рынках АТР. Отмечу, что за прошедшие пять лет доля экономик АТЭС во внешней торговле России увеличилась с 23 до 31%, а в экспорте — с 17 до 24%. И останавливаться на достигнутом мы не собираемся («XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию»);*

– *Социальные сети же находятся вне специального регулирования и работают на основе пользовательских соглашений. И вот они-то и развязали информационную войну без правил! Причем войну против одного лица. В период подсчета голосов публикации Д. Трампа в сети Twitter, где у него более 85 млн подписчиков, были сначала маркированы как неблагонадежный контент, а затем вообще скрыты для чтения («Америка 2.0. После выборов»);*

– *КПРФ в своей программе настаивает: чтобы спасти отечественную медицину, вернуть народу гарантии бесплатной и эффективной охраны его здоровья, нам нужно вернуться к советским конституционным нормам. Построить такое государство, которое снова гарантирует их выполнение. И это может быть только государство социализма, способное положить конец системе вымирания, чьей главной мишенью стал русский народ («Русский стержень Державы»).*

В заключении статей политики выражают надежду на то, что их точка зрения и оценка

ситуации найдут понимание и одобрение у читателей. Авторы акцентируют также положительные стороны принятых решений и будущих действий, ср.:

– Уверен, что вместе мы достойно решим задачи по обеспечению устойчивого, сбалансированного, гармоничного роста нашего общего региона, добьемся его процветания. Россия готова к такой совместной работе («XXV саммит АТЭС в Даланге: вместе к процветанию и гармоничному развитию»);

– Вот для этого и нужна политическая партия. Мобильная, активная и открытая для людей. Это — „Единая Россия“ («„Единая Россия“ — курс на перемены»);

– У нас есть программа, на основе которой можно выстроить принципиально новую, справедливую систему — общество обновленного социализма. Убежден, что в этом состоит единственная реальная альтернатива смуте и хаосу, от которых мы обязаны и способны уберечь нашу страну на новом историческом переломе («Уберечь страну на переломе»).

По характеру ведущей функции статья относится к ориентационным жанрам. В фактическом материале, действительно, преобладает указанная функция — иными словами, в текстах доминирует информативная интенция^[5]. В. В. Путин обозначил, например, актуальные аспекты сотрудничества в рамках «Группы двадцати», ср.:

– Рассматриваем подписанное в апреле прошлого года Парижское соглашение в качестве надежной международно-правовой основы для долгосрочного климатического урегулирования и намерены всецело содействовать его выполнению;

– Новая тема в рамках „двадцатки“ — информационная безопасность. Россия последовательно выступает за свободу доступа к коммуникационным технологиям, включая сеть Интернет. Большое значение придаем защите прав человека в информационном пространстве (статья Владимира Путина в немецкой газете «Хандельсблатт»).

Д. А. Медведев изложил свою позицию по глобальному сотрудничеству в сфере безопасности, ср.:

– Нам всем совместно пора принять новые законы и международные конвенции о противодействии терроризму и преступности в цифровом пространстве. Такая работа уже ведется, но ее следует ускорить;

– Многие страны сталкиваются с проблемами финансирования своих социальных обязательств и исполнения долговых пла-

тежей. И развитые страны должны быть готовы оказывать поддержку ради обеспечения глобальной социальной и финансово-экономической стабильности («Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса»).

Г. А. Зюганов, в свою очередь, высказался о социально-экономическом положении Российской Федерации и о ключевых политических вызовах для страны, ср.:

– Государство не может отворачиваться от проблемы массового обнищания. Реальные доходы граждан не перестают снижаться уже 5 с лишним лет. Треть участников недавних социологических опросов заявили, что за последнее время их материальное положение серьезно ухудшилось и они вынуждены все больше экономить на самом необходимом — на продуктах питания и одежде. У половины трудящихся зарплата не превышает 20 тысяч в месяц;

– Главное политическое требование, содержащееся в наших обращениях, — это давно назревший ремонт избирательной системы, которая в своем нынешнем виде грубо искажает идею народовластия, лишает общество веры в то, что с помощью выборов можно изменить ситуацию к лучшему, и тем самым провоцирует перерастание усиливающегося социального недовольства в гражданский конфликт («Уберечь страну на переломе»).

В приведенных отрывках политики сообщили о своих интенциях, планах и обозначили конкретные направления, на которых, по их оценке, должна быстро концентрироваться политическая деятельность.

Добавим, однако, что в собранных текстах важную роль играет также ритуальная функция, которую нельзя не упомянуть. Фатика особо заметна в трех отобранных публикациях — двух В. В. Путина и одной Г. А. Зюганова. Статья В. В. Путина под заглавием «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» посвящена военной истории и информации о вопросах международного сотрудничества, ср.:

– Забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжелой расплатой. Мы будем твердо защищать правду, основанную на документально подтвержденных исторических фактах, продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны. На это в том числе нацелен масштабный проект по созданию в России крупнейшей коллекции архивных документов, кино- и фотоматериалов по истории Второй мировой войны, пред-

военному периоду;

– *Какой мы видим повестку предстоящего саммита [«пятерки» — России, Китая, Франции, США и Великобритании]? Прежде всего, на наш взгляд, целесообразно обсудить шаги по развитию коллективных начал в мировых делах, откровенно поговорить о вопросах сохранения мира, укрепления глобальной и региональной безопасности, контроля над стратегическими вооружениями, совместных усилий в противодействии терроризму, экстремизму, другим актуальным вызовам и угрозам («75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим»).*

Высказываясь в годовщину окончания Второй мировой войны, президент также демонстрирует намерение поддерживать общение, контакт с народом, ср.:

– *75 лет прошло, как закончилась Великая Отечественная война. За эти годы выросло несколько поколений. Изменилась политическая карта планеты;*

– *Наша ответственность перед прошлым и будущим — сделать все, чтобы не допустить повторения страшных трагедий. Поэтому посчитал своим долгом выступить со статьей о Второй мировой и Великой Отечественной войнах («75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим»).*

В. В. Путин объяснил также основные этапы развития Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, ср.:

– *Важнейшей задачей, созвучной нашей динамичной эпохе, считаем налаживание эффективного сотрудничества по поддержке инноваций. В этой связи Россия выдвинула ряд предметных инициатив. Имею в виду унификацию правил цифровой экономики и торговли, гармонизацию национальных технических стандартов, согласование стратегий формирования высокотехнологичных рынков, создание единого понятного аппарата для цифрового пространства;*

– *Еще один вызов, требующий совместного реагирования всех партнеров по АТР, — это предупреждение и ликвидация последствий природных катаклизмов и техногенных аварий, эпидемий и пандемий. И конечно, нужно сообща заниматься вопросами продовольственной безопасности. («XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию»).*

Одновременно нынешний политический лидер России включил в статью фатические моменты, имея в виду, что данный текст

выйдет перед юбилейным, 25-м саммитом Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, ср.:

– *Наша страны стремятся взаимодействовать на основе принципов консенсуса и добровольности, взаимного уважения и готовности к компромиссу, вне зависимости от политической конъюнктуры. Именно в этом и проявляется уникальный партнерский дух АТЭС;*

– *Наш союз динамично развивается, и мы готовы выстраивать отношения со всеми заинтересованными странами и объединениями («XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию»).*

Г. А. Зюганов в публикации «Три подвига Энгельса» назвал актуальные, фундаментальные постулаты, тезисы своей партии, ср.:

– *Маркс и Энгельс в полной мере осознали: критика существующей социально-экономической и политической системы — даже самой несправедливой — лишается смысла, если ей не сопутствует четкая и глубоко обоснованная программная альтернатива этой системе. Именно этого принципа последовательно придерживается КПРФ — единственная на сегодняшний день политическая сила, не просто критикующая губительный курс, проводимый нынешней властью, но предлагающая обществу внятную антикризисную программу, программу социалистического возрождения России;*

– *В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс требовали установления высокого прогрессивного налога на доходы богачей. И доказывали, что без этого невозможно наполнить казну средствами, необходимыми для ускорения промышленного развития и повышения благосостояния трудящихся. Сегодня КПРФ выступает с таким же призывом подчинить налоговую систему интересам страны, формированию полноценного бюджета развития, с требованием изменить законодательство в пользу большинства, освободив малоимущих от налоговой нагрузки и принципиально увеличив ее для миллионеров и миллиардеров («Три подвига Энгельса»).*

Описываемая статья содержит и фатические элементы, так как она издана в 200-ю годовщину дня рождения Фридриха Энгельса, ср.:

– *Воспитывался Энгельс в семье крупного текстильного фабриканта, приложившего максимум усилий для того, чтобы сын пошел по его стопам и связал свою*

жизнь с прибыльной коммерческой деятельностью. Но старания отца, в конечном счете, привели к противоположному результату;

– Именно Энгельс, с юности уделявший особое внимание экономической теории, подтолкнул Маркса к окончательному осознанию ее важности, к пониманию экономических принципов устройства общества как первоосновы его политической эволюции и как фундамента в борьбе за построение государства нового типа, отвергающего жестокую эксплуатацию и социальную сегрегацию («Три подвига Энгельса»).

Такие фатические фрагменты сочинений не несут высокой коммуникативной информативности, а служат для укрепления контакта с избирателями. В этом случае политики подтверждают свой социальный статус и исполняют роль компетентного лидера страны и партии [Чудинов 2008: 53].

Представляется, что рассматриваемые статьи написаны для объяснения действий и намерений политиков в связи с датами важных предстоящих и прошедших событий, а также в связи с текущей ситуацией в России и на международной арене^[6]. В. В. Путин в опубликованных статьях поделился своими соображениями о задачах главы государства накануне саммита «Группы двадцати», саммита Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества и в годовщину Великой Победы. Д. А. Медведев выразил свое мнение по поводу американских президентских выборов, безопасности в пандемию коронавируса и по поводу приоритетов партии перед конференцией «Единой России». Наконец, Г. А. Зюганов обсудил программу Коммунистической партии РФ в контексте проходящей пандемии, памяти о Ельцинском перевороте 1993 года и в контексте теории Фридриха Энгельса по случаю 200-летия со дня его смерти.

Итак, статья оказывается способом акцентировать позицию индивидуальных политиков и партии по значимым вопросам, которые приобретают особую актуальность в нестандартной ситуации, такой как выборы или пандемия коронавируса, а также в связи с отмечанием праздника и памятной даты. Поэтому анализируемые произведения характеризуются богатой, широкой тематикой — они затрагивают различные актуальные проблемы, прежде всего те, которые находятся в центре общественного внимания. Все эти публикации объединяет также то, что они имеют отношение к завоеванию и осуществлению политической власти.

Описываемая разновидность публикаций относится к средним жанрам. По объему

информации статью нельзя сравнить с коротким лозунгом или с пространной партийной программой. Однако в отобранной эмпирической базе наблюдаем дифференциацию количества передаваемой информации. Самый маленький объем информации содержит статья В. В. Путина «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию», а самый большой объем — статья-манифест председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова «Русский стержень Державы». Выделяются также приложения к статье Владимира Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим». Эти приложения составляют 18 документов, касающихся истории Второй мировой войны (напр., документ № 1 — фрагмент донесения посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку).

Анализируемый материал квалифицируется, конечно, как монологический жанр политического дискурса. В противоположность диалогической речи, статья — это развернутый текст одного политика, обращенный ко многим читателям в стране, а также за рубежом. Добавим, что выступления политических деятелей, особенно глав государств, переводятся на разные языки (уточним, что мы исследовали исключительно русскоязычные варианты) и размещаются на многообразных сайтах и в традиционных СМИ. Кроме того, политические заявления обсуждаются комментаторами, аналитиками и др. Несомненно, данные публикации рассчитаны на массового адресата. В этой группе находятся и сограждане, в том числе другие политики, политические единомышленники, потенциальные избиратели, оппоненты, те, кого можно привлечь на свою сторону, и представители других наций.

Разъясняя адресность статей в политическом дискурсе, надо сделать акцент на факт, что в собранном эмпирическом корпусе отличается статья В. В. Путина, обнаруженная в немецкой газете «Хандельсблатт», потому что формально она адресована именно немецкой аудитории, в то время как реально ориентирована на гораздо более широкий круг читателей. Об этом свидетельствует факт наличия русского перевода статьи и его доступности на официальном интернет-портале президента России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, констатируем, что статья представляет собой отдельный, самостоятельный жанр, в центре которого находится публичное изложение взглядов и планов политика массовому адресату. Наши наблюде-

ния подтвердили, что статья характеризует-ся как письменный, ориентационный, средний и монологический жанр политического дискурса. Отобранный материал доказывает, что данная разновидность принадлежит к официальной и институциональной форме коммуникации. Кроме того, рассматриваемые сочинения публикуются в средствах массовой информации в связи с важными предстоящими и прошедшими событиями, а также в связи со сложившейся острой общественной ситуацией. Представленные черты позволяют лучше понимать специфику статьи как интересного, хотя довольно редко используемого жанра современного политического дискурса в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Обзор дефиниций дискурса и его теории см.: [Атрошенко 2015; Макаров 2003; Чернявская 2009: 134–226].

[2] Ср.: «В целом, специалисты отмечают постоянное расширение и обновление жанрового и стилистического арсенала в современной российской политической речи» [Ворожцова 2010: 109].

[3] Под *политическим текстом* автор понимает «такой текст, в котором речь идет об актуальных политических проблемах и который обращен к массовой аудитории, при этом под словом „массовой“ мы подразумеваем потенциально массовую аудиторию» [Алтунян 2006: 11].

[4] Ссылки на электронные источники помещены в конце данного исследования. Уточним, что анализу подвергаются именно версии, доступные в электронной форме.

[5] Ср.: «Ключевой интенцией текста информационного жанра является интенция информирования. К данной группе жанров относятся публичные выступления, в том числе, инаугурационные речи, послания конгрессу, выступления в парламенте; пресс-релизы, коммуникация пресс-конференции, круглого стола, ток-шоу; статьи в СМИ и т. д. Информационные жанры включают большое разнообразие жанров, различающихся как градацией по шкале институциональности, так и степенью агональности» [Алешина 2016: 298].

[6] Ср.: «Статьи в газетах и журналах. Такую форму обращения к гражданам политики чаще всего используют во время избирательных компаний. Статьи помогают более детально разъяснить программу кандидата, познакомить избирателей с его взглядами и планами» [Гаврилова 2004: 19].

ИСТОЧНИКИ

Статьи В. В. Путина

1. Путин, В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим / В. В. Путин. — 2020. — 19 июня. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hOAWB1GRwEMuVtAAGREjC8Vvl3VxqiW4.pdf> (дата обращения: 01.02.2021). — Текст : электронный.

2. Путин, В. В. Статья Владимира Путина в немецкой газете «Хандельсблатт» / В. В. Путин. — 2017. — 6 июля. —

URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54988> (дата обращения: 01.02.2021). — Текст : электронный.

3. Путин, В. В. XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию / В. В. Путин. — 2017. — 8 нояб. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56023> (дата обращения: 01.02.2021). — Текст : электронный.

Статьи Д. А. Медведева

4. Медведев, Д. А. Америка 2.0. После выборов / Д. А. Медведев. — 2021. — 16 янв. — URL: <https://tass.ru/opinions/10470467> (дата обращения: 01.02.2021). — Текст : электронный.

5. Медведев, Д. А. Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса / Д. А. Медведев. — 2020. — 17 июня. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezopasnost-v-period-pandemii/> (дата обращения: 01.02.2021). — Текст : электронный.

6. Медведев, Д. А. «Единая Россия» — курс на перемены / Д. А. Медведев. — 2019. — 1 июля. — URL: <https://iz.ru/894518/dmitrii-medvedev/edinaia-rossiia-kurs-na-peremenu> (дата обращения: 01.02.2021). — Текст : электронный.

Статьи Г. А. Зюганова

7. Зюганов, Г. А. Русский стержень Державы / Г. А. Зюганов. — 2020. — 14 мая. — URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/194458.html> (дата обращения: 01.02.2021). — Текст : электронный.

8. Зюганов, Г. А. Три подвига Энгельса / Г. А. Зюганов. — 2020. — 26 нояб. — URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/198749.html> (дата обращения: 01.02.2021). — Текст : электронный.

9. Зюганов, Г. А. Убереечь страну на переломе / Г. А. Зюганов. — 2019. — 1 окт. — URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/188324.html> (дата обращения: 01.02.2021). — Текст : электронный.

ЛИТЕРАТУРА

10. Алешина, Е. Ю. Жанровая градация политического дискурса / Е. Ю. Алешина. — DOI 10.15643/libartus-2016.3.4. — Текст : непосредственный // Российский гуманитарный журнал. — 2016. Т. 5. — № 3. — С. 293–301.

11. Атьман, О. В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса О. В. Атьман. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1(35). — С. 96–103.

12. Алтунян, А. Г. Анализ политических текстов : учеб. пособие / А. Г. Алтунян. — Москва : Университетская книга : Логос, 2006. — 384 с. — Текст : непосредственный.

13. Атрошенко, И. Г. Анализ определений понятия «дискурс» в современной лингвистике / И. Г. Атрошенко. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 12 (54). — С. 26–31.

14. Ворожцова, Н. В. Предвыборный дискурс и его жанры / Н. В. Ворожцова. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2010. — № 2. — С. 106–113.

15. Гаврилова, М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина) / М. В. Гаврилова. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 296 с. — Текст : непосредственный.

16. Гаврилова, М. В. Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI веков (лингвистический аспект) / М. В. Гаврилова. — Санкт-Петербург : Изд-во Невского института языка и культуры, 2011. — 243 с. — Текст : непосредственный.

17. Герасименко, Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе (к вопросу о функционировании бисубстантивных предложений) / Н. А. Герасименко. — Текст : непосредственный // Политический дискурс в России-2. Материалы рабочего совещания 29 марта 1998 года. — Москва, 1998. — С. 20–23.

18. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспект / В. С. Григорьева. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. — 287 с. — Текст : непосредственный.

19. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — Москва : Знак, 2010. — 600 с. — Текст : непосредственный.

20. Дементьев, В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? / В. В. Дементьев. — DOI <https://doi.org/10.18500/231107402020327172194>. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2020. — № 3 (27). — С. 172—194.

21. Карасик, В. И. Игра по правилам в политическом дискурсе о России на Западе / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 13—17 сентября 2010 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2010. — С. 66—68.

22. Кондратенко, Н. В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения / Н. В. Кондратенко. — Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междун. конф. «Диалог-2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / под ред. Л. Л. Июмдина [и др.]. — Москва : Изд-во РГГУ, 2007. — С. 302—306.

23. Левшенко, Ю. И. Политический дискурс: аналитический обзор теоретико-методологических подходов / Ю. И. Левшенко. — Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 7 (21). — С. 100—108.

24. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с. — Текст : непосредственный.

25. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В. А. Маслова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — № (1) 24. — С. 43—47.

26. Мехта, А. Русская политическая торжественная речь: содержание, композиция, стилистические особенности / А. Мехта. — Москва : Экон-Информ, 2017. — 130 с. — Текст : непосредственный.

27. Михалева, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 256 с. — Текст : непосредственный.

28. Паньпань, Цинь. Новогодние поздравления, адресуемые главой региона жителям, как жанр российского и китайского

политического дискурса / Паньпань Цинь. — DOI 10.26170/p119-04-18. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 4 (76). — С. 154—164.

29. Покровская, Е. А. Речевые жанры в диалоге культур / Е. А. Покровская, Н. В. Дудкина, Е. В. Кудинова. — Ростов-на-Дону : Foundation, 2011. — 200 с. — Текст : непосредственный.

30. Стексова, Т. И. «Послание президента» как жанр политической коммуникации / Т. И. Стексова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3 (41). — С. 58—63.

31. Чашина, А. М. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса / А. М. Чашина. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 37. — С. 60—62.

32. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. — Москва : Флинта, 2006. — 128 с. — Текст : непосредственный.

33. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 245 с. — Текст : непосредственный.

34. Чистякова, С. В. Место политического интервью в жанровой структуре политического дискурса / С. В. Чистякова. — Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. — 2010. — № 11 (42). — С. 178—180.

35. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 256 с. — Текст : непосредственный.

36. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53—59.

37. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.

38. Ярцева, В. Н. (ред.). Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с. — Текст : непосредственный.

G. Dudek-Waligóra

Jagiellonian University in Cracow, Poland

ORCID ID: 0000-0001-7951-8870

 E-mail: gabriela.dudek@uj.edu.pl

General Characteristics of the Article as a Genre of Political Discourse

ABSTRACT. *The paper analyzes the article as a genre variety of modern political discourse. The purpose of the study is to classify and describe the main features that allow the researcher to present the specificity of the article in Russian political communication. Recent texts of active statesmen – V. V. Putin, D. A. Medvedev and G. A. Zyuganov, who hold important political positions in the current Russian Federation, serve as material of analysis. These articles are published in newspapers and on the official Internet portals of organizations represented by the leaders mentioned above. The author gives definitions of discourse, political discourse, and genre. The theoretical part also presents the classifications of genres of this type of discourse, developed in the literature available on the subject. These classifications are based on four criteria, which include: the form of communication, the leading function, the amount of information and the "monologic/dialogic nature". Thus, the author distinguishes written and oral genres; ritual, orientational and agonal genres; small, medium and large genres; as well as monologic and dialogic genres. It turns out that the article belongs to the official, institutional and public form of communication. The general topics of the collected publications relate to social problems related to the conquest and exercise of political power, such as, for example, international cooperation in the field of economics. The author's observations confirm that the article is a written and orientation genre, i.e. empirical material is dominated by informative intention, but ritual is also noticeable and significant in them. The analyzed texts are typologized as medium and monologic genres of political discourse.*

KEYWORDS: *journalism; media linguistics; mass media; media discourse; media texts; mass media language; Russian mass media; politicians; linguistic personality; linguopersonology; political communication; political linguistics; political discourse; political texts; political discourse genres; genre classification; articles.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dudek-Waligóra Gabriela, PhD in Linguistics, Lecturer of Department of Russian Linguistics, Institute of Eastern Slavonic Studies, Jagiellonian University in Cracow, Poland.*

FOR CITATION: *Dudek-Waligóra, G. General Characteristics of the Article as a Genre of Political Discourse / G. Dudek-Waligóra // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 155-165. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_15.*

MATERIALS

Articles by V. V. Putin

1. Putin, V. V. 75 Years of the Great Victory: Common Responsibility before History and the Future / V. V. Putin. — 2020. — June 19. [75 let Velikoy Pobedy: obshchaya otvetstvennost' perez istoriy i budushchim / V. V. Putin. — 2020. — 19 iyunya]. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hOAWB1GRwEMuVtAAGREjC8Vv13VxqiW4.pdf> (date of access: 01.02.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

2. Putin, V. V. Article by Vladimir Putin in the German Newspaper "Handelsblatt" / V. V. Putin. — 2017. — 6 July. [Stat'ya Vladimira Putina v nemetskoj gazete «Khandel'sblatt» / V. V. Putin. — 2017. — 6 iyulya]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54988> (date of access: 01.02.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

3. Putin, V. V. XXV APEC Summit in Da Nang: Together to Prosperity and Harmonious Development / V. V. Putin. — 2017. — 8 Nov. [XXV sammit ATEs v Danange: vmeste k protsvetaniyu i garmonichnomu razvitiyu / V. V. Putin. — 2017. — 8 noyab.]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56023> (date of access: 01.02.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

Articles by D. A. Medvedev

4. Medvedev, D. A. America 2.0. After the elections / D. A. Medvedev. — 2021. — 16 Jan. [Amerika 2.0. Posle vyborov / D. A. Medvedev. — 2021. — 16 yanv.]. — URL: <https://tass.ru/opinions/10470467> (date of access: 01.02.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

5. Medvedev, D. A. Cooperation in the Field of Security During the Pandemic of the New Coronavirus / D. A. Medvedev. — 2020. — June 17. [Sotrudnichestvo v sfere bezopasnosti v period pandemii novogo koronavirusa / D. A. Medvedev. — 2020. — 17 iyunya]. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezopasnostv-period-pandemii/> (date of access: 01.02.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

6. Medvedev, D. A. "United Russia" — a Course for Change / D. A. Medvedev. — 2019. — July 1. [«Edinaya Rossiya» — kurs na peremenu / D. A. Medvedev. — 2019. — 1 iyulya]. — URL: <https://iz.ru/894518/dmitrii-medvedev/edinaia-rossiia-kurs-na-peremenu> (date of access: 01.02.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

Articles by G. A. Zyuganov

7. Zyuganov, G. A. Russian Rod of the Power / G. A. Zyuganov. — 2020. — May 14. [Russkiy sterzhen' Derzhavy / G. A. Zyuganov. — 2020. — 14 maya]. — URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/194458.html> (date of access: 01.02.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

8. Zyuganov, G. A. Three Feats of Engels / G. A. Zyuganov. — 2020. — Nov 26. [Tri podviga Engel'sa / G. A. Zyuganov. — 2020. — 26 noyab.]. — URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/198749.html> (date of access: 01.02.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

9. Zyuganov, G. A. To Save the Country at a Turning Point / G. A. Zyuganov. — 2019. — 1 Oct. [Uberech' stranu na perelome / G. A. Zyuganov. — 2019. — 1 okt.]. — URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/188324.html> (date of access: 01.02.2021). — Text : electronic. — (In Rus.)

REFERENCES

10. Aleshina, E. Yu. Genre specificity of political discourse // Liberal Arts in Russia. — 2016. — Vol. 5. — No. 3. — P. 293—301. [Zhanrovaya gradatsiya politicheskogo diskursa // Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal. — 2016. — Tom 5. — № 3. — S. 293—301]. — DOI: 10.15643/libartus-2016.3.4. — (In Rus.)

11. Atman, O. V. Verbalization of self-presentation strategy in presidential election debates as agonial genre of us political discourse // Political Linguistics. — 2011. — No. 1 (35). — P. 96—103. [Verbalizatsiya strategii samoprezentatsii v prezidentskikh predvybornykh teledybatakh kak agonial'nom zhanre politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. — 2011. — № 1 (35). — S. 96—103]. — (In Rus.)

12. Altunyan, A. G. Analysis of political texts. — Moscow : Logos, 2012. — 384 p. [Analiz politicheskikh tekstov: ucheb. posobie. — M.: Universitetskaya kniga : Logos, 2006. — 384 s.]. — (In Rus.)

13. Atrashchenko, I. G. The analysis of definitions of the notion „discourse” in contemporary linguistics // Philological sciences. Questions of theory and practice. — 2015. — No. 12 (54). —

P. 26—31. [Analiz opredeleniy ponyatiya «diskurs» v sovremennoy lingvistike // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. — 2015. — № 12 (54). — S. 26—31]. — (In Rus.)

14. Vorozhtsova, N. V. Pre-electoral discourse and its genres // The Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. — 2010. — No. 2. — P. 106—113. [Predvybornyy diskurs i yego zhanry // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. — 2010. — № 2. — S. 106—113]. — (In Rus.)

15. Gavrilova, M. V. Cognitive and rhetorical foundations of the presidential speech (based on the speeches of V.V. Putin and B.N. Yeltsin). — St. Petersburg : Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 2004. — 296 p. [Kognitivnyye i ritoricheskiye osnovy prezidentskoy rechi (na materiale vystupleniy V.V. Putina i B.N. Yel'tsina). — SPb. : Filologicheskiy fakul'tet SPBGU, 2004. — 296 s.]. — (In Rus.)

16. Gavrilova, M. V. Analysis of the programs of Russian political parties of the early XX and XXI centuries (linguistic aspect). — St. Petersburg : Publishing house of the Nevsky Institute of Language and Culture, 2011. — 243 p. [Analiz programm rossiyskikh politicheskikh partiy nachala XX i XXI vekov (lingvisticheskiy aspekt). — SPb. : Izdatel'stvo Nevskogo instituta yazyka i kul'tury, 2011. — 243 s.]. — (In Rus.)

17. Gerasimenko, N. A. Information and fascination in political discourse (on the functioning of bisubstantial sentences) // Political discourse in Russia-2. Workshop proceedings March 29, 1998. — Moscow, 1998. — P. 20—23. [Informatsiya i fastsinatsiya v politicheskom diskurse (k voprosu o funktsionirovanii bisubstantivnykh predlozheniy) // Politicheskii diskurs v Rossii-2. Materialy rabocheho soveshchaniya 29 marta 1998 goda. — Moskva, 1998. — S. 20—23]. — (In Rus.)

18. Grigorieva, V. S. Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects. — Tambov : Publishing house of Tamb. state tech. — University, 2007. — 287 p. [Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekt. Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tekhn. un-ta, 2007. 287 s.]. — (In Rus.)

19. Demytyev, V. V. The theory of speech genres. Moscow: Znak, 2010, 600 p. [Teoriya rechevykh zhanrov. M.: Znak, 2010, 600 s.]. (In Rus.)

20. Demytyev, V. V. What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics? // Speech Genres. — 2020. — No. 3 (27). — P. 172—194. [Chto dalo zhanrovedeniye sovremennoy lingvistike? // Zhanry rechi. — 2020. — № 3 (27). — S. 172—194]. — DOI <https://doi.org/10.18500/231107402020327172194>. — (In Rus.)

21. Karasik, V. I. Playing by the rules in political discourse about Russia in the West // Image of Russia in foreign political discourse: stereotypes, myths and metaphors: materials of an international scientific conference. Yekaterinburg, September 13-17, 2010 / Ch. ed. A.P. Chudinov. — Yekaterinburg : Ural State Ped. Univ., 2010. — P. 66—68. [Igra po pravilam v politicheskom diskurse o Rossii na Zapade // Obraz Rossii v zarubezhnom politicheskom diskurse: stereotipy, mify i metafory: materialy mezhdunarodnoy na-uchnoy konferentsii. Yekaterinburg, 13-17 sentyabrya 2010 g. / gl. red. A. P. Chudinov. — Yekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2010. S. 66—68]. — (In Rus.)

22. Kondratenko, N. V. The New Year address as a ritual genre of political discourse: the main macrostructural component and its representation // Computational linguistics and intellectual technologies: works of international. conf. "Dialogue 2007" Bekasovo, May 30-June 3, 2007 / ed. L. L. Iomdin (and others). — Moscow : Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2007. — P. 302—306. [Novogodneye obrashcheniye kak ritual'nyy zhanr politicheskogo diskursa: makrostrukturye komponenty i sredstva ikh vyrazheniya // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: trudy mezhdun. konf. «Dialog2007» Bekasovo, 30 maya — 3 iyunya 2007 g. / pod red. L. L. Iomdina i dr. — M. : Izd-vo RGGU, 2007. — S. 302—306]. — (In Rus.)

23. Levshenko, Y. I. Political discourse: analytical review of theoretical-methodological approaches // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. — 2012. — No. 7 (21). — P. 100—108. [Politicheskii diskurs: analiticheskiy obzor teoretiko-metodologicheskikh podkhodov // Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i is-

- kusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. — 2012. — № 7 (21). — P. 100–108]. — (In Rus.)
24. Makarov, M. L. Fundamentals of the theory of discourse. — Moscow : Gnosis Publ., 2003. — 280 p. [Osnovy teorii diskursa. — M. : ITDGK «Gnozis», 2003. — 280 s.]. — (In Rus.)
25. Maslova, V. A. Political discourse: language games or games in words? // Political Linguistics. — 2008. — No. (1) 24. — P. 43–47. [Politicheskij diskurs: yazykovyye igry ili igry v slova? // Politicheskaya lingvistika. — 2008. — № (1) 24. — S. 43–47]. — (In Rus.)
26. Mehta, A. Russian political solemn speech: content, composition, stylistic features. — Moscow : Econ-Inform, 2017. — 130 p. [Russkaya politicheskaya torzhestvennaya rech': sodержaniye, kompozitsiya, stilisticheskiye osobennosti. — M. : Ekon-Inform, 2017. — 130 s.]. — (In Rus.)
27. Mikhaleva, O. L. Political discourse. The specificity of manipulative influence. — Moscow : Book House «Librokom», 2009. — 256 p. [Politicheskij diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya. — M. : Knizhnyy dom «LibrokoM», 2009. — 256 s.]. — (In Rus.)
28. Panpan, Qin. Happy New Year Messages Addressed by the Head of the Region to the People as a Genre of Russian and Chinese Political Discourse / Panpan Qin // Political Linguistics. — 2019. — No. 4 (76). — P. 154–164. [Novogodniye pozdravleniya, adresuyemye glavoy regiona zhityelam, kak zhanr rossiyskogo i kitayskogo politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. — 2019. — № 4 (76). — S. 154–164]. — DOI 10.26170/pl19-04-18. — (In Rus.)
29. Pokrovskaya, E. A., Dudkina, N. V., Kudinova, E. V. Speech genres in the dialogue of cultures. — Rostov-na-Donu : Foundation, 2011. — 200 p. [Pokrovskaya Ye. A., Dudkina N. V., Kudinova Ye .V. Rechevyye zhanry v dialoge kul'tur. — Rostov n/D : Foundation, 2011. — 200 s.]. — (In Rus.)
30. Steksova, T. I. «President's address» as a genre in political communication // Political linguistics. — 2012. — No. 3 (41). — P. 58–63. [«Poslaniye prezidenta» kak zhanr politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. — 2012. — № 3 (41). — S. 58–63]. — (In Rus.)
31. Chashchina, A. M. Political interview as a special genre of political discourse // Bulletin of the Chelyabinsk State University. — 2013. — No. 37. — P. 60–62. [Politicheskoye interv'yu kak osobyiy zhanr politicheskogo diskursa // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2013. — № 37. — S. 60–62]. — (In Rus.)
32. Chernyavskaya, V. E. The discourse of power and the power of discourse: problems of speech impact. — Moscow : Flinta : Nauka, 2006. — 128 p. [Diskurs vlasti i vlvst' diskursa. Problemy rechevogo vozdeystviya. — M. : Flinta, 2006. — 128 s.]. — (In Rus.)
33. Chernyavskaya, V. E. Linguistics of the text: polycode nature, intertextuality, interdiscursiveness. — Moscow : Book House «Librokom», 2009. — 245 p. [Lingvistika teksta. Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. — M. : Knizhnyy dom «LibrokoM», 2009. — 245 s.]. — (In Rus.)
34. Chistyakova, S. V. The place of political interview in the genre structure of political discourse // Almanac of modern science and education. — 2010. — No. 11 (42). — P. 178–180. [Mesto politicheskogo interv'yu v zhanrovoy strukture politicheskogo diskursa // Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. — 2010. — № 11 (42). — S. 178–180]. — (In Rus.)
35. Chudinov, A. P. Political Linguistics. — Moscow : Flinta : Science, 2008. — 256 p. [Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2008. — 256 s.]. — (In Rus.)
36. Chudinov, A. P. Discursive characteristics of political communication // Political Linguistics. — 2012. — No. 2 (40). — P. 53–59. [Diskursivnyye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. — 2012. — № 2 (40). — S. 53–59]. — (In Rus.)
37. Shejgal, E. I. Semiotics of Political Discourse. — Moscow : Gnosis, 2004. — 324 p. [Semiotika politicheskogo diskursa. — Moskva : Gnozis, 2004. — 324 s.]. — (In Rus.)
38. Yartseva V. N. (editor). Linguistic Encyclopedic Dictionary. — Moscow : Linguistic Encyclopedic Dictionary, 1998. — 685 p. [Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Yazykoznaniiye. — M. : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. — 709 s.]. — (In Rus.)

С. Т. Золян

Балтийский федеральный ун-т им. Им. Канта, Калининград, Россия; Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

E-mail: surenzolyan@gmail.com.

Соотечественники — семантический портрет по данным Национального корпуса русского языка

АННОТАЦИЯ. Понятие «соотечественник» является определяющим при самоописании общества — оно одно из тех, благодаря которым происходит ключевое разграничение «мы» — «они». Эффективным описанием этого процесса стал семантический анализ употреблений соответствующего слова на основе данных Национального корпуса русского языка. Выявлен ряд нетривиальных особенностей семантики, обусловленных его социосемiotической амбивалентностью, рассмотрено соотношение между его общеязыковыми и юридическими толкованиями. Анализ показал наличие трех конкурирующих и взаимодействующих компонентов (прототипических ядер). Их экспликация позволила проследить в исторической перспективе связь семантических трансформаций слова с социально-политическими процессами. Современная семантика слова добавляет к предыдущим новые коллизии, в силу чего она представляет собой скорее разнородное поле перемещающихся, а иногда и конфликтующих, доходящих до энантиосемии смыслов, нежели имеющее прототипический центр понятие. Парадоксальным и противоречивым образом смешиваются и заступают место друг друга такие члены семантической оппозиции, как «мы» — «они», «здесь» — «там», «свои» — «чужие». Формируется определяющая, в особенности после распада СССР, референциальная двойственность понятия «соотечественник» — оно распадается на собственно соотечественников (граждан России) и диаспоральных соотечественников за рубежом. Значительно различается употребление термина применительно к русским и представителям иных этносов. Инструмент самоописания общества сам оказывается амбивалентным, отражением чего становится декларативный характер юридических определений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: соотечественники; русский язык; русские; лексическая семантика; концепты; семантические поля; энантиосемия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Золян Сурен Тигранович, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. Им. Канта, Калининград, Россия; ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН Армении, Ереван, Армения; 236016, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; 0010, Республика Армения, Ереван, ул. Арама, 14; e-mail: surenzolyan@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Золян, С. Т. Соотечественники — семантический портрет по данным Национального корпуса русского языка / С. Т. Золян // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 166-180. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_16.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта РФ № 18 — 18 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках (применительно к авто- и метареферентациям „себя“ и „другого“ в социальной и политической коммуникации)» в Балтийском федеральном университете им. Им. Канта.

Не довольствуясь отвлеченной идеей отечества, ты ищешь олицетворить его в чем-нибудь конкретном, и в этих поисках прежде всего наталкиваешься на своих соотечественников.

М. Е. Салтыков-Щедрин. *Убежище Монрепо* (1878—1879)

1. СООТЕЧЕСТВЕННИКИ — ЭТО ...? (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

1.0. Общество, как и культура, начинается с семантического разграничения своего и чужого, отграничения «наших» от «ненаших», что получает семиотическое оформление в ключевых языковых и символических практиках. Посредством подобных дискурсов и дискурсивных практик формируется само-сознание общества, а их описание становится мета-описанием данного социу-

ма. Это описание может расходиться с теми представлениями, которые навязывают обществу власть или идеологи различных направлений, оно может иметь различные манифестации, может и не осознаваться, но тем не менее во всех случаях получает определенное выражение в семантике используемого языка. Даже искаженное описание становится важной характеристикой (само-) описываемой системы. Слово «соотечественники» может считаться одним из

главных параметров системы, в которой общество описывает себя и свои границы. Неопределенность его семантики оказывается характеристикой, отражающей неопределенность дискурсивных и рефлексивных систем социума. Эта семантика может быть выявлена на основе корпусного анализа того, как употребляется данное слово. Методологической опорой становится витгенштейновское понимание семантики знака: его значение есть его употребление. Через употребление возможно идентифицировать значение, тогда как обратный путь — посредством нормативных текстов (будь то словари, законодательство, учебники и т. п.) генерировать такое употребление, которое бы соответствовало нормативному значению, в данном случае оказывается неадекватным, если вообще возможным. В случае «соотечественников» концепт, который, казалось бы, должен служить инструментом измерения и делимитации, парадоксальным образом сам оказывается нуждающимся в делимитации и идентификации.

1.1. Казалось бы, ответ на вопрос «Кто такие соотечественники?» очевиден, а если потребуются разъяснения, то они содержатся в словарях, а также в нормативных документах, где приводятся подробные толкования [см: Декларация о поддержке российской диаспоры... 1995; Федеральный закон... 1999]. Различные вопросы, связанные с соотечественниками, являются приоритетами внешней политики России (см. указы Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешнеполитического курса РФ» (7 мая 2012 г.), «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» (18 декабря 2010 г.) и утвержденную президентом РФ «Концепцию внешней политики РФ» (2013; 2016)), к ним регулярно обращаются в своих выступлениях на съездах соотечественников высшие должностные лица РФ. Безотносительно к этим толкованиям, сам *соотечественник*, согласно расхожим представлениям, может быть идентифицирован за минуту: «...за это время истинный соотечественник определяется от того, кого не надо называть соотечественником», как на этом настаивал при обсуждении Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ» депутат Госдумы Олег Нилов (19 июля 2019 г.)^[1]. Казалось бы, это предполагает достаточно устоявшееся, почти терминологическое понимание этого слова. Так считал и автор этой статьи, тему которой ему подсказал известный франкошвейцарский славист, один из пио-

неров изучения лингвистических характеристик политического дискурса Патрик Серю (именно ему мы обязаны ставшей употребительной характеристикой советского политического дискурса 70-х—80-х как «деревянного» языка). На конференции по социальной семиотике в апреле 2018 г. в качестве примера неадекватной коммуникации и возникающего вследствие этого непонимания и далее конфронтации он привел актуальный на тот момент случай употребления слова «соотечественники» — когда политическое руководство РФ говорит, например, об обязанности России защищать соотечественников на Донбассе, то не знающий семантики этого русского слова француз воспринимает подобное как прямое подтверждение российского вмешательства, если не агрессии. Для французского соотечественника, компатриота — это граждане данной страны, и ему непонятно, что делают граждане России в Донбассе и почему они вооружены. Так, для него французы, воюющие в Сирии, — это граждане Франции, безотносительно к их этническим корням, а вовсе не граждане Сирии, предки которых были французами. Пояснение коллеги показалось хоть и имеющим политическую значимость, но тем не менее сугубо лингвистическим явлением — свидетельством того, что в ряде случаев точный перевод может оказаться неверным и следует переводить не столько слово, сколько смысл: например, использовать в предназначенных на зарубежную аудиторию текстах такие перифразы или описательные переводы, как «русскоязычное меньшинство», «этнические русские» и т. п.

Однако, попытавшись найти определение слову *соотечественники* в русском, можно убедиться, что дело не только в возможных значительных различиях между русским и западноевропейским осмыслением или же общеязыковым и специальным юридическим толкованием этого слова-термина. Так, почти в то же время, что и упомянутая конференция, в Госдуме с целью модернизации Закона о соотечественниках состоялась обмен мнениями о том, кто такие соотечественники. Как следует из сообщений в прессе, депутатам в этом вопросе не удалось достичь даже приблизительного согласия. Единственное, в чем сошлись дискуссанты — что «сейчас оно (понятие «соотечественник» — С. З.) слишком неопределенное» («Соотечественникам подбирают термины и документы» // Независимая газета. 30.05.2018). К аналогичным выводам приходили участники подобных обсуждений еще начиная с 1995 года^[2]. В этом отношении скорее именно это мнение законодателей, а

не способности депутата Нилова, отражает глас народа. Так, во время одного из опросов социологи получили настолько неожиданные данные, что засомневались — правильно ли понимают их респонденты^[3]. Обратившись к наиболее объективному инструменту семантического анализа словоупотребления — Национальному корпусу русского языка (далее — НКРЯ) — можно убедиться, что в силу различных исторических и политических факторов семантика этого понятия представляет собой скорее разнородное поле перемежающихся, а иногда и конфликтующих, доходящих до энантиосемии смыслов^[4], нежели имеющее прототипический центр.

2. «СОТЕЧЕСТВЕННИКИ» В ЗЕРКАЛАХ СЛОВАРЕЙ

Уточнение значения слова принято начинать со словарей, где приводится толкование: «человек, имеющий общее отечество с кем-нибудь» [Соотечественник // *Малый академический словарь*]; повторяется почти без изменений и в других словарях), т. е. вместо прояснения значения дана отсылка к мотивирующему слову. Соответственно, в этом же словаре *отечество* толкуется как «1. *Высок.* Страна, где родился человек и гражданином которой является. 2. *Устар.* Место возникновения, происхождения чего-л.; *родина*» [Отечество // *Малый академический словарь*]. Между тем то, что для лексикографов лишь различные варианты одного значения (место рождения — гражданство), может стать источником серьезных политических и юридических коллизий. Так, как пример употребления слова «отечество» в первом значении вышеупомянутый словарь приводит стихи Маяковского из поэмы «Хорошо»: «*И я, как весну человечества, рожденную в трудах и в бою, пою мое отечество, республику мою!*», не замечая, что они противоречат толкованию: Маяковский хоть и являлся гражданином *республики* (РСФСР), но родился он в *Российской империи*, воспевать которую и не намеревался. В толковании отразилось уже устаревшее понимание неразрывной связи между страной рождения и гражданством — согласно ему, можно быть гражданином только той страны, где родился. Словари синонимов приводят близкие по значению слова — это *соплеменники* и *сограждане*. В самом деле, они иногда могут выступать как взаимозаменяемые синонимы: «Дорогие сограждане / соотечественники / соплеменники!» (*Три толстяка*, к/ф, 1966).

Однако такое пересечение значений встречается достаточно редко. Забегая впе-

ред, отметим, что именно эти значения составляют два основных семантических ядра прототипа семантики слова «соотечественник» — они могут временами сливаться как единый комплекс, но могут и вступать в антонимические отношения. Именно семантическое напряжение между ними — понимать под соотечественниками *сограждан* или *соплеменников* — отражает динамику происходящих социально-политических изменений, в том числе и на современном этапе, и это в том или ином виде постоянно воспроизводится в политических и юридических дискуссиях. Однако в целом существующие словари, в основном повторяя друг друга, оставляют без внимания не только коннотации (дополнительные смыслы или оттенки значения), но и наличие различных концептуальных схем, лежащих в основе этого ключевого для самоидентификации общества понятия. Куда более адекватными оказываются данные Национального корпуса русского языка. На их основе можно 1) выявить ряд нетривиальных свойств семантики слова «соотечественники» и 2) выделить различные конкурирующие и взаимодействующие компоненты значения слова «соотечественники» — его прототипические ядра.

3. СОТЕЧЕСТВЕННИКИ — СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ И СВОЙСТВА

3.1. Перед тем, как перейти к современной семантике слова, совершим краткий исторический экскурс (подробнее см.: [Арапова 2010; Золян 2019; Золян 2020]). Уже при создании этого слова скрестились две линии — с одной стороны, старославянское и древнерусское *отечество*, понимаемое как место происхождения, с другой — послуживший образцом галлицизм *компатриот*. Эти два концепта формируют два новых прототипических значения: второе, «гражданское», собирательное и высокое, и первое, тяготеющее к этничности, обозначающее — если нет контекстуальных уточнений — русских. По мере усиления государственных институтов второе должно было стать преобладающим, что в определенной мере имело место к началу XIX в. Однако вплоть до настоящего времени следует говорить не о синтезе, а скорее о доходящей до энантиосемии разноголосице значений слова. Кроме того, в словоупотреблении XIX в. возникает новое значение: русские за рубежом. По принципу инверсии формируется взгляд на себя, но со стороны. Амбивалентным образом смешиваются и заступают место друг друга основные для социума разграничения (по [Зиммель 2008]): *мы* — *они*, *здесь* — *там*, *свои* —

чужие. Оказываются разделенными собирательное значение (объединяющее нас) и разграничительное (отделяющее от них). Слово наполняется новыми оценочными смыслами, при этом в некоторых дискурсивных практиках преобладают негативные коннотации. Возникают разнообразные гибридные «соотечественники»: *мы — там, они — здесь* и т. д. Гетерогенность семантики слова отражает коллизии внутри общества, которые в XX в. обернулись его трагическим расколом.

Говоря о ситуации, отраженной в современном русском языке, следует оговорить, что политическая хронология отличается от лингвистической, и современный русский язык охватывает период с Карамзина и Пушкина. Но вместе с тем на прежние смыслы наслаиваются новые — возникновение, а затем распад многонационального государства, СССР, породил дополнительные коллизии. Для полноты охвата уместно совместить два уровня анализа: макроанализ, когда предметом рассмотрения является корпус словоупотреблений в целом, и микроанализ, когда выделяются отдельные словоупотребления и варианты значений.

Макроанализ данных словаря позволяет выделить несколько нетривиальных особенностей, если не сказать отклонений, этого слова, которые в целом сводятся к неконгруэнтности его значений применительно к различным употреблениям. Главные из них — это 1) латентная индексальность; 2) несимметричность значений множественного и единственного числа; 3) различающаяся семантика при референции применительно к русским и нерусским. Во многих случаях эти три характеристики взаимосвязаны. Так, первая особенность заключается в том, что слово «соотечественник», грамматически являясь существительным, в своем значении содержит существенный индексальный компонент, характерный скорее для личных местоимений: это его зависимость от таких определяемых контекстных параметров, как «я», «мы», «говорящий»; оно является скрытым индексом. Индексами, или дейктическими единицами, называются слова, семантика которых не является фиксированной и определяется контекстом — кто, кому, где и когда говорит (например, такие слова, как «я», «здесь», «мы», «сегодня», «местный» и т. п.). Слово «соотечественник» подлежит контекстуальному уточнению, но при этом — это уже проявление его другой особенности — значительно различаются употребление и семантика, если слово «соотечественник» относится к русским или гражданам СССР или же к иностранцам или нерусским. В пер-

вом случае семантика слова гетерогенна, возникает сложное взаимодействие различных значений, ни одно из которых не является доминантным, во втором же семантика сводится к основному прототипическому ядру (указание на происхождение, причем, как правило, этническое). Словари скорее ориентируются именно на второй, более простой и привычный тип. Применительно к иностранцам или же нерусским согражданам семантика достаточно однородна, оказывается адекватным вышеприведенное словарное толкование: *уроженцы или граждане одной и той же страны*. Конкретизация осуществляется либо посредством указания на говорящего (соотечественники — это его соотечественники), либо явствует из содержащегося в тексте пояснения. Подобное употребление стабильно и, по существу, не менялось с XVIII века:

...онъ сказалъ мнѣ о себѣ, что служилъ въ разныхъ войскахъ, въ нашихъ и своихъ, три раза раненъ турецкими пулями за насъ, и три раза — нашими за соотечественниковъ своихъ, Пруссаковъ (А. С. Шишков, *Записки*, 1780—1814).

— Никто, — отвечал учитель (француз. — С. З.), меня он выписал из Москвы чрез одного из своих приятелей, коего повар, мой соотечественник, меня рекомендовал (А. С. Пушкин, *Дубровский*, 1833).

Все твои соотечественники — люди резкие. — Ты имеешь в виду израильтян? (Д. Рубина, *Высокая вода венецианцев*, 1999).

Наши соотечественники помогают своей родине — говорит представитель армянского правительства («Известия», 11.02.2003).

Что касается нерусских граждан России (россиян), то их соотечественниками, как и во времена Пушкина, оказываются не другие россияне, а граждане или уроженцы иных государств:

Я хочу поставить вопрос перед всеми народами Кавказа — абхазами, адыгейцами, кабардинцами, черкесами, абазинами, чеченцами, осетинами, карачаевцами, ногайцами, лезгинами, аварцами, лакцами, кумыками, перед всей мыслящей интеллигенцией Кавказа, чьи соотечественники не по своей воле оказались за пределами родины и ныне разбросаны по всему миру (Р. Гожба, *От Кубани до Нила*, «Родина», 1994).

В Вене, в Российском центре науки и культуры, проходит пленарное заседание III съезда международной ассоциации татар стран Европейского Союза „Альянс татар Европы“. Мероприятие является уникальным событием в жизни соотече-

ственников за рубежом, собравшим 53 представителя татарских диаспор из 16 стран Европы [В Вене проходит пленарное заседание... 2019 www].

При именовании же *соотечественниками* «россиян с Кавказа» нельзя не заметить иронию: «В основном, конечно, это были наши более смуглые соотечественники с предгорий Кавказа, но попадались среди них и вполне столичные парни» (С. Есин, *Стоящая в дверях*, 1992); противительный союз «но» достаточно четко проводит границу между «смуглыми соотечественниками» и «вполне столичными парнями».

3.2. Применительно к русским действуют уже иные принципы семантизации. Говоря о том, что слово «соотечественник/соотечественники» является скрытым индексом, т. е. лексической единицей, семантика которой определяется контекстом, следует уточнить — в русском языке во множественном числе оно обычно является неопределенным индексом. Ведь если в случае «я» однозначно указывается на того, кто говорит, то в случае «мы», во-первых, может варьироваться инклюзивное (*мы = я + ты + они*) и эксклюзивное употребление (*мы = я + ты*); во-вторых, не определены и его границы (*мы — это находящиеся сейчас здесь или мы = я и все, кого я считаю «своими»*). Если «соотечественник» не семантизируется через указание на некоторого индивида или же говорящего, то в этих случаях на его семантику переносится и связанная с «мы» неоднозначность. Можно заметить, что применительно к нерусским «соотечественник» употребляется как определенный индекс (поскольку это «их» или «его» соотечественник), тогда как к русским может использоваться и как определенный («мой соотечественник»), и как неопределенный («наши соотечественники»).

Если имеются в виду соотечественники — русские или выходцы из СССР, то в этом значении «соотечественник» в единственном числе применяется достаточно редко, а если и употребляется, то с особым смысловым оттенком — речь обычно идет о «бывших» соотечественниках — или в тех специфических контекстах, когда *быть соотечественником* оказывается различительным, а не интегрирующим свойством. (Частично это относится и к гражданам СССР — но это тексты, написанные уже после распада СССР и принадлежащие к публицистике ностальгического характера.) Тем не менее достаточно часто встречается псевдоуточнение: «наш соотечественник (наши соотечественники)». Оно призвано не столько уточнить связь с говорящим, сколько под-

черкнуть интегральный и, как мы увидим, главный признак: «быть нашим, принадлежать к нашей общности». Именно поэтому частотность сочетания «наш соотечественник» оказывается наивысшей, а «наш» — это наиболее распространенный эпитет (см. ниже). Столь сильная связь между «наш» и «соотечественник» объясняется тем, что слово *соотечественник* является скрытым неопределенным индексом с его ориентацией на «мы», и потому носителями русского языка (преимущественно русскими) употребляется большей частью применительно к русским. Поэтому могут быть случаи, когда «наши» — это, как и в XIX в., хоть и «мы», но тем не менее «не свои» (также см. ниже). В силу этого столь отличными оказываются коннотации между, казалось бы, синонимичными «нашими» и определяемыми посредством «я» «моими», поскольку, в отличие от неопределенного индекса «мы», местоимение «я» — определенный индекс, указывающий только на говорящего. По данным НКРЯ, *мои соотечественники* (62 случая) употребляется в основном в собирательном значении (для сравнения: *наши соотечественники* — 143, также преимущественно в собирательном значении) [5]. Более того, значительно различаются по частоте сочетание «мой соотечественник» и «мои соотечественники». Противореча общезыковой тенденции, единственное число используется намного реже. Сочетание «мой соотечественник» встретилось только 23 раза, причем почти всегда — как указание на конкретное лицо:

В Риме умер один из величайших художников нашего века, мой соотечественник Орест Кипренский (К. Г. Паустовский, 1936).

Путешествуя к востоку от Руси, один мой соотечественник видел чудовищ (Е. Водолазкин, *Лавр*, 2012).

Молодой человек, избранный ею, ее курсник — мой соотечественник, он русский (Л. Зорин, *Медный закат*, «Знамя», 2008).

Единственный встретившийся нам в корпусе пример неопределенно-обобщенного употребления в единственном числе:

Мой соотечественник, земляк, родной, мой самый близкий, он же и самый далекий (В. В. Биbihин, *Мир*, 1995).

Но и в этом случае особая стилистика дает основание предположить, что такое употребление есть намеренное отклонение от основной схемы.

3.3. Указанное различие между *нашим* и *моим соотечественниками* соотносится и с другой особенностью этого слова: асимметричностью значений в единственном и мно-

жественном. Казалось бы, форма *соотечественники* — это множественное число от «соотечественник», то есть обозначает более чем одного соотечественника. Но статистика словоупотреблений по данным НКРЯ оказывается весьма необычной: принято, что немаркированные формы, такие как единственное число, встречаются значительно чаще, чем формы маркированные (множественное число), поскольку немаркированные формы в определенных позициях могут выражать оба значения, а множественное употребляется только тогда, когда имеет смысл указать на число предметов. Если же этого не требуется, то употребляется единственное (например, слово «гражданин» может употребляться и в обобщенном значении, безотносительно к количеству). Применительно же к слову «соотечественник» случаи употребления множественного числа существенно преобладают над употреблением единственного — почти в два раза. Приведем несколько сравнительных данных. Так, слово *русский* встречается в 9677 документах, 30 659 вхождениях, тогда как *русские* — в 7392 документах, 24 979 вхождениях. Обратная ситуация сигнализирует о семантической асимметрии значений множественного и единственного. Например, слово *гражданин* встречается в 2708 документах, имеет 5768 вхождений, тогда как *граждане* — в 3295 документах, 6151 вхождение (см. ниже). Еще сильнее эта тенденция проявляется применительно к паре *соотечественник* — *соотечественники*; здесь преобладание формы множественного числа оказывается подавляющим. Так, в основном корпусе НКРЯ форма «соотечественники» представлена в 571 документе, дано 720 вхождений, тогда как для «соотечественник» найдено 324 документа, 391 вхождение. В газетном корпусе: *соотечественники* — 1347 документов, 1495 вхождений, *соотечественник* — 715 документов, 758 вхождений. Аналогичное соотношение наблюдается и применительно к косвенным формам.

Семантический анализ позволяет объяснить эту аномалию, поскольку выявляются два грамматически различающихся типа: а) обычная множественная форма от *соотечественник*₁, и множественное, как и полагается, имеет значение *более чем один соотечественник*₁; б) *pluralia tantum*, то собирательное значение слова *соотечественники*₂, которое не имеет коррелята в единственном числе, за счет чего и обеспечивается столь значительное преобладание форм множественного числа. Такое раздвоение значения напоминает случай с чистой формой *pluralia tantum*: «сограждане»

— множество граждан, взятое в их единстве, почему и нет такой формы, как «согражданин». В случае «соотечественников» ситуация сложнее: значения единственного и множественного несимметричны, но различие оказывается незаметным, поскольку и первое, и второе значения выражены одним и тем же означающим. К случаям употребления во множественном первого значения (*соотечественники*₁) добавляются не имеющие формы единственного *соотечественники*₂, что и создает столь значительное преобладание формы множественного числа. Речь идет о формах одного и того же слова, но употребленного в настолько разных значениях, что они оказываются взаимозаменяемыми. *Соотечественники*₂ — это не некоторое количество людей, каждый из которых есть соотечественник, а скорее собирательное понятие, некоторая целокупность («соборность»?), не членимая на отдельных индивидов. При этом асимметрия форм единственного и множественного сопровождается и отмеченной ранее смысловой гетерогенностью. Если имеются в виду соотечественники — русские или выходцы из СССР, то в этом значении «соотечественник₁» в единственном числе используется редко, а если и употребляется, то с особым смысловым оттенком — речь в этом случае обычно идет о «бывших» соотечественниках, или же это те специфические контексты, когда «быть соотечественником» оказывается различительным, а не интегрирующим свойством.

Подавляющее преобладание формы множественного числа соотносится также и с такой особенностью, как несимметричность пары «наш соотечественник — мой соотечественник», — в обоих случаях можно говорить о противопоставлении определенного и неопределенно-обобщенного индексального значения.

Собирательное или же обобщенное значение слова особо явно проявляется при его использовании как апеллятива (обращения). Показательно сочетание «дорогие соотечественники!» (при неуместности, если не комичности обращения «дорогой соотечественник»). Это «высокое» обращение к гражданам страны используется при адресации лидеров страны к ее гражданам в особо важных случаях и призвано подчеркнуть единство государства, ее лидера и народа. Как свидетельствует Национальный корпус русского языка, в буквальном смысле оно используется крайне редко — при обращении лидеров страны к ее гражданам в особо важных случаях. В Корпусе приведены три таких примера —

обращение И. В. Сталина по случаю Победы, новогоднее обращение М. С. Горбачева 1989 г. (когда явным стал провал «перестройки») и В. В. Путина после трагических событий на Дубровке:

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всём мире! (И. В. Сталин, *Обращение к народу 2 сентября 1945 года*).

Дорогие товарищи, друзья, дорогие соотечественники! Впереди нас ждет большая, но и вдохновляющая работа на благо Отчизны, на благо мира (М. С. Горбачев. Новогоднее обращение к Советскому народу (1989) // «Труд», 1989.01.01).

Дорогие соотечественники! В эти дни мы вместе пережили страшное испытание (Обращение президента Российской Федерации В. В. Путина, «Известия», 2002.10.27).

Можно заметить, что обращение «Соотечественники!» (именно как апеллатив) выражает весьма специфическое значение, указывая на народ в целом. Поэтому, помимо глав государств, им могут воспользоваться и лидеры, призывающие к борьбе против «антинародной» власти: так начинается свою «антисоветскую» Парижскую речь Иван Бунин (16.02.1924), так начинается «Обращение Фронта национального спасения» в октябре 1993 г. («Соотечественники! Наша Родина подвергается невиданному разгрому и поруганию»). Единство говорящего и адресата предполагается заданным, почему и его обоснование (напр., через указание на этничность) не требуется и встречается только в особых случаях, напр., в ситуации «оправдания»: «Соотечественники, ведь у меня в жилах тоже русская кровь, как и у вас» (Гоголь, *Ревизор*, Развязка).

Но, как часто бывает с подобными словами, несущими особую риторическую нагрузку, вследствие прежнего неуместного использования в обиходной речи (например, обращение к аудитории «дорогие соотечественники» со стороны руководителя среднего звена) оно может превратиться в штамп и стать достоянием ироничного или даже пародийного употребления, которые и составляют подавляющее большинство представленных в корпусе случаев:

И как не было в нашей жизни стоящего компьютера, так его и не будет, и как была на полках в магазинах пустота, так она и останется. Нет ничего другого, дорогие соотечественники (Л. Гольдин. *За все приходится платить...*, «Горизонт», 1989).

Поздравляем вас, дорогие соотечественники и соотечественницы! В ваш дом

только что вошла зажигательная межполая игра „Русский харассмент“ (Русский харассмент, «Столица», 04.03.1997).

Оставалось немного, дорогие соотечественники, развалить оборонную промышленность, армию, науку (В. Лебедев, *Болит душа за родину*, «Жизнь национальностей», 29.09.2000).

4. «СОТЕЧЕСТВЕННИКИ» — «НАШИ» ЗА РУБЕЖОМ

Собирательную апеллятивную форму «соотечественники!», когда имеется в виду народ в целом, следует отличать от тех случаев, когда множественное число в самом деле выражает привычное «более чем один соотечественник» и в предложении выступает как подлежащее или дополнение. Можно выделить и третье значение — это этнические русские за рубежом:

Для России проблематика положения соотечественников остаётся в числе приоритетов как в отношениях с Латвией и Эстонией, так и в контактах с профильными международными организациями и ЕС (Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ситуацией с правами человека в Латвии и Эстонии, «Дипломатический вестник», 2004).

При подобном употреблении обязательным оказывается некоторое соотношение с иностранцами — это в основном русские при сравнении с иностранцами или же русские (или россияне) за рубежом на фоне иностранцев. Это значение стало настолько употребительным, что даже не требует особых уточнений, хотя в ряде случаев это может привести к весьма двусмысленной в политическом отношении ситуации. Приведем характерный отзвук этой семантической разногласицы:

Курировать его будет другой замглавы — возглавляющий внутривнутриполитическое управление Владислав Сурков, к числу полномочий которого как раз соотечественники и относятся (Е. Григорьева, *Навстречу Родине. Администрация президента будет управлять диаспорой*, «Известия», 2002.07.22).

Управление (sic!) диаспорой здесь понимается как внутривнутриполитическая задача, но это преподносится как шаг навстречу Родине (что предполагает точку зрения извне России). В большинстве случаев, в отличие от «дорогих соотечественников», «просто» соотечественники, без каких-либо уточняющих слов — это некоторая скорее культурная, нежели этническая общность, противопоставленная «иностранцам». Это противопоставление, как правило, актуализируется вне России. Крайне редко можно встретить

слово «соотечественники» применительно к проживающим или находящимся в России. Даже в примере из «Золотого теленка», хоть действие и происходит в СССР, речь идет об оказавшемся среди иностранцев переводчике: «Третий, судя по одуряющему калошному запаху, исходившему от его резинокотрестовского плаща, был соотечественник».

Возможная инверсия, как в случае: «Прилетайте скорее, Георгий Петрович! Соотечественники заждались! В особенности на Лубянке!» (Л. Филатов, И. Шевцов, *Сукины дети*, 1992) — не опровергает, а как раз демонстрирует актуальность этой оппозиции: речь идет об эмигрировавшем, т. е. оказавшемся там вне России, изменнике, то есть о не-своем, относительно которого идентифицируются соотечественники здесь, на Лубянке.

Если наличествует явное сопоставление с иностранцами, употребление слова распространяется и на россиян, понимаемых как граждане РФ. При этом обычно нейтрализуется такая существенная характеристика, как этничность или же указание на место пребывания:

Наши соотечественники пропустили вперед только США («Петербургский Час пик», 2003.09.03).

...за тот же самый год иностранные туристы в течение 12 месяцев суммарно оставили в России всего \$10 млрд, а вот наши соотечественники в своих зарубежных тратах оказались втрое более щедрыми (Известия, 2014.06.03).

Как и в XIX в., если нет уточнений, то это существительное скорее всего означает «русский за рубежом», причем пародирующие примеры позволяют выпуклее увидеть его дополнительную семантику:

*В Лос-Анджелесе, в шикарном отеле в Беверли-Хиллз поселился наш соотечественник, как их сейчас называют, новый русский ... Тут ваш соотечественник, так сказать, кантрифеллоу, что-то на русском просит (А. Хайт, *Монологи, миниатюры, воспоминания*, 1991—2000).*

*...как совместились, переплелись, пронизали друг дружку серьез и шутейность, история, подножный быт, гордый бритт и „пьяненькой“ соотечественник, национальная психология и тюремная неотступная память? (С. Б. Рассадин, *Книга прощаний*. Воспоминания о друзьях и не только о них, 2004—2008).*

*Досадливо отодрав руку от орленой пуговицы, соотечественник засеменил к машине с посольским флагом (Б. Евсеев, *Евстигней*, «Октябрь», 2010).*

*Говорливый соотечественник высоко парит, выше не летают (В. Маканин, *Андеграунд, или герой нашего времени*, 1996—1997).*

*Тем не менее к поеданию черной икры в этот вечер были допущены лишь наши соотечественники (А. Певчев, *Икра почти без правил*, Известия, 03.05.2012).*

*Соотечественники охотно вступали в разговоры с хорошенькими массажистками, спрашивали о порядках в отеле, интересовались, много ли девушки здесь зарабатывают (А. Маринина, *Светлый лик смерти*, 1996).*

Впрочем, перемещение «оттуда» «сюда» приводит к снятию различий между «ними» и «нами» — оказавшись «здесь», иностранцы начинают вести себя так, как наши соотечественники:

*Позже, когда Сандро вывел меня как-то на прием, я заметил, что и самые статусные, кормленные иностранцы бросаются к фуршетному столу даже проворнее, чем наши соотечественники, должно быть, думал я, в силу отсутствия комплексов и возможности вести себя как бог на душу положит, раз они — в России (Н. Климонтович, *Последняя газета*, 1997—1999).*

Коннотации при таком словоупотреблении очевидны — это общее имя, характеризующее определенный тип человека («новый русский», но без подчеркнутой этнической аффилиации), носитель некоторых, в данном случае негативно оцениваемых культуры и моделей поведения. Как и во времена Достоевского, встречи с «соотечественниками» не очень желательны:

Если все чаще и чаще российский отдыхающий ищет гостиницу, чтоб русских там, кроме него, не было, то в Куршевеле (или „Куршевелино“ — как его в шутку называют наши соотечественники) наоборот — хочется ощущать себя как бы дома, хоть и за границей (С. Шахиджанян, «Хорирусские песни» по-куршевельски, «Комсомольская правда», 06.01.2013).

Видимо, поэтому особо отмечается, как нечто необычное и достойное упоминания, «приличное» поведение соотечественников:

*К слову, наши соотечественники, с которыми мы летели к месту назначения, показали себя хорошо воспитанными и организованными людьми (Т. Ганеев, *Улыбка футбольной Бразилии*, Известия, 17.06.2014).*

Как видим, слово «соотечественник» не только многозначно, но и амбивалентно. Сама его семантика определяется двояко. Если взять основную социосемиотическую оппозицию «свое — чужое», то оно может быть определено и относительно «своего»: это «мы», разделяющие общие ценности,

живущие или жившие в одном отечестве. Однако значение слова может основываться и на отграничении от «других» — иностранцев. В этом случае «наш» может оказаться носителем не только позитивных, но и негативных характеристик. Происходит характерное для «высокой» лексики ее дезавуирование, своего рода «деконструкция». Так, если слово «русский» имеет свой коррелянт-антипод в лице рожденного в 90-е годы «нового русского», то слово «соотечественник» может совмещать оба эти полюса.

Примечательно, что основная характеристика нового значения «соотечественник вне России» — это ориентация не столько на национальную, государственную (в западном понимании это одно и то же) или этническую идентичность, сколько именно на особый тип культуры.

А вот и наш соотечественник, Векслер Алекс, то есть бывший Саша: возрос в тиши Мэрилендских пригородов. Там и взыграли ностальгические чувства к пушкинским далям: „По русской понимаю ни шиши“ (В. Аксенов, *Негатив положительного героя*, 1996).

За подобными коннотациями можно увидеть новое проявление характерной для XIX века «раздвоенности» соотечественников в координатах глубинной дихотомии «мы — здесь» и «они — там». Возникают различные гибридные формы. Так, налицо различие в коннотациях, когда говорится о соотечественниках в России и соотечественниках за рубежом. Во втором случае «соотечественники» расщепляются на соотечественников-иностранцев (*они там*, но «наши») и на россиян за рубежом (*мы там*, но «не-свои»). Негативные характеристики не распространяются на издавна живущих за рубежом русских, в особенности на эмигрантов «первой волны» — их «нашесть», «русскость» гармонирует с «их местным»:

Наши соотечественники всегда по-русски щедро делились знаниями и опытом с гражданами Парагвая, оставляя в их жизни благотворный след (Н. Гладышева, *Уголок России в Парагвае*, «Спецназ России», 15.02.2003).

Это те «соотечественники», которых приглашают на конгрессы в Кремль, как правило, — потомки участников первой волны эмиграции. Их, в отличие от эмигрантов второй и третьей волны, не принято именовать «бывшими», отношение к которым достаточно часто лишено подобного пиетета. При этом «культурная ориентация» во многом определяется политически — в первую очередь лояльностью к государственной политике России:

Если человек независимо от его национальной принадлежности ассоциирует себя (по культурным и духовным позициям) с исторической родиной — Россией, то он, бесспорно, соотечественник (С. Попова, *Помним, но не ждем. Между соотечественником и гражданином большая разница*, «Известия», 05.10.2001).

„Часть из них — российские соотечественники, которые являются гражданами Бельгии, Франции, Польши, Латвии, Израйля“, — сообщил вчера президент ассоциации „Европейское русское сообщество“ — Сергей Петросов (Референдум о судьбе Крыма пройдет почти без наблюдателей, «РБК Дейли», 14.03.2014.03.14).

Но «наши» могут быть и «чужими», в зависимости от занимаемой позиции, а этничность и гражданство становятся несущественными, политический подтекст часто выходит на первое место:

„А сало русское едят!“, „Нам стыдно, что вы наши соотечественники!“, „Лакеи империализма, убирайтесь из России!“ (Л. Филатов, И. Шевцов, *Сукины дети*, 1992).

...Они шли мимо меня в дорогах пальто — все как один похожие на Ходорковского, только в два раз упитаннее, — и брезгливо оттопыривали губу, глядя на то, как на противоположной стороне Бродвея пререкались с полицией настоящие американцы. Это шли наши. В смысле, наши соотечественники, которые показывали полисменам пропуска с названиями самых известных в мире финансовых корпораций типа „Голдман Сакс“ или „Морган Стэнли“ (Г. Сапожникова, *Захвати Уолл-стрит* — это шоу «За стеклом» по-американски, «Комсомольская правда», 05.12.2011).

„Террористы“, если вы не поняли, — это наши соотечественники-добровольцы (О. Бондаренко, *Безоблачное небо над Донецком*, «Известия», 2014).

Среди политических экстремистов Израйля, особенно левого толка, как всегда и везде, преобладают наши бывшие еврейские соотечественники (И. Губерман, «Русское» гетто в Израиле, «Лебедь» 20.10.2003).

По-разному оцениваются «бывшие соотечественники» по СССР внутри России — в этом случае они обычно «соотечественники» только в публицистических идеологизированных дискурсах. Но за ее пределами, когда актуализируется третье значения, «бывшие советские» также оказываются соотечественниками:

Его очень часто просят прочесть на моих выступлениях наши бывшие соотечественники, разбросанные сейчас по всему

земному шару — и в Израиле, и в США, и в Австралии, и в Германии. ... Впрочем, я не позволю оговориться — соотечественники не бывают „бывшими“ (Е. Евтушенко, *Волчий паспорт*, 1999).

Чувствовалось, что мои бывшие соотечественники, ошарашенные местной сексуальной свободой, металась в клетке своих комсомольских предпочтений... (Д. Рубина, *Наш китайский бизнес*, «Знамя», 1999).

Иногда выезжаю на заработки в другие земли, где бывшие мои соотечественники и одноязычники еще жаждут слышать русскую речь (Д. Рубина, *Последний кабан из лесов Понтеведра*, «Дружба народов», 15.04.1999).

— Кто называет? — В газетах пишут — „наши зарубежные соотечественники“. А также — „лица, в силу многих причин оказавшиеся за рубежом“... (С. Довлатов, *Встретились и поговорили*, 1988; речь идет об эмигрировавшем еврее — С. З.)

Наши соотечественники по бывшему Советскому Союзу им остро нужны (М. Колеров, Е. Гонтмахер, *Государство не должно светиться*, «Отечественные записки», 2003).

Психологически наши народы давно готовы к объединению, ведь СССР распался не так давно, многие еще помнят времена, когда для нас не существовало ни белорусов, ни украинцев, ни других национальностей — все мы были просто соотечественники, граждане Союза (Вы чего от союза с Белоруссией ждете? «Дело», 26.05.2002).

Подобное «высокое» употребление характерно скорее для публицистического или политического дискурса. Здесь очевидно стремление придать семантике слова некоторое идеологическое содержание. «Общность» оказывается основанной на принадлежности к тому, что получило название «Русского мира»:

Недаром же существует прекрасное слово „соотечественник“. Русский мир объединяет людей, имеющих общее Отечество (В. Якунин, С. Антоненко, *Диалог цивилизаций — это диалог между личностями*, «Родина», 2008).

Само понятие «Русский мир», лишённое привязки к гражданству, политическим границам и этничности, позволяет выделить некоторую идеальную виртуальную общность: это «наши», но не за рубежом, а в претендующем на универсализм мире^[6]. Это отечество, в котором нет ни эллина, ни иудея, оно конституируется лояльностью к Российской империи, СССР и их правопреемнице, Российской Федерации, и в этом иде-

альном универсуме могут жить очищенные от негативных коннотаций семантические потомки далеко не всегда симпатичных соотечественников³ (референты третьего из основных значений этого слова).

5. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОТЕЧЕСТВЕННИКИ»

Особый интерес представляет сопоставление общеязыковой семантики слова с делаящими его термином юридическими дефинициями. Как видим, существующие словари не фиксируют новые политические реалии, которые отразились в современном употреблении и понимании слова «соотечественник». Семантическая гетерогенность этого понятия находит свое выражение и в концептуальной неопределенности при юридическом оформлении этого понятия, почему и попытки его практической инструментализации ограничиваются декларациями. В законодательных актах, а еще более в дискуссиях относительно необходимых поправок к ним, возникает осцилляция между «высоким», политическим «соотечественником», гражданином СССР или потомком подданных Российской империи, и их виртуальным аналогом, «Русским миром», с одной стороны, и «бытовым», тяготеющим к этничности пониманием соотечественников как скорее соплеменников, нежели сограждан. Подобная осцилляция генерирует и гибридные случаи: соотечественники как русские за рубежом, но не граждане России, русские в России, соотечественники, но не граждане (мигранты) или же граждане России, но не признаваемые соотечественниками (напр., «хачи» [Zolyan 2020]), граждане России, но постоянно проживающие на Западе («новые русские», «беглые олигархи»). Попытки учесть в законодательстве разграничительные линии между «мы» и «они», «своими» и «чужими» посредством ссылок на язык и культуру, а также «свободного выбора в пользу духовной и правовой связи с РФ» оказываются слишком декларативными, чтобы получить дальнейшее правовое операциональное оформление в законах о гражданстве и связанных с ним.

Первая попытка определить соотечественников, проживающих вне России, носила четкий политико-правовой характер: Россия как преемница Российской империи и СССР признает соотечественниками всех, кто прямым образом заявит об этом. В публичном дискурсе еще жив СССР, почему и понятие соотечественников переносится на всех граждан этого государства (вспомним Евгения Евтушенко: «соотечественников бывших не бывает»). Быть или не быть рос-

сийским соотечественником — решает сам индивид, а не государство или общество, причем это, посредством указания на «связь с субъектом РФ», относится ко всем проживающим в России этносам:

Волеизъявление о принадлежности к российским соотечественникам — исключительное право любого человека, являющегося выходцем из Союза ССР и России или его прямым потомком, но не являющегося гражданином Российской Федерации [Декларация о поддержке российской диаспоры... 1995].

Положения Декларации в целом были сохранены и конкретизированы уже в Законе РФ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (24.05.1999). При этом указанная нами ранее многозначность куда полнее, нежели в словарях, отразилась в правовых документах, где выделяется несколько типов соотечественников. Опережая лексикографов, законодатель выделил три типа *соотечественников*:

«1. ...Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии.

2. Соотечественниками за рубежом (далее — соотечественники) являются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации.

3. Соотечественниками также признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе: лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства».

Как видим, законодатель принял наиболее широкое понимание, в соответствии с

которым нет бывших соотечественников: это не только граждане одной страны, но и их потомки. Определяющими характеристиками оказываются не этничность или гражданство, а «общность языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев». Понятие гражданства появляется во второй статье, причем соотечественник-гражданин может не быть соотечественником в том смысле, как то определяется в первой статье. Продолжение второй статьи уже связано не с этническими характеристиками, а с выбором индивида: это лица, сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией. Как видим, в законе оказываются определяющими такие характеристики, как 1) проживание на территории России, РСФСР, Российской империи; 2) прямое родство с теми, кто проживал или проживает на этой территории; 3) гражданство РФ, а также такие вводимые законодателем понятия, как 4) «общность языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев» и 5) «выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией». Разнородность этих характеристик отражает сложность и неоднозначность сложившейся после распада СССР ситуации. Принадлежность к русскому этносу в законе никак не отмечена, что в целом соответствует принятой международной практике (указание в юридических документах национальной, этнической, расовой или религиозной принадлежности может рассматриваться как проявление дискриминации). Вместе с тем пропадает и имевшееся в Декларации 1995 года прямое указание на связь с субъектом РФ (это давало возможность нерусским этносам также считаться соотечественниками). Не является ограничением и гражданство иного, чем Россия, государства. Однако, как свидетельствуют данные социологов, в отличие от россиян пожилого возраста, уже к 2006 г. новое поколение россиян уже перестало относиться к *соотечественникам* выходцев из СССР, а относилось к таковым исключительно проживающих за рубежом этнических русских [см.: Бараш 2011: 18]. Это создает дополнительные несоответствия между декларативными формулировками Закона и доминирующими в обществе представлениями, что делает попытки законодателей скорректировать его и создать возможности для его имплементации на практике весьма проблематичными. Несколько отклоняясь, обратим внимание на важность вопроса о конгруэнтности между термином «соотечественники за рубежом» и используемым в международном праве понятием меньшинства. Про-

яснение этого вопроса крайне важно применительно к защите прав соотечественников за рубежом, в частности, лингвистических прав на использование родного языка. Акцентирование культурной или языковой общности, а также свободного выбора индивида соответствует международной практике определения того, кого считать национальным меньшинством в свете положений Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств. Между тем применительно к соотечественникам такие права в международном праве отсутствуют, как и сам термин. В свете сказанного защита прав соотечественников за рубежом может пониматься не только как защита собственных граждан, но и тех языковых, национальных и этнических меньшинств, которые, если следовать формулировкам Закона, обладают признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, причем это может относиться не только к русским, но и ко всем народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации. Это, однако, потребовало бы отказа от самого термина «соотечественники» применительно к гражданам иных государств, что, в свою очередь, вошло бы в резкое противоречие с концептуальной основой отраженного в этом слове восприятия *своего и чужого* (меньшинство — определяется по отношению к большинству *чужого* этноса и государства и отражает *их* точку зрения, *соотечественник* — по отношению к *своему* роду и отечеству).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семантика и употребление слова «соотечественник» в русском языке характеризуется рядом нетривиальных особенностей. Анализ данных НКРЯ показывает, что можно выделить три основных прототипических значения: «бытовое» этническое, «высокое» гражданское и противопоставляющее «свое» «чужому» (*наши* в противоположность *им, тем кто не здесь, ино-странцам*). Оказываются разделенными и собирательное значение (объединяющее *нас*) и разграничительное (отделяющее от *них*). Возникают разнообразные гибридные «соотечественники»: *мы — там, они — здесь* и т. д., имеет место не всегда осознаваемая осцилляция между тремя прототипическими значениями, начиная от до-карамзинского понимания соотечественника как соплеменника и до выработанного в XVIII в. согражданина, к которому добавляется третье, диаспоральное понимание. Уже в XIX в. слово приобретает негативные коннотации, свидетельствующие о расколе внутри социума. Драматические

события XX в., распад Российской империи, а затем СССР порождают дополнительные коллизии и амбивалентность при определении *своего* и *чужого*, что ослабляет потенциал гражданско-правового понимания этого понятия. Инструмент самоописания и конституирующий государство концепт сам оказывается амбивалентным, гетерогенность семантики становится отражением самосознания и существующих линий разлома, в частности, выделения «разных» соотечественников. Подтверждением этому служит декларативный характер юридических определений: несмотря на многочисленные попытки уточнить, нет возможности отделить «соотечественников в кавычках» от «настоящих соотечественников» (согласно терминологии депутата Нилова, см. прим. 2). Колебания законодателей, как явствует из данных корпуса, отражают глас народа — «разные» *соотечественники* могут вызывать противоречивые чувства, от любви до ненависти: «А пока — удачи вам, родные, любимые, ненавистные, замечательные соотечественники» (С. Довлатов, *Марш одиноких*, 1982).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср.: «„Любой человек, живущий в России, отделит „соотечественника“ от истинного соотечественника, проговорив с ним одну минуту. Мне нужна минута, чтобы человек открыл рот и мы обменялись несколькими фразами, и за это время истинный соотечественник определяется от того, кого не надо называть соотечественником. Ну а если не может — пусть здесь работает по трудовой визе, под контролем, при жёсткой ответственности за уплату налогов, соблюдение законов и принесение пользы нашей стране“, — подчеркнул Нилов» [Определить соотечественника за минуту www].

[2] Ср. с повторенным уже в 2017 г.: «К сожалению, но можно быть абсолютно уверенным, что и после парламентских слушаний 20 марта с.г. ровным счётом ничего не поменяется, и слова Игоря Морозова о том, что „действующее определение не позволяет полноценно применять его ни при реализации соотечественниками права на упрощённый порядок приёма в российское гражданство, ни при облегчённом оформлении визы“, будут всё так же актуальными» [Яковлев 2017 www]. См. также обзоры: [Герасимов 2019: 904—922; Шипилов 2017: 129—135].

[3] Ср.: «Нашествие мигрантов из других стран — сегодня одна из главных опасностей для России, так считают наши соотечественники, опрошенные ВЦИОМом. Каждый третий россиянин назвал эту проблему самой важной для себя. Правда, не исключено, что они не вполне правильно поняли вопрос. Хотя сотрудники ВЦИ-

ОМа даже специально уточнили: китайцами, вьетнамцами, под мигрантами жители России, скорее всего, имели в виду всех приезжих, в том числе из других регионов страны» [Надеждин 2013 www].

^[4] Энантисемия — достаточно редкое в современных языках, но характерное для архаичной стадии явление, когда слово могло в различных контекстах выражать антонимичные смыслы, напр., «отказать в просьбе», «отказать в пользу». «Соотечественник» может употребляться как в высоком патетическом, так и в «низком» пренебрежительном смысле — см. далее.

^[5] Все статистические данные по НКРЯ приведены по состоянию на 15.04.2020 г. Несколько иные данные можно встретить в электронном словаре сочетаемости, но и там подавляющее преимущество за эпитетами *наш* — 574 случая, *свой* — 264 и *мой* — 118, далее *бывший* — 66 (http://linghub.ru/RNC_sketches/; дата обращения — 29.06.2020, в данный момент ресурс недоступен — см.: <https://ling.hse.ru/resources> (дата обращения — 17.12.2020)).

^[6] Ср.: «Русский мир — глобальный феномен, который не может быть описан однозначно, каким-то одним определением. Русский мир полиэтничен, поликонфессионален и полисемантически. Сам я исхожу из того, что Русский мир — это Россия плюс русское зарубежье. А ментально — все, кто осознаёт свою вовлечённость в Русский мир. И в этом смысле принадлежность к нему — самоощущение, самоидентичность. Русское слово „мир“ непереводимо на другие языки, оно имеет несколько значений — это и вселенная, и община, и глобальная общность, и отсутствие вражды. Поэтому, Русский мир — это цивилизация, которая хочет жить в согласии с собой и со всем остальным миром» («Вячеслав Никонов: Русский мир — это цивилизация, которая хочет жить в согласии с собой и остальным миром» [Толстухина 2018 www]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапова, Н. С. Соотечественник и компатриот / Н. С. Арапова. — Текст : непосредственный // Русский язык в школе. — 2010. — № 1. — С. 67–68.
2. Бараш, Р. Э. Концепция «соотечественников» — смысл и значение в контексте растущего этнического национализма в России / Р. Э. Бараш. — Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения. — 2011. — № 6 (106). — С. 15–24.
3. В Вене проходит пленарное заседание III съезда Альянса татар Европы // Всемирный конгресс татар : сайт. — 2019. — 12 окт. — URL: <https://tatar-congress.org/ru/yanalyklar/v-vene->

prohodit-plenarnoe-zasedanie-iii-sezda-alyansa-tatar-evropy/ (дата обращения: 29.06.2020). — Текст : электронный.

4. Герасимова, В. А. Российские соотечественники за рубежом / В. А. Герасимова. — Текст : непосредственный // Постсоветские исследования. — 2019. — Т. 2. — № 1. — С. 904–922.

5. Декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам от 8 декабря 1995 года. — URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc>. — Текст : электронный.

6. Зиммель, Г. Эссе о чужаке / Г. Зиммель ; пер. А. Ф. Филиппова. — Текст : непосредственный // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. — С. 7–13.

7. Золян, С. Т. Соотечественники — диахронический портрет по данным НКРЯ (XVIII — начало XIX вв.) / С. Т. Золян. — Текст : непосредственный // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике / ред. К. С. Акопян. — Ереван, 2019. — С. 16–20.

8. Золян, С. Т. Соотечественники в XIX в. — семантический портрет по данным Национального корпуса русского языка / С. Т. Золян. — DOI 10.5922/2225-5346-2020-3-5. — Текст : непосредственный // Слово.ру: балтийский акцент. — 2020. — Т. 11, № 3. — С. 72–84.

9. Надеждин, Д. Россия больше всего боится нашествия мигрантов / Дмитрий Надеждин. — Текст : электронный // Комсомольская правда. — 2013. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26108.5/3005251/> (дата обращения: 29.06.2020).

10. Определить соотечественника за минуту: Как Госдума хочет «разбавить» граждан России. — URL: https://tsargrad.tv/news/opredelit-sootechestvennika-za-minutu-kak-gosduma-hochet-razbavit-grazhdan-rossii-chuzhakami_209023. — Текст : электронный.

11. Отечество // Малый академический словарь. — URL: <https://gufo.me/dict/mas/otechestvo> (дата обращения: 29.06.2020). — Текст : электронный.

12. Соотечественник // Малый академический словарь. — URL: <https://gufo.me/dict/mas/sootechestvennik> (дата обращения: 29.06.2020). — Текст : электронный.

13. Толстухина, А. Вячеслав Никонов: Русский мир — это цивилизация, которая хочет жить в согласии с собой и остальным миром / А. Толстухина. — Текст : электронный // Русский мир : информационный портал. — 2018. — 27 нояб. — URL: <https://russkiymir.ru/publications/249255/> (дата обращения: 29.06.2020).

14. Федеральный закон от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875>. — Текст : электронный.

15. Шипилов, А. В. Российские соотечественники: эволюция статуса, внимания и понимания проблемы / Александр Владимирович Шипилов. — Текст : непосредственный // Власть. — 2017. — № 10. — С. 129–135.

16. Яковлев, Ф. «Второй свежести» или «в законе»: Кто такие российские соотечественники? / Ф. Яковлев. — Текст : электронный // Regnum. — 2017. — 9 марта. — URL: <https://regnum.ru/news/polit/2247331.html> (дата обращения: 29.06.2020).

17. Zolyan, S. On the Soviet Post-Soviet “Otherness”: Caucasians, “Khachs”, and “Khachics” in Russian Nationalistic Internet Memes / Suren Zolyan. — Text : unmediated // Journal of Post-colonial Linguistics. — 2020. — No 4. — P. 158–186.

S. T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad Russia;
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

 E-mail: surenzolyan@gmail.com.

Sootechestvenniki (Compatriots): the Semantic Profile Based on the Data of the National Corpus of Russian Language

ABSTRACT. *The concept sootechestvennik (compatriot) is crucial for the self-description of society, and it is one of those due to which the key distinction between “we”—“they” can be made. An adequate description of how such a distinction is operated in society can be a semantic analysis of its usages based on data from the Russian National Corpus. Some non-trivial features of its semantics, determined by its socio-semiotic ambivalence, are revealed, the relationship between its common and legal interpretations is considered. The semantics of the word is a rather heterogeneous field of differing and sometimes conflicting and enantiosemic meanings, rather than a concept having a prototypical center. In a paradoxical and contradictory way, an inversion of basic opposing terms (we — they, here — there, our — alien) occurs. The referential duality of the concept, especially after the collapse of the USSR, is being formed, it separates Russian citizens from diasporic compatriots abroad. Besides, the usages of the term referring to Russians and representatives of other ethnic groups differ significantly. The instrument of self-description of society itself turns out to be ambivalent, and this creates, despite numerous attempts of clarification, the declarative and non-operable nature of legal definitions.*

KEYWORDS: *sootechestvenniki (compatriots); Russian language; the Russians; lexical semantics; concepts; semantic fields; enantiosemey.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zolyan Suren Tigranovich, Doctor of Philology, Professor of the Institute of the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; Leading Researcher of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Armenia.*

FOR CITATION: *Zolyan, S. T. Sootechestvenniki (Compatriots): the Semantic Profile Based on the Data of the National Corpus of Russian Language / S. T. Zolyan // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 166-180. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_16.*

ACKNOWLEDGMENTS. The given research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation (RSF) Grant № 18-18 “The Mechanisms of Sense Generation and Textualization in Narrative and Performative Discourses and Practices (In relation to auto- and meta-presentations of “oneself” and “the other” in social and political communication)” in Immanuel Kant Baltic Federal University.

REFERENCES

1. Arapova, N. S. “Sootechestvennik” and compatriot / N. S. Arapova. — Text : unmediated // Russian Language at School. — 2010. — No. 1. — P. 67—68. [Sootechestvennik i kompatriot / N. S. Arapova. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk v shkole. — 2010. — № 1. — S. 67—68]. — (In Rus.)
2. Barash, R. E. The concept of “compatriots” — meaning and significance in the context of growing ethnic nationalism in Russia / R. E. Barash. — Text : unmediated // Monitoring of Public Opinion. — 2011. — No. 6 (106). — P. 15—24. [Kontseptsiya «sootechestvennikov» — smysl i znachenie v kontekste rastushchego etnicheskogo natsionalizma v Rossii / R. E. Barash. — Tekst : neposredstvennyy // Monitoring obshchestvennogo mneniya. — 2011. — № 6 (106). — S. 15—24]. — (In Rus.)
3. A plenary Session of the III Congress of the Alliance of Tatars of Europe is being held in Vienna // World Congress of Tatars : website. — 2019. — 12 Oct. [V Vene prokhodit plenarnoe zasedanie III s"ezda Al'yansa tatar Evropy // Vsemirnyy kongress tatar : sayt. — 2019. — 12 okt.]. — URL: <https://tatar-congress.org/ru/yanalyklar/v-vene-prohodit-plenarnoe-zasedanie-iii-sezda-alyansa-tatar-evropy/> (date of access: 29.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
4. Gerasimova, V. A. Russian compatriots abroad / V. A. Gerasimova. — Text : unmediated // Post-Soviet Studies. — 2019. — Vol. 2. — No. 1. — P. 904—922. [Rossiyskie sootechestvenniki za rubezhom / V. A. Gerasimova. — Tekst : neposredstvennyy // Postsovetskie issledovaniya. — 2019. — T. 2. — № 1. — S. 904—922]. — (In Rus.)
5. Declaration of support for the Russian diaspora and patronage of Russian compatriots dated December 8, 1995. [Deklaratsiya o podderzhke rossiyskoy diaspory i o pokrovitel'stve rossiyskim sootechestvennikam ot 8 dekabrya 1995 goda]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc>. — Text : electronic. — (In Rus.)
6. Zimmel, G. Excursion about a stranger / G. Zimmel ; transl. A. F. Filippova. — Text : unmediated // Sociological Theory: history, modernity, prospects. Almanac of the journal “Sociological Review”. — St. Petersburg : Vladimir Dal, 2008. — P. 7—13. [Ekskurs o chuzhake / G. Zimmel' ; per. A. F. Filippova. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost', perspektivy. Al'manakh zhurnala «Sotsiologicheskoe obozrenie». — Sankt-Peterburg : Vladimir Dal', 2008. — S. 7—13]. — (In Rus.)
7. Zolyan, S. T. Compatriots — a diachronic portrait according to the NCRL (XVIII — early XIX centuries) / S. T. Zolyan. — Text : unmediated // Russian Language at the Crossroads of Eras: Traditions and Innovations in Russian Studies / ed. K. S. Akopyan. — Yerevan, 2019. — P. 16—20. [Sootechestvenniki — diakhronicheskiy portret po dannym NKRYa (XVIII — nachalo XIX vv.) / S. T. Zolyan. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike / red. K. S. Akopyan. — Erevan, 2019. — S. 16—20]. — (In Rus.)
8. Zolyan, S. T. Compatriots in the 19th century — a semantic portrait according to the National Corpus of the Russian Language / S. T. Zolyan. — DOI 10.5922/2225-5346-2020-3-5. — Text : unmediated // Slovo.ru: Baltic accent. — 2020. — Vol. 11, No. 3. — P. 72—84. [Sootechestvenniki v XIX v. — semanticheskiy portret po dannym Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka / S. T. Zolyan. — DOI 10.5922/2225-5346-2020-3-5. — Tekst : neposredstvennyy // Slovo.ru: baltiyskiy aktsent. — 2020. — T. 11, № 3. — S. 72—84]. — (In Rus.)
9. Nadezhdin, D. Russia is most afraid of the invasion of migrants / Dmitry Nadezhdin. — Text : electronic // Komsomolskaya Pravda. — 2013. [Rossiya bol'she vsego boitsya nashestviya migrantov / Dmitriy Nadezhdin. — Tekst : elektronnyy // Komsomol'skaya pravda. — 2013]. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26108.5/3005251/> (date of access: 29.06.2020). — (In Rus.)
10. Define a compatriot in a minute: How the State Duma wants to “dilute” the citizens of Russia. [Opredelit' sootechestvennika za minutu: Kak Gosduma khochet «razbavit'» grazhdan Rossii]. — URL: [https://tsargrad.tv/news/opredelit-sootechestvennika-zam minutu-kak-gosduma-hochet-razbavit-grazhdan-rossii-chuzhaka mi_209023](https://tsargrad.tv/news/opredelit-sootechestvennika-zam minutu-kak-gosduma-hochet-razbavit-grazhdan-rossii-chuzhaka-mi_209023). — Text : electronic. — (In Rus.)
11. Otechestvo // Malyy akademicheskii slovar' [Small Academic Dictionary]. — URL: <https://gufo.me/dict/mas/otechestvo> (date of access: 29.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
12. Sootechestvennik // Malyy akademicheskii slovar' [Small Academic Dictionary]. — URL: <https://gufo.me/dict/mas/sootechestvennik> (data obrashcheniya: 29.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
13. Tolstukhina, A. Vyacheslav Nikonov: The Russian world is a civilization that wants to live in harmony with itself and the rest of the world / A. Tolstukhina. — Text : electronic // Russian world: information portal. — 2018. — Nov 27. [Vyacheslav Nikonov: Russkiy mir — eto tsivilizatsiya, kotoraya khochet zhit' v soglasii s soboy i ostal'nym mirom / A. Tolstukhina. — Tekst : elektronnyy // Russkiy mir : informatsionnyy portal. — 2018. — 27 noyab.]. — URL: <https://russkiymir.ru/publications/249255/> (date of access: 29.06.2020). — (In Rus.)
14. Federal Law of May 24, 1999, No. 99-FZ. On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad. [Federal'nyy zakon ot 24.05.1999 g. № 99-FZ. O gosudarstven-

noy politike Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875>. — Text : electronic. — (In Rus.)

15. Shipilov, A. V. Russian compatriots: evolution of status, attention and understanding of the problem / Alexander Vladimirovich Shipilov. — Text : unmediated // Power. — 2017. — No. 10. — P. 129—135. [Rossiyskie sootchestvenniki: evolyutsiya statusa, vnimaniya i ponimaniya problemy / Aleksandr Vladimirovich Shipilov. — Tekst : neposredstvennyy // Vlast'. — 2017. — № 10. — S. 129—135]. — (In Rus.)

16. Yakovlev, F. “Second freshness” or “in the law”: Who are

Russian compatriots? / F. Yakovlev. — Text : electronic // Regnum. — 2017. — March 9. [«Vtoroy svezhesti ili «v zakone»: Kto takie rossiyskie sootchestvenniki? / F. Yakovlev. — Tekst : elektronnyy // Regnum. — 2017. — 9 marta]. — URL: <https://regnum.ru/news/polit/2247331.html> (date of access: 29.06.2020). — (In Rus.)

17. Zolyan, S. On the Soviet Post-Soviet “Otherness”: Caucasians, “Khachs”, and “Khachics” in Russian Nationalistic Internet Memes / Suren Zolyan. — Text : unmediated // Journal of Post-colonial Linguistics. — 2020. — No 4. — P. 158—186.

М. Самет Хейрандиш

Тегеранский государственный университет, Иран
ORCID ID: —

Н. Шейхи Джоландан

Тегеранский государственный университет, Иран
ORCID ID: —

А. Хосейни

Тегеранский государственный университет, Иран
ORCID ID: —

E-mail: Milad_samet@ut.ac.ir; sheikhinahid@ut.ac.ir; amhoseini@ut.ac.ir.

Анализ необходимости соблюдения дипломатического этикета как составной части протокола

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу связи между протоколом, этикетом и международной вежливостью и необходимости соблюдения этикета в дипломатических отношениях. В международных дипломатических контактах особое место отводится протоколу и этикету. Протокол регулирует международные отношения, основывается на принципах международной вежливости и осуществляется с помощью этикета. Цель международной вежливости — установить уважительные отношения между двумя и более лицами или государствами.

Цель данной работы — рассмотрение значимости соблюдения дипломатического этикета. Основные результаты и выводы: 1) существующие протокольные критерии являются плодом долговременных процессов сотрудничества, протекающих в разных социальных сферах между разными категориями общества; 2) многие из протокольных норм идентичны в разных странах; 3) соблюдение протокольных норм не является категорическим требованием. Они варьируются в зависимости от места, времени и условий.

Выяснено, что одна из характеристик протокола — учет традиций, культуры, обычаев и национальных особенностей стран. Этикет — это правила поведения участников международных контактов. Эти нормы основываются на морально-этических принципах. Этикетные нормы не имеют юридической силы, но являются безусловно обязательными в международных отношениях. Нарушение правил дипломатического этикета может привести к ответным действиям не только со стороны государства, в отношении которого было допущено, но и от третьих государств, отмечающих недипломатичный характер действий государства, нарушившего дипломатический этикет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатический этикет; дипломатия; дипломаты; международные отношения; протоколы; международная вежливость.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Самет Хейрандиш Милад, аспирант филологических наук, Тегеранский государственный университет; 1439813164, Иран, Тегеран, ул. Каргар Шомали, Факультет иностранных языков и литературы; e-mail: Milad_samet@ut.ac.ir.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Шейхи Джоландан Нахид, научный руководитель, кандидат филологических наук, Тегеранский государственный университет; 1439813164, Иран, Тегеран, ул. Каргар Шомали, Факультет иностранных языков и литературы; e-mail: sheikhinahid@ut.ac.ir.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Хосейни Амир, научный консультант, кандидат филологических наук, Тегеранский государственный университет; 1439813164, Иран, Тегеран, ул. Каргар Шомали, Факультет иностранных языков и литературы; e-mail: amhoseini@ut.ac.ir.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Самет Хейрандиш, М. Анализ необходимости соблюдения дипломатического этикета как составной части протокола / М. Самет Хейрандиш, Н. Шейхи Джоландан, А. Хосейни // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 181–187. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_17.

ВВЕДЕНИЕ

Любая страна имеет собственные обычаи и традиции, которые складываются под влиянием условий жизни народа. Сегодня в мире для установления политических, экономических, культурных и даже семейных контактов необходимо соблюдать протокольные нормы. Протокол не означает люксорное, или роскошное проведение приема, а представляет собой распорядок, ор-

ганизацию взаимодействия по какому-либо поводу. Протокол является неотъемлемой частью социальной коммуникации.

Протокол включает те нормы, которые всем представителям, дипломатам и политикам разных стран необходимо соблюдать. Каждая страна в зависимости от своих обычаев, традиций и политико-социальных, этноконфессиональных и культурных условий имеет право внести в протокольные нормы соответствующие изменения.

Сегодня в мире огромное значение приобретают международные контакты и отношения. Официальные делегации посещают зарубежные страны для проведения переговоров в социальной, экономической, гуманитарной и других сферах. Международные контакты регулируются международными конвенциями, договорами и иными нормами, не имеющими обязательной юридической силы, без которых осуществление контактов невозможно.

Главная роль в регулировании отношений отводится протоколу, который базируется на принципах международной вежливости и реализуется в разных формах, одной из которых являются этикет.

Представим дефиниции вышеупомянутых терминов.

Международная вежливость. А. Ф. Борунков и П. Ф. Лядов указывают, что «нормы дипломатического протокола в основном исходят из правил международной вежливости» [Борунков 2007: 264].

Ф. Ф. Молочков полагает, что правила дипломатического протокола основываются на принципе международной вежливости, «в понятие которого входит соблюдение почтительности и уважения всего, что символизирует и представляет государство» [Молочков 1977: 6].

На наш взгляд, протокол — это составная часть правил международной вежливости. Целью международной вежливости является правильное и максимально уважительное отношение к другим государствам, их правам и представителям, принимающим участие в разных мероприятиях. Международная вежливость — это правила поведения государств, которые участвуют в международном общении, представляющие собой акты теплого приема, выражения добрососедства, дружественного отношения, уважения и предоставление по доброй воле почетных услуг иностранным государствам и их гражданам.

В этих целях созданы протокольные нормы для выражения глубокого уважения к иностранным гостям, к стране и народу, которые они представляют. На самом деле международная вежливость не является юридически обязательной, но соблюдение ее норм, функционирующих как неписаный закон, является обязательной для всех государств. Нарушение норм вежливости может привести к ответной реакции со стороны того государства, в отношении которого эти нормы нарушены.

Протокол и международная вежливость взаимосвязаны и регулируют международные отношения.

Известные ученые дают нижеследующие дефиниции **протокола**.

Известные специалисты в области теории и практики дипломатии француз Жан Серре и американец Джон Вуд в своем совместном труде «Дипломатический церемониал и протокол» писали, что «в глазах народа страны пребывания дипломаты обычно олицетворяют государство, которое они представляют. Поэтому поведение посла и сотрудников возглавляемого им дипломатического представительства как в общественной, так и в личной жизни должно быть безупречным. Моральные качества дипломатических представителей должны являться главным критерием при их отборе и назначении. Государство, назначающее своим представителем человека, который не заслуживает уважения, не уважает себя» [Нагиева 2018: 79—88].

Как отмечал П. Ф. Лядов, «дипломатический протокол является важнейшим политическим инструментом дипломатии, подчиненным целям и задачам внешней политики и отражающим состояние международных отношений» [Лядов 2012: 125].

«Дипломатический протокол является исторической совокупностью как норм международного права, так и других норм, определяемых обычаями, традициями, требованиями морали, этикета и церемониала» [Борунков 2007: 264].

«Если углубляться в этимологию слова (протокол), то оно происходит от греческого слова *protokollon* („protos“ — первый, „kolla“ — клеить). В Средние века его использовали для обозначения правил оформления документов и ведения архивов» [Нагиева 2018: 79—88].

Необходимость применения норм дипломатического протокола в международной деятельности заключается в том, что их соблюдение играет важную роль в установлении позитивных партнерских отношений между государствами. Если пренебрегать их соблюдением, то могут возникнуть конфликтные моменты, которые, скорее всего, приведут к негативным последствиям, например повредят будущему развитию межгосударственных отношений, ухудшат их.

Соблюдать протокольные нормы — вовсе не значит пренебрегать национальными и религиозными традициями; на самом деле это значит, что все должны действовать по четким принципам, выражающим идентичность организации.

Иногда на официальных встречах, переговорах, приемах и мероприятиях соблюдение протокола имеет огромное зна-

чение.

Для регулирования порядка осуществления контактов был сформирован дипломатический протокол. Исследователь дипломатического протокола, Чрезвычайный и Полномочный Посол Павел Фёдорович Лядов дает следующее определение: «Дипломатический протокол определяют как совокупность общепринятых правил, традиций и условий, соблюдаемых руководителями государств и правительств, ведомствами иностранных дел, дипломатическими представительствами, официальными лицами в международном общении» [Лядов 2012: 125].

Таким образом, дипломатический протокол как совокупность общепринятых правил, традиций и условий, соблюдаемых правительствами, ведомствами иностранных дел и официальными лицами в международном общении, основывается на международной вежливости и реализуется с помощью дипломатического этикета с учетом традиции и культур каждой страны.

Дипломатический протокол имеет свои особенности в каждой стране. Государства вносят в него поправки, изменения и дополнения, исходя из социально-экономического строя, идеологии, национальных особенностей и исторических традиций.

Несколько лет тому назад Ф. Олланд, экс-президент Франции, организовал традиционный прием президента Ирана Хасана Рухани. Иран официально отказался от участия в подобном мероприятии. Потом по просьбе французской стороны несостоявшийся прием заменили на традиционный полдник. Почему Иран отказался принять участие в данном мероприятии? Не по ошибке ли французской протокольной команды, не обратившей внимание на то, что спиртные напитки, согласно исламу, запрещено употреблять?

Дело в том, что французские должностные лица в честь визита иранского президента устроили специальный прием, а по французской традиции неотъемлемой частью подобных специальных мероприятий является употребление спиртных напитков. Согласно французской традиции, на приемах с участием двух президентов всё следует организовывать по обычаям принимающей стороны. В данном конкретном случае Иран отказался участвовать во встрече потому, что ислам запрещает употребление спиртных напитков. Иранская сторона попросила французских коллег исключить употребление спиртного из программы мероприятия, на что те ответили, что не могут отменить данный пункт, поскольку это явля-

ется их традицией.

В Италии тоже однажды пришлось отметить прием с употреблением спиртных напитков. В ООН есть схожее ежегодное мероприятие, в котором по тем же причинам не участвует иранская делегация. Включение в меню на таких встречах спиртного тоже является традицией в ООН.

В некоторых странах, при всем уважении к гостям, от них требуют соблюдать местные обычаи. Это относится ко всем дипломатам-иностранцам, пребывающим на территории зарубежного государства. Например, дипломаты-женщины, которые прибывают на территорию мусульманской страны с визитом, должны соблюдать хиджаб и покрывать свои головы платками.

По нашему убеждению, общими для международного протокола являются следующие принципы.

1. Существующие протокольные критерии являются плодами длительного процесса взаимного сотрудничества, осуществлявшегося в разных социальных сферах между представителями разных слоев общества. Без соблюдения этих критериев, которые сегодня известны под названием протокола, невозможно установление политических, экономических, культурных и других связей. Французский эквивалент слова «протокол» трактуется как то, что определяет нормы поведения, соответствующие обычаям и традициям разных народов. С учетом того, что протокольные нормы поведения соблюдаются не только представителями одной страны, но и представителями подавляющего большинства политических, социальных структур разных стран, их с полным правом можно назвать инклюзивными.

2. Многие из протокольных норм являются идентичными в разных странах. Соблюдение протокольных норм имеет огромное значение для дипломатов, и нарушение этих норм может нанести репутационный ущерб государству или дипломату и усложнить отношения между двумя странами.

3. Соблюдаемые протокольные нормы не являются категорически предписанными. Они изменяются в зависимости от места, времени и условий. То, что не принято в одном месте, может разрешаться в другом. Например, на официальных приемах не принято есть рыбу без специальных средств и брать мясо руками, хотя это допустимо во время неофициальных приемов. Протокольные нормы, в отличие от морально-этических, носят договорный характер и представляют собой неписанные законы. Всем дипломатам необходимо запомнить протокольные нормы и соблюдать их для повышения репутации своего государства на

международном уровне.

Одна из характеристик протокола — это учет традиций, культуры, обычаев и национальных особенностей других стран. Протокольные нормы в зависимости от политических задач с учетом состояния отношений с теми или иными странами могут быть гибкими и учитывать социальные нормы принимающей стороны. Эти нормы в целом диктуются вежливостью к иностранным гостям, но могут быть для них необычными.

Рассмотрим некоторые особенности иранского протокола.

В Иране дипломаты, чиновники не носят галстук: это запрещено. Принято на официальных встречах носить рубашку с особым воротником, которую застегивают до последней пуговицы. Галстук — это символ западного стиля, и после революции в иранском протоколе о форме одежды дипломатов не фигурирует упоминание галстука.

В Иране по ранее достигнутой договоренности и по просьбе протокольной службы женщинам-дипломатам, которые посещают страну, рекомендуют по возможности надевать максимально закрытую одежду и покрывать голову платком.

Необходимо уважительно относиться к этим религиозно-национальным традициям. Известны случаи, когда скандальная форма одежды женщин-дипломатов вызывала большой ажиотаж в иранском обществе.

На встрече с женщинами запрещено целовать им руку или целовать в щеку (в некоторых западных странах это принято). Этот знак приветствия и демонстрации уважения может вызвать скандал. Чтобы не попасть в такую ситуацию, иранским женщинам-дипломатам рекомендуют не протягивать руку, а только кивать головой, а если по ошибке иностранные дипломаты сами протягивают руку, тогда женщинам следует воздержаться от рукопожатия и при этом объяснить сотруднику, что так не делают в Иране. В Иране вообще не принято, чтобы мужчина пожимал руку женщине.

Запрещено присутствие иранских дипломатов на приемах, где угощают спиртными напитками. Представителям Ирана следует воздержаться от участия в таких мероприятиях.

Составной частью протокола является этикет. Иными словами, протокольные нормы осуществляются с помощью этикета.

В данном случае этикет — это правила поведения участников международных контактов. Эти нормы базируются на морально-этических основаниях. Этикетные нормы не имеют юридической силы, но следование им безусловно обязательно в международных

отношениях. Соблюдение этикета необходимо для поддержания взаимно вежливых, уважительных отношений в международной сфере.

Дипломатический этикет — это совокупность правил осуществления дипломатических контактов, проведения визитов, встреч, переговоров и приемов. Этикет выступает как составная часть протокола, что прямо связано с международной вежливостью. Дипломатический этикет — это нормы поведения, регулирующие отношения между должностными лицами, политиками и общественными деятелями.

Цель этикета — это осуществление международной вежливости. Этикет относится к протоколу как часть к целому.

Ф. Ш. Ларина полагает, что нормы «протокола — это официальный уровень, а этикет — это культура, воспитанность (неписанные правила)» [Черняк 2013: 136—143].

Как отмечает А. Ф. Линецкий, «этикет» и «протокол» во многом сходны и одновременно этикет каждой страны наследует обычаи и условности с глубокой древности до наших дней, имеет существенные особенности, что обусловлено историческими, национальными, религиозными и другими традициями. В отличие от этикета, нормы протокола практически одинаковы во всех странах мира, т. е. являются международными. Основа и сущность протокола — это выражение глубокого уважения по отношению к высокому гостю, стране и народу, которые он представляет [Черняк 2013: 136—143].

Исходя из вышеизложенного, этикет — это неписанные, неофициальные, но обязательные для соблюдения нормы поведения, уходящие корнями в национальные культуры, обычаи и нравственные представления, — то, что регулирует поведение дипломатов.

Эти исторические традиции и обычаи при многократном обращении к ним во время официальных приемов постепенно становятся собственными для того или иного государства.

Владение правилами этикета устраняет возможность обидеть контрапартнера неподобающим поведением и словами и позволяет улучшить репутацию как каждого конкретного лица, так и представляемого им государства. Этикет дает возможность установить благоприятный психологический климат общения.

Нарушение правил дипломатического этикета может привести к ответным действиям не только со стороны государства, в отношении которого их не соблюдали, но и третьих государств, реагирующих на недипломатичный характер поведения наруши-

телей этикетных норм.

Приведем некоторые примеры нарушения этикета.

Несколько лет тому назад прошла встреча между Дэвидом Кэмероном и Хасаном Рухани. Д. Кэмерон сидел положив ногу на ногу, при этом была видна его ступня. Такой способ сидения в Иране и некоторых арабских странах считается оскорбительным.

Считаем это нарушением дипломатического этикета. Президент Рухани отказался зеркально ответить на данный поступок, поскольку ему особая форма одежды не позволяет это сделать. В ответ министр иностранных дел Джавад Зариф положил ногу на ногу так, что его ступня была видна Д. Кэмерону.

В 2012 г. на встрече экс-президента Ирана Махмуда Ахмадинежада с новым послом Швеции, которая была приурочена к церемонии предоставления верительной грамоты, посол Швеции Питер Тилер закидывает ногу на ногу. Данный поступок со стороны посла перед президентом или любым более высокопоставленным лицом является прямым нарушением дипломатического этикета.

Другой пример: европейская парламентская делегация встречается с тогдашним председателем Совета целесообразности Ирана господином Хашеми. Когда господин Хашеми входит в помещение, где проводится встреча, все члены делегации, кроме ее главы, поднимаются с мест. В Иране, когда более высокопоставленное лицо входит в кабинет или появляется на месте встречи, все присутствующие в знак уважения встают.

В Японии супругу президента Украины Елену Зеленскую обвинили в неуважении к Императору Японии из-за того, что она на приеме надела платье желтого цвета. Дело в том, что по японским традициям одежда желтого цвета подобает лишь членам императорского дома, остальным одеваться так запрещается. В данном случае по протоколу как будто не происходит никакого нарушения, но одновременно не соблюдаются традиции принимающей страны, которые необходимо уважать.

Джордж Буш — младший на саммите G8, который состоялся в 2006 г., неожиданно начинает разминать канцлеру Меркель шею — это продолжалось недолго, но вызвало серьезный скандал. Марта Уотсон — политический активист Демократической партии — сказала: «Можно показать эти картинки для правильного воспитания будущих дипломатов и одновременно напомнить им: если стали президентом, тогда не повторяйте подобного поведения». Издание «Сиэтл пост» написа-

ло, что спецслужбы анализируют дипломатические нормы ООН для выяснения, не было ли это актом сексуального характера. По дипломатическому этикету, не принято трогать тело или хлопнуть по спине партнера по переговорам.

2 апреля 2009 г. в ходе саммита G20 во время приема в Букингемском дворце к Елизавете II подошла супруга Барака Обамы и сразу ее обняла. Согласно монархическому протоколу, никто не имеет права дотрагиваться до британского монарха, который, напротив, может прикоснуться к любому своему подданному или иностранцу. Супруга президента США либо не знала о данном правиле, либо по невнимательности обняла Елизавету II, и этот поступок был предан огласке в СМИ. Главную ошибку допустила протокольная служба США: именно ее сотрудники должны были подготовить президента и его супругу к данному мероприятию.

В 2016 г. Барак Обама на совместной пресс-конференции с Раулем Кастро попытался «по-дружески» похлопать кубинского лидера по плечу. Да только не вышло: Рауль Кастро, заметив этот жест, ловко перехватил руку Обамы в воздухе и сам помахал ей.

Министр Канады на официальных встречах надевает яркие разноцветные носки. По дипломатическому этикету, данная форма носков не рекомендуется для столь высокопоставленных политиков.

В 2014 г. на встрече президента Швейцарии Дидье Буркхальтера с Арсением Яценюком, премьер-министром Украины, вместо швейцарского был выставлен флаг Дании. По дипломатическому протоколу, на встрече высокопоставленных лиц двух стран перед главами делегаций размещаются их флаги. Эта задача выполняется протокольной службой принимающей страны. На данной встрече сотрудники дипломатической службы допустили ошибку, не убедившись в правильности флага.

В 2015 г. иранские СМИ сообщили, что во время встречи с королем Салманом он и первая леди США пожали друг другу руки. Ислам запрещает рукопожатие мужчин с посторонними для них женщинами. У первой леди США голова и волосы не были покрыты, что также нарушает исламские нормы и дипломатический этикет принимающей стороны.

Неотъемлемой частью протокольной программы каждого государства в ходе визитов является вручение подарка. Государства относятся к этому вопросу со всей ответственностью, ведь порой неудачно выбранный подарок может оскорбить высокопоставленного гостя и привести к ухудшению

отношений между странами.

«Во время официального визита на высшем уровне делегации ФРГ в Республику Мадагаскар президент ФРГ Генрих Любке вручил хозяевам подарок — цветной телевизор, торжественно объявив об этом многотысячной толпе. Но подарок вызвал не благодарность, а возмущение — тогда в этой стране вовсе не было телевидения, ни цветного, ни даже черно-белого. Обиженные таким своеобразным намеком на свою экономическую отсталость малагасийцы в итоге отказались подписывать с ФРГ документы, уже согласованные в ходе визита» [Нагиева 2018: 79—88].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В международных дипломатических контактах особое место отводится протоколу и этикету. Протокол регулирует международные отношения, основывается на принципах международной вежливости и осуществляется с помощью этикета. Цель международной вежливости — это установление уважительных отношений между двумя и более лицами или государствами.

Выяснено, что одна из составляющих частей протокола — учет традиций, культуры, обычаев и национальных особенностей стран.

Этикет — это правила поведения участников международных контактов. Эти нормы базируются на морально-этических основаниях. Этикетные нормы не имеют юридической силы, но являются обязательными к исполнению в международных отношениях. Нарушение правил дипломатического этикета может привести к ответным действиям не только со стороны государства, в отношении которого состоялось, но и третьих государств, реагирующих на недипломатичный характер действий нарушителя дипломатического этикета.

M. Samet Kheyrandish

University of Tehran, Iran

ORCID ID: —

N. Sheikhi Djolandan

University of Tehran, Iran

ORCID ID: —

A. Hosseini

University of Tehran, Iran

ORCID ID: —

E-mail: Milad_samet@ut.ac.ir; sheikhinahid@ut.ac.ir; amhoseini@ut.ac.ir.

Analysis of the Need to Observe Diplomatic Etiquette as an Integral Part of the Protocol

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the relationship between protocol, etiquette and international courtesy and the need to observe etiquette in diplomatic relations. In international diplomatic contacts, a special place is given to protocol and etiquette. The protocol governs international relations and is based on the principles of international courtesy and is implemented through etiquette. The purpose of international courtesy is a respectful relationships between two or more persons or states.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Борунков, А. Ф. Дипломатический протокол в России / А. Ф. Борунков. — Москва : Междунар. отношения, 2007. — 264 с. — Текст : непосредственный.
2. Британия в шоке: первая леди США обняла королеву // Вести. — 2009. — 2 апр. — URL: <https://www.vesti.ru/article/2261104>. — Текст : электронный.
3. Зонова, Т. В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития / Т. В. Зонова. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2003. — 336 с.
4. Конфуз во время встречи Яценюка и президента Швейцарии // Политнавигатор. — 2014. — 24 дек. — URL: <https://www.politnavigator.net/konfuz-vo-vremya-vstrechi-yaceneuka-i-prezidenta-shvejtsarii-popal-v-top-2014-goda-samykh-nelepykh-politicheskikh-foto.html>. — Текст : электронный.
5. Лойко, Л. В. Основы дипломатии. Дипломатическая служба / Л. В. Лойко. — Минск : Бел. гос. ун-т, 2001. — 206 с. — Текст : непосредственный.
6. Лядов, П. Ф. История российского протокола / П. Ф. Лядов. — Москва : Международные отношения, 2004. — 280 с. — Текст : непосредственный.
7. Лядов, П. Ф. Дипломатический протокол и протокольная служба / П. Ф. Лядов. — Текст : непосредственный // Право и управление. XXI век. — 2012. — № 2 (23). — С. 125—138.
8. Молочков, Ф. Ф. Дипломатический протокол и дипломатическая практика / Ф. Ф. Молочков. — Москва, 1977. — 248 с. — Текст : непосредственный.
9. Нагиева, А. А. Международно-правовые аспекты дипломатического протокола / А. А. Нагиева, Ф. Ш. Ларина. — Текст : непосредственный // Московский журнал международного права. — 2018. — № 1. — С. 79—88.
10. Попов, В. И. Современная дипломатия. Теория и практика / В. И. Попов. — Изд. 2-е, доп. — Москва : Международные отношения, 2006. — 576 с. — Текст : непосредственный.
11. Рауль Кастро не дал Бараку Обаме похлопать себя по плечу // РИА «Новости». — 2016. — 22 марта. — URL: <https://ria.ru/20160322/1394981975.html>. — Текст : электронный.
12. Черняк, Л. Ю. К вопросу о природе дипломатического этикета / Л. Ю. Черняк. — Текст : непосредственный // Сибирский юридический вестник. — 2013. — № 4 (63). — С. 136—143.
13. Шевченко, В. Н. Некоторые вопросы протокольной практики / В. Н. Шевченко. — Москва : Воскресенье, 1997. — 348 с. — Текст : непосредственный.
14. Barston, R. P. Modern Diplomacy / R. P. Barston. — London ; New York, 1989. — Text : unmediated.
15. Craig, G. A. Force and Statecraft Diplomatic Problems of our Time / G. A. Craig, A. L. Georg. — Second ed. — New York, 1990.

The purpose of this work is to clarify the importance of observing diplomatic etiquette. The following results have been achieved: 1) The existing protocol criteria are direct fruits of long-term processes of mutual cooperation, carried out in different social spheres between different categories of society; 2) Many of the protocol rules are identical in different countries; 3) Compliance with protocol norms is not categorical. They vary depending on location, time and condition.

It was found that one of the constituent parts of the protocol is to take into account the traditions, culture, customs and national characteristics of different countries. Etiquette consists of the rules of conduct for participants in international contacts. These norms are based on moral ethical foundations. Etiquette norms are not legally binding but are unconditionally binding in international relations. Violation of the rules of diplomatic etiquette can lead to retaliatory actions not only on the part of the state in respect of which they were not implemented, but also from third states, noting the non-diplomatic nature of the actions of the state that violated diplomatic etiquette.

KEYWORDS: *diplomatic etiquette; diplomacy; diplomats; international relations; protocols; international courtesy.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Samet Kheyrandish Milad, PhD Student, University of Tehran, Iran.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Sheikhi Djolandan Nahid, Scientific Supervisor, PhD in Philology, University of Tehran, Tehran, Iran.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Hosseini Amir, Scientific Adviser, PhD in Philology, University of Tehran, Tehran, Iran.*

FOR CITATION: *Samet Kheyrandish, M. Analysis of the Need to Observe Diplomatic Etiquette as an Integral Part of the Protocol / M. Samet Kheyrandish, N. Sheikhi Djolandan, A. Hosseini // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 181–187. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_17.*

REFERENCES

1. Borunkov, A. F. Diplomatic Protocol in Russia / A. F. Borunkov. — Moscow : Intern. relations, 2007. — 264 p. — Text : unmediated. [Diplomatičeskij protokol v Rossii / A. F. Borunkov. — Moskva : Mezhdunar. otnosheniya, 2007. — 264 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
2. Britain in shock: the first lady of the United States hugged the queen // News. — 2009. — Apr 2. [Britaniya v shoke: pervaya ledi SShA obnyala korolevu // Vesti. — 2009. — 2 apr.]. — URL: <https://www.vesti.ru/article/2261104>. — Text : electronic. — (In Rus.)
3. Zonova, T. V. Modern Model of Diplomacy: the Origins of Formation and Development Prospects / T. V. Zonova. — Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003. — 336 p. [Sovremennaya model' diplomatii: istoki stanovleniya i perspektivy razvitiya / T. V. Zonova. — Moskva : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2003. — 336 s.]. — (In Rus.)
4. Confusion During the Meeting between Yatsenyuk and the President of Switzerland // Political Navigator. — 2014. — Dec 24. [Konfuz vo vremya vstrechi Yatsenyuka i prezidenta Shveytsarii // Politnavigator. — 2014. — 24 dek.]. — URL: <https://www.politnavigator.net/konfuz-vo-vremya-vstrechi-yace-nyuka-i-prezidenta-shvejtsarii-popal-v-top-2014-goda-samykh-ne-lypykh-politicheskikh-foto.html>. — Text : electronic. — (In Rus.)
5. Loiko, L. V. Fundamentals of Diplomacy. Diplomatic Service / L. V. Loiko. — Minsk : Bel. State Univ., 2001. — 206 p. — Text : unmediated. [Osnovy diplomatii. Diplomatičeskaya sluzhba / L. V. Loiko. — Minsk : Bel. gos. un-t, 2001. — 206 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
6. Lyadov, P. F. History of the Russian Protocol / P. F. Lyadov. — Moscow : International Relations, 2004. — 280 p. — Text : unmediated. [Istoriya rossiyskogo protokola / P. F. Lyadov. — Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. — 280 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
7. Lyadov, P. F. Diplomatic Protocol and Protocol Service / P. F. Lyadov. — Text : unmediated // Law and Management. XXI Century. — 2012. — No. 2 (23). — P. 125–138. [Diplomatičeskij protokol i protokol'naya sluzhba / P. F. Lyadov. — Tekst : neposredstvennyj // Pravo i upravlenie. XXI vek. — 2012. — № 2 (23). — S. 125–138]. — (In Rus.)
8. Molochkov, F. F. Diplomatic Protocol and Diplomatic Practice / F. F. Molochkov. — Moscow, 1977. — 248 p. — Text : unmediated. [Diplomatičeskij protokol i diplomatičeskaya praktika / F. F. Molochkov. — Moskva, 1977. — 248 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
9. Nagieva, A. A. International Legal Aspects of Diplomatic Protocol / A. A. Nagieva, F. Sh. Larina. — Text : unmediated // Moscow Journal of International Law. — 2018. — No. 1. — P. 79–88. [Mezhdunarodno-pravovye aspekty diplomatičeskogo protokola / A. A. Nagieva, F. Sh. Larina. — Tekst : neposredstvennyj // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 2018. — № 1. — S. 79–88]. — (In Rus.)
10. Popov, V. I. Modern Diplomacy. Theory and Practice / V. I. Popov. — Ed. 2nd, add. — Moscow : International Relations, 2006. — 576 p. — Text : unmediated. [Sovremennaya diplomatiya. Teoriya i praktika / V. I. Popov. — Izd. 2-e, dop. — Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2006. — 576 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
11. Raul Castro did not Give Barack Obama a Pat on the Shoulder // RIA "News". — 2016. — March 22. [Raul' Kastro ne dal Baraku Obame pokhlopat' sebya po plechu // RIA «Novosti». — 2016. — 22 marta]. — URL: <https://ria.ru/20160322/1394981975.html>. — Text : electronic. — (In Rus.)
12. Chernyak, L. Yu. To the Question of the Nature of Diplomatic Etiquette / L. Yu. Chernyak. — Text : unmediated // Siberian Juridical Bulletin. — 2013. — No. 4 (63). — P. 136–143. [K voprosu o prirode diplomatičeskogo etiketa / L. Yu. Chernyak. — Tekst : neposredstvennyj // Sibirskiy yuridicheskij vestnik. — 2013. — № 4 (63). — S. 136–143]. — (In Rus.)
13. Shevchenko, V. N. Some Issues of Protocol Practice / V. N. Shevchenko. — Moscow : Sunday, 1997. — 348 p. — Text : unmediated. [Nekotorye voprosy protokol'noy praktiki / V. N. Shevchenko. — Moskva : Voskresen'e, 1997. — 348 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
14. Barston, R. P. Modern Diplomacy / R. P. Barston. — London ; New York, 1989. — Text : unmediated.
15. Craig, G. A. Force and Statecraft Diplomatic Problems of our Time / G. A. Craig, A. L. Georg. — Second ed. — New York, 1990.

У Яньцю

Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю, КНР
ORCID ID: 0000-0001-7457-1867

Н. А. Абуева

Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю, КНР
ORCID ID: 0000-0002-7550-9261

E-mail: 254319172@qq.com; abu2007@bk.ru.

Полемика о национальном вопросе и общественно-культурных проблемах в трудах и дискуссиях российской диаспоры

АННОТАЦИЯ. В статье авторами ставится цель раскрыть проблему многоликости российской постреволюционной эмиграции — национальный вопрос. Этот вопрос будоражил сознание как русской эмигрантской общественности, так и представителей разных этнических групп, оказавшихся в изгнании. И это не было случайным. Эта проблема, бывшая одной из самых сложных, запутанных в общественно-политической жизни для дореволюционной России, продолжала горячо обсуждаться русской интеллигенцией, оказавшейся за границей.

Новизна научной статьи состоит в раскрытии различных аспектов национального вопроса в трудах и дискуссиях российской диаспоры. Естественно, многих ее представителей волновал национальный вопрос. К тому же, находясь вдали от Родины, за границей, умеренная эмигрантская общественность внимательно следила за происходившими в СССР общественными, экономическими, политическими и иными событиями.

Обзор трудов и содержания дискуссий, проходивших в рядах многоликости российской эмиграции по национальному вопросу и национальному строительству, свидетельствует о том, что оказавшиеся волею судеб вне родины представители интеллигенции и политической деятельности разных национальностей не смогли подняться выше классово-политических антипатий, избежать политизации оценок происходивших в 1920—1940-е гг. и в СССР, и в эмиграции перемен. Им было трудно уйти от субъективизма и политических пристрастий в оценке таких сложных вопросов, как нация, национальный вопрос, национальная идея.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальный вопрос; полемика; российская диаспора; русская эмиграция; социокультурная адаптация; национальная культура; русский язык; китайский язык; национальные традиции; русская интеллигенция.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: У Яньцю, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Института европейских языков, Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю; 312000, No.428 Kuaiji Road, Yue Cheng District, Shaoxing, Zhejiang.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Абуева Нурбану Адильбековна, доктор политических наук, визит-профессор Института европейских языков, Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю; 312000, No.428 Kuaiji Road, Yue Cheng District, Shaoxing, Zhejiang; e-mail: abu2007@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: У, Яньцю. Полемика о национальном вопросе и общественно-культурных проблемах в трудах и дискуссиях российской диаспоры / У Яньцю, Н. А. Абуева // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 188-195. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_18.

Одним из «камней преткновения» многоликостью российской постреволюционной эмиграции был национальный вопрос. Он будоражил сознание как русской эмигрантской общественности, так и представителей разных этнических групп, оказавшихся в изгнании. И это не было случайным. Самый сложный, самый запутанный вопрос общественно-политической жизни дореволюционной России продолжала горячо обсуждать русская интеллигенция, оказавшаяся за границей.

Значительную часть беженцев, с одной стороны, составляла образованная русская интеллигенция, воспитанная в национальных традициях, которая сохраняла чувство духовной общности с Родиной, сопричастности к русскому языку и культуре. С другой

стороны, в изгнании оказалась огромная этнически многослойная масса нерусских эмигрантов, которая была настроена не только антисоветски, но и активно участвовала в антирусских движениях. Как и белоэмигрантов, этих людей материально подпитывали правительства и националистические организации разных стран.

Что ждет русскую нацию и ее духовную жизнь в будущей освобожденной России? Как отзовется на судьбах русского и других народов страны национальная политика большевиков? Эти и другие вопросы волновали тех и других. Крайние, особенно украинская, польская и прибалтийские, эмигрантские группировки, воодушевленные вильсоновской концепцией «Каждой нации свое государство», ратовали за раскол ве-

ликой России и стремились получить независимость.

Среди причин наметившегося в СССР подъема умеренные эмигранты выделяли и меры большевиков в области национальной политики. Об этом писали из Харбина кадет Н. В. Устрялов, писатель В. Н. Иванов и др. Они, как и многие другие эмигранты, воспринимали образование СССР как восстановление целостности России. Этот факт имел положительный резонанс на фоне распавшейся на несколько государств Австро-Венгерской империи.

Украинские же националисты в эмиграции выступали за самостоятельную Украину, что могло спасти их от большевистского гнета.

Общие настроения всей украинской диаспоры за рубежом выразил 21 марта 1921 г. бывший гетман Украины генерал П. П. Скоропадский: «...будучи украинской и в тот момент, когда Украина находится в борьбе за своё право на жизнь и не имеет ниоткуда поддержки, говорить о федерации с Великороссией, которая существует и имеет значительно меньше шансов существовать в данное время как народ, живущий действительно своей жизнью, своим умом и т. д., это толкало свой родной край в пропасть, от которой его можно было удержать и потому эту точку зрения я нахожу лишённой моральной подкладки» [Дороченков 2001: 69].

Идею сепаратизма поддержало правое крыло польской колонии Харбина и Шанхая, другие националистические группировки в Маньчжурии и на севере русского Китая. «Тюрко-татарские народы едины, — писал идеолог независимости государственности всех тюркоязычных народов России Г. Исхаки, — но русские делят их на татар, башкир, узбеков, мещеряков, киргизов, казахов и т. д.». [Гайнетдинов 1997: 71].

Вообще татаро-мусульманская диаспора в эмиграции держалась особняком, не вступая в тесные контакты с представителями других национальных колоний. Ее лидеры призывали иноверцев бороться с Советской Россией и сформировать на ее развалинах мусульманско-тюркские регионы нового государства. Основная идейно-политическая деятельность мусульманской диаспоры в Китае развивалась вокруг пропаганды идеи самостоятельного тюрко-татарского государства «Идель-Уральский штат» с включением в него российских территорий, населённых татарами, башкирами и другими националистами мусульманского вероисповедания. Со страниц своих газет и журналов, издававшихся в Шанхае и Харбине, лидеры татарской диаспоры призывали и к вооружённой борьбе с большевиками.

Часть харбинской группы эмигрантов, в числе которых были министры бывшего белогвардейского Сибирского правительства, представляла сибирских областников-сепаратистов. Она выступала за полное отделение Сибири от России и переключения ее в «схему» азиатских государств вплоть до союза с Японией.

Один из лидеров шанхайской группы областников И. Н. Шендриков в опубликованной в 1928 г. брошюре «Чего хотят областники-сибиряки» писал: «Они стремятся в данный момент создать Сибирское государство, независимое от СССР» [Аблажей 2003: 128—129].

«Шанхайская заря» и другие издания дальневосточной эмиграции констатировали интерес эмиграции к областническим идеям, отмечая возможность «образования Сибирского государства от Тихого океана до Урала включительно» и «освобождения России под лозунгом „Через свободную Сибирь в свободную Россию“». Подобные заявления признавались многими эмигрантскими деятелями более реалистичными, чем прежние намерения эмиграции организовать «поход на Москву» [Шанхайская заря, 1928: 2].

Заявления областников вызвали дискуссии в среде эмигрантской интеллигенции. В частности, свою оценку этим высказываниям дала украинская эмигрантская пресса [Дальневосточный националист, 1928: 1].

Комментируя эти оценки, один из лидеров областников М. П. Головачев в интервью харбинской газете «Заря» заявил, что «со стороны сибирской идеи отношение в настоящий момент к украинскому движению должно быть самое благожелательное, ибо, стоя на точке зрения отделения Сибири от сегодняшней Москвы на основе чисто национальных, экономических и даже патриотических соображений, сибиряки понимают, что и на Украине могут действовать из тех же побуждений» [Заря (Харбин), 1928: 1]. М. П. Головачев настаивал, что появление сибирского буфера на Дальнем Востоке создаст преграду распространению коммунизма в Азии. Позднее свои идеи он развил в брошюре «Украинцам-сибирякам», вышедшей в Харбине в 1929 г. Дискуссия о сибирском сепаратизме продолжалась и в последующие годы.

В июне 1930 г. в харбинской русско-китайской газете «Гунь-Бао» была опубликована статья украинского националиста Льва Галицкого «Украина и Сибирь», в которой автор заявил о необходимости образования «самостоятельной сибирской державы в форме соединённых штатов от Урала до Тихого океана», подчеркнув при этом важ-

ность «совместной борьбы Сибири и Украины с остальной Россией». В статье он развил свои соображения о необходимости выделения районов, занятых преимущественно украинцами, в особые самоуправляемые области «со своим собственным правительством» [Современные записки, 1930: 406—408].

Оппонентом Л. Галицкого и других сибирских и украинских сепаратистов выступал крупнейший публицист российского зарубежья, русский религиозный философ Г. П. Федотов. В своей статье «Будет ли существовать Россия», опубликованной в 1930 г., он резко критикует «угрожающий сепаратизм, раздирающий тело России» и его пропаганду отдельными эмигрантскими кругами. «Россия становится географическим пространством, бессодержательным, как бы пустым, которое может быть заполнено любой государственной формой». Анализируя современную ему ситуацию, Г. П. Федотов констатирует, что «с Дальнего Востока наступает Япония, вскоре начнёт наступать Китай, и тут мы с ужасом узнаем, что сибиряки, чисто кровные великороссы-сибиряки, тоже имеют зуб против России, тоже мечтают о Сибирской республике — легкой добыче Японии» [Федотов 1999: 496].

Критикуя украинский и сибирский сепаратизм, Г. П. Федотов предупреждает об опасности и татарского сепаратизма, «мечтающего о Казани как столице Евразии».

Украинские, татарские и другие национал-сепаратисты в своих неудачах обвиняли русских, российскую республику Советов. Лишь немногие представители национальной интеллигенции пытались трезво и объективно оценить случившиеся. Они признавали, что народ не пошел за ними из-за их собственных просчетов. Так, украинский писатель В. К. Винниченко признавал: «И не русское советское правительство выгнало нас с Украины, а наш собственный народ, без которого и против которого русские советские войска не могли бы занять ни одного уезда на нашей территории» [Дороченков 2001: 69].

Острым и дискуссионным был национальный вопрос для еврейской интеллигенции, составлявшей значительную часть российской культурной эмиграции. Не случайно Харбин называли в 1920—1930-е гг. крупнейшим сионистским центром. Здесь, как и в других городах Маньчжурии, а также в Шанхае, Тяньцзине и Циндао, кипели страсти, шли споры о будущем еврейской нации. В отличие от других национальных диаспор, эти споры не переходили в острую открытую борьбу, а проходили в дискуссиях, на страницах газет журналов, вечерах и собраниях.

Хотя евреи в эмиграции чувствовали себя более комфортно, чем в царской России, вместе с тем против них нередко устраивались нападки хулиганского действия и провокации антисемитов, происходили похищения богатых евреев, нападения хунхузов. Кроме того, несмотря на отсутствие законных оснований, представителям советских органов в полосе отчуждения КВЖД удавалось чинить всевозможные препятствия еврейским эмигрантским организациям. С еврейской общиной борьба велась в духе проходившей в СССР антирелигиозной и антиссионистской кампании. В своих воспоминаниях руководитель еврейской общины А. И. Кауфман приводит один пример такого рода. «В 1937 г. еврейская и сионистская общественность решила устроить большой концерт еврейской музыки... Готовившийся вечер...» вызвал огромный интерес еврейского и нееврейского населения Харбина, все билеты были проданы в течение двух дней, но концерт не состоялся под нажимом советского «союза профсоюзов», обвинившего организаторов в контрреволюции и сионизме [Романова 2001: 228].

Как отмечает профессор В. В. Романова, еврейская община в Маньчжурии, как и в других центрах русской эмиграции Китая, основное внимание в своей деятельности уделяла вопросам повседневной жизни, она стояла в стороне от всех других проблем либо обращалась к ним в той степени, в какой они затрагивали интересы еврейства. Как общественная структура города Харбина она всегда живо откликалась на все общественные нужды, но не вмешивалась в политическую борьбу. Община, не вникая глубоко в политические дискуссии, которые постоянно сопровождали общественную жизнь эмиграции, выражала свое отношение к ним лишь в контексте евразийских проблем [Романова 2001: 228].

Осуждая политику коммунистов по отношению к сионизму, гонения на иврит, закрытие синагог и репрессии в отношении раввинов, община вместе с тем неизменно отмечала проводимую в Советском Союзе борьбу против антисемитизма. Все попытки перетянуть еврейскую общину в тот или иной политический лагерь эмиграции встречали противодействие. Когда в одной из харбинских газет появилась статья некоего Смирнова, который, желая «защитить» евреев от обвинений в приверженности к большевизму, утверждал, что евреи всегда были и остаются на стороне Белого движения, журнал «Еврейская жизнь» поместил следующий ответ: «Вовсе не нужно разделять точку зрения большевизма или быть в

рядах коммунистов, даже более того, можно негодовать против гонений на еврейский язык, ни на чем не основанных гонений на еврейский язык, но нельзя отрицать фактов... Советская власть борется с антисемитизмом, жестоко наказывая погромщиков». Статья заканчивалась словами: «Нет, господа Смирновы, с вами нам не по пути» [Еврейская жизнь, 1925: 4].

Наряду с этим, община всегда дистанцировалась от советских организаций, действовавших на КВЖД.

Однако неправильным было бы считать всю еврейскую общину слабо участвующей в политической жизни. В условиях японской оккупации Маньчжурии с 1931 г. община вынуждена была приспособливаться к новому режиму. Еврейские организации, в такой же мере, как и все остальные эмигрантские объединения в Маньчжоу-Ди-Го, могли существовать только при условии абсолютной лояльности к японским военным властям и выполнения их распоряжений.

Выражение такой лояльности со стороны еврейской общины не являлось только следствием японского давления. В условиях, когда евреи стали подвергаться жесточайшим преследованиям в Германии и других странах Европы, Япония, несмотря на союзнические отношения с Германией, не поддерживала политику антисемитского геноцида, более того, принимала беженцев-евреев из Европы. Идеологическая работа японских властей среди населения Маньчжурии строилась на основе внедрения прояпонской ориентации, пропаганды идей объединения всех наций и народностей Маньчжоу-Ди-Го с целью установления «нового порядка в Восточной Азии» и борьбы с коммунизмом. Каждое общественное объединение, получившее разрешение на легальную деятельность, должно было в той или иной степени выражать свою поддержку этим принципам.

Так, состоявшиеся в Харбине три съезда еврейских общин Востока Азии обратились ко всему еврейству Дальнего Востока с призывом «сплотить свои ряды и вместе с другими народностями оказать активное содействие развитию молодого государства Маньчжоу-Ди-Го и всемерную поддержку японской империи в создании сферы совместного процветания народов Великой Восточной Азии» [Великая Маньчжурская империя: к 10-летию юбилею, 1942: 314—315].

В целом японские хозяева Маньчжурии демонстрировали лояльное отношение к национальным традициям и обычаям всех населявших ее народов. На территории Маньчжоу-Ди-Го мирно сосуществовали различные религиозные конфессии, крупные

этнические группы имели свои национальные организации. Интересы россиян, принадлежавших к различным национальным группам, представляли Украинская национальная колония, Национальный совет евреев Восточной Азии, Грузинская национальная колония, Национальное армянское общество, Тюрко-татарская духовная национальная община. Как следовало из официальных документов, национальные группы были объединены вокруг Бюро по делам эмиграции на равных основаниях.

Создавая условия для сохранения этнокультурной целостности российской эмиграции, японские власти стремились противопоставить национальную идею идеологии Коминтерна [Аурилене, Потапова 2004: 51].

Но вернемся к еврейской диаспоре. Большинство исследователей российской эмиграции, изучая общественную жизнь евреев, приходят к выводу о том, что они в своей массе, как и русские эмигранты, были толерантны и терпимо относились к представителям других национальных диаспор. В. В. Романова отмечает, что условия жизни в Харбине со временем сформировали своеобразный культурно-психологический тип местного еврея. Будучи корнями связан с Россией и русской культурой, он обрел возможность свободно изучать культуру, язык, историю и традиции собственного народа. Харбинские евреи в основном были зажиточными и отличались достаточно высоким образовательным и культурным уровнем. Отличаясь культурной и религиозной толерантностью, они, как правило, не ассимилировались и проявляли приверженность к национальным ценностям и традициям, в числе которых филантропия и солидарность стояли в ряду важнейших. Условия жизни, воспитание и образование сформировали у харбинского еврея развитое чувство собственного национального достоинства и готовность его отстаивать [Аурилене, Потапова 2004: 51].

В целом харбинские евреи по своей ментальности значительно отличались от тех местечковых евреев царской России, которые являлись жертвами погромов. Это было особенно очевидным в 1930—1940-е гг., когда община не только вела антинацистскую пропаганду и оказывала посильную помощь беженцам из Европы, но и давала отпор, в том числе физический, членам местной Русской фашистской партии, созданной в 1931 г. К. В. Родзаевским.

Национальная идея и национальные проблемы России волновали и эмигрантов-сменовеховцев. «Харбинский мыслитель» Н. В. Устрялов и его единомышленники на

страницах газет и журналов, в студенческих аудиториях и в переписке вели дискуссии о сущности национализма, выступали адептами национал-большевизма, спорили с идеологами европейского и азиатского фашизма. Они внимательно следили за решением национального вопроса в СССР, призывали сотрудничать с советской властью во имя будущей Великой России.

В книге «В борьбе за Россию» Н. В. Устрялов в рамках политической философии пытается сформировать русскую национальную идею, в основе которой лежала формула «национал-патриотизм, эволюционизм, великая государственность и русская культура». Данная русская идея, ставшая теоретическим фундаментом «сменовеховства», требовала пересмотра взглядов российской интеллигенции на природу революции. Суть революции, по Устрялову, в отрицании западной модели развития для России, заложенной еще Петром.

В статье «Политическая доктрина славянофильства» он приводит мысль о том, что возможным следствием революции явится создание единого мощного славянского государства. Подчеркивая славянофильскую идею самобытности исторического развития России, Н. В. Устрялов указывал, что ни в одной стране мира не было столь внушительных революций, «...из интернационалистской Октябрьской революции Россия выйдет национально выросшей, страной крепчайшего национального самосознания». Как и евразийцы, Устрялов был убежден, что большевики, оказавшись у власти, превратятся в националистов, ставящих превыше всего интересы России [Кочубей, Печерица 1998: 117].

Н. В. Устрялов и его единомышленники выступили инициаторами необычного для того времени призыва к соотечественникам — объединить усилия (несмотря на идеологические разногласия) во имя России, не разрушать ее, а обустроить, пусть даже при наличии большевистской власти. Возрождение России должно проходить, считали сменовеховцы, в ее прежних границах. «Первое и самое главное, — подчеркивал Устрялов в известном сборнике «В борьбе за Россию», — собрание и восстановление России как великого и единого государства» [Устрялов 1920: 62—63].

Он последовательно выступал за «собрание» земель, позитивно оценивал деятельность большевистского руководства по восстановлению государственности и укреплению власти центра на всей территории бывшей империи, даже несмотря на то, что эта власть была коммунистической. Отстаивая

лозунг «великой и неделимой России», дальневосточные сменовеховцы были принципиально против всякого буфера, отделяющего «окраину от великой родины». Поэтому они активно выступали за безусловную ликвидацию Дальневосточной республики [Голос Родины 1922: 1].

Взгляды Н. В. Устрялова поддерживает Ю. Н. Потехин, который также не согласен с крайне правыми сепаратистами эмиграции, утверждавшими, что национальные цели и ресурсы России большевики приносят в жертву интернационалу. Как раз наоборот: народ постоянно перерабатывает интернациональную власть, приспособляя ее к своим потребностям, заставляя служить национальным целям. Это особенно проявилось во внешней политике советской власти. Европа прислушивается к голосу Москвы, потому что московское правительство имеет широкое влияние на рабочие массы Запада, растет влияние России и на Востоке [Романовский 2009: 243].

Дискуссии о национальном строительстве будущей России продолжались в эмиграции все 20-е гг. Однако в европейском зарубежье эти споры во второй половине 1920-х гг. несколько стихают после прекращения выпуска газеты «Накануне». В дальневосточном русском зарубежье они продолжают благодаря активной публицистической и общественной деятельности Н. В. Устрялова и его харбинских единомышленников.

Устряловские статьи в газетах и журналах Харбина и Шанхая продолжали вызывать острые дискуссии в белоэмигрантской среде. Их оппонентами выступали А. Ф. Керенский, Петр Струве, другие деятели политической эмиграции [Романовский 1996: 116].

«Основная тенденция современности, — пишет Н. В. Устрялов в одной из своих статей, подготовленной к восьмой годовщине революции, — может быть охарактеризована как национализация Октября. Революция входит в плоть и кровь народа и государства. Нация советизируется. И обратно: советы национализируются... Октябрь был великим выступлением русского народа, актом его самосознания и самоопределения...» [Устрялов 1925: 214—216].

«...Национализация октября, — продолжает Устрялов, — заметна не только в свете внутренних процессов, но и в сфере внешнеполитической. Всемирно-исторические и интернациональные программные цели Октябрьской революции под движением разных обстоятельств уходят на второй план. Налицо „стабилизация капитализма“ на Западе. Активность внешней политики Москвы перенесена с Запада на задачи советской

внешней политики — национальное пробуждение колониальных народов Востока [Устрялов 1925: 214—216].

Что касается национального государственного строительства собственно в России (после образования СССР и консолидации наций и народов), то здесь, замечает Н. В. Устрялов, также видна «национализация Октября», хотя и весьма своеобразная. Это не есть реставрация старой, императорской России. «Идёт культурно-национальное оживление народов России, — пишет автор. — Интернационализм сосредоточивается там, где ему и быть в данном случае надлежит: в сфере государственности. Москва — объединяющий государственный центр, и она зорко стоит на страже. Учёные различают государственную нацию от нации в культурном смысле, а эту последнюю — от национальности. На наших глазах формируется советская государственная нация, а поскольку исторически и политически советизм есть русская форма, образ российской нации, вывод напрашивается сам собой» [Устрялов 1925: 216—217]. Таким образом, в большевистской национально-государственной политике Н. В. Устрялов не видит никакой угрозы для русской нации в рамках Советского Союза, она органично и естественно доминирует в ходе российского исторического процесса.

Такая позиция харбинского профессора по национальному строительству России вызвала резкое неприятие в различных кругах эмигрантской многонациональной общности. Его критикуют русофобы, представители русских монархических партий, лидер Русской фашистской партии В. К. Родзаевский и другие правые, выступившие против принципа самоопределения наций и предоставления независимости национальным меньшинствам. Рьяно на него набросились польские, украинские, грузинские и другие националистические издания, выходившие в Париже, Берлине, Праге, а также в Харбине, Тяньцзине и Шанхае. Разжигая национализм и русофобию, они продолжали отстаивать лозунг независимости их наций от великодержавной России.

По нашему мнению, совершенно очевидно, что национальный вопрос волновал многих представителей российской диаспоры.

К тому же, находясь вдали от Родины, за границей, умеренная эмигрантская общественность внимательно следила за происходившими в СССР общественными, экономическими, политическими и иными событиями. Первые успехи в восстановлении народного хозяйства, положительное воздействие НЭПа на стабилизацию обстановки

в стране заставляли задумываться многих противников советской власти, в том числе умеренных сменовеховцев, евразийцев и др.

Национальный вопрос, национальные проблемы России поднимали в своих трудах и дискуссиях евразийцы, представляющие одно из общественно-политических течений российской послереволюционной эмиграции [Кочубей Печерица 1998: 126—132]. Оно возникло после Гражданской войны и существовало до конца 1930-х гг.

Следовательно, обзор трудов и содержания дискуссий, проходивших в рядах многоликой российской эмиграции по национальному вопросу и национальному строительству, свидетельствует о том, что оказавшиеся волею судеб вне родины представители интеллигенции и политики разных национальностей не смогли подняться выше классово-политических антипатий, избежать политизации оценок происходивших в 1920—1940-е гг. и в СССР, и в эмиграции перемен. Им было трудно уйти от субъективизма и политических пристрастий в оценке таких сложных явлений, как нация, национальный вопрос, национальная идея.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблажей, Н. Н. Сибирское областничество в эмиграции / Н. Н. Аблажей. — Новосибирск, 2003. — 304 с. — Текст : непосредственный.
2. Аурилене, Е. Е. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: эмигрантское правительство / Е. Е. Аурилене, И. В. Потапова. — Хабаровск, 2004. — 126 с. — Текст : непосредственный.
3. Великая Маньчжурская империя: к 10-летию юбилею. — Харбин, 1942. — 414 с. — Текст : непосредственный.
4. Гайнетдинов, Г. Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX в. — 30 гг.: исторический очерк / Г. Б. Гайнетдинов. — Набережные Челны, 1997. — 159 с. — Текст : непосредственный.
5. Голос Родины. — 1922. — 7 января. — Текст : непосредственный.
6. Дальневосточный националист. — 1928. — № 2. — С. 38 ; «На Далекому сході». — 1928. — 20 мая. — Текст : непосредственный.
7. Дороченков, А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России / А. И. Дороченков. — Санкт-Петербург, 2001. — 218 с. — Текст : непосредственный.
8. Еврейская жизнь. — 1925. — № 47. — С. 4. — Текст : непосредственный.
9. Заря (Харбин). — 1928. — 15 октября. — Текст : непосредственный.
10. Кочубей, О. И. Евразийство: иллюзии, упования, надежды / О. И. Кочубей, В. Ф. Печерица. — Текст : непосредственный // Исход и возвращение... (русская эмиграция в Китае в 1920—1940 гг.). — Владивосток, 1998. — С. 126—132.
11. Кочубей, О. И. Исход и возвращение... (русская эмиграция в Китае в 20—40-е гг.) / О. И. Кочубей, В. Ф. Печерица. — Владивосток, 1998. — 225 с. — Текст : непосредственный.
12. Романова, В. В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений / В. В. Романова. — Красноярск, 2001. — 287 с. — Текст : непосредственный.
13. Романовский, В. К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890—1937 гг.) / В. К. Романовский. — Москва, 2009. — 606 с. — Текст : непосредственный.
14. Романовский, В. К. Сменовеховство в Дальневосточном зарубежье / В. К. Романовский. — Текст : непосредственный // Проблемы отечественной и всеобщей истории. —

Уссурийск, 1996. — С. 108—122.

15. Современные записки. — 1930. — № 43. — С. 406—408. — Текст : непосредственный.

16. Устрялов, Н. В. В борьбе за Россию / Н. В. Устрялов. — Харбин, 1920. — 82 с. — Текст : непосредственный.

17. Устрялов, Н. В. Национализация Октября / Н. В. Устрялов. — Текст : непосредственный // Под знаком револю-

ции. — Харбин, 1925. — С. 213—214.

18. Федотов, Г. П. Будет ли существовать Россия? / Г. П. Федотов. — Текст : непосредственный // Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг.: документы и материалы. — Москва, 1999. — С. 496.

19. Шанхайская заря. — 1928. — 13 марта. — Текст : непосредственный.

Wu Yanqiu

Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, China
ORCID ID: 0000-0001-7457-1867

N. A. Abueva

Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, China
ORCID ID: 0000-0002-7550-9261

✉ *E-mail*: abu2007@bk.ru.

Polemics on the National Issue and Socio-Cultural Problems in the Works and Discussions of the Russian Diaspora

ABSTRACT. *The aim of this article is to explore the problem of the many-sided Russian post-revolutionary emigration — the national issue. This question has excited the consciousness of both the Russian emigrant community and the representatives of various ethnic groups in exile. And it was not accidental. This problem that was the most difficult, most confusing issue of the social and political life of pre-revolutionary Russia, has been heatedly discussed by the Russian intelligentsia living abroad.*

The scientific novelty of the article consists in revealing various aspects of the national issue in the works and discussions of the Russian diaspora. It is quite natural that the national question worried many representatives of the Russian diaspora. In addition, being far from the homeland, abroad, the moderate emigrant community closely followed the social, economic, political and other events taking place in the USSR.

A review of the works and the content of the discussions that took place in the ranks of the multifaceted Russian emigration on the national question and nation-building testifies to the fact that representatives of the intelligentsia and politicians of different nationalities who, by the will of fate, found themselves outside their homeland, could not rise above class political antipathies, and avoid the politicization of assessments of the changes of the 1920s-40s both in the USSR and in the emigration. It was difficult for them to get away from subjectivity and political bias in assessing such complex issues as the nation, the national question, and the national idea.

KEYWORDS: *national issue; polemics; Russian diaspora; Russian emigration; sociocultural adaptation; national culture; Russian language; Chinese language; national traditions; Russian intelligentsia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Wu Yanqiu, Candidate of History, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of European Languages, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, China.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Abueva Nurbanu Adil'bekovna, Doctor of Political Science, Visiting Professor of the Institute of European Languages, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, China.*

FOR CITATION: *Wu, Yanqiu. Polemics on the National Issue and Socio-Cultural Problems in the Works and Discussions of the Russian Diaspora / Wu Yanqiu, N. A. Abueva // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 188-195. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_18.*

REFERENCES

1. Ablazhey, N. N. Siberian Regionalism in Emigration / N. N. Ablazhey. — Novosibirsk, 2003. — 304 p. — Text : unmediated. [Sibirskoe oblastnichestvo v emigratsii / N. N. Ablazhey. — Novosibirsk, 2003. — 304 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

2. Aurilene, E. E. Russians in Manchukuo-Di-Go: the Emigrant Government / E. E. Aurilene, I. V. Potapova. — Khabarovsk, 2004. — 126 p. — Text : unmediated. [Russkie v Man'chzhou-Di-Go: emigrantskoe pravitel'stvo / E. E. Aurilene, I. V. Potapova. — Khabarovsk, 2004. — 126 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

3. The Great Manchu Empire: Towards the 10th Anniversary. — Harbin, 1942. — 414 p. — Text : unmediated. [Velikaya Man'chzhurskaya imperiya: k 10-letnemu yubileyu. — Harbin, 1942. — 414 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

4. Gaynetdinov, G. B. Türko-Tatar Political Emigration: the Beginning of the Twentieth Century — 30th years : historical sketch / G. B. Gaynetdinov. — Naberezhnye Chelny, 1997. — 159 p. — Text : unmediated. [Tyurko-tatarskaya politicheskaya emigratsiya: nachalo KhKh v. — 30 gg.: istoricheskiy ocherk / G. B. Gaynetdinov. — Naberezhnye Chelny, 1997. — 159 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

5. Voice of the Motherland. — 1922. — January 7. — Text : unmediated. [Golos Rodiny. — 1922. — 7 yanvarya. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

6. Far Eastern Nationalist. — 1928. — No. 2. — P. 38 ; “To the Distant Descent”. — 1928. — May 20. — Text : unmediated. [Dal'nevostochnyy natsionalist. — 1928. — № 2. — S. 38 ; «Na Dalekomu skhodi». — 1928. — 20 maya. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

7. Dorochenkov, A. I. Emigrants of the “First Wave” about National Problems and the Fate of Russia / A. I. Dorochenkov. — St. Petersburg, 2001. — 218 p. — Text : unmediated. [Emigratsiya «pervoy volny» o natsional'nykh problemakh i sud'be Rossii / A. I. Dorochenkov. — Sankt-Peterburg, 2001. — 218 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

8. Jewish Life. — 1925. — № 47. — P. 4. — Text : unmediated. [Evreyskaya zhizn'. — 1925. — № 47. — S. 4. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

9. Dawn (Harbin). — 1928. — October 15. — Text : unmediated. [Zarya (Kharbin). — 1928. — 15 oktyabrya. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

10. Kochubey, O. I. Eurasianism: Illusions, Expectations, Hopes / O. I. Kochubei, V. F. Pecheritsa. — Text : unmediated // Exodus and Return ... (Russian Emigration in China in 1920—1940). — Vladivostok, 1998. — P. 126—132. [Evraziystvo: illyuzii, upovaniya, nadezhdy / O. I. Kochubey, V. F. Pecheritsa. — Текст : непосредственный // Iskhod i vozvrashchenie... (russkaya emigratsiya v Kitae v 1920—1940 gg.). — Vladivostok, 1998. — S. 126—132]. — (In Rus.)

11. Kochubey, O. I. Exodus and Return ... (Russian Emigration in China in the 1920s—1940s) / O. I. Kochubei, V. F. Pecheritsa. — Vladivostok, 1998. — 225 p. — Text : unmediated. [Iskhod i vozvrashchenie... (russkaya emigratsiya v Kitae v 20—40-e gg.) / O. I. Kochubey, V. F. Pecheritsa. — Vladivostok, 1998. — 225 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Romanova, V. V. Power and Jews in the Far East of Russia: the History of Relationships / V. V. Romanova. — Krasnoyarsk, 2001. — 287 p. — Text : unmediated. [Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya vzaimootnosheniy / V. V. Romanova. — Krasnoyarsk, 2001. — 287 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Romanovskiy, V. K. Life Path and Work of Nikolai Vasilievich Ustryalov (1890—1937) / V. K. Romanovsky. — Moscow, 2009. — 606 p. — Text : unmediated. [Zhiznennyy put' i tvorchestvo Nikolaya Vasil'evicha Ustryalova (1890—1937 gg.) / V. K. Romanovskiy. — Moskva, 2009. — 606 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Romanovskiy, V. K. Smenovekhovstvo in the Far East Abroad / V. K. Romanovsky. — Text : unmediated // Problems of National and World History. — Ussuriisk, 1996. — P. 108—122. [Smenovekhovstvo v Dal'nevostochnom zarubezh'e / V. K. Romanovskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii. — Ussuriysk, 1996. — S. 108—122]. — (In Rus.)
15. Modern Notes. — 1930. — No. 43. — P. 406—408. — Text : unmediated. [Sovremennyye zapiski. — 1930. — № 43. — S. 406—408. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
16. Ustryalov, N. V. In the Struggle for Russia / N. V. Ustryalov. — Harbin, 1920. — 82 p. — Text : unmediated. [V bor'be za Rossiyu / N. V. Ustryalov. — Kharbin, 1920. — 82 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
17. Ustryalov, N. V. Nationalization of October / N. V. Ustryalov. — Text : unmediated // Under the Sign of Revolution. — Harbin, 1925. — P. 213—214. [Natsionalizatsiya Oktyabrya / N. V. Ustryalov. — Tekst : neposredstvennyy // Pod znakom revolyutsii. — Kharbin, 1925. — S. 213—214]. — (In Rus.)
18. Fedotov, G. P. Will Russia Exist? / G. P. Fedotov. — Text : unmediated // Political History of the Russian Emigration of 1920—1940: Documents and Materials. — Moscow, 1999. — P. 496. [Budet li sushchestvovat' Rossiya? / G. P. Fedotov. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya istoriya russkoy emigratsii 1920—1940 gg.: dokumenty i materialy. — Moskva, 1999. — S. 496]. — (In Rus.)
19. Shanghai Dawn. — 1928. — March 13. — Text : unmediated. [Shankhayskaya zarya. — 1928. — 13 marta. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'42
ББК Ш105.51
DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_19

ГСНТИ 16.21.27, 16.31.21

Код ВАК 10.02.19, 10.02.21

С. И. Красса

Ставрополь, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6699-2159

 E-mail: skrassa@yandex.ru.

Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 3)

АННОТАЦИЯ. Обзор докладов Первого круглого стола по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа, организованного Международной ассоциацией судебной лингвистики и Центром цифровых гуманитарных наук Манчестерского университета. Круглый стол состоялся 15 мая 2019 года. Представлены доклады Эрики Голд, преподавателя судебной речи в Университете Хаддерсфилда «Коэффициент вероятности в науке о судебной речи. Текущая ситуация» и Штефана Эверта, профессора Университета Эрлангена — Нюрнберга «Статистическая значимость в литературной атрибуции авторства». В конце каждого доклада приводятся вопросы к выступающему и ответы на них. В первом (пятом) докладе рассматривается ситуация, когда сравниваются образцы речи известного говорящего из числа подозреваемых и образцы речи неизвестного говорящего. Обычно сочетаются два метода: аудитивный (перцептивный) и акустический фонетический анализ; автоматическое (компьютерное) распознавание речи. Предлагается при атрибуции текста использовать коэффициент вероятности, выражающий степень соответствия между рассматриваемыми речевыми образцами. К недостаткам компьютерного анализа речи относятся произвольность выбора референтных групп, нехватка статистической информации, необходимость учитывать разные аспекты текстов (стилистический, канал коммуникации, качество записи и т. д.). Следующий доклад посвящен стилиметрии и основан на анализе художественных произведений. Релевантные для таких исследований параметры: длина предложения, длина слова, класс частотности; богатство словаря; синтаксическая сложность; орфография; выбор синонимов. Рассматриваются разные методы статистических подсчетов вплоть до дельты Бёрроуза. Формулируются потенциальные ограничения этих методов (влияние жанра на стиль; применимость к текстам малого объема; устойчивость к «шуму», например ошибкам автоматического распознавания текста).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: круглый стол; судебный автороведческий анализ; профилирование автора; стилиметрия; компьютерная лингвистика; ядерные признаки стиля; судебная лингвистика; судебная экспертиза; автоматическое распознавание текста.

ТИП ПУБЛИКАЦИИ: обзор.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Красса Сергей Иванович, кандидат филологических наук, доцент, Ставрополь, Россия; e-mail: skrassa@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Красса, С. И. Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 3) / С. И. Красса // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 196-203. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_19.

ВВЕДЕНИЕ

15 мая 2019 г. Международная ассоциация судебной лингвистики (International Association of Forensic Linguistics) и Центр цифровых гуманитарных наук (Centre for Digital Humanities) Манчестерского университета провели Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа [Forensic Authorship Analysis Roundtable]. Целью мероприятия являлось продвижение судебной автороведческой экспертизы в направлении стандартизации применяемых методик, улучшения диалога между учеными различных направлений. Одной из наиболее значимых целей круглого стола было создание площадки для обсуждения и развития междисциплинарного сотрудничества, кото-

рое могло бы привести к формированию строгих методических и теоретических достижений в данной области. Трансляция круглого стола велась в видеохостинге YouTube [Forensic Linguistics Roundtable Event]. Порядок проведения круглого стола предусматривал выступления докладчиков, ответы на вопросы, затем выступления и вопросы в режиме диалога. В целом круглый стол продлился более семи часов. Данный обзор является продолжением обзоров, опубликованных ранее (Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 174-187. — DOI 10.26170/pl20-06-19; 2021. — № 1 (85). — С. 159-166. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_15).

ОБЗОР ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ**Э. ГОЛД**

Пятым было выступление Эрики Голд (Erica Gold) — преподавателя судебной речи в Университете Хаддерсфилда (Huddersfield University) на тему «Кoeffициент вероятности в науке о судебной речи. Текущая ситуация».

Судебное речеведение — это использование речи как доказательства на следствии и в суде. В основном к экспертам обращаются с просьбой сравнить речь говорящих (рассматриваемая в докладе версия автороведческого анализа). Обычно имеется образец речи известного говорящего из числа подозреваемых (например, допросы PACE — Police and Criminal Evidence Act) и образцы речи неизвестного говорящего. Типичные вопросы, задаваемые лицами, проводящими допрос: на записях представлены одни и те же или различные говорящие?

В основном используются два подхода (или их комбинация):

- 1) аудитивный (перцептивный) и акустический фонетический анализ;
- 2) автоматическое (компьютерное) распознавание речи (ASR).

Важно отметить, что те, кто делает автоматический анализ, не ограничиваются компьютерным анализом — всегда есть элементы анализа, выполненного человеком.

Методы в значительной степени зависят от стран, правил, требований и индивидуальных предпочтений. Подход в Соединенном Королевстве основывается на примате фонетической стороны, в то же время проводятся современные исследования ASR, проходящие тестирование в полиции.

Кодексы практики и поведения для судебных экспертов и специалистов-практиков в системе уголовного правосудия в Соединенном Королевстве и приложения о судебной речи и аудиосервисах (2014) не выделяют этот подход в качестве рекомендуемого, они намекают на возможность его использования, но явно этого не утверждают.

Автоматическое распознавание речи в мире

В последние годы увеличивается число случаев применения систем автоматического распознавания речи: 17 % (2011) и 41 % (2019) применения систем ASR в комбинации с экспертным анализом — в роли эксперта может выступать инженер или фонетист [Gold, French 2019 in print]. Рост числа обращений к системам распознавания речи наблюдается как в коммерческом секторе, так и в банковской сфере, страховании и уголовном расследовании, в сфере нацио-

нальной безопасности и судебной практике [Gold, French 2019 in print].

Фонетический метод оказывает влияние на выводы, которые делаются в заключении исследования. В докладе приводится обзор формулировок выводов на основании данных 2019 и 2011 г.

1. Бинарный ответ: да, это один человек / нет, это разные люди (5,3 % — 5,7 %).

2. Классическая вероятность: указывается, насколько вероятны две позиции с точки зрения статистики (28 % — 40 %).

3. Изложение позиции в Соединенном Королевстве: где-то посередине между байесовской моделью и свободным контекстом (13,2 % — 31,4 %).

4. Заявление в поддержку: вербальное выражение соотношения вероятности, очень близкое байесовской модели (27,2 % — 9 %).

5. Математическое соотношение вероятности: выражение соотношения в цифрах, что легко интерпретируется судьями и присяжными и используется в различных судебных экспертизах (13,2 % — 8,6 %).

В Соединенном Королевстве наблюдается значительное падение частотности изложения позиции. Наибольший рост демонстрируют формулировки, основанные на заявлении в поддержку. И это свидетельствует о движении в сторону мышления в рамках байесовской модели.

Кoeffициент вероятности

В течение ряда лет наблюдается рост понимания и принятия байесовской логики в различных областях. Подтверждением этому могут служить рекомендации о том, чтобы коэффициент сходства был адаптирован для выводов по расследованию у криминалистов разного профиля [Sacks, Koehler 2005].

Высказываются мнения в пользу того, чтобы все выводы относительно сравнения говорящих формулировались с использованием LR. Эти представления широко и охотно защищаются с 2009 г. [Rose, Morrison 2009]. Многие другие исследователи также работают над LR, используя его. Докладчик считает это парадигмальным изменением. С 2009 г. наблюдается всплеск исследований по коэффициенту вероятности.

Что понимается под коэффициентом вероятности (Likelihood Ratios — LR)? Он выражает результаты поиска степени соответствия между образцами, принадлежащими, по мнению обвинения, одному и тому же говорящему, и образцами, которые, по предположению, принадлежат разным говорящим.

Докладчик приводит соотношения между данными исследования и данными по материалам уголовного дела.

Исследование	Изучение материалов уголовного дела
Данные одного параметра многих токенов из множества говорящих	В идеальном случае данные многих параметров и многих токенов из записей подозреваемых и преступников
Множество говорящих группируется по полу и акценту с говорящими в данных следствия	Понимание того, что параметры речи соотносятся друг с другом
В идеале — еще один набор говорящих из того же множества (для калибровки)	Референтная группа, соответствующая по параметрам акцента и пола говорящим в записях уголовного дела

Трудности

1. Ограничения в референтных группах (размер, состав и т. д.)

- 1.1. Каким образом выбирается референтная группа?
- 1.2. Кто выбирает референтную группу?
- 1.3. Насколько большой и специфичной является референтная группа?

В целом подбираются соответствия по полу и акценту (см. работы Винсента Хьюза (Vincent Hughes) по этой проблеме).

2. Недостаточные статистические данные о населении.

- 2.1. Сбор статистических данных о населении — занятие очень затратное по времени и дорогостоящее.
- 2.2. Как результат, отсутствуют доступные данные по статистике населения для помощи в подсчетах LR.
- 2.3. Предлагаются различные решения по использованию данных по референтным группам, собранных на базе индивидуальных случаев.
- 2.4. Использование готовых баз данных [Rose 2007], например больших полицейских баз.

3. Естественная сложность речевых данных (что ведет к проблеме статистического моделирования / вычисления).

Необходимо учитывать такие факторы, как жанр, вариативность данных, возраст, пол — все эти параметры оказывают влияние на LR. Эту трудность можно обозначить как многоуровневый характер материала, подвергаемого анализу: сравниваемые тексты различаются по стилю, различается характер данных (протяженный или дискретный), их многоуровневая природа, не совпадают каналы коммуникации, собеседники, тексты записываются в разное время, различается качество записи и др.

Заявление о поддержке

В настоящее время используется всеми (или их большинством) практическими ра-

ботниками в Соединенном Королевстве. Введено Французской ассоциацией в январе 2015 г. Заимствовано из Европейской сети института криминалистики (ENFSI).

Заключение будет иметь краткую часть, которая похожа на вербальное представление коэффициента вероятности, но конечное утверждение в дальнейшем упрощено.

Прогресс

Хотя в Соединенном Королевстве (и в большинстве стран) не используют цифровое выражение LR, имеет место продвижение от индивидуального анализа в сторону интерпретации данных по делу.

Пока процентное соотношение с общими статистическими данными по населению в попытке принятия решения остается относительно стабильным (около 70 %), хотя количество данных и возросло, а анализ показывает большее разнообразие в корпусе данных и статистике. Докладчик предположил, что со временем решение будет становиться все более надежным. Полностью цифровое решение LR относится к весьма и весьма отдаленному будущему, поскольку исследователи постепенно осознают проблемы, которые ощутимо влияют на решение поставленной задачи.

Современные исследования

Имеет значение общая стабильность референтной группы населения (пример: WYRED — West Yorkshire Regional English Database) [Gold, Ross, Earnshaw 2018]. Как много токенов нужно для определения конкретной референтной группы населения в терминах различных фонетических параметров?

Токены / население

Количественные параметры, определяющие группу населения, даются в следующих работах: V. Hughes et al. (2013), V. Hughes (2017), Hughes & P. Foulkes (2014, 2015), Wang et al (2019) [Hughes, Haddican, Foulkes, Richards 2013; Hughes 2017; Hughes, Foulkes 2014, 2015]. Рассматриваются эффекты образцов применения предложенных параметров. Описывается соотношение факторов «собеседник / стиль / эффекты». Это разновидность парадигмального сдвига (оценка параметров, поиск «золотого» параметра, лучших параметров).

Криминалистический анализ авторства

Это не является специализацией докладчика, но он предполагает, что имеются сходства в развитии описанных процедур с ситуацией в криминалистическом сопоставлении образцов речи: «Мы собираемся отделить морфологический подход, приспо-

собрание морфологического подхода. Мы стоим перед теми же сходствами, возможностями, я бы хотела сказать, препятствиями. И я считаю, для нас то, что изменилось за последние десять лет в лучшую сторону, послужило прогрессу».

Обзор делался с целью понять, на чем специалисты фокусируют свое внимание и что они на самом деле делают. По мнению готовивших доклад, должно быть меньше секретности в отношении того, что происходит, и того, на чем построены исследования. Наибольшее значение имеет время, поскольку новые люди приходят в эту область, стараются сделать что-то новое и просто развивают ее. Будущее сотрудничества между атрибуцией автора и сравнением речи состоит в использовании одних и тех же баз данных. Конечно, жанровые различия делают сопоставляемые тексты разными, но научный коллектив, на разработках которого основан доклад, собрал данные о сотнях говорящих, транскрибировал их, некоторые из них сделал доступными онлайн. Есть часы и часы записанных данных. Конечно, следует принимать во внимание языковые трудности и все, что с ними связано.

Вопросы по докладу

Вопрос. Я заметил, что вы упомянули «Morrison's Interpol Survey for Forensic Speaker Comparison». Они используют полностью автоматизированное распознавание речи, устраняя таким образом эксперта-человека из процесса анализа?

Ответ. Да, мы упоминали эту работу в кратком обзоре, но ее выводы зависят от данных, на которых покров секретности. Я думаю, некоторые так делают в части Америки и в Азии. Да, мы даем отсылку к этой статье.

Ответ. Я считаю, что три года назад была большая дискуссия о том, как объединить эти два вида доказательств. Теперь есть люди, которые используют множественный подход, некоторые используют эксперта, другие — подход, основанный на группах населения. И мнение складывается в основном по отношению к эксперту, который применяет тот или иной подход. Такие страны, как Швеция, используют множественный подход и затем предлагают систему того, как это сделать. В Соединенном Королевстве нет совершенного пути того, как этого достичь. Мое мнение — предложить многоуровневый подход. Если вы делаете какую-то часть машиной, если вы делаете другую часть более целостно, вы осуществляете оба подхода. В идеале вы двигаетесь в одном и том же направлении, если нет — суды воспринимают больше тот или иной

подход, в любом случае вы делаете одну и тут же работу.

Ш. ЭВЕРТ

Шестым было выступление Штефана Эверта (Stefan Evert) — профессора Университета Эрлангена — Нюрнберга (Erlangen-Nuremberg) на тему «Статистическая значимость в литературной атрибуции авторства».

Докладчик рассказал, что занимается литературной стилиметрией, совместно с коллегами из Центра гуманитарных исследований (Humanity Research Center) проводя исследования в отношении ряда художественных произведений. Данный подход заметно отличается от доминирующего в судебном автороведении. Основная цель литературного автороведческого анализа обычно лежит в области стилиметрии, идентификации авторского стиля — «отпечатков пальцев» автора, описание которых основано на количественных параметрах. Это традиционные черты, характеризующие автора:

- длина предложения, длина слова, класс частотности;
- богатство словаря (тип — токен);
- синтаксическая сложность;
- частотность служебных слов, синтаксических структур;
- орфография;
- выбор синонимов.

Многие из этих характеристик пересекаются (по крайней мере эмпирически) с манчестерскими вариациями.

Докладчик представил заслуживающие внимание, по его мнению, примеры применения литературной атрибуции автора:

1. Публикация в «Федералистских документах» [Mosteller, Wallace 1963] — один из наиболее ранних объектов исследования в авторской атрибуции текста.

2. Кто написал письмо Биксби (Bixby)? [Grieve et al 2018].

3. Существовал ли на самом деле Шекспир? (Thistlethwaite and Efton, 1987) — попытка установить, кто был автором произведений, подписанных именем Шекспира.

Метод определения автора может быть применен к разным языкам, например в авторской атрибуции поэзии на средневерхне-немецком:

- 1) поэзия на Middle High German (Dimpel 2018);
- 2) роман, изданный под псевдонимом Роберт Гелбрейт (Robert Galbrieth), — «The Cuckoo's Calling», — написанный Д. Роулинг (J. K. Rowling).

Названные случаи интересны не только сами по себе, как примеры выявления ав-

торства, но как представляющие «отпечатки пальцев» автора в автороведческом анализе. Мы можем обучать модели или тестировать их, выделяя параметры в задачах определения авторства. И, предположительно, эти характеристики хорошо рекомендовали себя в решении типичных задач по установлению авторства, т. е. отличают стиль автора от стиля других авторов.

Стилеметрия и атрибуция авторства

Если рассматривать атрибуцию авторства в более широкой перспективе, можно увидеть два основных подхода, которые позволяют осуществлять ее различными способами. В криминалистике классификационный подход — это естественный выбор.

Атрибуция авторства как классификационная задача включает в себя:

- закрытый список кандидатур в авторы неизвестного текста;
- учебный набор текстов с известным авторством;
- контролируемый алгоритм машинного обучения (глубокий, если необходимо);
- оценку классификационной точности.

Некоторые из методов являются вероятностными, тогда есть указания на то, насколько они точны в решении поставленной задачи.

Атрибуция авторства как задача кластеризации включает:

- данный набор неизвестных текстов;
- группировку текстов, написанных одним и тем же автором, в кластер;
- измерение текстового сходства и алгоритм кластеризации;
- оценку скорректированного индекса Рэнда (Adjusted Rand Index — ARI), который основан на том, сколько текстов верно приписано в ходе рандомной кластеризации.

Кластеризация в более общем подходе

Если вы проводите успешную кластеризацию, это, конечно, дает возможность взглянуть на кластер, которому принадлежит спорный текст, и приписать его большинством голосов к этому кластеру. Преимущество заключается в том, что имеется возможность его автоматического использования.

Далее автор попытался очень кратко представить историю авторской атрибуции. Одна из наиболее ранних работ, опубликованных в начале 60-х годов, «Сопоставление частотных слов» [Mosteller, Wallace 1963]. Работа основана на простом сопоставлении частоты слова из спорного текста и частоты этого же слова в тексте возможного автора. Mosteller и Wallace предложили основанный на усовершенствовании байес-

совской модели подход; коэффициент подобия известен, поскольку они исходили из статистического основания.

Много позже появилась работа «Машинное обучение на основе широкого использования стилеметрических характеристик» (Juola, Stamatatos, 2009). В ней рассматривается большое количество лексических, синтаксических, семантических, лексико-статистических и буквенных характеристик. Для выбора наиболее информативных характеристик используется ML-алгоритм.

Метод Delta [Burrows 2002] — простое сравнение частотности нескольких сотен общеупотребительных слов, по существу метод, который предложили Mosteller и Wallace, без сопоставления. Поскольку никто реально не рассматривал дельта-метод в деталях, остановимся вкратце на том, как работает «дельта». Идея, на которой основывается «дельта», заключается в том, что наиболее частотные слова — MFW (100—5000), формируют «отпечатки пальцев» авторского стиля и таким образом позволяют идентифицировать автора. Как мы определяем наиболее частотные слова? В полной коллекции текстов, подлежащих анализу. Исследователи идут от наиболее частотных служебных слов к полноточным словам средней частотности.

Основная единица измерения — это вектор относительной частотности данных слов в английских романах. Это очень простой метод, и он может быть применен к любым видам языковых данных. Наиболее частотен определенный артикль (частотность 5,1 %), неопределенный артикль (2,7 %), *was* (2,7 %) и т. д. Как можно заметить, метод даже не требует применения каких-либо лингвистических процессоров к данным, которые представлены в необработанном виде (слова в оригинальном написании) с указанием частоты, с которой они употребляются в тексте. Сопоставление этих векторов показывает, насколько сходны сравниваемые тексты.

Одна из ключевых проблем автороведческого анализа — это применение дельта-метода к характеристикам, которые сложно интерпретировать, например употребление неопределенных артиклей в романе Томаса Гарди «Вдали от обезумевшей толпы» («Far from the Madding Crowd», Thomas Hardy). Что значат выявленные характеристики? Является ли это частью стиля Томаса Гарди или стиля этой конкретной книги?

Конечно, это не касается случаев, когда мы видим указанные с высокой точностью употребления специфические конструкции. Для «Вдали от обезумевшей толпы» это, согласно конкордансу слова *few*, выражения

for a few days, for a day or two, а также a man (a woman) of: a man of misty views, of spirit, a woman of gardening. Все эти конструкции вносят вклад в употребление неопределенного артикля.

Основание данной работы, вероятно, многовариантное. Мы должны рассматривать лежащие в основе характеристики, которые неоднозначны, но в любом многоаспектном исследовании есть возможность реконструировать данные на основе коррелирующих данных в дистрибуции единиц. Конечно, в атрибуции авторства с помощью 12 слов не достичь успеха. Докладчик представил визуализации 150 наиболее частотных слов в романе «Вдали от обезумевшей толпы». Этот график исключает наиболее частотные и наименее частотные слова. Основным интересом представляют не они, а каждая отдельная единица, которая значительно превосходит по частоте употребления в романе другие или, наоборот, частотность которой значительно ниже средней.

Рассматривается средняя частотность каждого слова во всем тексте и затем сравнивается с относительной частотой. Сравниваются отклонения от средних значений — выше или ниже средней частоты. Затем можно построить относительно четкий график с пиками выше или ниже средней частоты. На изображении хорошего качества и масштаба можно заметить различия между двумя рассматриваемыми романами в пиках частот употребления слов, представленных зеленоватыми или красноватыми фрагментами графика.

Если посмотреть на график доминирующих в употреблении нескольких слов, то мы видим значительное варьирование в частоте. Далее проводится нормализация употребления для выявления стандартного отклонения, и затем разделяются характеристики по стандартному отклонению z-scores.

$$z_i(\Delta) = \frac{f_1(\Delta) - M_i}{\delta_i}$$

Мы видим, что каждая черта, каждое свойство, выбранные на математических основаниях, вносит вклад в информацию относительно различия профилей автора данных текстов.

Если теперь сопоставить данные относительно «Оливера Твиста» и «Вдали от обезумевшей толпы», зеленые и красные пики становятся более явными показателями, демонстрируя большие различия.

Последний компонент, который необходим, чтобы завершить исследование методом Δ , — математически сопоставимые величины этих векторов, не только на уровне визуализации, поскольку математическое сопоставление дает возможность сравнить

цифровые дистрибуции.

Используется геометрический подход для измерения расстояния между этими двумя пунктами. Это манхэттенская метрика, и докладчик применяет манхэттенское расстояние для измерения.

Несколькими годами позже после публикации дельта-метода Шлю Агемон опубликовал математическое исследование дельты Бёрроуза (Burrows) и в основном объяснил несоответствия с математической точки зрения, поскольку, если мы определяем манхэттенское расстояние в качестве вероятного распределения, то компьютерные оценки не соответствуют друг другу. Другая формула позволяет использовать метод расстояний, совместимый со стандартизацией.

Финальная версия метода содержит множество вариаций «дельты», позволяет провести исследование вариаций и содержит новую опцию — угол расстояния, поскольку это весьма популярный способ в извлечении информации, который полезно применять. Здесь расстояние — это угол между двумя точками.

Иерархическая кластеризация на основе Δ проводится в малых множествах. На больших множествах ситуация несколько более сложная.

Некоторые типичные исследовательские вопросы, которые задают в связи с использованием Δ :

1. Может ли Δ точно идентифицировать автора текста?
2. Как нужно исследовать MFW (наиболее частотные слова)?
3. В чем отличие Δ от других параметров?
4. Какие слова формируют характерные «отпечатки пальцев» автора?
5. Выступают ли эти «отпечатки» вместе с другими сигналами (например, жанром)?
6. Можем ли мы применить Δ к коротким текстам?
7. Насколько устойчива Δ к «шуму» в массиве данных (например, ошибки OCR)?
8. Почему Δ работает хорошо?
- 9 (вопрос, задающийся намного реже). Являются ли результаты статистически значимыми?

Эмпирическая оценка

«Теоретически теория и практика одно и то же. Практически — нет».

База данных исследования — романы XIX в. [Jannidis et al. 2018].

Также использовались три литературных корпуса (немецкий, английский, французский). В каждый корпус включалось 25 авторов, от каждого из которых бралось по 3 романа (всего 75 романов). Временной диапазон — от начала XIX в. до середины XX сто-

летия.

Получено 10 млн токенов для каждого языка. Конкретный текст — 25 тыс. токенов.

Докладчик провел сопоставление разных видов Δ , сопоставил метод Δ и Ngram в отношении длинных и коротких текстов.

Вопросы по докладу

Вопрос. Существует ряд исследовательских вопросов, поставленных вами эксплицитно. Число авторов, рассмотренных вами, фиксировано. Я хочу спросить: влияет ли объем данных на разрешающую способность метода? Если вы выйдете за рамки этих авторов, будете ли вы иметь ряд дистрибуций одного и того же вида?

Ответ. Я полагаю, что следующим вопросом будет, станут ли результаты такого эксперимента лучшими? 25 авторов показывают хороший результат. Если авторы, не входящие в этот список, не покажут худший результат, то измерения «дельта» полностью надежны.

Вопрос. Рассматриваете ли вы «дельту» в качестве потенциально надежного инструмента при большом числе измерений без потери надежности?

Ответ. Я не уверен, насколько это транслируется на авторов. Чем больше текст, тем большее число идиосинкретичных слов, которые будут специфичны для романов, и это более «топикальная» информация.

Вопрос. Судя по вашим объяснениям, некоторая «дельта» более устойчива.

Ответ. Да, 90 %, и поэтому мы полагаем, что это совершенно надежный метод. Если я смогу его расширить, то интересно будет представить финальную надежную «дельту». Да, мы имеем надежный метод. Мы также применяем модификации, которые увеличат его надежность. Он валидизирован этими экспериментами. Это не такой мягкий метод, каким он может показаться.

Вопрос. Спасибо за выступление. Я недавно прочитал статью о дисперсии. Я анализировал перевод, переводной текст. Я анализировал его главы. Мне интересно, как вы планировали делать образцы. Потому что каждая глава демонстрирует вариации в отношении лексической плотности в значительной мере. Вы разрежали текст или как-то иначе формировали образцы? Это «мешок слов»?

Ответ. Я думаю, это «мешок слов», поскольку другие подходы нереалистичны. Это хорошо, поскольку отображаются основные вариации образцов романа, систематических изменений романа. Нам нужна тонко настроенная «дельта». Она должна работать, несмотря на стилистические различия. Что интересно, так это возможность соединения «дельты», Ngram и наиболее частотных слов. Вы всегда можете сказать, что большинство слов с данной характеристикой представляет лучшие результаты, чем один набор характеристик.

S. I. Krassa

Stavropol, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6699-2159

 E-mail: skrassa@yandex.ru.

First Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship Analysis (overview 3)

ABSTRACT. *The article provides an overview of the reports of the 1st Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship Analysis held by the International Association of Forensic Linguistics and the Centre for Digital Humanities at the University of Manchester on May 15, 2019. It includes the reports by Erica Gold, Lecturer on forensic speech at the University of Huddersfield “Probability coefficient in the Forensic Speech Science: Current Situation” and Stefan Evert, Professor of the University of Erlangen-Nuremberg “Statistical Significance in the Literary Authorship Attribution”. At the end of each report, there are questions to the speaker and answers to them. The first (fifth) report examines a situation where a sample of the speech of a known speaker from among the suspects and samples of the speech of an unknown speaker are compared. Usually two methods are combined: auditory (perceptual) and acoustic phonetic analysis; automatic (computer) speech recognition. It is proposed to use a probability coefficient when attributing the text, which expresses the degree of correspondence between the speech samples under consideration. The disadvantages of computer speech analysis include the arbitrary choice of reference groups, the lack of statistical information, and the need to take into account different aspects of texts (stylistic, communication channel, recording quality, etc.). The next report is devoted to stylometry and is based on the analysis of works of art. Relevant parameters for such studies include: sentence length, word length, frequency class; vocabulary richness; syntactic complexity; spelling; choice of synonyms. Different methods of statistical calculations including the Burrows’s delta are considered. The potential limitations of these methods are formulated (the influence of genre on style; applicability to small-volume texts; resistance to “noise”, for example, errors in automatic text recognition).*

KEYWORDS: round table; forensic authorship analysis; author profiling; stylometry; computer linguistics; core features of the style; forensic linguistics; forensic expertise; automatic text recognition.

TYPE OF PUBLICATION: *review*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Krassa Sergey Ivanovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Stavropol, Russia.*

FOR CITATION: *Krassa, S. I. First Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship Analysis (overview 3) / S. I. Krassa // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 196–203. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_19.*

REFERENCES

1. Burrows, J. F. 'Delta': a Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship / J. F. Burrows. — Text : unmediated // *Literary and Linguistic Computing*. — 2002. — Vol. 17 (3). — P. 267–287.
2. Forensic Authorship Analysis Roundtable. — URL: <https://www.eventbrite.co.uk/e/forensic-authorship-analysis-roundtable-tickets-59772040783#> (date of access: 27.10.2020). — Text : electronic.
3. Forensic Linguistics Roundtable Event / International Association of Forensic Linguists ; Centre for Digital Humanities, University of Manchester // YouTube. — Duration: 7:29:40. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZUfxdLstIOc> (date of access: 27.10.2020). — Image (moving; 2D) : electronic.
4. French, P. Comparing apples with apples, apples with oranges and apples with apples and oranges: the effects of (mis)matching reference population accents in ASR speaker comparisons : presentation / P. French, P. Harrison, V. Hughes, D. Watt, C. Llamas, A. Braun. — Text : unmediated // 27th Annual Conference of the International Association of Forensic Phonetics and Acoustics, University of Huddersfield, UK, 29 July — 1 August 2018.
5. Gold, E. International practices in forensic speaker comparisons: second survey / Erica Gold, Peter French. — DOI 10.1558/ijsl.38028. — Text : unmediated // *International Journal of Speech Language and the Law*. — 2019. — Vol. 26, No 1. — P. 1–20.
6. Gold, E. The 'West Yorkshire Regional English Database': investigations into the generalizability of reference populations for forensic speaker comparison casework / E. Gold, S. Ross, K. Earnshaw. — DOI 10.21437/interspeech.2018-65. — Text : unmediated // *Proceedings of Interspeech*. — Hyderabad, India, 2018. — P. 2748–2752.
7. Grieve, J. Attributing the Bixby Letter using N-gram Tracing / Jack Grieve, Isobelle Clarke, Emily Chiang, Hannah Gideon, Annina Heini, Andrea Nini, Emily Waibel. — DOI 10.1093/llc/fqy042. — Text : unmediated // *Digital Scholarship in the Humanities*. — 2018. — Vol. 34 (3). — P. 493–512.
8. Hughes, V. Interaction of social and linguistic constraints on two vowel changes in northern England / V. Hughes, B. Haddican, P. Foulkes, H. Richards. — Text : unmediated // *Language Variation and Change*. — 2013. — No 25 (3). — P. 371–403.
9. Hughes, V. Sample size and the multivariate kernel density likelihood ratio: how many speakers are enough? / V. Hughes. — Text : unmediated // *Speech Communication*. — 2013. — Vol. 94. — P. 15–29.
10. Hughes, V. The relevant population in forensic voice comparison: Effects of varying delimitations of social class and age / V. Hughes, P. Foulkes. — Text : unmediated // *Speech Communication*. — 2015. — Vol. 66. — P. 218–230.
11. Hughes, V. Variability in analyst decisions during the computation of numerical likelihood ratios / V. Hughes, P. Foulkes. — Text : unmediated // *Int. J. Speech Lang. Law*. — 2014. — Vol. 21 (2). — P. 279–315.
12. Jannidis, F. The Shape of Data in the Digital Humanities: Modeling Texts and Text-based Resources / F. Jannidis, J. Flanders (eds.). — London : Routledge, 2018. — 360 p. — Text : unmediated.
13. Juola, P. Authorship attribution / P. Juola. — Text : unmediated // *Foundations and Trends in Information Retrieval*. — 2006. — Vol. 1 (3). — P. 233–334.
14. Mosteller, F. Inference in an Authorship Problem. A Comparative Study of Discrimination Methods Applied to the Authorship of the Disputed / F. Mosteller, D. L. Wallace. — Text : unmediated // *Federal Papers*. *Journal of the American Statistical Association*. — 1963. — Vol. 58 (302). — P. 275–309.
15. Rose, P. A response to the UK Position Statement on forensic speaker comparison / P. Rose, G. S. Morrison. — DOI 10.1558/ijsl.v16i1.139. — Text : unmediated // *International Journal of Speech, Language and the Law*. — 2009. — Vol. 16 (1). — P. 139–163.
16. Rose, P. Forensic speaker discrimination with Australian English vowel acoustics / P. Rose. — Text : electronic // *ICPhs. XVI (Saarbrücken, Germany, 6–10 August 2007)*. — ID 1339. — P. 1817–1820.
17. Sacks, M. J. The Coming Paradigm Shift in Forensic Science / Michael J. Sacks, Jonathan J. Koehler. — DOI 10.1126/science.1111565. — Text : unmediated // *Science*. — 2005. — Vol. 309 (5736). — P. 892–895.
18. Stamatatos, E. A survey of modern authorship attribution methods / E. Stamatatos. — Text : unmediated // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. — 2009. — Vol. 60 (3). — P. 538–556.

А. Г. Пастухов

Орловский государственный институт культуры, Орёл, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6178-9098

 E-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru.

Новое в способах бытования текста: вариативное и динамическое

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию доктора филологических наук, профессора Воронежского государственного университета Л. И. Гришаевой «Варьирование текста в коммуникации» (Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. — 291 с. — ISBN 978-5-4292-0207-5). Монография аккумулирует в себе результаты многолетних исследований автора и ее научной школы, отражающие стремительное развитие лингвистики текста в начале XXI века. Будучи самостоятельной научной дисциплиной, данное теоретическое поле сформировало важную теоретико-методологическую основу, в том числе для ряда диссертационных исследований, результаты которых также отражены в данной монографии. Рецензируемый труд состоит из введения, пяти глав и заключения. В нем Л. И. Гришаева последовательно обосновывает концепцию варьирования текста, исходя из текстограмматических механизмов фиксации, активизации и трансляции сведений о мире. Детальное освещение в книге получили вопросы варьирования семантической и синтаксической структуры текста на микро- и макроуровнях. Учет многочисленных факторов, определяющих суть и «пределы» варьирования текста, позволил представить их в книге как широкий круг значимой для лингвистики текста, коммуникативной стилистики и медиалингвистики проблематики, находящейся на стыке этих дисциплин, объясняющих основные принципы членения информационного потока, адаптированного к параметрам коммуникативных ситуаций, способам и средствам культурного кодирования сообщений. Достижение отправителем речи прагматических и интенциональных эффектов в процессе коммуникации проиллюстрировано примерами наиболее репрезентативных типов немецкоязычных медиатекстов. Именно медиатекст с его мощным функциональным потенциалом гарантирует решение сложных коммуникативных и когнитивных задач, специфичных для разных языковых культур, что находит свое яркое и последовательное выражение в теоретическом фундаменте и прикладных аспектах рецензируемой книги.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; медиадискурс; медиатексты; язык СМИ; семантическая структура текста; синтаксическая структура текста; тип текста; варьирование текста; инвариант; бытование текста; текстовые трансформации.

ТИП ПУБЛИКАЦИИ: рецензия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Пастухов Александр Гаврилович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Орловский государственный институт культуры; 302020, Россия, г. Орёл, ул. Лескова, 15; e-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пастухов, А. Г. Новое в способах бытования текста: вариативное и динамическое / А. Г. Пастухов // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 204–211. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_20.

Всегда, когда берешь в руки новую книгу, оказываешься в плену ожиданий: о чём она, каково будет чтение, что нового предлагает автор. Подобная fascinация посетила и меня перед изучением монографического труда Людмилы Ивановны Гришаевой «Варьирование текста в коммуникации», а затем, по прочтении, побудила написать несколько строк анализа по результатам изучения данной книги.

Монография Л. И. Гришаевой, как сказано во введении, посвящена вопросам содержательного и формального варьирования текста под влиянием внешних и внутренних факторов. Такая широкая постановка исследовательской задачи предполагает рассмотрение ключевых закономерностей организации и бытования текста с учетом разнородных системных, субсистемных и суперсистемных связей. Существование этих связей и последующее понимание ва-

рьирования как фундаментального свойства текста присуще деятельности человека в самых разных ипостасях, а также языку и его единицам. Больше того, изучение проблемы вариативности позволяет понять, как человек, будучи носителем языка и культуры, в тех или иных условиях *избирательно* добивается реализации своих целей в процессе познания, коммуникации и речетворчества.

Почему вопрос о варьировании текста как динамического свойства возникает сейчас, в начале XXI в.? Ответ на это мы находим в одной из предыдущих работ Л. И. Гришаевой под красноречивым названием «Разрыв шаблонов?». Действительно, «конвенциональные, исторически сложившиеся типы текста не остаются в языковой культуре неизменными, раз и навсегда предопределенными, они меняются, причем изменения касаются как количественного, так и качественного аспекта трансформации

© Пастухов А. Г., 2021

на этапе организации и бытования текстов. В исторической ретроспекции очевидно, что количество типов текста неуклонно возрастает в связи с дифференциацией коммуникативного опыта носителей языка и культуры, либо при расширении функциональной сферы языка как средства познания и коммуникации, а также по мере специализации того или иного языкового средства на конкретную коммуникативную и когнитивную задачу» [Гришаева 2020а: 197].

Монография включает в себя пять глав, каждая из которых имеет самостоятельный и законченный характер. Все они позволяют читателю не только понять основную задумку автора, но и получить актуальный срез текстовой проблематики, принципов его организации, непротиворечиво объединяют в себе теоретический и иллюстративный материал различных научных школ, касаются вопросов лингвистики текста, текстовых типологий, медиатизации общественно-политической, научной и культурной повестки (*agenda setting*), её отражения в медиатексте. Пойти путем простого изложения содержания глав было бы слишком простым решением. Более разумным представляется изложить основные посылы автора в виде «верстовых столбов», фиксирующих основные грани проблемы — *варьирования текста*, заявленной в заглавии книги. Итак, отправимся в путешествие по страницам нового издания.

Бытование текста. Л. И. Гришаева известна в нашей стране как специалист самого широкого лингвистического профиля. И вовсе не случайно, что, в первую очередь, ее интерес как ученого при подготовке данной книги был обращен к грамматике текста, которая выводится под объединяющим термином *текстограмматические основы*. Подобное решение автора обусловлено необходимостью раскрыть всю объяснительную силу положений концепции вариативности на примере разнородного речевого материала, а также стремлением охватить в единстве и противопоставленности теоретический материал и практические приемы изучения текста, которые, заметим, весьма вариативно используют современные исследователи. Благодаря этому мы получаем возможность оценить важнейшие закономерности организации и *бытования* текста через понимание разнородных факторов, часть из которых пока еще не получила исчерпывающих описаний, прежде всего текстограмматических.

Чтобы описать бытование текста в культуре, считает Л. И. Гришаева, необходимо последовательно взять один из потенциаль-

но возможных вариантов некоего инварианта. При таком подходе способы организации текста определенного типа подтверждают или опровергают представления о том, как в семантическом, синтаксическом, функциональном отношении организован текст, как он становится способом фиксации результата решения коммуникантами с определенными параметрами коммуникативной и когнитивной задачи [Гришаева 2020: 108].

При этом учитывать приходится различные параметры, значимые для характеристики современного немецкого языка. Л. И. Гришаева, будучи превосходным экспертом в германском языкознании, обращает внимание читателя на формы существования языка (диалект, стандарт и т. д.), его бытования (письменная, устная, компьютерно опосредованная коммуникация), языковую культуру (немецкую, австрийскую, швейцарскую и т. д.), субкультуру (с соответствующими функциональными стилями), тип интеракции, функционально-стилистические варианты языка и др. [Гришаева 2020: 128—129]. Каждый из этих регистров характеризуется специфическим использованием языковых средств разного уровня: фонетических, лексико-семантических, морфологических, синтаксических, стилистических.

В обозначенном контексте тезис о том, что каждый текст есть реализация некоего конвенционального поведения в языковой культуре: образца, типа текста и т. п., — весьма значим в теоретическом и прикладном плане. Бытование типа текста предполагает обращение к его многочисленным вариантам, результатом чего будет появление, дифференциация функционала, исчезновение, консервация и т. п. исследуемого типа. В итоге речь идет о значительном обогащении функционального потенциала языка как культурного кода. Это естественным образом отражается в изменениях в процессе интеракции, в балансе между вербальными и невербальными кодами и, как следствие, в динамике всей текстовой ткани [Гришаева 2020: 161].

Варьирование: причины, подходы, пределы. Проблемное поле, которое занимает центральное место в монографии, связано с изучением принципов варьирования текста. Его можно детализировать и далее, однако это не соотносится напрямую с целеполаганиями нашего анализа. Дело в том, что в основу концепции книги Л. И. Гришаева положила тезис о естественной вариативности текста в содержательном, формальном и функциональном плане. Текст берется в качестве продукта речемыслительной деятельности носителей определенного языка и

культуры, объективируется сквозь призму коммуникативной ситуации, когда решение информационных и когнитивных задач происходит комбинированно с помощью гетерогенных языковых средств.

Именно при атомистическом подходе к изучению явлений вариативности в поле зрения исследователя оказываются более или менее однородные явления одного и того же уровня сложности. Согласно этому методу, процессы, значимые для постижения варьирования, релятивизируются на фоне максимальной по сложности естественной коммуникативной единицы — текста. В результате проявления варьирования единиц менее сложных, чем текст, интерпретируются как подчиненные по отношению к варьированию текста, что вовсе не мешает его пониманию как «содержательного, формального, функционального целого» [Гришаева 2020: 5]. Иными словами, осмысление общетекстовой проблематики становится возможным лишь при глубоком и детальном погружении во все общие и частные вопросы, в проблемы контекста, в выяснение сложно организованных связей разной природы, т. е. субсистемных, системных и суперсистемных векторов, которые в условиях реальной коммуникативной среды обнаруживают множество разнородных и многогранных зависимостей, пронизывающих ее.

Не сложно заметить, что в данном случае разнообразие подходов к феномену «вариативности» и непосредственный охват методов анализа обеспечивают необходимую широту спектра изучаемых явлений, а также «принципов исчисления факторов, обуславливающих само варьирование и пр. Важно и то обстоятельство, что значительное число сообщений сконцентрировано именно на анализе коммуникативных продуктов разной степени сложности» [Гришаева 2020: 7], равно как самого процесса коммуникации.

Информационные потоки, протекающие в определенной культурной среде во времени и пространстве, т. е. в хронотопе, в соотнесении с воспринимаемой информацией содержат образцы, или модели, обработки разнородных сведений о мире, которые активизируются при задействовании когнитивных усилий, т. е. при порождении и рецепции текста. Данный конвенциональный стандарт соответствующей лингвокультуры отсылает нас к необходимости осмысления всего порожденного комплекса сведений, т. е. линейных структур, которые трансформируются в иерархические связи и устанавливают отношения между частями и целым. Достаточно полное понимание воспринимаемой

информации, включая категоризацию, концептуализацию, интерпретацию и т. д. в процессе текстопорождения в отношении разнородных классов, типов и жанров текста будет иметь наибольшую значимость. Они будут ключом, открывающим дорогу к пониманию текста как средства трансляции и хранения сведений о культуре, как способа инкультурации единичного субъекта. По мнению автора, умение порождать и осмыслять, воспринимать тексты существенно влияет на «формирование личностной и коллективной идентичности носителей языка и культуры, превращаясь, по сути, в основу культурной памяти» [Гришаева 2020: 204].

Набор вариантов и принципов варьирования текстов следует, видимо, также увязывать с конкретным этапом развития языка как имеющего свои пределы, причем закономерные. Закономерности исчисления пределов варьирования текста обусловлены тем, что указанные ограничения тесно связаны с функциональным потенциалом, причиной обуславливающим особенности сферы функционирования языка на определенной стадии его развития, детерминирующим особенности «коммуникантов с их специфическими для конкретной эпохи познавательными и коммуникативными потребностями» [Гришаева 2020: 222].

Говоря о других пределах в части варьирования, необходимо сказать о том, что каждая конкретная интеракция погружена в сложную систему связей континуумов разного типа с их специфическими конфигурациями: пространственно-временная — деятельностная — дискурсивная (с уменьшением степени абстрактности).

В качестве промежуточного итога заметим, что термин «вариант» понимается как результат процесса варьирования, которое при динамическом и статическом подходе изучается с учетом содержательной и формальной точек зрения, а также при соотношении атомистического и холистического взглядов на проявление функциональных потенций культурного кода «язык». Вариативность в качестве свойства, присущего изучаемому феномену и проявляющаяся в содержательном, формальном, функциональном отношении, делимитирует текст как результат взаимодействия разнородных языковых средств, которые носители языка выбирают, исходя из множества изофункциональных факторов, внешних и внутренних по отношению к порождаемому и воспринимаемому тексту [Гришаева 2020: 258].

Тип текста как инвариант. Характеризуя далее важнейшие для современного со-

стояния атрибуты текста, Л. И. Гришаева переходит к ключевому понятию лингвистики и стилистики текста — «тип текста» — и определяет его как абстрактную единицу, ментальную схему, реализующуюся через когнитивно-дискурсивные процедуры в сочетании с текстограмматическими признаками. В процессе своего бытования в языковой культуре эти инварианты и связанные с ними принципы варьирования активно пополняются по мере развития и совершенствования опыта взаимодействия с другими носителями языка и культуры, а также с учетом особенностей языка.

Таким образом, каждый конкретный текст представляет собой лишь один из множества потенциальных вариантов одного и того же инварианта, т. е. *типа текста*. И это без преувеличения главный вывод автора, так как количество вариантов типа текста в языковой культуре равняется тому, сколько носителей языка участвуют в коммуникации и сколько раз тип текста актуализируется в конкретной интенции отправителя речи. «*Тип текста*, — пишет Л. И. Гришаева, — это некая абстракция от всех способов решения одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи, решаемой коммуникантами с разными характеристиками в разных коммуникативных условиях» [Гришаева 2019: 41].

Оба эти определения в синхронии связываются с довольно высокой степенью устойчивости как в содержательном, формально-композиционном отношении, так и с точки зрения функционального потенциала. При этом он (тип текста) отнюдь не исключает всевозможных трансформаций, приводящих впоследствии к существенным изменениям в организации текста, а также к смене конвенциональных образцов в использовании языковых средств [Schlosser 2018]. По сути, *типы текста* получают особый индуктивно-эмпирический статус, а это значит, что они обеспечиваются определенным минимумом конкретных наблюдаемых языковых и неязыковых признаков и соотносятся с обыденной («наивной») сферой коммуникации. И по этой причине «они могут и должны спонтанно распознаваться как таковые среднестатистическим носителем языка» [Чернявская 2005: 35].

Заметим, что к нынешнему моменту сложилось большое количество коммуникативно-речевых классификаций. В их основе лежит главенствующий принцип — иерархичности текстовой функции; ср.: класс текстов (Textklasse) — тип текста (Texttyp) — вид текста (Textart) — сорт текста (Textsorte). Однако следует признать, что трактовка этих

терминов до сих пор остается дискуссионной, а их русскоязычные эквиваленты (*тип текста, вид текста, сорт текста, класс текстов* и др.) и вовсе не являются общепринятыми. Еще в 2005 г. в отношении понятия «Textsorte» В. Е. Чернявская в качестве эквивалента предложила термины «род» или «сорт» текста. Но время показало, что буквальный перевод здесь не сработал, и подобрать абсолютно точный перевод, который соответствовал бы значению «Textsorte» в русском языке, оказалось весьма сложно.

В начале 2000-х гг. попытки типологического описания текстов в немецком лингвистическом жанроведении закрепили за термином *Textsorte* русский эквивалент *тип текста* как наиболее адекватный [Чернявская 2005: 31]. У отечественных германистов термин *Textsorte* (=TS) стал часто употребляться без перевода, но этим лишь подтвердилось доминирование национальной традиции [Бабенко 2019: 10]. В качестве ключевого момента концепция *Textsorte* коррелирует (опять же с опорой на приведенное выше определение Л. И. Гришаевой) с понятиями «абстракция», обозначая «ментальную схему, реализующуюся через когнитивно-дискурсивные процедуры», что допускает некое соглашение, сложившееся исторически в отношении использования (и изучения) текстов определенного внешнего вида и решения тем самым рекуррентных коммуникативных задач. Действительно, *Textsorten* считаются «условно допустимыми паттернами сложных языковых действий и могут быть описаны как типичные связи между контекстными (ситуативными), коммуникативно-функциональными и структурными (грамматическими и тематическими) признаками. Они исторически сложились в языковом сообществе, являются частью повседневного языкового знания участников коммуникации, имеют нормативный эффект, что облегчает их использование в коммуникации, давая тем, кто общается, более или менее фиксированные ориентиры в отношении природы производства текста и его восприятия» [Stein 2016: 30].

Канал коммуникации, тематика и жанр. Многообразие медийных предложений с текстолингвистических позиций подтверждает приоритет и центральное положение термина *Textsorte*, который в функциональном плане охватывает однородные классы текстов, находящихся иерархически на одном уровне. Очевидно, он еще долго будет оставаться операциональным ориентиром и ядром многомерных классификаций текста. Для понимания значимости любого из них

следует учитывать, что их функциональный потенциал реализуется в медиапространстве через разнообразные каналы коммуникации. И это немало способствует усилению воздействия на реципиентов, влияет на их деятельность в специфических условиях.

Данное обстоятельство необходимо учитывать, так как адресаты обращаются к чтению либо в информационных, либо в рекреационных целях. Анализ данных в отношении жанра рецензии [Довгань 2013] позволил проследить зависимость синтаксической и семантической макроструктуры *от канала коммуникации*: они оказываются максимально близкими. Рецензии в печатных и интернет-изданиях обнаруживают корреляции между синтаксической и семантической макроструктурой текста и каналом коммуникации [Довгань 2013: 20]. Они показывают, что свои усилия печатные и электронные издания направляют в те ниши и каналы, где порождение и построение текста происходит согласно устоявшемуся в культуре образцу с типичным набором перечисленных выше макрокомпонентов по принципам их сочленения в тексте, конвенциональным для конкретной языковой культуры [Гришаева 2020: 191].

В соответствующем разделе (4.2) понятию (определению) *жанра*, заявленного в содержании, уделено не так много места. Ведь при его идентификации исследователю приходится оперировать признаками, что уже отмечались выше в отношении типа текста. Среди них следует назвать в первую очередь *жанровую принадлежность / жанровость текста (Textsortenbezogenheit)*, которая является сущностной характеристикой, указывающей на то, что любой текст является носителем тех или иных типовых признаков, что определяет его место в едином медиарепертуаре и медиакоммуникации [Пастухов 2020: 1107]. Показанный (на примере рецензии) жанр удачно выведен как тематическая доминанта, абсолютно соотносимая с личностью автора рецензируемого текста, значимостью его (автора) для языковой культуры и литературного процесса [Гришаева 2020: 187]. Но главное, на наш взгляд, в определении жанра для какой-либо общественно релевантной системы — это его понимание как изобразительной техники, которая не является продуктом длительного пользования (иначе бы они (жанры) не могли иметь регулятивной функции). И в этом нет противоречия, ведь креативные формы жанра непрерывно изменяются; они отдают дань моде, что является стандартом коммерциализированной медиасистемы. Среди них частотными оказываются гибридные

формы, которые располагаются между средством информирования и развлечения, отчего во многих случаях журналистика становится ремеслом, требующим глубокого предметно-ориентированного знания [Пастухов 2019: 125]. Существует также мнение, что жанр (*Genre*) закреплен преимущественно за сферой фикционального, а тип текста (*Textsorte*) исключительно за сферой нехудожественных (институциональных, специальных, профессиональных) дискурсов, что объясняется, скорее, конвенциональными нормами. Н. С. Бабенко, например, указывает, что немецкий термин *Textsorte* по своей сути и смыслу наиболее полно соответствует «речевым жанрам / жанрам речи» [Бабенко 2009: 235].

Но терминологические расхождения в данном случае *не принципиальны*, они лишь указывают на то обстоятельство, что «жанр» в целом является более общим и важным с точки зрения культуры понятием, оттого не специализированным. Единица «*Textsorte*» в немецкой терминологии обнаруживает связь с потребительской сферой и обладает высокой степенью однозначности и специализированности, что, вместе с тем, не снимает сложностей в определении этого термина, сложившихся в последние десятилетия в рамках лингвистического жанроведения в России и Германии [Бабенко 2009: 235].

Говоря об однозначности и специализированности, нельзя не сказать о важных с точки зрения немецкой лингвокультуры попытках максимально полно представить жанровое пространство немецкого языка, составить перечень жанров как некую всеобъемлющую типологию. К. Адамчик каталогизировала в своей книге, посвященной *Textsorten*, 3945 немецких жанров разной стилистической принадлежности, включая исторические (уже вышедшие из речевого обихода) в рамках общенемецкой лингвокультуры [Adamzik 1995: 258—284].

Подводя итог, можно отметить, что использование термина «жанр» применительно к классам специальных текстов, обслуживающих профессиональные сферы человеческого бытия, вплоть до обсуждаемых здесь медийных форматов и медиасхем, позволяет лучше понять их место и роль в динамичных процессах реструктуризации медиасферы. Это не просто «шаблоны для упорядочения и разработки программы действий», а реновация обновленной программной повестки, что собственно и подтверждает необходимость актуальных фиксаций референциального пространства медиа и повторяющихся композиционных форм, позволяющих идентифицировать эк-

земплярный медиатекст, отличать его от других и т. п.

Текст и культурная идентичность. Говоря об инварианте, нельзя не сказать о конкретных проявлениях вариантов инварианта. Что здесь имеется в виду? Речь главным образом идет о том, что такое понятие, как «чувство языка», позволяет проникнуть в процессы установления взаимопонимания между различными носителями с помощью различных медиа, культурных кодов и дифференцированных языковых культур. Важным обстоятельством в этом ряду становится новый, комбинаторный ракурс анализа материала, в частности, использование связи *языка и культуры*. Л. И. Гришаева справедливо пишет, что в очевидное противоречие с новейшими способами использования языка как средства познания и коммуникации текст вступает не только в уже хорошо изученных и детально описанных коммуникативных пространствах, но и в новых, малоисследованных сферах. Тексты, выбираемые исследователем для демонстрации объяснительной силы той или иной концепции, могут обнаруживать различную степень жесткости следования конвенциям, сложившимся в языковой культуре. В этом смысле немецкие медиатексты не только очерчивают специфическую среду бытования, но и учитывают интенции адресатов с разными параметрами коллективной (культурной) идентичности. Их адресаты легко вычлениваются как носители культуры и (или) субкультуры, так как «тексты порождаются в условиях, для которых актуальна и особо значима диалектика единичного и коллективного, а адресанты действуют не столько по личным мотивам, сколько из общественно-значимых побуждений» [Гришаева 2020: 165].

В этой связи автор книги приходит к важному заключению: полифункциональность текста (ср.: информирование, предупреждение, призыв и т. п.) прослеживается во всех текстах и не зависит от характера медиаресурса и особенностей коллективной идентичности и картины мира коллективного субъекта, так как не имеет жесткой привязки к специфике культурного пространства. По мнению Л. И. Гришаевой, проблема варьирования в контексте «культурной идентичности» высвечивает новую, весьма важную зависимость семантической и синтаксической макроорганизации изучаемого (типа) текста. В зависимости от специфики лингвокультурного пространства (австрийское, немецкое, швейцарское), в тексте обнаруживаются не только описанные выше интегральные, но и дифференциальные признаки, которые можно записать в разряд тех,

что обуславливают варьирование. В конечном итоге, в лексическом, морфологическом и синтаксическом отношении значимыми оказываются те особенности, которые связаны со спецификой вариантов немецкого языка [Гришаева 2020: 171].

Итоги. Опираясь на проведенный анализ монографии Л. И. Гришаевой «Варьирование текста в коммуникации», можно заключить, что оппозиции «традиционное — инновативное», «аксиоматичное — дискуссионное», «верифицируемое — неверифицированное» и другие самым непротиворечивым образом позволяют выявить разделяемые большинством или признаваемые лишь немногими постулаты. Среди них на видном месте оказываются понятия «вариант», «инвариант», «вариативность», «варьирование», которые, вне всякого сомнения, для любого лингвистического анализа будут фундаментальными.

Выражаясь иначе, порождение, рецепция, бытование того или иного типа текста в языковой культуре зависит от особенностей личностной и коллективной идентичности субъекта познания и коммуникации, от культурной идентичности коллективного субъекта, от доминирующих на конкретный момент в обществе представлений о мире, от иерархии ценностных ориентаций.

Идеи, сформулированные Л. И. Гришаевой в рецензируемой монографии, позволяют, среди прочего, поставить ряд системных вопросов, требующих на данном этапе пристального внимания развития лингвистической мысли. Они привлекают исследователей вследствие важности изучения текстотипологической парадигмы и задают вектор в изучении текста как сложной, но закономерно организованной содержательной, формальной, интенциональной, функциональной и тематической целостности. По этой причине можно предположить, что среди читателей монографии окажется самый широкий круг специалистов: лингвисты, литературоведы, дискуртологи, журналисты, философы, культурологи, а также все те, кто интересуется порождением, рецепцией и интерпретацией текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Н. С. Textsortenlinguistik vs. лингвистическое жанроведение / Н. С. Бабенко. — Текст : непосредственный // Русская германистика : ежегодник Российского Союза германистов. Т. 5. — Москва : Языки славянской культуры, 2009. — С. 235—244.
2. Гришаева, Л. И. Факторы, обуславливающие варьирование типа текста / Л. И. Гришаева. — Текст : непосредственный // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. — 2019. — Т. 15. — Вып. 4 (46). — С. 34—59.
3. Гришаева, Л. И. Разрыв шаблонов? / Л. И. Гришаева. — DOI <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.204>. — Текст : непосредственный // Медиалингвистика. — 2020. — № 7 (2). — С. 193—

211.

4. Довгань, Н. В. Макротекстовая организация рецензии на литературное произведение в немецких печатных и электронных изданиях : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Довгань Н. В. — Воронеж, 2013. — 24 с. — Текст : непосредственный.

5. Пастухов, А. Г. Форма — жанр — формат: к проблеме типологического изучения актуальных медийных предложений / А. Г. Пастухов. — Текст : непосредственный // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти С. Г. Стерлигова (Нижний Новгород, 26–27 апр. 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Воскресенская. — Нижний Новгород : Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2019. — С. 122–129.

6. Пастухов, А. Г. Медиажанры и композиционно-речевые формы журналистики: связи и отношения / А. Г. Пастухов. — DOI <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115>. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2020. — Т. 22. — № 4. —

С. 1107–1115.

7. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. — 2-е изд. — Москва : КомКнига, 2005. — 128 с. — Текст : непосредственный.

8. Adamzik, Kirsten. Textsorten — Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie. B. 12 / Adamzik Kirsten. — Münster : Nodus Verlag, 1995.

9. Schlosser, Horst Dieter. Wenn Sprachgebrauch auf Sprachnorm trifft. Vom täglichen Umgang mit Ideal und Wirklichkeit / Schlosser Horst Dieter. — Text : unmediated // Der Sprachdienst. — 2018. — H. 1. — S. 19–30.

10. Stein, Stephan. Anwendungsperspektiven für die Textsortenlinguistik — Der Nutzen mehrdimensionaler bzw. holistischer Textsortenanalysen für die Sprachdidaktik / Stein Stephan. — Text : unmediated // Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analysen und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht / Hg. R. Freudenberg-Findeisen Hildesheim. — Zürich ; New York : Olms, 2016. — S. 27–45.

A. G. Pastukhov

Orel State Institute of Culture, Orel, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6178-9098

 E-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru

New Tendencies in Text Existence: The Variable and The Dynamic

ABSTRACT. *Review of the monograph of Doctor of Philology, Professor of Voronezh State University Ludmila I. Grishaeva "Variation of Text in Communication" (L. I. Grishaeva. Voronezh: Nauka-Unipress, 2020. — 291 p. ISBN 978-5-4292-0207-5). The monograph accumulates the results of a long-term research performed by the author and her scientific school that reflect rapid developments of text linguistics of the early 21st century. As an independent scientific discipline, this field represents an important theoretical and methodological basis, important also for dissertation research the results of which are included in the book. The monograph under review consists of an introduction, five chapters and a conclusion. L. I. Grishaeva skillfully substantiates the concept of text varying, proceeding from the textual-grammatical mechanisms of fixation, activation and translation of the information about the world. The book gives the detailed coverage to the issues of varying of semantic and syntactic text structure at micro and macro levels. Taking into consideration numerous factors that determine the "essence" and "limits" of text variation a wide range of topics significant for the text, communicative stylistics and media linguistics are considered in the monograph. They all lay at the intersection of disciplines and provide a deep explanation of how the principles of dividing the information flow, fit to various communicative situations, mean primly the cultural decoding and encoding of messages. Achievement of pragmatic and intentional effects by the speech sender in the communication process is illustrated by a number of relevant examples of the most representative types of German-language media texts. It is the media text with its maximum communicative and functional potential that reflects the fine tuning by the solution of communicative and cognitive tasks; it distinctively manifests the influence and role of language cultures, which are optimal for confirming or refuting the theory postulated in the book.*

KEYWORDS: *journalism; media linguistics; mass media; media discourse; media texts; mass media language; semantic structure of the text; syntactic structure of the text; type of text; text variation; invariant; text existence; text transformations.*

TYPE OF PUBLICATION: *review.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Pastukhov Aleksandr Gavriilovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Orel State Institute of Culture, Orel, Russia.*

FOR CITATION: *Pastukhov, A. G. New Tendencies in Text Existence: The Variable and The Dynamic / A. G. Pastukhov // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 204-211. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_20.*

REFERENCES

1. Babenko, N. S. Textsortenlinguistik vs. Linguistic Genre Studies // Germanic Studies in Russia. Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 5. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2009. — P. 235–244. [Babenko N. S. Textsortenlinguistik vs lingvisticheskoe zhanrovedenie. // Russkaja germanistika. Ezhegodnik rossijskogo Sojuza germanistov. T. 5. — M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2009. — S. 235–244]. — (In Rus.)

2. Grishaeva, L. I. Factors Causing Variation in the Text Type // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. — 2019. — Vol. 15. — 4 (46). — P. 34–59. [Grishaeva L.I. Faktory, obuslovlivajushhie var'irovanie tipa teksta // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2019. T. 15. Vyp. 4 (46). — S. 34–59]. — (In Rus.)

3. Grishaeva, L. I. Breaking Patterns? // Media Linguistics. — 2020. — No. 7 (2). — P. 193–211. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.204>. [Grishaeva L. I. Razryv shablonov? // Medialingvistika. 2020. №7 (2).— S. 193–211. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.204>]. — (In Rus.)

4. Dovgan, N. V. Macrotext Organization of Reviews of a Literary Work in German print and electronic Editions : Autoreferat of Dis. ... Cand. Philol. Sciences. — Voronezh, 2013. — 24 p. [Dovgan' N.V. Makrotekstovaja organizacija recenzii na literaturnoe proizvedenie v nemeckih pechatnyh i jelektronnyh izdaniyah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2013. — 24 s.]. — (In Rus.)

5. Pastukhov, A. G. Form — Genre — Format: on the Problem of Typological Study of actual Media Proposals // Languages and Cultures: Functional-communicative and Linguo-pragmatic As-

pects : Book of Collected Papers, dedicated to the Memory of S.G. Sterligov, Nizhny Novgorod, April 26—27. 2019 / ed.: N.A. Voskresenskaya. — Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod State University “Nikolay Lobachevsky”, 2019. — P. 122—129. [Pastukhov A. G. Forma — zhanr — format: k probleme tipologicheskogo izuchenija aktual'nyh medijnyh predlozhenij // Jazyki i kul'tury: funkcional'no-kommunikativnyj i lingvopragmaticeskij aspekty: Sb. statej mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. pamjati S.G. Sterligova, Nizhnij Novgorod, 26-27 apr. 2019 / Otv. red. N.A. Voskresenskaja. — N. Novgorod: Nizhegorodskij gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo, 2019. — S. 122—129]. — (In Rus.)

6. Pastukhov, A. G. Media Genres and Compositional Speech Forms of Journalism: Connections and Relationships // Bulletin of the Kemerovo State University. — 2020. — Vol. 22. — No. 4. — S. 1107—1115. — DOI <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115>. [Pastukhov A. G. Mediažhanry i kompozicionno-rechevyje formy žurnalistiki: svjazi i otnoshenija // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2020. — T. 22. — № 4. — S. 1107-1115. DOI <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115>]. — (In Rus.)

7. Chernyavskaya, V. E. Interpretation of a Scientific Text. Tutorial. — 2nd ed. — M. : KomKniga, 2005. — 128 p. [Chernjavskaja V. E. Interpretacija nauchnogo teksta. Uchebnoe posobie. 2-e izd. — M.: KomKniga, 2005. — 128 s.]. — (In Rus.)

8. Adamzik, Kirsten. Textsorten — Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie. B. 12 / Adamzik Kirsten. — Münster : Nodus Verlag, 1995.

9. Schlosser, Horst Dieter. Wenn Sprachgebrauch auf Sprachnorm trifft. Vom täglichen Umgang mit Ideal und Wirklichkeit / Schlosser Horst Dieter. — Text : unmediated // Der Sprachdienst. — 2018. — H. 1. — S. 19—30.

10. Stein, Stephan. Anwendungsperspektiven für die Textsortenlinguistik — Der Nutzen mehrdimensionaler bzw. holistischer Textsortenanalysen für die Sprachdidaktik / Stein Stephan. — Text : unmediated // Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analysen und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht / Hg. R. Freudenberger-Findeisen Hildesheim. — Zürich ; New York : Olms, 2016. — S. 27—45.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018 (см. образец).

- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>).
 - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08. — Text : unmediated // The Reference Librarian. — 1997. — Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов. — Текст : непосредственный // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с. — Текст : непосредственный.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Саратов. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с. — Текст : непосредственный.

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2006. — 494 с. — Текст : непосредственный.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов, В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке : специальность 05.25.05 «Информационные системы и процессы» : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Глухов Виктор Алексеевич ; Институт научной информации по общественным наукам Рос. акад. наук. — Новосибирск, 2000. — 18 с. — Место защиты : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. — Текст : непосредственный.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин, В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. ... канд. полит. наук / Фенухин Владимир Иванович ; Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — Москва, 2002. — 162 с. — Текст : непосредственный.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : ИМЭМО, 2007. — 39 с. — Текст : непосредственный.

ПАТЕНТЫ

Патент № 2122745 Российская Федерация, МПК G02B23/12, G02B26/06. Оптико-электронный аппарат : заявл. 02.07.1996 : опубл. 27.11.1998 / Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. ; заявитель ВНЦ «ГОИ им. С. И. Вавилова». — 1 з. п. ф-лы : ил. — Текст : непосредственный.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с. — Текст : непосредственный.

Марьянских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьянских. — Текст : непосредственный // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. библиотека, Центр правовой информации. — [Санкт-Петербург], 2005— . — URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/> (дата обращения: 18.01.2007). — Текст : электронный.

Логонова, Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей / Л. Г. Логонова. — Текст : электронный // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. интернет-журн. — 2003. — 21 нояб. — URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

Российская национальная библиотека : официальный сайт. — Санкт-Петербург, 1998— . — Обновляется в течение суток. — URL: <http://www.nrl.ru/> (дата обращения: 20.02.2007). — Текст : электронный.

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник. — Текст : электронный // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2021. ВЫПУСК 2 (86)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.

Подписано в печать 27.04.2021. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 30.04.2021.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 25,3. Усл. печ. л. — 25,0. Тираж 500 экз. Заказ 5222.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me